Ольга Анатольевна Володарская

ISBN 978-5-9533-5534-6

Граф Сен-Жермен

Аннотация

Его считают пророком. Кудесником, магом и алхимиком, подчинившим себе силы природные. Человеком, который никогда не умирал, потому что владел эликсиром бессмертия. Баснословным богачом, чьи безупречные бриллианты были лучше королевских. А может быть, он был аскетом, который никогда не грешил чревоугодием и был весьма неприхотлив и скромен в быту? Или человеком необычайного кругозора, владеющим обширными познаниями чуть ли не из всех областей науки? Или предпринимателем, промышленником, который щедро делится своими производственными секретами и рецептами? Или путешественником, «гражданином мира», который объездил чуть не весь свет и везде был как дома? Или проходимцем, авантюристом, ловким шарлатаном, дурачившим доверчивых людей сказками о своем якобы высокородном происхождении? Или посвященным высшей ступени, бессмертным розенкрейцером, масоном, тамплиером — членом тайных лож и секретных орденов, которые много веков невидимо вершат историю Европы и Нового Света? Да-да, все это он. Тот, кто вошел в историю как граф Сен-Жермен

Граф Сен-Жермен

«Монсеньор,

Не будете ли Вы так добры уделить несколько минут тому, что я намереваюсь ныне открыть Вам…»

Граф отложил в сторону перо и задумался. Мысли постепенно уносили его все дальше от действительности. Конечно, будущего никому не дано знать. Но неуемная жажда заглянуть в то, что еще не настало, живет в каждом, потому-то так падки люди на всякого рода прорицателей, гадалок, оракулов и прочих ясновидцев, которые говорят о том, что еще не пришло, так уверенно, как будто оно уже свершилось. А потом, когда проходит время, и подчас очень много времени, люди записывают их предсказания. Предсказания о том будущем, что на момент записи уже стало прошлым. А молва подхватывает их и передает из уст в уста. И конечно же, это исполнившиеся предсказания. Правда, по прошествии времени они уже не так свежи в памяти записывающего, и она невольно подправляет воспоминания. И в предсказаниях появляется та определенность, какой они первоначально вовсе не имели. Пылкое воображение рассказчика еще расцвечивает коротенькое предсказание живыми деталями, а у каждого нового пересказывающего оно обрастает все новыми и новыми подробностями, немыслимо далеко отклоняясь от скромного оригинала…Услужливый ум подсказывает точные приметы, почерпнутые из недавнего опыта, и предсказание приобретает характер непреложной истины, верной до малейшей черты и неотвратимой.

А это совсем не так! Ведь будущее — это множество возможностей, это «может быть», а не «будет». И от очень многих воль зависит, какая же из возможностей станет действительностью. Надо выбрать и иметь смелость следовать своему выбору до конца, не отступая. Путь выбран, жребий брошен!

…Да, но за одним выбором последует нескончаемая вереница других новых и новых выборов. Как в магическом стекле калейдоскопа: один малейший поворот, одно крохотное движение — и узор совершенно иной, непохожий на предыдущий, и прежнего не вернуть. А замереть, остановиться, прервать это бесконечное круговращение невозможно.

Но выбор не фатально предопределен. И хоть к одному главному выбору ведет долгий путь менее важных выборов, всегда на распутье, на точке поворота приходит помощь. И чем труднее сделать выбор, тем значимее эта помощь. Совет, предостережение, пример из другой жизни или история из другой эпохи, притча, порою всего одно слово… Это никогда не будет прямое указание, что делать, запрет или приказ. Но это будет пища для размышления, чтобы мысли приняли совсем иное, неожиданное направление, и внутри самого человека, в его сердце, родилась истина, как озарение, как свет воссиявший.

…Как легко решить, что человеком или человеками кто-то управляет! Кто-то незримый, непознаваемый, чья природа неизмеримо выше человеческой. Или что-то, не имеющее рода, атрибутов, признаков, не поддающееся определению? Некая сила, которую люди зовут Провидением, или Высшей Волей, или Высшим Разумом, или Верховным Божеством. Слушай это высшее существо и покоряйся его воле? А если она неявная? Как узнать, в чем состоит эта Высшая Воля? Молиться? А если молитвы остаются бесплодными, на них нет ответа? Прибегать к посредникам, которые лучше умеют понимать волю Божью? А если святые отцы дают разноречивые ответы, и ни один из них не кажется приемлемым, молчит и внутренний голос, и сердце не дает на это одобрения? Тогда где искать ответ? Опять же вопрошать пророков и гадателей? А как истолковать их темные и смутные пророчества?

Порой возникает вопрос: почему не сбывается пророчество? Пророк просто ошибся, и предсказание было неверным? И что значит — ошибся? Нечетко расслышал «глас глаголющий» свыше? Или не так его истолковал и, вместо того, чтобы служить «устами Бога», провещал Божественную истину устами человеческими, исказив или извратив ее?

И пророчество перестало быть Божественной истиной, а стало всего лишь одной из гипотез, причем неудачных.

И вообще, что такое пророчество? Это предугаданный результат, тот результат, который должен получиться, исходя из данных исходных условий. А если некоторые условия неизвестны, это та самая переменная, математический икс, значение которого пока не вычислено? Тем более если в уравнении приходится оперировать несколькими неизвестными. Неверно подставленное значение одной из переменных сводит на нет весь тонкий и хитроумный расчет, и в итоге выходит вовсе не то, что требовалось доказать в ответе к задаче.

А если развить сравнение и вместо математических формул взять за основу химические и уподобить пророчество тому эмпирическому результату, который должен получиться по данной формуле из данных ингредиентов? Что до того, что ранее опыт, как это требуется строгими научными критериями, был многократно повторен разными учеными независимо друг от друга и во всех случаях давал один и тот же расчетный результат! А вот в данном случае полученный результат не совпал с предсказанным из-за некоей непредсказуемой случайности. Пробирка, или реторта, или колба, или другой химический сосуд был не чисто промыт, в нем присутствовали невидимые глазу следы от предыдущего эксперимента, всего лишь самая малость, но эта крохотная примесь кардинально изменила результат эксперимента и поставила в тупик и самого экспериментатора, и свидетелей его опыта. Что такое пророчество? Это предсказание ожидаемого результата для стерильно чистой посуды и стерильно чистых ингредиентов. Малейшая погрешность — и результат обескураживает. Или наоборот, как в сказке про Карлика Носа, повар не добавил в блюдо всего лишь одну-единственную травку — и вот уже вкус совсем не тот, которого желал гурман-герцог, а незадачливому повару грозит плаха.

…Вот и его считают пророком. Провозвестником грядущих бед и несчастий. Людям почему-то запоминаются только недобрые вести о будущем, предсказывающие грозные беды. Интересно, право, каким же он останется в памяти современников и какой образ донесут они до далеких потомков? Вестником горя, пророком недальновидности людской, гневным бичевателем тех, кто завел страну в пучину бедствий? Или кудесником, магом и алхимиком, подчинившим себе силы природные? Или человеком, который никогда не умирал, потому что владел эликсиром бессмертия, а свою смерть инсценировал? Или баснословно богатым человеком, чьи безупречные бриллианты были лучше королевских? Или аскетом, который никогда не грешил чревоугодием и был весьма неприхотлив и скромен в быту? Или человеком необычайного кругозора, владеющего обширными познаниями чуть ли не из всех областей науки? Или талантливым композитором и музыкантом, сочинившим немало грациозных вещиц и виртуозно владевшим скрипкой? Или художником и ценителем искусства, который заставлял драгоценные камни на своих картинах сиять как настоящие, сам превосходно разбирался в живописи и владел подлинным Рафаэлем? Или предпринимателем, промышленником, который щедро делится своими производственными секретами и рецептами и берет под свое покровительство других изобретателей? Или путешественником, «гражданином мира», который объездил чуть не весь свет и везде был как дома, бегло и непринужденно говорил на местном языке, как уроженец страны, и был вхож в дома самых высокопоставленных вельмож и правителей? Или необыкновенно одаренным существом, чьи таланты и умения столь высоко превознеслись над тем, что природой отпущено ординарной посредственности, а потому вызывают столько злобной зависти и клеветы, желания осмеять и очернить? Или проходимцем, авантюристом, ловким шарлатаном, дурачившим доверчивых людей сказками о своем якобы высокородном происхождении, хвастуном, беззастенчиво преувеличивавшим свои более чем скромные данные? Героем памфлетов, забавных историй, сплетен, анекдотов и пустых россказней, которыми потчуют слушателей, когда ни о чем серьезном говорить не могут?

Или посвященным высшей ступени, бессмертным розенкрейцером, масоном, тамплиером — членом тайных лож и секретных орденов, которые много веков невидимо вершат историю Европы и Нового Света? Или Учителем, Владыкой Желтого Луча и Фиолетового Пламени, высшим существом, посланцем тех верховных сил — «Верховной Иерархии» Учителей Мудрости, что правят миром, ведают его судьбами и вершат высший суд над человечеством?

Да-да, все это он. Тот, кто вошел в историю как граф Сен-Жермен.

Глава 1

Корреспондент Ханса Слоуна

Был конец ноября. Стояла обычная для этого времени года промозглая сырость, серое небо хмурилось, и вскоре из низко нависших над островерхими крышами туч посыпался колкий снежок. Скудный свет с улицы едва освещал многочисленные фолианты на плотно заставленных полках, рядами заполнивших кабинет вдоль всех четырех стен и доставáвших до самого потолка, тускло отсвечивало золотое тиснение на кожаных корешках. Лондонский антиквар и страстный собиратель редких книг Ханс Слоун положил перед собой письма, полученные с утренней почтой. Одно из них привлекло его внимание. Оно было из-за границы. Отправлено из Голландии, написано по-французски. Антиквар перевернул листок: подпись и имя приславшего письмо были совершенно ему незнакомы. Хм, интересно, интересно…

Он стал читать строки, написанные убористым мелким почерком:

«Гаага, 22 ноября 1735 г.

Сэр,

Давно зная Ваше пристрастие к редким книгам и ту заботу, которую Вы проявляете о постоянном пополнении Вашей прекрасной и обширной библиотеки, я подумал, что доставлю Вам удовольствие, рассказав об одной чрезвычайно редкой и необычной книге; это копия второй в мире книги, напечатанной подвижными литерами. Первой такой книгой, как Вам, несомненно, известно, была «Латинская Библия», о которой в 1450 г. говорит в своих «Annales Hispagnienses» Тритем, после него об этой книге также упоминают Мастер Шевилье, Мэртер и многие другие. Вторая книга, как раз та, о которой идет речь и которую я могу для Вас достать, — это Catholicon Joannis Januensis; о ней не известно никому из библиотекарей, кроме отца Кветифа и отца Эшара, которые именно это сообщают о ней в своих Scriptores Ordinis Praedicatorum recensiti, том 1, стр. 462, в чем Вы можете сами убедиться: altera («другая» — лат.); а первым печатным изданием была та же самая книга, набранная на деревянных блоках, что явилось первой настоящей работой Гутенберга, Фуста и Шеффера; за ней последовала «Латинская Библия», набранная в подвижных литерах: altera ex Arte Typographica tum perfecta, tarnen absque Numeris, Signaturis, Reclamationibus, Anno Loco; Nomine Typotheace; absque Litteris etiam initialibus, quae omnes additae et pictae: quam Noguntiae prodijsse conjiciunt. Extat ejusce Exemplaar Parisiis, in Genovaafira Bibliotheca, in folio maximo, Charta Regia.[1]

Копия, которая у меня есть, в точности соответствует этому описанию, и совершенно очевидно, что она из Майнца и вышла из-под пресса трех первопечатников, сделавших «Библию» и «Мир», так как бумага, на которой она напечатана, имеет такие же значки, как и та, на которой Шеффер, уже работая в одиночку, напечатал свой Decretum Gratiani в 1472 г. Шрифт этой книги имеет точно такую же форму, но размер его немного меньше, чем у шрифта «Латинской Библии» 1462 г., а страницы книги значительно выше и шире, причем каждый столбец содержит 65 строк, тогда как столбцы «Библии» — только 48 [sic]. Доказательством того, что этот Catholicon старше «Библии», может служить тот факт, что в нем есть только один-единственный знак препинания — точка, там, где в книге автор разделяет знаки на запятую, или точку с запятой сверху; двоеточие или точку без запятой; и Periodum, или точку с запятой внизу; тогда как в «Библии» 1452 года повсюду встречаются точка, две точки, вопросительный знак и т. д.

---

[1] Другое весьма великолепное произведение типографского искусства, содержащее, кроме того, числа, подписи, возражения, год и место издания, имена типографов; а помимо этого литеры и инициалы заглавные, кои все снабжены орнаментом и раскрашены; а произведено сие в Ногунтии (?). Предназначено в Париж, библиотека Св. Женевьевы, размер in folio maximo, королевский пергамент (лат.).

Таким образом, очевидно, что эта книга была закончена несколькими годами ранее, еще до начала в 1455 г. судебного процесса между печатниками, и до того, как они начали датировать выпуски своих книг; самая ранняя из всех датированных книг, «Латинская Псалтирь», была напечатана Фустом и Шеффером в 1457 г., до нее печатники, с того самого времени, как они начали работать отдельно от Гутенберга, даты на свои книги не ставили. Здесь я изложил для Вас историю этой публикации.

Копия, которая у меня есть, в прекрасной сохранности, переплет ее деревянный, обложка из тисненой свиной кожи, вся усеяна лилиями, каждая из которых окружена четырьмя розетками и бриллиантами, расположенными в виде тройных полос, пересекающихся друг с другом крест-накрест по диагонали по всей высоте тома; эти полосы сами окружены рамкой или бордюром из драконов, которые разделены длинной зигзагообразной полосой; на этой обложке когда-то были уголки и выступы, следы от которых все еще видны. Книга имеет вид старинной из-за своего обреза, сама же она прямоугольная и разлинована не только, как обычно, по полям вокруг каждой страницы, но и особенным образом — возле каждой строки; инициалы-буквицы, стоящие в начале глав и предложений, украшены цветами и листьями, раскрашены киноварью и лазурью, а буквы в начале всех заголовков этой «Энциклопедии», количество которых несчетно, от первой до последней раскрашены попеременно теми же цветами. Два тома ин-фолио образуют книгу чрезвычайного размера и толщины. В ней, в отличие от большинства старинных книг, внешний вид которых испорчен рукописными вставками, нет ни одного написанного от руки слова.

Такова, сэр, книга, о которой я имею честь писать Вам и по поводу которой я не осмелился бы Вас беспокоить, но думаю, что эта вещь, редкостная и необыкновенная, целиком заслуживает того, чтобы занять место в столь известной и прославленной библиотеке, как Ваша. Для того, чтобы Ваши доверенные лица могли ознакомиться с ней, я позволю себе указать после подписи мой адрес.

Ваш почтительный и покорный слуга, П. М. де Сен-Жермен в доме вдовы Венсан, в Nieue-laan, что в de Twyn-laan Гаага, 22 ноября 1735 г.

Эту книгу можно найти исключительно в библиотеке Св. Женевьевы, в Париже».

Ханс Слоун отложил письмо в сторону. Пожалуй, он не станет посылать никаких доверенных лиц за море в Гаагу, чтобы купить эту диковину у человека, чье письмо показалось ему каким-то подозрительным. Вне всяких сомнений, тот, кто его написал или продиктовал своему секретарю — а если он действительно граф, как явствует из подписи, который может себе позволить остановиться в фешенебельном предместье Гааги, то у него должно быть довольно прислуги и наверняка есть личный секретарь — любит старинные книги. Если же он любитель древностей и неплохо разбирается в инкунабулах, заполучить одну из которых в свою коллекцию мечтает любой библиофил, то как же страсть коллекционера позволяет ему столь легко расстаться с ценнейшим экземпляром из своего собрания?

Слоун вынул из потайного ящика свою гордость — каталог, где есть и про «Библию» Гутенберга, открыл… Так и есть: неизвестный ошибся, в ней вовсе не 48 столбцов, а только 42. Потому-то знатоки и зовут ее 42-строчной Библией. Значит, он никогда не держал ее в руках, а лишь читал о ней. И остальные сведения о первопечатниках и публикации книги как-то отрывочны и поверхностны для такого высокообразованного человека, каким он желает себя выставить. Нет, он, конечно, осведомлен об истории первопечатных книг, ему знакомы и имена ученых библиотекарей, но что-то тут не так. Он или дилетант, или… А может быть, это подделка, с помощью которой некий авантюрист желает выманить у него кругленькую сумму? Впрочем, он же откровенно пишет, что у него имеется копия, а оригинал можно найти только в Парижской библиотеке Св. Женевьевы. И латынь его слишком безукоризненна для авантюриста… Странно все это!

Есть и другие несообразности. Граф так расхваливает свою книгу, всячески подчеркивает ее уникальность и пр. А ведь у него, Ханса Слоуна, «Католикон» есть. Ну да, вот он, рядом с другими манускриптами родом из XV века. Правда, это не первопечатная книга, а рукописный список на пергаменте. Это энциклопедия, словарь-глоссарий Summa grammaticalis quae vocatur Catholicon, написанный для «правильного» понимания Библии. Сей колоссальный труд составивший его монах-доминиканец Джованни Франческо Бальби из Генуи (Johannes Januensis de Balbis) закончил 7 марта 1286 года. Потом труд отца Иоанна Бальбуса переписывали сотни трудолюбивых монахов в скрипториях многочисленных католических обителей по всей Европе. Особенно любили этот универсальный справочник в Баварии и в Силезии. Вот и его рукописный экземпляр происходит из уничтоженного Реформацией в 1548 году монастыря картузианцев в Легнице[2] в Нижней Силезии и датирован 1418 годом. Поэтому, наверное, популярный «Католикон» и был выбран печатниками, чтобы стать первой большой печатной книгой нерелигиозного содержания. Ну-ка, ну-ка, в каталоге вроде было ее подробное описание… А, вот! «Печатная книга состоит из 373 страниц, напечатанных в две колонки довольно непримечательным шрифтом Gothic Antiqua. Буквы мелкие, но хорошо читаемые, только слегка стилизованы под готическое письмо. На странице две колонки, в каждой колонке по 66 строк, каждая по 40 литер». Эта книга была, если можно воспользоваться таким выражением по отношению к произведению XV века, широко распространенной. Копия с первого издания имелась, например, в библиотеке Христофора Колумба.

Графа могло ввести в заблуждение то, что, как он заметил, книга была напечатана более ранним шрифтом, чем Гутенбергова «Библия» … Иоганн Гутенберг работал над печатанием «Библии» вместе с двумя другими мастерами, Иоганном Фустом и Петером Шеффером. Позднее эти двое отделились от него и предъявили ему судебный иск. «Католикон» был напечатан в Майнце в 1460 году, спустя четыре года после выхода «Библии». Хотя существует много доводов в пользу того, что печатание этой книги можно приписать Гутенбергу, но твердой уверенности в этом все еще не существует…

Нет, определенно, он не будет отвечать этому графу, который, тем более, не указал своего полного имени. Может, это вымышленное имя?

И Ханс Слоун спрятал письмо в свой обширный архив.

…Он не мог знать, что в 1973 году очень похожая на это описание книга с переплетом из свиной кожи была продана на аукционе за 34 000 фунтов, а значит, это вполне могла быть та самая книга…

---

[2] Легница — крупный город в Нижнесилезском воеводстве в Западной Польше. Одна из столиц Силезского княжества первой польской княжеской и королевской династии Пястов. В 1248 году стал столицей независимого Легницкого княжества. Монастырь картузианцев основан в 1423 году, уничтожен в 1548 году. После пресечения Лигницкой ветви Пястов со смертью 15-летнего князя Георга-Вильгельма I, в 1675 году отошел к Австрии и был в ее составе до 1742 года, затем отошел к Пруссии.

Глава 2

Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам…

1739 год. Во всех странах своего зарубежного вояжа путешественники из Альбиона считали своим долгом нанести визит соотечественникам, представлявшим родину в этой стране. Но сегодняшнее посещение британской дипмиссии тяготило его и заставляло сожалеть о предпринятом визите и потраченном на это времени. Поэт Томас Грэй явно скучал. Его взгляд рассеянно скользил по драпировкам, гобеленам, коврам. Он давно не следил за беседой и даже не делал вид, что предмет беседы его занимает. Зато эти двое, два Горацио, упивались обществом друг друга. Один вещал, другой слушал, как завороженный. Рассказ тянулся бесконечно, плавно переходя от одной темы к другой, делая зигзаги, иногда уклоняясь от основной нити, иногда возвращаясь к сказанному, которое вдруг давало повод углубиться в пропущенные подробности. О, рассказчик знал столько, а о скольких вещах красноречиво умалчивал, как это свойственно дипломатам…

Горацио Манн сызмала стремился пробиться в благородное сословие и подвизаться на более достойном поприще, нежели его отец. Презренная коммерция его не интересовала, хотя именно благодаря капиталам отца, успешного торговца из Челси, он и смог поступить в Итонский колледж, а затем и в Кембридж. Ну а уж оттуда открывалась прямая дорога к карьере, а затем и к титулу. И слабое здоровье не стало помехой. Наоборот, поездив по Европе для поправки здоровья, к тридцати годам он определился. Честолюбивый Горацио избрал дипломатическую стезю, которая в 1755 году и принесет ему желанный титул баронета. Как раз в феврале 1737 года британский министр в Великом герцогстве Тосканы Чарльз Фейн взял способного молодого человека секретарем в дипмиссию. Этот шаг оказался верным выбором и определил течение всей его дальнейшей жизни. Уже через год он — поверенный в делах Британии во Флоренции, а благодаря гостеприимству и щедрости его открытого для британских посетителей дома его имя известно по всему Апеннинскому полуострову. А его склонность к представителям своего, а не противоположного пола, которая почти испортила было его репутацию для пуританского Лондона, здесь, в Тоскане, никого не шокирует. Всем ведь известно, что последний Великий герцог и его старший брат тоже были любителями мальчиков, вот потому-то славный род Медичи и обречен на угасание без наследников мужского пола. Последняя из Медичи, палатина Анна-Мария Луиза, вдова Иоганна Вильгельма II, курфюрста Пфальцского, тоже осталась бездетной в браке с мужем-сифилитиком и вот уже двадцать лет тому назад вернулась из Дюссельдорфа назад, в родительское гнездо.

— Я, — рассказывал Горацио своему благодарному слушателю, — начал свою службу в Тоскане в поворотный год ее истории. Спустя несколько месяцев после поступления в дипмиссию, 9 июля 1737 года, Великий герцог Джованни Гастоне умер, и не очень-то ладившей с ним сестре перешло все баснословное богатство Медичи, в том числе сокровища искусства, которые династия собирала и копила без малого триста лет своего правления в Тоскане. Но не власть над Тосканой, право на престол которой так хотел передать дочери, своему среднему ребенку в обход младшего сына, Козимо III в написанном за шесть дней до своей кончины 25 октября 1723 года распоряжении. Судьбы Тосканы решали уже не ее Великие герцоги, это был вопрос европейского масштаба. Еще 4 апреля 1718 года Англия, Франция и Голландская республика (а затем и Австрия) выбрали Дона Карлоса, старшего ребенка Элизабет Фарнезе и Филиппа V Испанского, наследником тосканского престола. Когда Великим герцогом Тосканским стал Джованни Гастоне, он признал в качестве своего наследника Дона-Карлоса Испанского. И с 1731 года в подтверждение его намерений в Тоскане стояли испанские войска. Но ведь европейская большая политика так изменчива!

Это бесконечные компромиссы, династические браки, интриги, войны, в результате которых одни территории выменяваются на другие, короли и курфюрсты отказываются от своих владений в надежде занять троны более могущественных держав, разрушаются прежние альянсы и создаются новые. А за наследство когда-то сильных, а ныне захиревших держав бьются другие монархии, то воюя и силой оружия вырывая друг у друга лакомые куски, то торгуясь за итоги войны. Вот и в ходе Войны за польское наследство 1733–1735 годов для Великого герцогства Тосканского все опять несколько раз поменялось, пока император Священной Римской империи Карл VI не заявил окончательно и бесповоротно, что Тоскана должна отойти к его дочери — Марии-Терезии. В октябре 1735 года Франция, Англия, Голландия и Австрия по предварительному мирному договору пришли к соглашению, что после смерти Джованни Гастоне Тоскана должна перейти к Марии-Терезии, но при этом ей надлежало стать супругой герцога Франциска (Франца Стефана) Лотарингского, а он должен был отказаться в пользу Франции от наследования Лотарингии (после смерти польского «короля без королевства» и будущего последнего герцога Лотарингского Станислава Лещинского) в обмен на наследование Тосканы. Свадьба состоялась 12 февраля 1736 года. И в январе 1737 года теперь уже называющийся Габсбургско-Лотарингским императорский дом направил в Тоскану армию численностью даже не 50 000, а все 60 000 человек, которых тосканцы ненавидели и с презрением звали «лотарингцами». Джованни Гастоне умер 9 июля 1737 года, и после заключенного в 1738 году между основными противниками по Войне за польское наследство Францией и Австрией окончательного мирного договора, к которому некоторое время спустя в 1739 году присоединились и прочие участвовавшие в войне страны — Сардиния, Испания и Неаполь, тосканцы получили в качестве своего Великого герцога мужа Марии-Терезии. Так началось владычество Австрии над Тосканой.

Последняя из Медичи при новом правителе могла снова спокойно жить в левом крыле дворца Питти, откуда после восшествия на престол своего младшего братца была вынуждена съехать в Виллу La Quiete. Более того, она добилась подписания 31 октября 1737 года «Семейного пакта», благодаря которому все фамильные сокровища Медичи сохранялись нераздельными и навсегда оставались во Флоренции, на радость будущим поколениям почитателей искусства.

Обо всем этом Горацио Манн и рассказывал своим гостям из Лондона: поэту Томасу Грэю и сопровождавшему его младшему сыну премьер-министра Роберта Уолпола, своему тезке Горацио Уолполу. Когда при их знакомстве выяснилось, что 21-летний юноша только что окончил Кембридж, как и дипломат Манн, более того, до этого тоже учился в Итоне, старший Горацио воспылал к смазливому путешественнику еще большей симпатией, которая потом переросла в прочную дружескую связь. Правда, потом злые языки называли ее не совсем дружеской, а несколько более близкой… Как бы там ни было, но когда Уолпол покинул Италию в 1741 году и больше не встречался с Манном лично, они продолжали переписку еще без малого двадцать лет. За это время Горацио Уолпол, который позже получит почетный титул «принца эпистолярного искусства», написал Горацио Манну 170 писем! В этих посланиях, которые на первый взгляд или человеку далекому от политики могут показаться просто собранием светских сплетен и забавных анекдотов, он с неподражаемой легкостью, занимательностью и веселостью пишет об основных событиях, волновавших современную ему Европу. А ведь Горацио Уолпол вслед за своим отцом тоже стал депутатом парламента от партии вигов и занимался политикой всю жизнь. Правда, в отличие от отца политических амбиций не имел, его больше привлекали искусства (и потому он стал известным антикваром и коллекционером) и литература. В письмах Уолпол отточил свой литературный талант настолько, что в 1764 году выпустил (анонимно) роман «Замок Отранто», якобы перевод с итальянского оригинала, вышедшего из-под пера некоего Онуфрио Муральто. Он стал первым образцом готического «романа ужасов». Тут неповторимый стиль Уолпола, который отличали причудливая смесь комичного и возвышенного, раскрылся в полной мере.

Если бы Горацио Уолпол относился к своим письмам Манну настолько же легкомысленно, насколько легкомысленными они казались, то, получив их обратно после смерти своего адресата 6 ноября 1786 года, разве переписал бы он их все с такой образцовой тщательностью, расположив в хронологическом порядке, пронумеровав, снабдив вполне серьезными пояснениями о местах, событиях и действующих лицах и завещав опубликовать только после своей смерти? И разве не стали бы они основой для его мемуаров «Заметки о дворе Георга I и Георга II»?

Вот и теперь, спустя четыре года с того достопамятного визита, положившего начало их многолетней связи, Горацио Манн пишет другу Горацио Уолполу в Лондон письмо о последних событиях во Флоренции, где он к тому времени дослужился до ранга министра: «В ночь с 18 на 19 февраля 1743 года вдовствующая палатина Анна-Мария Луиза де Медичи умерла от «тяжести в груди». Простые люди убеждены, что она опочила, когда поднялся ураганный ветер, один из самых неистовых, какие мне довелось видеть; он начался сегодня утром и продолжался около двух часов, а сейчас солнце светит так ярко, как никогда…» По воле покойной ее тело было помещено в усыпальницу в не совсем еще готовом левом приделе базилики Сан-Лоренцо, строительство которой началось при ее пращуре Фердинандо I в 1604 году и было завершено за счет пожертвований последней из Медичи, поступавших, согласно завещанию, и после ее кончины.

Глава 3

И вновь туманный Альбион

Горацио Уолполу было что рассказать своему другу о внезапном смятении, в котором очутилась Англия, когда молодой Претендент (внук короля Якова II, после свержения с престола отправившийся в изгнание, местом которого он избрал Сен-Жерменское предместье Парижа), Чарльз Эдуард Стюарт, отплыл из Франции и 23 июля 1745 года высадился на Гебридских островах.

В то время королем Англии был Георг II, курфюрст Ганноверский. Страна разделилась на два лагеря: на так называемых вигов — сторонников новой монархии и тори (или якобитов) — сторонников династии Стюартов, то есть Якова III, также названного «Претендентом» (или Претендентом-отцом). В его жилах текла кровь не только Стюартов, но и кровь Генриха IV и Яна Собеского.

К концу декабря 1743 года Франция признала Якова III королем Англии и объявила о своей готовности помочь ему бороться с царствующим королем Георгом И. В начале 1744 года стало казаться, что французы перешли от слов к делу, в Лондоне поговаривали, что они готовятся перейти пролив. В английских портах царила паника, однако в ночь с 6 на 7 марта 1744 года сильнейший шторм разбросал собравшийся в Дюнкерке французский флот и экспедиция была отменена.[3] Французы больше не хотели рисковать, зато Чарльз-Эдуард, сын Претендента, организовал свою экспедицию и осуществил ее в 1745 году, в целях получить обратно наследие, которого лишили его семью.[4] После высадки в Шотландии он одержал несколько побед над английскими войсками, пошел на Лондон и 15 сентября 1745 года в Эдинбурге Чарльз-Эдуард был провозглашен регентом Англии и Франции.[5] В Лондоне царил панический страх, и Георг II готовился бежать в Голландию.[6]

В письме от 26 июля Уолпол пишет Манну о проекте вторжения, в письме от 7 августа — о слухах относительно планов Претендента-сына и его прокламациях, а начиная с 6 сентября регулярно информирует Манна о передвижениях «бунтовщиков».

К 4 сентября их глава уже был в Перте и оттуда двинулся в поход на Эдинбург, практически не встретивший никакого сопротивления. Претендент называл себя королем Яковом III. Находящиеся за рубежом английские войска под командованием герцога Камберлендского (второго сына короля Георга II) были спешно отозваны, однако недостаточно быстро для того, чтобы предупредить поражение английских сил у Престонпенса. Вторжение было начато с территории Франции, при молчаливом попустительстве французского короля, и в Лондоне это воспринималось почти так же, как если бы вторжение на Британские острова, которое могло закончиться убийством короля Георга, было задумано во Франции. Это случилось как раз в то время, когда в ситуации, представлявшейся безнадежной, Претендент продолжал свой поход на юг, к самому сердцу Англии, и казалось, ничто не могло остановить его — поднялась огромная волна патриотизма, а с нею как необходимое следствие усилилась ксенофобия.

---

[3] См.: Колэн Ж. Людовик XV и якобиты. Париж: изд-во Шапело, 1901. С.144.

[4] См.: Пишо А. История Чарльза-Эдуарда. Париж: изд-во Ладвока, 1830. Т. I. С. 264.

[5] Титул регента Франции восходит к Столетней войне и был в то время еще в силе: король Англии провозглашал себя одновременно и королем Франции.

[6] Если бы Чарльз-Эдуард пошел на Лондон, он мог бы захватить город, но он повернул к Глазго и был разбит герцогом Кумберлэндом 16 апреля 1746 года Чарльз-Эдуард уехал в Италию, где и умер 31 января 1788 года.

При этом в английской столице иностранцы, в особенности с французскими фамилиями, стали внезапно объектом сильнейших подозрений.

В Лондоне начались аресты подозрительных лиц. Никаких виновных не нашлось, но некоторых подозревали в якобитстве[7] и поскольку король намеревался отменить закон Habeas Corpus,[8] начали обустраивать Тауэр для заточения подозреваемых. Отмена закона была провозглашена 29 октября 1745 года, и всех иностранцев стали рассматривать как врагов народа: «проводили обыски подозреваемых, особенно тех, которых считали католиками, для того чтобы выяснить, есть ли у них оружие».[9]

Именно в этих обстоятельствах 9 декабря 1745 года Горацио Уолпол написал Горацио Манну:[10]

«Герцог, вследствие некоего странного умственного дефекта, затаился на прошлой неделе на двадцать четыре часа в Стоуне, в Страффордшире, ожидая в каждое мгновение появления бунтовщиков, а они в это время поспешно направлялись в Дерби. Известие об этом повергло город в полнейшее оцепенение, но Его Королевское Высочество исправило свою ошибку и направилось в Нортгемптон, между Хайлендерсом и Лондоном…

Мы начали поднимать народ… Мэр Эдинбурга находится под охраной курьера. На другой день был арестован очень странный человек, который назвался графом Сен-Жерменом. Вот уже два года он находится в Англии, однако не известно, кто он и откуда, но по собственному его уверению, имя, которым он пользуется, не является настоящим. Он поет и чудесно играет на скрипке, чудаковат и не слишком благоразумен. Его считают итальянцем, испанцем, поляком; человеком, сделавшим огромное состояние в Мексике и сбежавшим вместе с драгоценностями в Константинополь; священником, скрипачом, дворянином. Принц Уэльский проявил к нему очень большое любопытство, однако напрасно».[11]

Предлагаемый им портрет изображает нелепого и смешного человека, но не надо забывать, что Горацио Уолпол был сыном великого премьер-министра вигов (либералов). Совершенно очевидно, что он ничего другого, кроме почерпнутого из самых диких слухов, о Сен-Жермене не знал. Он, по-видимому, как и его отец, относился без симпатии к принцу Уэльскому, понимая, что его покровительство тори (консерваторам) и якобитам — сторонникам короля Якова — усиливало раздоры и интриги, а половина ответственности за опасность, в которой оказался весь «истеблишмент», падала на него, хотя в случае, если бы Претенденту удалось заполучить корону, он сам потерял бы право на ее наследование. Поэтому любой человек, принадлежащий к окружению принца, становился мишенью для насмешек Уолпола.

---

[7] См.: Лондонские иностранные дела, 420. Т. 223.

[8] Основополагающий английский закон, согласно которому задержанного гражданина по приказу короля обязаны допросить в течение первых суток и отпустить под залог до суда.

[9] См.: Лондонские иностранные дела, 420. Т. 362.

[10] См.: Horace Walpole’s correspondance with Sir Horace Mann, ed. W. S. Lewis, Warren Hunting Smith and George Lam with the assistance of Edwin M. Martz (OUP, 1967). Vol. XIX, pp. 181–182.

[11] Купер-Оукли И. Граф Сен-Жермен. Тайны королей. М.: Беловодье, 1995. С. 35 (гл. 2, сноска 11).

Графа Сен-Жермена не «заключили в тюрьму по обвинению в государственной измене»,[12] его просто «оставили под домашним арестом, поскольку ничего компрометирующего не нашли».[13] Эндрю Лэнг утверждал, что тщетно «перерыл весь государственный и частный архив в поисках какого-либо следа ареста или допроса Сен-Жермена».[14] После домашнего ареста графа отпустили восвояси, что побудило сэра Горацио Уолпола сказать, что граф «не джентльмен, ибо он остался, и рассказывает, что его приняли за шпиона».[15]

Итак, к декабрю 1745 года граф Сен-Жермен проживал в Лондоне уже два года, и тем не менее о нем ничего не было известно, несмотря на усилия некоторых людей раскрыть тайну, которой он был окружен. Говаривали, что он богатый «сицилиец», и он был в таком качестве принят в высших кругах английской знати. «Он встречался со всеми великими, в том числе и с принцем Уэльским».[16] Данное указание говорит в пользу презумпции знатного происхождения иностранца, хранившего свое инкогнито под псевдонимом графа Сен-Жермена.

Среди великосветских особ, у которых граф был принят, можно перечислить государственного секретаря по иностранным делам; герцога Ньюкасла, который его допрашивал во время ареста и который «знал-де, кем был граф»[17], лорда Холдернесса, бывшего английского посла в Венеции, и его жену, племянницу герцогини Орлеанской; Дона Антонио де Базан-и-Мело, маркиза Сен-Жиля, испанского посла в Гааге, приехавшего в Лондон в 1745 году с особой миссией; графа Даннесельда-Лаурвига, датского кавалер-камергера и адмирала;[18] генерала-майора Йорка и его семью;[19] Эндрю Митчелла, английского посла при прусском дворе,[20] и пр.

21 декабря 1745 года французский поверенный в делах в Лондоне — в те дни воюющие страны сохраняли своих представителей в каждой из столиц противника — господин Шикэ упомянул об аресте Сен-Жермена в одном из рапортов своему правительству. Англичане, пишет он, все еще продолжают арестовывать множество людей. Так, он обнаружил в тюрьме некоего Смита, виноторговца, который был заподозрен потому, что жил когда-то в Булони, а также потому, что с момента начала войны между Англией и Францией он пять раз ездил из Лондона в Эдинбург, где, как считали, он имел связи с мэром.

---

[12] Джентльменский журнал, 1745. С. 605.

[13] Иностранные дела Англии, 420, фолиант 513.

[14] Лэнг Эндрю. Тайны истории. Пер. с англ. Теодора де Вызева. Париж: изд-во Перрэн, 1907. С. 213.

[15] Уолпол Г. Письма. С. 108–109. Впоследствии Г. Уолпол скажет о Ж.-Ж. Руссо, что тот, приехав в Лондон по его просьбе, «перенял шарлатанство графа Сен-Жермена для того, чтобы выглядеть оригинальным и заставить людей говорить о себе». См.: Письма друзьям. Париж: изд-во Дидье, 1872. С. 115.

[16] Иностранные дела Англии, 420, фолиант 513.

[17] Архив Голландии, 18 апр. 1760 г.

[18] Граф Сен-Жермен подарил адмиралу шпагу. Адмирал долгое время переписывался с графом. Письмо от 3 апреля 1760 г. // И. Купер-Оукли. Цитир. произв. С. 198.

[19] Архив Голландии, 4 апр. 1760 г.

[20] См.: Митчелл Эндрю. Воспоминания и документы (на английском языке), Лондон, 1850. Т. II. С. 146–155.

(Любые связи с Шотландией были подозрительны из-за энтузиазма, с которым шотландцы поддерживали Претендента Стюартов. Считалось, что оказанный ему там прием был запланирован заранее или, во всяком случае, на него рассчитывали.) После рассказа об этом случае Шикэ продолжал:[21]

«Я встретил также одного человека, живущего здесь уже довольно давно, который известен здесь как Сен-Жермен. Он знаком со всеми высокопоставленными особами, в том числе принцем Уэльским. Он говорит на многих языках: французском, английском, немецком, итальянском и т. п., очень хороший музыкант и играет на нескольких инструментах, про него говорят, что он сицилиец и имеет великолепное здоровье. Подозрение на него навлекло то, что он создал себе здесь совершенно безукоризненный образ, получая большие суммы, оплачивая все счета с такой поспешностью, что ему вообще не надо было напоминать об этом. Невозможно себе представить, как простой джентльмен может располагать такими обширными ресурсами, если он не шпион. Его оставили в его собственной квартире под охраной Государственного курьера; нив квартире, ни при нем не было найдено никаких бумаг, могущих представить хотя бы малейшую улику против него; он был допрошен Государственным секретарем, однако не предоставил о себе сведений, которые сей джентльмен счел бы удовлетворительными, и упорно отказывался сообщить свое настоящее имя, титул и занятие кому-либо иному, кроме самого короля, так как, заявил он, поведение его никоим образом не нарушало законов данной страны, и незаконно лишать честного иностранца свободы без предъявления ему обвинения».[22]

Отказ Сен-Жермена открыть свою личность кому-либо, кроме короля, заставляет предположить какой-то семейный секрет, задевающий честь одной из (или нескольких?) королевских фамилий. Получил ли Сен-Жермен в конце концов аудиенцию у короля Георга, или его убедили открыться Ньюкаслу, осталось неизвестным, но его все-таки отпустили.

---

[21] Paris, Ministere des Affaires Etrangeres, Angleterre, Vol. 420, ff. 513v-514v.

[22] Иностранные дела Англии, 420, фолиант 513.

Глава 4

Граф музицирует и сочиняет

8 апреля 2009 года, в среду, на Страстной неделе, в Кеттеринге в возрасте 94 лет скончалась одна из самых удивительных женщин XX столетия. Ее звали Джин Овертон Фуллер. Единственный ребенок капитана Джона Генри Фуллера и актрисы Вайолет Овертон Фуллер, она никогда не знала своего отца. Он был убит в Восточной Африке зимой 1914 года, а его маленькая дочка родилась в Англии 7 марта 1915 года. Молодая вдова приложила все силы к тому, чтобы дать Джин весьма разностороннее образование, полностью раскрывающее все ее таланты. Ее одаренность заставляет вспомнить титанов Возрождения. Воспитанная в богемной среде, среди артистов, музыкантов и интеллектуалов, она и сама была превосходным музыкантом, художником, чьи работы выставлялись, поэтессой и переводчиком поэзии, писательницей, публицистом, историком, астрологом, мистиком, теософом… Начинала как актриса, но острый ум и свободное владение несколькими европейскими языками позволили ей с блеском проявить себя и в такой специфической области, как разведка… Она всегда отличалась эксцентричностью, оригинальностью суждений и неподражаемым юмором. Ее книга о Сен-Жермене — лучшая из написанных о нем, а уж музыкальное наследие графа никто не изучил полнее Джин Овертон Фуллер, поэтому ей слово:

«Следующее из имеющихся у нас упоминаний о Сен-Жермене появляется в музыкальном контексте. В самом конце 1745 года в Лондон прибыли два музыканта — Глюк и принц Лобковиц. Хотя Кристофер Виллибальд Глюк родился в Верхнем Пфальце, однако рос и воспитывался он в Германии, недалеко от границы с Богемией. Именно поэтому его покровителем стал молодой принц Фердинанд Филипп Лобковиц, который стал главой своего рода в возрасте двенадцати лет. Закончив свое образование в Праге, Глюк получил от своего молодого хозяина разрешение поехать учиться в Италию. Там он сочинил свои первые оперы, которым еще не была присуща манера, найденная им позднее. После этого он посетил Париж, желая поучиться немного французскому стилю, встретил там Рамо и, вероятно, познакомился с его музыкой. Тем временем Лобковиц достиг совершеннолетия и начал готовиться к поездке в Англию. Лорд Миддлсекс, директор Итальянской оперы в Королевском лондонском театре (преемник Хайдеггера и Генделя), пригласил его вместе с его протеже, и они приехали в Лондон, одному тогда был тридцать один год, другому — двадцать один; однако их ждало разочарование. Из-за вторжения Претендента ко всем иностранцам неожиданно стали относиться с подозрением, и оперные театры закрылись. Однако, когда Претендент на престол покинул Дерби, опасения людей постепенно рассеялись и атмосфера стала более легкой. Миддлсекс заказал Глюку написать оперу, прославляющую победу при Каллодене (которая, однако, была запятнана ужасающим кровопролитием), и написанная им опера «La caduta dei giganti» («Битва гигантов») была поставлена 7 января 1746 года, правда, без большого успеха. Гендель заметил: «Он разбирается в контрапункте не больше моего повара» (пищу Генделю готовил один музыкант). Глюк принял его критику добродушно, нанес Генделю визит и выслушал некоторые его советы, а 25 марта на концерте в Королевском театре в Хеймаркете Гендель и Глюк присутствовали вместе.

Чарльз Берни, сочинивший музыку гимна «Боже, храни короля», написал в своей «Истории музыки»:[23]

[23] History of Music, Charles Burney (1789), Vol. l.P. 441.

«Большое здание Оперы было закрыто в этом году из-за восстания, а также из-за предубеждения против исполнителей-иностранцев, в большинстве своем католиков: 7 апреля была сделана попытка поставить оперу в маленьком театре в Хеймаркете, под руководством Джемениани. Принц Лобковиц, который обожал музыку и находился в это время в Лондоне, а также знаменитый и таинственный граф Сен-Жермен присутствовали на всех репетициях. Паскуали начинал: и я помню, как на репетиции Джемениани взял у него из рук скрипку, чтобы показать ему нужный стиль и придать песне, исполненной сначала неправильно, выразительность симфонии. Тогда я впервые видел и слышал Джемениани. Опера представляла собой попурри (pasticcio) и называлась «L'Incostanza Delusa». Граф Сен-Жермен сочинил несколько новых песен, в частности, «Perpieta bei idol mio», которую спела Фразы, примадонна, и ее вызывали на «бис» каждый вечер».

Когда Берни говорит, что принц Лобковиц и Сен-Жермен присутствовали на всех репетициях, можно предположить, что и Глюк был с ними, хотя он и не был замечен Берни, так как тогда еще не был достаточно знаменитым. Принц Лобковиц и Глюк всюду ходили вместе, и если Лобковиц и Сен-Жермен были где-то замечены вдвоем, значит, на самом деле их было трое. Таковы были взаимоотношения между ними, и есть вероятность, что Сен-Жермен тоже встречался с Генделем.

Попурри было одним из видов оперы, в котором исполнялись песни, написанные разными композиторами, чаще всего это были песни, ранее уже исполнявшиеся в сочетании с другими, — именно поэтому Берни уточняет, что Сен-Жермен сочинил новые песни специально, — но объединенные в некую структуру. Эти песни отбирались и соединялись в определенном порядке в новую композицию.

Однако следует обратить внимание на то, что Берни заблуждался, называя оперу «Incostanza Delusa» «попурри». «Incostanza Delusa» («Коварное непостоянство») — это опера, написанная Джузеппе Фердинандо Бривио, который родился в 1700 году в Милане, был учителем пения, скрипачом, композитором, в течение многих лет работал администратором «Teatro Regio Ducale» в Милане, где в 1738 году и поставил свою собственную оперу «L'Incostanza Delusa». Обычно считают, что между 1742 и 1745 годами Бривио находился в Лондоне, где неожиданно для него были осуществлены постановки некоторых из его опер, а арии из них опубликованы издателем Уолшем. Его выдающаяся ученица, сопрано Джулия Фрази, тоже была здесь и взяла на себя исполнение ведущих ролей в его сочинениях. Странно лишь то, что три арии, сочиненные Сен-Жерменом, ввели в лондонскую постановку «L'Incostanza Delusa». Если это была идея Джемениани, то она могла показаться Бривио оскорбительной, как бы намекая, что его творению недоставало живости и в него требовалось ввести произведения, написанные кем-то другим. Итак, возможно, именно Бривио пригласил Сен-Жермена внести в это свой вклад. Как удалось Сен-Жермену стать композитором с такой репутацией, которая сделала бы понятным подобное предложение? О нем впервые услышали как о музыканте. Невозможно вдруг сочинить партитуру, состоящую (как мы позже увидим) из нескольких частей, для нескольких различных инструментов, нигде этому не учившись. Тогда где?

Малый театр, где была исполнена «L'Incostanza Delusa», находился в Хеймаркете, как раз напротив Королевского театра, организованного Аароном Хиллом, — той самой сцены, которой Гендель (вместе с Хайдеггером) руководил вплоть до того момента, когда решил оставить оперу и посвятить себя духовной музыке.

Франческо Джемениани был довольно неплохим итальянским композитором и автором книг по музыке. Он был учеником Корелли и, возможно, Алессандро Скарлатти, хотя его произведения отличались от манеры его учителей своей живостью и эксцентричностью. Начиная с 1714 года он жил в Англии, где был признан виртуозом. Гендель даже пригласил его в качестве первой скрипки на первое исполнение «Мессии» 13 апреля 1742 года.

Упомянутый Паскуали скорее всего был Никколо Паскуали, итальянский скрипач и композитор, живший в Эдинбурге, который, по-видимому, приехал специально.

Сколько времени Лобковиц и Глюк оставались в Лондоне, неизвестно.

Последний в ноябре того же года уже был в Гамбурге. Сен-Жермен оставался в Лондоне.

В 1747 году Уолш, хорошо известный музыкальный издатель с улицы Сен-Катрин, начинающейся от Стренда в Лондоне, опубликовал «Лучшие песни оперы «L'Incostanza delusa». Это был сборник из шести арий, три из которых принадлежали Сен-Жермену. Все эти арии были исполнены либо Джулией Фрази, либо ее подругой Катериной Галли. Два этих сопрано всегда пели вместе, в частности, в «Мессии» Генделя и других его ораториях, причем Фрази была примадонной.

Та ария в исполнении Фрази, которая, как нам сообщает Берни, каждый вечер вызывалась на «бис», имела строки аккомпанемента для первой и второй скрипки, альта, виолончели и клавесина. Размер ее — 3/4, вступление, первый куплет и связь между куплетами — в фа мажоре, второй куплет — в фа миноре. Так как ария по определению — это увеличенная песня в трех частях, то первый куплет, с повторами, был сделан так, чтобы перекрывать две первые музыкальные части, тогда как музыка для второго куплета контрастирует. Либретто написано без знаков препинания, не считая последней точки:

Per pieta bei idol mio
Non mi dir ehe sono ingrato
Infelice sventurato
Abbastanza il Ciel mi fa
Infelice sventurato

Se fedele a te son io
Semi struggo a tuoi bei lumi
Fallo amor
Lo fallo i numi
II mio cor
II tuo lo fa.

Вольный перевод:[24]

Пожалей меня, мой кумир прекрасный,
Не скажи, что я нежеланный,
Неприятный, непостоянный,
Мне и так Небеса говорят,
Что я жалкий и бесталанный.
Я так предан тебе, твой слуга несчастный,
Что в лучах твоего сиянья
Таю весь до потери сознанья.

---

[24] Здесь и далее стихотворные произведения приводятся в вольных поэтических переводах Леонида Володарского. Подстрочный перевод:

Пожалей меня, мой прекрасный кумир,
Не говори мне, что я нежеланный [дословно: неприятный] Неудачливый, несчастный.
Достаточно того, что Небеса делают меня
несчастным и жалким.
Я так предан тебе,
Я таю в лучах твоего сияния.
Любовь делает это.
Боги делают это.
Мое сердце,
Твое сердце делает это.

Значит, сердце твое это
В сердце моем оставляет меты.
Боги мне так говорят.

Одна песня, исполненная Галли, написана в соль мажоре, размер 3/4:

Digli digli ch’e un infedele
Digli che mi tradi
Senti senti non me dir cosi
Digli che Pamo
Ma se nel mio martir lo vedi
Sospirar tomami a Consolar
Prima del mio morir
Di piu non bramo.

Вольный перевод:[25]

Скажи ему, скажи, что он неверен.
Скажи ему, что предал он меня.
А мне об этом говорить не надо.
Ему скажи, как я его люблю.

Но если ты увидишь, как вздохнет он,
Когда меня измена сдавит сетью,
приди меня утешить перед смертью,
Об этом лишь тебя сейчас молю.

Другая песня, исполненная Фрази, написана размером 3/8, вступление, первый куплет и голос остаются в соль мажоре, второй куплет — в соль миноре.

«Senza pieta mi credi
Senza pieta non sono
L’offesa io ti perdono
Ma non ti posso amar

Lasciami in pace
E volgi altrove
Altrove i sguardi tuoi
Sei libero sei voi deh deh
Piu non mi tormentar.

---

[25] Подстрочный перевод:

Скажи ему, скажи, что он неверен,
Скажи ему, что предал он меня.
Страдай, но не говори об этом.
Скажи ему, что я его люблю.

Но если ты увидишь, как вздохнет он,
Когда в мучениях буду я,
Приди меня утешить перед смертью,
И лишь об этом я тебя прошу.

Вольный перевод:[26]

Думаешь, жалости я лишена?
Нет, зла на тебя не таю.
Даже прощаю обиду твою.
Но тебя не могу любить.

Меня в покое сейчас оставь.
Свой взор на других обрати.
Разными стали наши пути.
Со мною тебе не быть.

Есть кое-что любопытное. Долгое время с Королевским театром был связан швейцарец Иоганн Якоб Хайдеггер. Он был управляющим с 1713 года, а потом управлял театром вместе с Генделем, с 1729 года вплоть до своей отставки в 1734 году. В 1744 году он купил дом номер 4 — один из четырех очень красивых домов на улице Фрейлин в Ричмонде, Саррей, построенных по приказанию Георга II, тогда еще принца Уэльского, для фрейлин его жены. Фрески, которыми украшен интерьер его дома, Хайдеггер заказал Антонио Джолли, художнику-декоратору Королевского театра (ученику Паннини и последователю Каналетто). Входная дверь открывается непосредственно в лучшую комнату дома, где находятся одиннадцать швейцарских и итальянских пейзажей, написанных маслом на сосновых стенах, а над дверью, ведущей из этой комнаты в заднюю часть дома, изображена раскрытая книга с записью музыки, обрамленная акантом — символом бессмертия. Книга раскрыта на «Per pieta bei idol mio». Нотный стан предназначен только для сопрано, слова и мелодия доходят лишь до «il ciel mi», а для «fa» места уже не хватило. Чтобы было видно зрителям снизу, с пола, ноты и слова пришлось изобразить довольно крупно. Это была самая популярная из арий Сен-Жермена, та самая, про которую Берни сообщает нам, что ее требовали петь на бис каждый вечер. И вполне понятно желание ушедшего на покой управляющего оперой любоваться арией на одной из стен своего дома. Однако любопытно то, что театр, где эта ария исполнялась, был не его собственным, Королевским, а его соперник поменьше, расположенный напротив Малый театр.

Что представлял собой тот Лондон, которому Сен-Жермен адресовал свою музыку? В национальном искусстве был период безвременья. Поп[27] и Свифт только что умерли. Джеймс Томпсон скончается в следующем году. Элегия Грэя еще не была написана, не вошла в моду ни одна из меланхолических уединенных школ. В истории поэзии — тоже пустота. В живописи было почти так же: Неллер умер, Гейнсборо был еще подростком. Пока это был еще Лондон Хогарта, Лондон, о котором Сэмюэл Джонсон написал: «Когда человек устал от Лондона, он устал от жизни».

---

[26] Подстрочный перевод:

Думаешь, я безжалостна.
Я не безжалостна вовсе.
Обиду прощаю тебе я,
Но любить тебя не могу.

Оставь меня в тихом покое.
Свой взгляд на других обрати.
Ты свободен, если так хочешь.
Не мучай ты больше меня.

[27] Александр Поп — английский поэт XVII в.

Сен-Жермен жил в Сент-Мэри-Экс, в Сити, у доктора Абрахама Гомеса Эргаса, иначе — Лакура. Люди типа Джонсона, жившие в менее комфортабельных условиях или просто желавшие встретиться с друзьями, проводили по полдня в кофейнях, из которых стоит особо отметить четыре, где собиралась интеллектуальная и артистическая публика.

В драматическом театре господствовала большая серия возобновленных Гарриком постановок пьес Шекспира, с их великолепными декорациями; прошло лишь несколько лет с того момента, когда новое открытие Барда было отмечено установкой монумента в его честь в Вестминстерском аббатстве. Но главным развлечением столицы была музыка, то есть, можно сказать, главным образом опера. С тех пор как Гендель отказался от своего состязания с итальянцами в этой области, поменяв театральные подмостки на духовную музыку, теперь, даже более, чем раньше, это была Итальянская опера, и не только итальянская опера в Королевском театре. Георг II был покровителем Генделя, которому он заказал сочинение гимнов для своей коронации. Фредерик Льюис, принц Уэльский, во многом противоположность своего отца, оказывал всемерную поддержку итальянским музыкантам. Он устраивал музыкальные вечера на улице Албермарл и в Клайвдене, и появлялись крупные салоны, хозяйки которых устраивали у себя в гостиных музыкальные вечера, как, например, в настоящее время граф и графиня Харвуд.

Берни добавляет к своему рассказу, приведенному выше:

«Что касается этих элегантных частных концертов, которые сейчас (1789 г.) часто даются знатными и незнатными дворянами в своих домах, то в то время они едва были известны. Первый, который я могу вспомнить, был у леди Браун, под руководством графа Сен-Жермена. Сама хозяйка отличалась упорной неприязнью к Генделю и покровительствовала вообще всем иностранным музыкантам, особенно нового итальянского направления; она была одной из первых светских женщин, следовавших моде, которая имела смелость, подвергая риску стекла своих окон, устраивать концерты воскресными вечерами».

Интересно отметить, что Сен-Жермен участвовал не как простой исполнитель, а как руководитель.

Статьи в газетах упоминают об образной музыкальной терминологии в его разговоре,[28] а также о том, как он однажды появился на музыкальном вечере у леди Тауншенд в ее доме на площади Гровенор, заткнув пальцами уши, из-за шума, который устроили при выгрузке доставленного к ее дому угля.[29] Можно заметить, что этот рассказ подозрительно напоминает случай, рассказываемый о Рамо, это похоже на нечто вроде шаблонной истории, которую рассказывают о композиторах. Но ссылка на леди Тауншенд интересна, так как она и ее муж принадлежали к кругу принца Уэльского Фредерика, и их часто приглашали в его загородную резиденцию Клайвден, огромный дом в Букингемшире, а также на его лондонские музыкальные вечера в дом лорда Грэнтхема на улице Албермарл. Возможно, что именно через леди Тауншенд Сен-Жермен познакомился с принцем Уэльским и возбудил у него любопытство. Вероятно, Тауншенды как-то раз, отправляясь на один из музыкальных вечеров у принца, взяли с собой Сен-Жермена.

Формировалась особая салонная музыкально-поэтическая культура, и попытки Сен-Жермена писать аккомпанемент к английским стихам доставили большую радость хозяйкам английских салонов.

---

[28] См.: The London Chronicle, 2 June, 1750.

[29] См.: Там же, 31 May, 1760.

«Дева, созданная для любви и для меня», пьеса, положенная на музыку графом Сен-Жерменом», появилась в издательстве Уолша без даты. Сотрудник каталога Британского музея сообщил приблизительную дату — 1745 год, тогда как еще одна публикация того же произведения, тем же издателем, но озаглавленная просто «Новая песня, положенная на музыку графом Сен-Жерменом», внесена в каталог по своей первой строке «O wouldst thou know what sacred charms» и датирована около 1747 года. На самом деле я сомневаюсь, предшествовала ли какая-то из них публикации в «The London Magazine» за январь 1747 года, за которой последовала перепечатка в «The Gentleman's Magazine» в сентябре 1747 года. Слова ее таковы:[30]

O wouldst thou know what kind of charms
This destines heart of mine alarms;
What kind of nymph the Heav'ns decree
The maid that's made for love and me.

Who joys tohear the sigh sincere,
Who melts to see the tender tear,
From each ungentle passion free,
O be the maid that's made for me.

Whose heart with gen'rous friendship glows,
Who feels the blessings she bestows,
Gentle to all but kind to me,
Be such the maid that's made for me.
Whose simple thoughts, devoid of art,
are all the natives of her heart,
A gentle train from falsehood free,
Be such the maid that's made for me.

Avaunt! ye light coquets retire,

---

[30] Примерный перевод:

О что за чары, если бы ты знала,
Мне сердце бедное тревогою сжимают.
И что за нимфу Небеса мне посылают —
Ее, ту деву, созданную для любви и для меня.

Кто слушает с восторгом искренние вздохи,
И кто слабеет, видя нежных слез потоки,
И кто не ведает страстей огня,
Такой будь, дева, созданная для меня.

Чье сердце щедрой дружбой расцветет,
Кто раны дружбы как награду обретет?
Мила со всеми, но добра со мной,
Ты, дева, созданная для меня, о будь такой.

Чьи мысли — безыскусны и просты
Рождаются, нелживы и чисты,
В глубинах сердца милой чередой
Ты, дева, созданная для меня, о будь такой.

А вы, кокетки легкие, уйдите,
Туда, где льстивые щеголей вы восхитите
Я вижу ваших чар фальшивый блеск,
Красоты подлинные ближе мне.

Where flatt’ring fops around admire.
Unmov’d your tinselcharms I see,
More guenuine beauties are for me.

О, сколько я видел фальшивых чар!
От них в моем сердце чад и угар.
Кого же теперь небеса мне шлют?
Какую нимфу я встречу тут?

Пусть она любит искренность грез.
Пусть не стесняется чистых слез.
Но пусть боится огня страстей,
Вот кто мне нужен — скажите ей!

Та, чье сердце готово в любви
Раны другого взять, как свои,
Та, для которой весь мир — семья,
Знай, что желанная ты моя.

Если бесхитростна в мыслях ты,
Если рождаются от красоты
Эти мысли в сердце твоем,
То для тебя построен мой дом.

А вы, кокетки, подите прочь.
Какая из вас не обмана дочь?
Меня обманом не ослепить.
Только невинной со мной и быть.

В одиночных листах инфолио, опубликованных Уолшем, слова «what kind of charms» (что за чары) заменены на «her sacred charms» (ее святые чары), что говорит об исправлении, сделанном, так как было замечено, что «kind of» повторяется двумя строками ниже. Однако, если оно должно стоять перед «nymph», то что-то другое нужно поставить перед «charms». Если идея была именно такова, то листы Уолша, в обоих изданиях, вышли уже после журнальных публикаций.

Музыка имеет размер 3/4. Ключевой знак си бемоль, но настойчивость, с которой перед ля появляется бемоль, и структура пьесы в целом привели меня к ощущению, что она написана в ми бемоль мажоре. В «Интерпретации старинной музыки» Роберта Донингтона[31] я нашла, возможно, подходящий отрывок: «В музыке барокко знак при ключе часто может иметь на один диез или один бемоль меньше, чем требуется, при этом недостаток впоследствии исправляется с помощью случайных знаков альтерации на протяжении всей пьесы, по мере необходимости. Это остаток записи по тональностям…» Я написала профессору Донингтону, выслав ему фотостат фотокопии, полученной мною из Британского музея, по которой я играла это произведение, и спросила, было ли это примером такого случая. Его ответ подтвердил мое суждение: «Ключевой знак — ми бемоль».

[31] См.: The Interpretation of Early Music, Robert Donington (Faber, 1963). С. 67 или (переиздание 1974 г.) с. 129.

Однако кто же автор слов? Написаны ли они, как и музыка, Сен-Жерменом? Во всех четырех публикациях поэмы в Лондоне, которые мы обнаружили, две в литературных журналах и две в музыкальном издательстве Уолша, никакого другого имени, кроме имени Сен-Жермена, в связи с ними не упоминается.

Однако позднее появился вариант стихотворения, уже без музыки, в сборнике «Стихотворения на особые случаи», вышедшем в издательстве Роберта и Эндрью Фоулис (Глазго, 1748). Этот сборник был опубликован без каких-либо сведений об авторах, и позже его стали считать первым изданием стихов шотландского поэта Уильяма Гамильтона. Он встал на сторону Претендента в восстании 1745 года и поэтому был вынужден бежать из страны. Анонимное предисловие, предсказывающее возвращение поэта в родную землю и появление «более совершенного издания», датировано 21 декабря 1748 годом, поэтому, вероятно, печатание книги началось только в следующем году. По-видимому, стихотворения для сборника были собраны друзьями Гамильтона, из опубликованных и неопубликованных источников, без его согласия, — ему даже не сообщили. Хотя намерения их были добрыми, однако они могли допустить ошибки в установлении авторства. Было отмечено, что одно из стихотворений в сборнике «Летите, жалобные звуки», хотя оно и перешло во все следующие издания произведений Гамильтона, появилось с датой 4 ноября 1747 года в «Манускриптах Королевского общества» Хьюма в Эдинбурге (см.: Жизнь и переписка Дэвида Хьюма. Эдинбург, 1846. С. 227) и, следовательно, это наводило на мысль, что автором его должен считаться Хьюм. Если его включили в «Стихотворения на особые случаи» по ошибке, то же могло случиться и со стихотворением Сен-Жермена. Второе издание «Стихотворений на особые случаи» появилось в 1749 году и содержало исправления к некоторым стихам, которые Гамильтон сделал на копии первого издания, с экслибрисом Эндрю Льюмисдена. Имя Гамильтона все еще не появляется, но уже есть его портрет, говорящий об его авторстве всего сборника в целом.

Я написала в университет Эдинбурга о том, что хотела бы связаться со знатоками шотландской поэзии того периода, и профессор Дэвид Дейчиз, возглавляющий отделение английской филологии, написал по интересующему меня вопросу доктору Томасу Кроуфорду, с Английского отделения университета в Абердине. Доктор Кроуфорд ответил мне, что в ходе проведенных им исследований источников стихов Роберта Бернса он составил каталог, как он надеялся, первых строчек всех стихов в сборниках песен (с музыкой или без нее), опубликованных в Шотландии в период 1662–1785 годов. «Woulds thou know her sacred charms» появилась, без музыки, в песеннике «Чародей» (Эдинбург, 1744), без имени автора или композитора, однако с указанием, что она должна быть спета на мотив песни «Swains I scom», которая ей предшествовала и с которой, похоже, она составляла пару, так как песенка «Swains I scom», тоже анонимная, была представлена как бы от имени дамы, мечтающей о мужественном человеке. Издателем «Чародея» был некий Йэр, который ограбил Уолша и другие английские песенники совершенно бессовестно». О «Стихотворениях на особые случаи» (Глазго, 1748) доктор Кроуфорд написал так: имея в виду то, что сборник был составлен без его (Гамильтона) согласия, из рукописных списков, ходивших по Эдинбургу в это время… «возможно, что одна или несколько песен вообще написаны не Гамильтоном».

Хотя Уолш и был издателем Сен-Жермена, текст в «Чародее» тот же самый, что в «Wouldst thou know» варианта Глазго, так что, по-моему, источник был ограблен. «Swains I scom» не появляется ни в одном из изданий стихов Гамильтона, однако «The Scots Magazine» за февраль 1751 года напечатал ответ на «Wouldst thou know», как бы от имени дамы, подписавшейся «Глазго», в котором перечисляются качества, ожидаемые ею от мужчины, и это напоминало ответ на ответ, подписанный «Эдинбург». Гамильтон к тому времени вернулся в Шотландию, и если он написал ответ, подписанный «Эдинбург», то это можно было бы считать молчаливым согласием с приписываемым ему авторством «Wouldst thou know», но хотя он и мог написать отрывок, подписанный «Эдинбург», однако доказательств того, что он это сделал, нет.

В 1754 году Гамильтон умер, и когда шесть лет спустя появился сборник «Стихотворения на особые случаи» Уильяма Гамильтона из Бангура (Эдинбург, 1760) с краткой биографией поэта, то в нем была опубликована «Wouldst thou know», и точно так же позднее она появилась в «Поэтических творениях Уильяма Гамильтона», изд. Томаса Паркса (Лондон, 1805). Так эта песня вошла в его признанные сочинения. И все же, кто ее сочинил — он или Сен-Жермен? Исследования тех более ранних публикаций, которые мне посоветовал доктор Кроуфорд, дало отрицательный результат, но существует ли возможность, что это действительно было стихотворение Гамильтона, которое еще до его бегства на континент уже разошлось в рукописи, и что кто-то дал рукописный экземпляр Сен-Жермену, и он положил это стихотворение на музыку и передал для первой публикации в сборнике его музыкальных произведений?

Существует лишь одна биография шотландского поэта, это «Уильям Гамильтон из Бангура», Нельсона С. Бушнелла (Абердин, 1957). В нем нет упоминания о Сен-Жермене, причем самое раннее издание «Wouldst thou know», известное доктору Бушнеллу, было в «Стихотворениях на особые случаи» (Глазго, 1748). Однако на стр. 66 он упоминает «Wouldst thou know» как произведение, которое с трудом вписывается в жизнь Гамильтона. Очевидно, что это сочинение человека неженатого, а Гамильтон женился в 1743 году. Нет его и среди его произведений, вошедших в «Смесь к чаю», Аллена Рэмсея (Лондон, 1730), и, что еще более странно, оно не внесено в Рукописный Том Гамильтона, составленный им, когда он уже был немолодым человеком, в 1730–1739 годах, где Гамильтон перечислил все свои неопубликованные стихи. В промежутке между 1739 годом и своей женитьбой он путешествовал за границей, и маловероятно, что в это время он сочинил много стихов. Я написала доктору Бушнеллу, в Американский университет, рассказывая ему о музыкальном творчестве Сен-Жермена, и задала вопрос об авторстве положенных им на музыку стихов, но ответа не получила.

Давайте рассмотрим теперь различия между шотландской версией и текстом Сен-Жермена. В первом куплете шотландская версия опускает начальное «О»: «Знала бы ты» («Wouldst thou») вместо «О, знала б ты» («O wouldst thou») и содержит, как и в тексте Уолша, «святые чары» («sacred charms») вместо, как в лондонских журналах, «что за чары» («kind of charms»). Во втором куплете можно прочесть «жаждет услышать» («pants to hear») вместо «рад услышать» («joys to hear»). Между вторым и третьим куплетами вставлен дополнительный куплет. В следующем куплете «whose heart» превращается в «whose soul». В четвертом куплете «простые мысли» («simple thoughts») заменены на «искренние мысли» («genuine thoughts»), а «милая череда» («gentle train») на «простая череда» («simple train»), в последнем куплете «льстивые щеголи» («flatt'ring fops») становятся «блистательными щеголями» («glittering fops»). Добавлен также заключительный куплет, который кажется чужеродным остальному, а окончание стихотворения «Изменится ли она, но возможно ли это? / Нет другой девы, созданной для меня» (Should she change, but can that be? /No other maid is made for me), по-видимому, подразумевает, что уже есть конкретная девушка, известная автору, которую я в жизни Сен-Жермена не обнаружила. Более того, будучи поэтом, я задавала себе вопрос, а по какой причине я бы внесла небольшие изменения в ранее написанные стихи? Почему бы мне показалось необходимым изменить «рад» («joys») на «жаждет» («pants») и «сердце» («heart») на «душу» («soul») — особенно учитывая, что по традиции, именно сердце пылает. Ответ в том, что дополнительный куплет, между вторым и третьим, содержит слова «радуется» (joys) и «сердце» (heart). Таким образом, у меня складывается впечатление, что этот добавочный куплет был вставлен во что-то, что было задумано без него, и наличие этой вставки требовало исключения «joys» и «hearts» из куплетов по обе стороны от нее. На этих основаниях я бы отдала стихотворному варианту Сен-Жермена, имеющему приоритет публикации, и приоритет сочинения.

Сен-Жермен в случае с «O wouldst thou» положил на музыку собственные стихи, однако иногда он писал также музыку к сочинениям других авторов, в частности, к двум лирическим стихотворениям английских поэтов.

Существует публикация, которая, судя по ее заглавию, может показаться предназначенной стать первым номером в периодическом издании, хотя других выпусков не последовало: «Храм Аполлона, или Храм Муз, за апрель 1747 года, издание Общества джентльменов» (Лондон, напечатано для Общества, 1747). Считалось, что Обществом руководил Джеймс Освальд, шотландец из Эдинбурга, который переехал в Лондон и открыл музыкальный магазин на ближнем к церкви Св. Мартина-в-полях углу Сен-Мартинс Лейн. В магазине члены Общества встречались, по-видимому, для бесед на музыкальные темы. Первой песней в этой их первой (и единственной) публикации было положенное на музыку Сен-Жерменом стихотворение Эдмонда Уоллера,[32] «Добровольный изгнанник». Начиная с середины семнадцатого века это было популярное произведение, которое часто перелагалось на музыку; среди тех, кто сочинил для нее музыку, были д-р Джон Болд и Джеймс Освальд. Новое переложение, сделанное Сен-Жерменом, было в фа мажоре, размер 3/4, amoroso, с Obbligato для немецкой флейты, транспонированным в соль. Другие песни в этом издании написаны Джеймсом Освальдом и Чарльзом Берни, а также несколькими менее известными авторами, и в нем есть еще одно сочинение Сен-Жермена — музыка к стихотворению Аарона Хилла «Нежная любовь, этот час будет мне другом», в ре мажоре, размером 4/4, moderato.

Оба этих сочинения позднее были опубликованы Уолшем в виде одинарных листов инфолио, «Нежная любовь…» — около 1750-го, и «Добровольный изгнанник» — около 1755 года.

В журнале «Лондон магазин» за июль 1748 года появилась «Новая песня», с мелодией и басом (хотя и нецифрованным), однако без имени композитора. Месяц спустя в журнале «Джентльмене магазин» за август 1748 года, на стр. 272, те же слова и мелодия появились вновь; басы были вырезаны, возможно, из-за недостатка места для публикации, но нам подарено имя композитора: «Новая песня, положенная на музыку графом Сен-Жерменом»:[33]

---

[32] П. Шакорнак (гл. 4, сноска 33) указывает фамилию Уолтер (3.03.1605–21.10.1687). В БСЭ и других энциклопедиях на русском языке нет сведений ни

[33] Примерный перевод:

Юпитер, лицо моей Фанни увидев,
Был страстью чудесной зажжен,
Оставив заботу о людях ничтожных
Почувствовал он, что влюблен.
Тогда он направил стопы к Купидону
И просьбу свою изложил:
Я Фанни люблю; пылом страсти взаимной
Коснись ее нежной груди.

«Тебе нет надежды, — бог страсти ответил,—
Я в деву влюблен уж давно».
«— Что? Ты — мой соперник? Великого бога,
Пред кем все на свете ничто?»
Юпитер потряс жезлом грозным во гневе,
И трон закачался под ним.
Тогда Купидон, как заря, легкокрылый,
Быстрее дыхания вспарил.

И бог над землей и водою носился,
Приюта себе он искал
Опаснее путь беглеца становился,
И молнии всюду сверкали.
И в страхе дрожа, он полет свой направил
Туда, где глаза моей Фанни
С ней счастлив, доволен, беспечен, — оставил
О родине воспоминанье.

Jove, when he saw my Fanny’s face
With wondrous passion mov’d,
Forgot the care of human race
And felt at last he lov’d.
Then to the God of soft desire
His suit he thus addrest.
I Fanny love; with mutual fire
O touch her tender breast.

Your signs are hopeless, Cupid cries.
I lov’d the maid before.
What! Rival me? Great Jove replies,
Whom gods and men adore!
Hew grasp’d the bolt, he shook the springs
Of his imperial throne;
While Cupidd wav’d his rosy wings,
And in a breath was gone.

O’er earth and seas the godhead flew,
But still no shelter found.
For as he fled, his danger grew,
And lightning flash’d around.
At last his trembling fear impels
His flight to Fanny’s eyes,
Where happy, safe and pleas’d, he dwells,
Nor minds his native skies.

Юпитер, когда он Фанни узрел,
Был чудной страстью зажжен.
О грузе других человеческих дел
Забыл в одночасье он.
На всех влюбленных похожим стал
И, взглядом окинув высь,
Он Купидону тихо сказал:
«Фанни стрелой коснись».
«— Нет никакой надежды тебе, —
Бог страсти ответил ему. —
Она поселилась в моей судьбе,
Досталась мне одному».
«— Ты мой соперник?! — Юпитер вскричал. —
Да я самый главный бог!»
На эти слова Купидон смолчал
И отлетел, как вздох.

И, над землей и водой носясь,
Был сам Купидон не свой.
Всюду он чуял высшую власть
И молнии над головой.
Тогда беглец направил полет
Туда, где был Фанни взгляд.

И небо забыл. И теперь он вот
С ней счастлив, доволен, рад.

Эта песня написана в ре мажоре, размер 6/4, Affetuoso. По-моему, ее живая веселость просто божественна; хотя есть один необычный интервал, от соль бемоля в басах до ля, на восемь с половиной тонов выше, чем этого требует традиция.

Я потратила довольно много времени, чтобы попытаться определить автора стихотворения. Я обратилась, правда, напрасно, к помощи колонок «Литературного приложения» к «Таймс».

В Доме Сената (Лондонский университет) мисс П.М. Бейкер, Стерлингский библиотекарь, просмотрела сборник «Английская поэзия 1701–1751, каталог отдельных стихотворных изданий, с примечаниями об изданиях, собранных в то время», Дэвида Фоксона (1975), и не нашла в нем этого стихотворения. Так как в «Новом Словаре Гроува о музыке и музыкантах» оно упомянуто в статье о Сен-Жермене, она высказала идею, что Сен-Жермен мог быть автором не только музыки, но и слов. У меня не создалось впечатления, что в статье в «Новом Словаре Гроува» была сделана попытка установить автора слов, но тем не менее возможность того, что они сочинены Сен-Жерменом, я допускала, исходя просто из анализа самого текста.

Д-р Кроуфорд, которому я тоже говорила об этом стихотворении, ответил: «Что касается «Юпитера, который увидел лицо моей Фанни», то в моей регистрационной карточке говорится, что оно было озаглавлено «Убежище Купидона» и «спето мистером Лоу в Воксхолле». Оно было опубликовано в Шотландии в «Чародее» Йэра (том II, 1751) стр. 55; в альманахах «Шутка» (1765), стр. 69, и «Веселый приятель» (1774), стр. 65».

Мистер Лоу — это Томас Лоу, английский тенор. Он исполнял партию Макхиса в «Опере нищего». Он был первым исполнителем музыкальных переложений Арна песен в шекспировской пьесе «Как вам это понравится»; первым исполнителем ролей во многих операх Генделя. У него был ангажемент на пение в Воксхолле в 1745 году, в этом же году там также работал Арн, и был увеличен оркестр; так продолжалось в течение нескольких следующих сезонов. Такой певец, как Лоу, привыкший исполнять лучшие вещи своего времени, не стал бы петь произведение Сен-Жермена, если бы не считал его достойным этого.

Мистер Питер Уорд Джонс, музыкальный библиотекарь в Бодлиене, любезно прислал мне фотокопии некоторого числа публикаций «Jove, when he saw», и некоторые из них имели заголовок «Убежище Купидона» наверху. В этих версиях, начиная с той, которая была опубликована в «Чародее» Йэра, были небольшие изменения в словах; в первом куплете в строке 4 вместо «И почувствовал сразу» (And felt at last) появляется «И нашел сразу» (And found at once); во втором куплете в строке 3 «Могущество» (the Pow’r) заменяет «Великого Юпитера» (Great Jove), а в строке 7 «clap’t)» замещает «wav’d»; в третьем куплете в строке 1 «the god he» заменил «the godhead», и в строке 3 «the dangers» появились вместо «his danger».

Что мне кажется подозрительным в этой версии, так это заголовок, «Убежище Купидона».

Не Купидон нашел, или искал, убежище.[34] Заголовок, следовательно, не мог быть дан автором, а, вероятно, был надписан сверху кем-то, кто не потрудился внимательно прочитать стихотворение, и тот же человек, вероятно, внес и небольшие изменения: это был, возможно, Йэр или его наемный писака.

Мистер Уорд Джонс из Бодлиен смог дать мне гораздо больше информации, как он пишет, «благодаря каталогу первых строк из английских песенников и отдельных песен, составленному покойным Уолтером Хардлингом, который дошел до нас вместе с его обширной коллекцией несколько лет назад. Это чрезвычайно полный каталог английских песен за период 1600—прибл. 1820». Так как он нигде не нашел никакого другого имени, связанного со словами, он склонялся к тому, чтобы согласиться с моей теорией, что они, как и музыка, были созданы самим Сен-Жерменом. Он нашел у Хардлинга пятнадцать источников для «Юпитер, увидев лицо моей Фанни»; самый ранний был в «The London Magazine» и «The Gentlemen's Magazine».

Можно, следовательно, составить библиографию стихотворения следующим образом:

The London Magazine, июль 1748, стр. 372, с музыкой.
Изданный Хардлингом отдельный лист — песня с музыкой.
The Bullfinch, около 1748, стр. 10.
The Bullfinch, около 1750, стр. 10.
The Goldfinch, около 1749, стр. 10.
Vocal Medley, том 1, около 1749, стр. 10.
The Charmer, том 2, 1751, стр.55. Заголовок Cupid's Refuge.
Vocal Melody, том 1,1751, стр. 55.
The Merry Lad, 1753, стр. 3.
The Wreath, 1753.
The Muses Delight (Liverpool), 1754, стр. 193 с музыкой. Заголовок Cupid's Refuge.
Apollo's Cabinet (Liverpool), 1756.
The Lark, 1756, стр.69.
Clio and Euterpe, том 2, 1759, стр. 176, с музыкой. Заголовок Cupid's Refuge.
Clio and Euterpe, том 2, 1762, стр. 176, с музыкой. Заголовок Cupid's Refuge.
The Blackbird, 1764, стр. 54.
The Lark, 1765, стр. 69.
TheCheerful Companion, 1774.
The Cheerful Companion, 1776.

В сборнике «The Muses Delight», опубликованном в Ливерпуле Дж. Сэдлером, музыка ошибочно приписывается «мистеру Освальду», как и в перепечатке под заголовком «Apollo's Cabinet», двумя годами позже.

В 1750 году в издательстве Уолша появилась «Musique raison-nee selon le bon sens, aux Dames Angloises qui aiment le vrai gout en cet art par SSSS de Saint-Germain». Заглавие означает «Музыка, соответствующая здравому смыслу, для английских дам, которые любят истинный вкус в этом искусстве, сочиненная СССС Сен-Жерменом».

---

[34] И вновь хочется поспорить с уважаемой исследовательницей: неужели она полагает, будто в тексте стихотворения говорится о том, что в глазах Фанни поселился Юпитер? Напротив, Купидон (то есть любовь — эмблематическое употребление, чрезвычайно характерное для поэзии барокко и позднее — классицизма) в глазах девушки будет гораздо естественнее. Кстати, позволим себе в связи с этим сослаться на венгерскую поэтическую традицию: в классическом шедевре великого венгерского поэта XVI в. Балинта Балашши его возлюбленная Юлия отождествляется с самой любовью: «когда она взглянет на меня, то это глядит сама любовь»; и далее — Юлия водит за руку сына Венеры, то есть Купидона. Лирика поэта-воина Балашши, вне всякого сомнения, была прекрасно известна князю Ракоци.

Существует экземпляр, когда-то находившийся в Руднице или Замке Раудниц, а теперь хранящийся в Народном музее в Праге,[35] и библиотекарь этого музея, д-р Милада Рутова, любезно выслала мне микрофильм некоторых его страниц, включая ту, на которой находилось длинное заглавие, написанное рукой Сен-Жермена и посвященное «Par… SSSSS de St. Germain avec Privilege». Буквально, «с привилегией», причем это последнее означает поздравительный экземпляр, и так как Раудниц был поместьем семьи Лобковиц, то этот экземпляр мог быть подарком от автора принцу Лобковицу. Можно заметить, что здесь пять букв С (а не четыре, как у Уолша). Что это означает — пусть каждый сам догадается. Не похоже, чтобы они представляли фамилии. Мне кажется, что они означают пять слов, на французском, которыми он описывает себя. Голландско-американский композитор Иоганн Франко выслал мне написанное его женой Элоизой остроумно-каламбурное прочтение загадки «квинтэссенции духа», однако не надо забывать, что Сен-Жермен мог иметь на уме нечто совершенно другого порядка.

Г-н Франко навел меня на след еще одного, надписанного рукой Сен-Жермена экземпляра, находящегося в частной коллекции покойного Эдварда Крофт-Маррея из Британского музея. В музее они познакомили меня с его вдовой Джилл, и вот таким путем я появилась у нее в доме, в доме Хайдеггера в Ричмонде. Экземпляр Крофт-Марреев надписан на внутренней стороны верхней обложки «Герцогине Лидс» и имеет заглавие, написанное от руки: «Musique raisonnee selon le bon sens aux Dames d'Angleterre qui aiment le vrai gout en cet art par… St.Germain avec Privilege». Можно отметить небольшие различия: «dames d'Angleterre» (дамы Англии) вместо «Dames Anglois-es» (английские дамы). Слово Privilege получило свой акцент, которого раньше не хватало, однако Сен-Жермен подписался без букв С или титула.

Это могли быть подарочные экземпляры для леди Тауншенд и леди Браун и, возможно, для других людей, хотя они не вышли на свет. Подарок герцогине Лидс говорит о том, что она была хозяйкой одного из больших салонов, в котором можно было слышать музыку Сен-Жермена, и вечера проходили или в городском доме Лидсов на площади Сен-Джеймс (сегодня под номером 21), в Лондоне, или в поместье герцога Норт Миммс, в Херфордшире, недалеко от старинного дома герцогов Сент-Олбани и Фрэнсиса Бекона.

Фраза «соответствующая здравому смыслу» необычна, но, возможно, она указывала на стремление передать музыкой смысл слов.

Хотя заглавие на французском языке, но текст арий — на итальянском. Их сорок две, в том числе три песни из «L'Incostanza delusa», перед которыми стоит знак копирайт, гарантирующий Уолшу эксклюзивное право на публикацию музыки Сен-Жермена, подписанный Ньюкаслом как Государственным секретарем и датированный 27 ноября 1749 года. Хотя слова всех арий относятся к драматическим ситуациям, как если бы они предназначались для опер, и при этом арии занимают объем в 135 печатных страниц, так что их с очевидностью хватило бы на несколько опер, они расположены не так, чтобы получалась какая-нибудь связная история, что удивило д-ра Калмейера и заставило предположить, не могла ли большая их часть быть сочинена в качестве упражнений для занятий музыкой. Они действительно слишком многочисленны, чтобы Сен-Жермен мог их все сочинить с момента приезда в Лондон. Означало ли то, что он опубликовал все арии сразу таким образом, вместо того чтобы объединить их в оперы, что ему просто надоели оперы? Наиболее тщательно была проработана последняя из них, «Неблагодарный не прав» (Non ha ragione ingrato), которая содержит пометки о выразительности почти на каждом такте: con colera, dolorosamente, pregando (сердито, скорбно, умоляюще) и т. д. Она написана в фа миноре, размером 4/4, последняя часть — в 3/4:

Non ha ragione ingrato

---

[35] Прага, народный музей, Лобковиц, II La 16.

Un Core abbandonato
Da chi giurr gli fe
Ingrato da chi giurr gli fe?
Anime innamorate
Se lo provaste mai
Dite le voi per me.

Perfido tu lo sai
Si tu lo sai
Si in premio un tradimento
Io meritai da te?
E qual sara tormento
Anime innamorate
Se questo mio non e?

Фактическое отсутствие знаков препинания и свободный синтаксис в начале дают возможность лучше прочувствовать смысл. Вольный перевод:[36]

Неблагодарный, неправ он.
Верное сердце отравам
Отныне открыто всем.
Верность! Тема из тем!
Влюбленные, если вам
Дается об этом знанье,
Скажите о нем, не тая.

И ты ответь, вероломный,
Обманщик притворно-томный,
Моя какова награда
За полную чашу яда,
Что влил в меня твой обман?
Влюбленные, что есть страданье,
Если страдаю не я?

Принадлежат ли слова и музыка этих итальянских арий самому Сен-Жермену?

---

[36] Подстрочный перевод:

Ведь он не прав, не благодарный
Сердцу, им покинутому,
Что поклялось ему в верности,
Не благодарный тому, кто поклялся ему в верности?
Любящие души,
Если вы пережили такое,
Скажите это мне.

Вероломный, ты знаешь,
Да, ты знаешь,
Заслужила ли я, как награду,
Твое предательство?
Я заслужила твое предательство?
И что тогда есть страданье,
Любящие души,
Если страдание мое — не страданье?

Было бы естественным предположить, что это так, потому что указания на чье-либо иное авторство отсутствуют. Я проверила все 42 первые строки по «Arie Antiche» Паризотти, но ни одна из них там не фигурирует. Допустив, что Сен-Жермен мог просто использовать уже существующие итальянские стихи, я написала д-ру Томмазо Урсо в университет Флоренции, он проконсультировался с коллегами, но никто из них не знал ни одного произведения, содержавшего хотя бы одну из этих первых строк. В Консерватории имени Джузеппе Верди в Милане также ничего не признали и не смогли определить арии по первым строкам. Короче говоря, я думаю, есть шанс, что итальянские стихи, как и музыка, написаны самим Сен-Жерменом.

Около 1750 года Уолш опубликовал также «Шесть сонат для двух скрипок с басом для клавесина или виолончели, написанные СССС Сен-Жерменом». (Примечание на титульном листе относится к его «Musique raisonnee» как еще имеющейся в наличии. Тональности и размер этих сонатных трио следующие: I — фа мажор, 4/4; II — си бемоль мажор, 4/4; III ми бемоль мажор, 4/4; IV — соль минор, 4/4; V — соль мажор 4/4; VI — ля мажор, 3/4. Очень жаль, что словами нельзя выразить представление о своеобразии инструментальной музыки, как в случае с песнями для дам, когда скрипка была собственным инструментом Сен-Жермена; его сонаты намного более серьезны.

Для описания их я не смогу сделать ничего лучше, как процитировать д-ра Калмейера:[37] «В сонатах для трио Сен-Жермена видна та же гибкость, что и в английских песнях. Сонаты для трио имеют три или четыре темпа (медленно — быстро — медленно — быстро или быстро — медленно — быстро). Последний темп часто cantabile, с контрапунктической имитацией в трех частях, в размере 3/4. Allegro, включающее tempi giusti и moderato, имеют тот же контрапунктический или имитационный порядок. Темпы adagio и andante — присутствуют в обоих стилях, и в полифоническом, и в омофоническом. Динамический диапазон — от пианиссимо до фортиссимо. В целом эти сонаты примыкают к позднебарочной схеме: одна тема на один темп, без какой-либо различимой структуры формы или фразы. Есть значительное развитие и расширение одной идеи, но не развернута четко определенная вторая тема. Мы не находим и преобладания стиля рококо у первой скрипки или типичных для рококо поворотов и украшений».

В 1758 году, согласно каталогу Британского музея, появились «Семь сольных пьес для скрипки, сочиненных графом Сен-Жерменом». Все снабжены цифрованным басом для аккомпанирующего клавишного инструмента.

---

37 «Willst du dein Herz mir schenken» nach doch nur von Bach sein kann» возражает, что эта песня слишком великолепна, чтобы ее мог сочинить кто-нибудь, кроме Баха. Авторство Баха опровергается в двухтомной биографии великого композитора, написанной Филиппом Спитта, а американо-голландский композитор Иоганн Франко в своей статье «Граф Сен-Жермен», опубликованной в журнале Musical Quarterly (1950) XXXVI, отмечает, что Бах иногда копировал работы других композиторов, которыми он восхищался, и что светское произведение такого рода было бы уникальным в его творчестве. Он предлагает, чтобы Джованнини было прочтено как итальянская форма имени Иоганн, и поддерживает версию, что Джованнини был на самом деле Сен-Жермен, который писал светские произведения точно такого типа. Д-р Калмейер упрекает д-ра Хайнца Бекера, который в своей работе «Die Musik in Geschichte und Gengenwart» возражает, что «Песни» Джованнини в собрании Грэфе ни в чем не отличаются от «Favourite Songs» Сен-Жермена. Д-р Калмейер настаивает, что отличаются: метрически они более разнообразны и имеют более изящные ноты, арпеджио, трели и шестнадцатые и тридцать вторые, но более простые басы, чем в песнях Сен-Жермена. Он утверждает, что Джованнини — это не Бах, не Сен-Жермен, а третий композитор, творчество которого было незначительно. Я готова согласиться с этой точкой зрения. Я принимаю доводы Франко в подтверждение того, что это не сочинение Баха, но поскольку мы не знаем, где Сен-Жермен находился в 1740 году, и поэтому не можем утверждать, что его в Берлине не было, у меня складывается впечатление, что Гербер, сбитый с толку двумя персонажами, неподходящими из-за того, что происхождение их неизвестно, по внезапному капризу вдруг решил совместить их в один, без каких-либо дополнительных причин. Кроме того, 1725 год — это слишком рано, чтобы, по-моему, можно было надеяться найти что-нибудь, сочиненное Сен-Жерменом. Тем не менее сам факт, что могло возникнуть сомнение, написано ли что-то Сен-Жерменом или же Бахом, очевидно, является комплиментом Сен-Жермену.

Издатель — Дж. Джонсон, что скорее удивительно, с учетом знака копирайт в «Musique raisonnee»; можно предположить, что Уолш освободил Сен-Жермена от обязательств.

Д-р Калмейер подчеркнул, что они демонстрируют отличную от сонат для трио структуру: «Кроме немногих мелких вариаций, они состоят неизменно из адажио, аллегро, анданте и аллегро. Каждый темп делится на две части, каждая из которых регулярно заканчивается доминантой. Их характер более в стиле рококо, чем предшествующая музыка. Бас повсюду состоит из аккордов. Появление трелей и длинных фиоритур гораздо более частое, и мы здесь опять встречаем «шотландскую трещотку», которая явно отсутствовала в сонатах для трио».

Однако к тому времени, когда эти скрипичные сольные пьесы были опубликованы, Сен-Жермен уже вернулся на континент.

Одним из существенных вопросов в отношении Сен-Жермена всегда был вопрос о том, откуда он появился, и я предположила, что национальные корни можно было бы обнаружить, проведя анализ его музыки. Приглашенные в качестве экспертов знатоки музыки указали, что больше всего в музыке Сен-Жермена чувствуется влияние Доменико Скарлатти и Генделя. Хотя лондонцы противопоставляли Генделя итальянцам, до приезда в Лондон Гендель жил в Италии. Именно Джованни Гастоне, младший из двух последних братьев Медичи, встретив Генделя в Гамбурге, подсказал ему идею посетить Италию.[38] Этот визит был осуществлен Генделем в 1707 году. Предполагают, что сначала он приехал во Флоренцию, чтобы повидать Джованни Гастоне. Хотя судьба предназначила ему быть последним из Медичи, Джованни Гастоне еще не стал наследником своего брата, принца Фердинанда, чье покровительство музыке сделало его двор наиболее известным центром музыкальной деятельности. Хранителем инструментов у него был Бартоломео Кристофоре, признанный изобретатель пианино, или, как он его называл, cembalo col piano e forti (клавесин с «тихо» и «громко»), изготовленного для него примерно в 1709 году.[39] В театре принца Фердинанда на его вилле в Пратолино, около Флоренции, было поставлено пять опер Алессандро Скарлатти.[40] Он не предложил поста сыну Алессандро, Доменико, и считают, что возможно, Гендель встретил Скарлатти в Венеции или Риме и завязал дружбу с младшим Скарлатти, родившимся в тот же год, что и он. Не обязательно Сен-Жермен встречался с кем-либо из них в Италии, но разве такой двор, как двор братьев Медичи во Флоренции, не мог обеспечить того музыкального фона, который на него повлиял?

Для любого, кто играл музыку XVIII века только в современных изданиях, музыка Сен-Жермена, существующая только в оригинале, будет выглядеть странно. С первого взгляда может показаться, что нет аккордов. Они есть, однако показаны цифрами выше и ниже басовой мелодии. Это то, что известно как цифрованный бас.[41] С таким типом записи было бы трудно сразу понять замысел композитора.

---

[38] См.: Handel, R.A. Streatfield (London, 1909). С. 24, 26; Domenico Scarlatti, Ralph Kirkpatrick (Princeton University Press, 1953). С. 32.

[39] Domenico Scarlatti, Ralph Kirkpatrick (Princeton University Press, 1953). С. 15.

[40] Op. cit.

[41] Цифрованный бас, иначе — генерал-бас, а также basso continuo — непрерывный бас (итал.) — нижний голос с присоединенной к нему гармонией, записанной посредством цифровых обозначений: цифры помещаются в нотах под звуками нижнего голоса (для аккомпанирующего инструмента — клавесина, органа). Это технический прием для исполнителей, а также особый метод музыкальной композиции, связанный с искусством импровизации. Существовал в XVIII веке примерно до 1755 года, затем использовался при обучении композиторов для выработки умения сопровождать мелодию или речитатив аккомпанементом по правилам голосоведения и с украшением музыкальным орнаментом.

Поэтому я послала профессору Донингтону фотостаты моих фотокопий клавесинной музыки к английским песням, со стрелками, указывающими на спорные места, и также некоторую инструментальную музыку, перечислив вопросы, в том числе о его впечатлении о национальном или другом влиянии на эти сочинения. Он не увидел ничего чужестранного в тактах «свинга» и подумал, что песни были написаны под влиянием главным образом Генделя. Что касается инструментальной музыки, он написал: «Стиль сонат, я думаю, лучше всего описать как позднее барокко с чертами галантности».

Это совпадало с одной статьей, которую я нашла позже, написанной композитором Иоганном Франко, в которой говорилось, что музыка Сен-Жермена выигрывает при сравнении с музыкой его современников — Иоганна Иоахима Кванца, Георга Филиппа Телемана и сыновей Баха (Карла Филиппа Эммануэля и Иоганна Христиана), однако не с великим Бахом. О сочинениях Сен-Жермена он написал: «Сама музыка изящна и типично галантна».[42]

Для определения термина «галантный» ничего лучше не придумаешь, как вернуться к «Интерпретации старинной музыки» профессора Донингтона, стр. 108–109: «Слово «галантный»… означает обходительный, утонченно-вежливый, в смысле вежливого разговора… более глубокие эмоции, если они вообще упоминаются, затрагиваются лишь слегка. Лучшая музыка такого типа сияет искренним великолепием; но это великолепие чувствительности, а не чувства. Чувствительность — это чувство, которому придана элегантность… Благодаря всем этим легким качествам именно галантная музыка преодолела критический переход от музыки барокко к классической музыке. В конце этого пути стоял Бетховен».

Профессор Донингтон высказал идею поинтересоваться мнением доктора Стенли Сейди, издателя «Новой энциклопедии музыки и музыкантов», издателя «The Musical Times» и музыкального критика газеты «The Times», чья жена считается специалистом по французскому барокко того периода.

Поэтому я послала доктору Сейди фотостаты некоторых сольных скрипичных пьес и струнных пьес для трио, английских песен и итальянскую песенку «Мой прекрасный идол». Он очень любезно и довольно полно ответил мне, охватив многие из проблем, которые были мною затронуты:

«Я с интересом ознакомился с музыкой, которая замечательно типична для своего времени и происхождения. Почти все одностраничные песни были выпущены в таком виде, то есть не указанная особо инструментальная партия записана на том же нотном стане, что и вокальная, когда голос не поет. Обычно, как правило, допускается, что эта партия подходит для любого из имеющихся инструментов, например, скрипки или флейты, при домашнем исполнении или, возможно, для правой руки при игре на клавишном инструменте; хотя, конечно, указанные цифрами созвучия требовали, чтобы исполнитель добавлял на клавиатуре промежуточные ноты в аккордах. Вероятно, песни были написаны все же не для домашнего музицирования, а для концертного исполнения в парках или закрытых залах, или в случае песен «L ’Incostanza Delusa» — для исполнения нормальным струнным оркестром. Тот факт, что в одной из песен есть отдельная партия флейты, не влияет на инструментовку главного текста. Эта часть внизу страницы — и это опять нормальный способ в таких публикациях — предназначена для флейтиста, играющего самостоятельно; она выполнена в обычном ключе для диапазона этого инструмента (как это обычно делается в таких случаях) и не предполагалась для исполнения в ансамбле с каким-то другим инструментом.

Я думаю, очень мачо смысла пытаться быть слишком точным, говоря о намерениях композитора касательно таких партитур.

---

[42] «The Count of St. Germain», Johan Franco, The Musical Quarterly, XXXVI, (1950). C. 547.

В основном они были предназначены для праздной любительницы, которая покупала ноты для того, чтобы у себя дома воспроизвести те пьесы, которые она где-то слышала — поэтому она могла играть их или петь, или и то и другое сразу, с аккомпанементом или без него, с обязательной частью или без. Это тип многоцелевой партитуры, предназначенной, чтобы нравиться любителю, и она никоим образом не является законченной или дающей точное представление о замысле композитора.

Однако прочие сочинения совершенно не таковы. Это строго выдержанные по канонам формы публикации его замыслов и, по-моему, интересные и никоим образом не типичные для того времени примеры сонаты для трио и сонаты для сольного инструмента. Я согласен с замечанием Калмейера, высказанным в конце статьи в «Новой энциклопедии Гроува», где сказано, что в сонатах для трио объединяются полифоническое и омофоническое письмо, тогда как скрипичные сонаты более стремятся к рококо; это на самом деле то, чего можно ожидать от музыки самой середины XVIII века, когда соната для трио была главной формой, в которой выжила полифония. Несомненно, Сен-Жермен был композитором, понимавшим толк и имевшим значительные заслуги в этом раннем галантном стиле».

Я составила каталог музыкальных произведений графа и рискнула приписать номера опусов».

После 1745 года Сен-Жермен из Лондона, согласно одному свидетельству, отправился в Вену и провел в этом городе некоторое время. Это можно вывести из записок ван Сипштайна:[43] «Он роскошно жил в Вене с 1745 по 1746 год, был вхож в любое общество, а премьер-министр императора (Франца I), принц Фердинанд Лобковиц был его лучшим другом. Он же и познакомил его с французским маршалом Бель-Илем, посланным королем Людовиком XV с особой миссией к Венскому двору. Бель-Иль, состоятельный внук Фуке, был столь очарован блистательным и остроумным Сен-Жерменом, что не замедлил пригласить его посетить Париж».

Вероятно, Сен-Жермен принял приглашение и после 1746 года отправился в столицу Франции. Впрочем, о Париже и парижанах речь пойдет дальше. Но сначала о главном действующем лице, определявшем жизнь Франции той поры.

[43] См.: Herinneringen, van J.H.E.C.A. van Sypsteyn; s Gravelenhage, 1869.

Глава 5

Прекрасная маркиза

Эту женщину историк Анри Матрен назвал «первой женщиной премьер-министром». Именно ей мы обязаны высокой прической — «помпадур», чудесным оттенком глубокого розового цвета «помпадур» и даже рождением первой дамской сумочки — «помпадур»… Жанна-Антуанетта Пуассон родилась 29 декабря 1721 года, отнюдь не в фамильном замке. Ее отец, Франсуа Пуассон, интендант, проворовался и сбежал от приговора за границу. Сплетничали, что мадам Пуассон наградил дочерью вовсе не скромный интендант, а дворянин, Норман де Турнем. Он помог девочке получить хорошее образование: она великолепно музицировала, пела, играла на сцене, рисовала и гравировала, а еще любила резать по камню камеи, а позже, когда юная особа достигла 19 лет, способствовал ее браку со своим племянником по имени Шарль Гийом ле Норманн д'Этиоль. Хорошенькая новобрачная вела себя безупречно, вопреки царившей вокруг свободе нравов: «Только с королем я могла бы изменить своему мужу!» Еще в детстве, в 1730 году, гадалка мадам Лебон нагадала Жанне-Антуанетте, что в будущем она станет «почти королевой», то есть королевской фавориткой. Девочка крепко запомнила предсказание и стремилась исполнить его любой ценой, несмотря на то, что с юности страдала тяжелой формой чахотки.

…Людовик XV родился в 1710 году. В пять лет, после смерти прадеда короля Людовика XIV, наследовал трон, которым, впрочем, до его совершеннолетия от его имени управлял регент. Когда ему было девять лет, в Париж приехал российский император Петр для проведения переговоров «о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за среднею», Елизавету. Версаль не пришел в восторг от перспективы женить Людовика на дочери «портомои». Происхождение жены русского императора, Екатерины, было хорошо известно. И брак не состоялся. Красивая и бойкая Лизетка, как звал Петр свою среднюю дочь, осталась дома и явно не прогадала, став позже императрицей российской.

В 11 лет Людовику нашли подходящую невесту — Марию Лещинскую, дочь дважды занимавшего польский трон короля Станислава. Когда Луи исполнилось 15, их поженили. Супруга была семью годами старше него, чрезвычайно набожна, скучна и малопривлекательна, и хотя супружеский долг очевидно тяготил ее, исправно его исполняла. За первые 12 лет брака она родила Людовику десятерых детей. Королю, бывшему все эти годы примерным супругом, его государственные и частные семейные обязанности вскоре прискучили. Современники называли Людовика XV человеком с «крайне сложным и загадочным характером» и «рано уставшим» королем. И он отдался тому, что доставляло ему истинное удовольствие — изящным искусствам и не менее изящным женщинам.

К моменту встречи с Жанной д'Этиоль этому «красивейшему мужчине в своем королевстве», прозванному Людовиком Прекрасным, исполнилось 35 лет. И у него была уже третья официальная фаворитка — двадцатисемилетняя герцогиня де Шатору. Но двадцатитрехлетнюю Жанну-Антуанетту это не останавливало.

Ее попытки покорить сердце монарха, разъезжая по королевским лесам, где он охотился, в образе нимфы или амазонки, не увенчались успехом. Удача улыбнулась ей 25 февраля 1745 года. Проникнув на грандиозный бал-маскарад в костюме Дианы-охотницы, под маской, она сумела заинтриговать короля легким остроумным разговором, не похожим на обычные дамские глупости. Так и не открыв лицо, она таинственно исчезла. А вскоре в ложе Итальянской оперы король услышал голос незнакомки, потерянной на балу. Жанна приняла его приглашение отужинать и отдалась королю.

Следующего свидания ей удалось добиться с большим трудом. Свою роль в этом сочиненным ею мелодраматическом моноспектакле она играла с азартом отчаяния. Жанна пробралась в дворцовые апартаменты, уверив короля, что решилась на это, рискуя пасть от руки ревнивого мужа, только затем, чтобы взглянуть на обожаемого человека.

Растроганный Людовик пообещал Жанне, что по возвращении с театра военных действий во Фландрии произведет жертву ревности в официальные фаворитки, так как к тому времени после внезапной смерти герцогини де Шатору от пневмонии место было вакантно. Через несколько месяцев, вернувшись с войны, монарх исполнил свое обещание. Он даровал Жанне титул и маркизат угасшего дворянского рода де Помпадур из Лимузена. За это время герцог де Гонтан и аббат де Берни, знаток изящной словесности, обучили «гризетку» придворному этикету и всем тем наукам и искусствам, что подобало знать благородной даме.

14 сентября 1745 года король представил приближенным новоиспеченную маркизу как свою подругу и выделил ей апартаменты в Версале, связанные с его собственными покоями потайной лестницей.

Но мудрая дама не останавливается на достигнутом. Она прекрасно понимает, что желающих оттеснить ее от трона предостаточно. А значит, необходимо неустанно бороться за завоеванное место.

Зная слабость короля к постоянной смене дам, Жанна-Антуанетта устраивала Людовику ролевые игры, переодеваясь и разыгрывая каждый раз все новые персонажи. Но будучи женщиной холодного темперамента, маркиза де Помпадур не могла долго поддерживать сексуальный интерес короля. Как любовница она перестала интересовать Людовика через пять лет. И тогда она придумала развеивать скуку монарха при помощи изящных искусств, которые он так любил. Маркиза окружила себя художниками, поэтами, философами, покровительствуя им. В ее будуаре каждый день появлялась новая интересная персона. Умная, наделенная художественным вкусом, она открыла двери дворца и королевскую казну искусству и литературе — не только признанным мэтрам, но и талантливым новичкам.

Ее биографию навсегда украсили имена Вольтера, Дидро, Руссо, Кребийона, д'Аламбера, Буше, Фрагонара, Бюффона, Бушардона, Греза и Монтескье…Среди них она блистала остроумием и эрудицией и не давала скучать королю.

Жанна покровительствовала изящным искусствам, устраивала певческие вечера, организовывала грандиозные праздники. А в итоге — нескрываемое, а порой и публичное осуждение ее расточительности. Было подсчитано, что на свои увеселительные затеи она израсходовала 4 миллиона, а ее «хвастливое меценатство» обошлось казне в 8 миллионов ливров.

В Версальском дворце маркизой был задуман и воплощен Камерный театр, где она стала режиссером и примой. В январе 1747 года состоялось его открытие: давали мольеровского «Тартюфа». Актеров на сцене вместе с занятой в спектакле маркизой было едва ли не меньше, чем зрителей в зале: приглашено было лишь 14 персон. По окончании спектакля восхищенный Людовик восклицал: «Вы самая очаровательная женщина Франции!»

Строительство было второй после театра страстью маркизы. Она владела таким количеством недвижимости, которое вряд ли даже снилось любой другой королевской фаворитке. Каждое ее новое приобретение подразумевало основательную перестройку, если не снос, и обязательно во вкусе хозяйки.

Королевские дворцы и загородные резиденции Людовика также подвергались изменениям в соответствии с ее вкусами. Не избежал этого и Версаль, где маркиза недалеко от королевского парка повелела соорудить небольшой уютный дом с парком и храмом с беломраморной статуей Адониса.

Маркиза де Помпадур организовала школу для детей военных ветеранов. Строительство началось в одном из самых престижных районов столицы — возле Марсова поля.

Проект здания был заказан первоклассному зодчему Жак-Анжу Габриэлю, создателю знаменитой площади Согласия. Начавшееся в 1751 году строительство было прервано из-за недостаточного государственного субсидирования.

Тогда маркиза вложила недостающую сумму из собственных сбережений. И уже в 1753 году в частично отстроенных помещениях школы начались занятия. В дальнейшем помог налог, которым Людовик обложил любителей карточной игры, целиком пошедший на завершение строительства.

С 1777 года в это учебное заведение стали принимать лучших учеников провинциальных военных училищ, в числе которых в октябре 1781 года на обучение прибыл 19-летний кадет Наполеон Бонапарт.

И, наконец, среди непримечательных улиц Парижа маркиза де Помпадур сняла небольшой домик, впоследствии известный как Олений парк. Там в полной секретности организовывала фаворитка для своего короля свидания с хорошенькими девушками-простолюдинками.

Ловко наладив развлечения Людовика XV, Жанна-Антуанетта заполучила в свои руки практически безграничную власть. Политика, которой мало интересовался король, была в полном ведомстве маркизы. Она принимала все мало-мальски важные решения. Тратила королевскую казну по своему усмотрению на меценатство, великолепные строения. Наладила в своем поместье Севр производство фарфора, впоследствии прославившего Францию.

Маркиза де Помпадур обладала холодным рассудком и железной волей, что удивительным образом сочеталось с ее слабым телом. Несмотря на подорванное здоровье, она не жалела сил на государственные дела, заменяя короля на дипломатических приемах и совещаниях с министрами. С ней вели официальную переписку русская и австрийская императрицы и прусский король. «Вся тайна политики состоит в том, чтобы вовремя солгать и вовремя промолчать», — замечала она. Это и позволило ей почти 20 лет быть у трона, несмотря на козни недоброжелателей.

Когда Жанна-Антуанетта отходила в мир иной, Людовик распорядился перенести фаворитку во дворец.

15 апреля 1764 года королевский хронист записал: «Маркиза де Помпадур, придворная дама королевы, умерла около 7 часов вечера в личных покоях короля в возрасте 43 лет». Ранее умирать во дворце дозволялось лишь особам королевских кровей.

…Когда похоронная процессия повернула по направлению к Парижу, Людовик, стоя на балконе дворца под проливным дождем, сказал: «Какую отвратительную погоду вы выбрали для последней прогулки, мадам!» За этой, казалось бы, совсем неуместной шуткой скрывалась истинная печаль. Об этом напишет камердинер короля Шамплост.

Но в нашем рассказе до этих событий еще далеко. Пока маркиза де Помпадур находится в зените славы, и король полностью доверяет ей все свои дела, финансовые и политические.

В своей финансовой политике маркиза опиралась на двух братьев Пари: Жозефа Пари-Дюверни (ее крестного отца) и Жана Пари-Монмартеля. Именно они ссудили маркизе под 5 % годовых нехватающие средства на строительство Военной школы. Они не раз выручали короля и его фаворитку при денежных затруднениях, а взамен получали выгодные откупы на снабжение армии продовольствием и вооружением. Кредиторы интересовались и политическими делами, при этом желая оставаться за кулисами. 28 декабря 1745 года посол Франции маркиз де Стенвиль написал императору Австрии: «Господин Пари-Дюверни и его брат Пари-Мармонтель при дворе всемогущи. Они хотят не быть министрами, а назначать и смещать их». И это им удавалось. 10 января 1747 года благодаря их влиянию брат Бель Иля маркиз д'Аржансон был отозван с поста министра иностранных дел и заменен на Пюисье, человека из круга братьев Пари. Они же стояли за спиной тайных поисков путей сближения с Австрией вместо Пруссии, тогда союзной Франции страной. Австрия же желала вернуть себе Силезию, отвоеванную Фридрихом Великим в ходе Первой Силезской войны между Австрией и Пруссией, переросшей в общеевропейскую Войну за австрийское наследство.

В этот период граф Венцеслав Антон фон Кауниц, посол Вены в Париже (впоследствии он станет принцем Кауницем, канцлером Австрии), сблизился с мадам Помпадур, чтобы через нее представить предложение австрийской императрицы Марии-Терезии о союзе против Пруссии королю Франции Людовику. Этот договор 1 мая 1756 года был подписан от Австрии — Кауницем и от Франции — министром иностранных дел Берни (тем самым аббатом Берни, который учил будущую маркизу изящной словесности и затем получил от высоко вознесшейся благодарной ученицы этот пост). Это стало началом Семилетней войны 1756–1763 годов. В закулисной дипломатии вокруг способов для Франции достойно выйти из войны Сен-Жермену также довелось сыграть роль. Но об этом — в следующей главе.

Влиянием маркизы де Помпадур, естественно, объясняется и присутствие в Дирекции королевских строений, иначе говоря, в роли главного смотрителя изящных искусств, Абеля Пуассона де Вандьера, маркиза Мариньи — ее младшего брата. Кому, как не горничной маркизы, знать его характер и привычки, а также биографию. По словам г-жи дю Оссет, он «совершил несколько путешествий в Италию в сопровождении искусных художников, был лучше образован, отличался большим вкусом, чем все его предшественники»[44] и сумел добиться признания своих заслуг Людовиком XV. Однако, несмотря на большие умственные способности и рассудительность, он навсегда сохранил некоторую грубость и врожденную резкость, которые мешали ему в общении с современниками.

Маркиз также управлял королевскими мануфактурами, и в этом качестве он понадобился графу Сен-Жермену. В апреле 1758 года граф направил господину Мариньи, интенданту королевских зданий, очень любопытное письмо:[45]

«Париж, 9 часов утра, среда

…Доброта Вашего характера, ум, искренность и многие другие качества, чрезвычайно важные для достойного уважения человека, которого я имею удовольствие видеть в Вас, завоевали мое доверие. И Вы сможете сами судить об этом. В своих землях я сделал редчайшее открытие, какое только возможно, если не считать открытие Америки. Вот уже почти двадцать лет, как я руковожу работами над ним с терпением и постоянством, поистине беспрецедентными. Молчу о больших затратах, сделанных для того, чтобы открытие было по-настоящему королевским, молчу также о труде, поездках, исследованиях, бдениях и обо всем том, чего мне это стоило. Ныне, по доброй воле, я предлагаю королю воспользоваться результатом этих многотрудных поисков, за вычетом лишь моих личных затрат, с единственной просьбой о том, чтобы мне и тем людям, которых я привез из Германии, чтобы служить королю, было разрешено поселиться в какой-нибудь из принадлежащих ему резиденций. Мое присутствие часто будет нужно там, где будет вестись работа, поэтому необходимо, чтобы там было место и для моего жительства. Я беру на себя все затраты, как на перевозку готовых веществ, так и на обработку красителей, которые извлекут из этих веществ, заготовленных в двухстах лье от Парижа. Одним словом, от короля потребуется лишь предоставить жилье с обстановкой, достойное того скорого и крепкого хозяйства, которое я ему предлагаю, а также несколько деревьев в год, и тогда, с превеликой гордостью и удовлетворением, я передам Его Королевскому Величеству неоспоримо принадлежащие мне права на самую богатую мануфактуру, когда-либо существовавшую, и оставлю всю выгоду государству.

Нужно ли добавить, что я честно люблю короля и Францию? Можно ли сомневаться в моем бескорыстии и похвальных целях? Новизна не требует ли особого отношения ко мне? Пусть Его Высочество и госпожа де Помпадур всесторонне рассмотрят это предложение и того, кто его делает. Мне же остается молчать.

---

[44] Госпожа дю Оссет, «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 84.

[45] Иностранные дела Франции, 1360, лист 116.

Вот уже год, как я говорю об этом. Вот уже три месяца, как нахожусь в Париже. В этом письме я открываюсь честному и прямому человеку: неужели я окажусь неправ?…»[46]

Письмо (а вернее, его сделанная кем-то из переписчиков копия без даты, о которой утверждается, что она во всем совпадает с оригиналом, сам же оригинал уничтожен) подписано «Дени де С. М., граф Сен-Жермен». В первый и единственный раз появляется это имя. Фамилия ли графа скрывается за инициалами или какой-нибудь другой псевдоним, неизвестно.

Гораздо важнее другое — указание графом на то, что он владеет поместьем в Германии, где вот уже двадцать лет под его началом люди трудятся над разработкой технологии получения красителей для тканей. Итак, граф Сен-Жермен мог оказаться ученым, химиком, владельцем земли в Германии.

На обороте этой копии рукой того же переписчика сделана приписка о том, что было следующее письмо Сен-Жермена, датированное «Версаль, 24 мая 1758 года», в котором граф жаловался, что все еще не был принят, и просил аудиенции «во имя справедливости и человечности».

Маркиз Мариньи принял предложение графа и сообщил ему о том, что предоставляет ему часть замка Шамбор, в котором никто не жил с тех пор, как в конце ноября 1750 года умер прежде занимавший этот замок Морис Саксонский, бывший маршал, незаконный сын курфюрста Саксонского Августа II. По королевскому повелению управляющим замка был маркиз де Сомери.

8 мая 1758 года г. Колле, архитектор и надзиратель королевских строений, отписал брату госпожи Помпадур: «…Граф Сен-Жермен прибыл сюда в прошлую субботу; это — его второе посещение Шамбора. Я приготовил две комнаты для его спутников, а также три комнаты из кухонных помещений на первом этаже лично для него и его опытов. Для этого мне ничего не пришлось менять в замке, кроме нескольких срочных ремонтных работ»[47]

Это письмо доказывает, что вопреки тому, что утверждалось Казановой и впоследствии многими другими вслед за ним, не Людовик XV предоставил замок Шамбор графу,[48] а маркиз Мариньи взял на себя решение позволить графу воспользоваться частью служебных помещений замка для работы над красящими веществами.

Через день, в сопровождении г. Колле,[49] граф Сен-Жермен снова поехал в Париж, где ему нужно было решить кое-какие дела. Это отражено в переписке господина Колле с маркизом Мариньи.

Письмо господина Колле, Управляющего замками Шамбор и Блуа, маркизу де Мариньи, Директору Королевских Строений.

«Шамбор, 10 мая, 1758 год.
Милостивый Государь.

---

[46] Цитировано частями Е. Маркизетом. Цитир. произв. С. 81–82.

[47] Национальный архив, г. Блуа, 01 1326. С. 399. Документы из Парижского государственного архива, касающиеся местопребывания графа Сен-Жермена в замке Шамбор, милостиво предоставленного ему Людовиком XV в 1758 году. Парижский государственный архив. Ящик — *** — Блуа и Шамбор // Труды/ 1747–1760, 01 1326. Здесь и далее цит. по: Купер-Оукли И. Граф Сен-Жермен. Тайны королей. М.: Беловодье, 1995. С. 137–140.

[48] См.: *Казанова.* Воспоминания. Париж: изд-во Гарнье. Без указания даты. Т. III. С. 362.: «Король подарил ему квартиру в Шамборе и сто тысяч ливров для постройки лаборатории. Химическое производство призвано было обогатить все французские фабрики». См. также: Граф Ламберг. С. 81.

[49] См.: Национальный архив, г. Блуа, ol 1326. С. 379.

Вероятно, я воспользуюсь возможностью, любезно предоставленной мне графом Сен-Жерменом, и отправлюсь вместе с ним в Париж, где ему необходимо до конца следующей недели закончить кое-какие дела. Надеюсь, что во время моей короткой остановки в Париже Вы позволите мне нанести Вам визит…

Господин де Мариньи — господину Колле.

Мариньи, 19 мая, 1758 год.
Милостивый Государь.
Не имею ничего против Вашей поездки вместе с графом Сен-Жерменом в Париж…»
Просьба графа о предоставлении ему рабочих помещений в королевском замке была отчасти удовлетворена, но он все же требовал встречи с маркизом Мариньи, о чем писал ему 24 мая 1758 года. В этом письме граф жаловался, что «двери остаются перед ним закрытыми», и просит маркиза об аудиенции «во имя справедливости и человечности».[50]

Надо полагать, что второе письмо было встречено более благосклонно, чем первое, и, вероятнее всего, маркиз Мариньи — человек, проявлявший удивительную и постоянную сухость при встречах с благородными людьми, принял графа Сен-Жермена.[51] После этой встречи, очарованный необычностью познаний графа, маркиз представил последнего сестре.

Сен-Жермен вернулся в Шамбор в течение августа 1758 года[52] и затем наведывался туда на непродолжительный срок еще несколько раз осенью и зимой этого же года.

Об этом свидетельствует переписка маркиза де Мариньи:

Аббат де ла Пажери — господину де Мариньи.

«Блуа, 12 августа, 1758 год.
Милостивый Государь.
Не имея возможности лично выразить мое к Вам искреннее почтение, вынужден довольствоваться тем, что пишу Вам это послание, которое, смею надеяться, напомнит Вам обо мне. Я весьма признателен за все благодеяния, которыми Вы почтили меня и которые навсегда останутся в моей благодарной памяти. Я искренне ценю их и являюсь самым преданным Вашим другом.
Я часто вижусь с господином Бегоном, который, по счастью, Вам знаком. Он полностью поглощен своими блестящими строительными операциями. Господин Сен-Жермен, возбуждающий всеобщее любопытство, постоянно находится в центре внимания местного общества. Я встречал его дважды на званых обедах. Он, по всей видимости, является человеком твердых убеждений и обширных познаний.
…Бедняга господин де Сомери, управляющий Шамбора, не может более терпеть, ибо нога его находится в ужасном состоянии…

Господин де Мариньи — аббату де ла Пажери.

Версаль, 2 сентября, 1758 год.
Я получил, милостивый государь, письмо от 12 августа, которое Вы имели честь послать мне.

---

[50] Иностранные дела Франции, 1360, лист 116.

[51] Маркиз Мариньи проживал либо на ул. Сен-Тома-дю-Лувр, либо в своем особняке на набережной Анжу, д. 5.

[52] См.: Национальный архив, г. Блуа, ol 1326. С. 395.

Общеизвестно, что король предоставил господину Сен-Жермену апартаменты в замке Шамбор — и Вы, несомненно, правы, отзываясь об этом человеке как о весьма и весьма достойном. Я имел возможность убедиться в этом в ходе многих моих бесед с графом Сен-Жерменом и считаю, что его обширные познания способны принести обществу немалую пользу…

Господин Колле — маркизу де Мариньи.

Шамбор, 4 декабря, 1758 год.
Милостивый Государь.
…Граф Сен-Жермен прибыл в Шамбор в прошлую субботу в сопровождении двух господ. Он пробудет здесь пять или шесть дней, а затем отправляется в Париж, соблаговолив взять меня с собой. Надеюсь сразу же по прибытии иметь честь, Милостивый Государь…»
Следующая корреспонденция, хранящаяся в том же архиве, содержит в себе сообщения о строениях, расположенных возле замка Шамбор.

Господин де Сомери, управляющий замка, — маркизу де Мариньи:

«Париж, 15 апреля, 1759 год.
…подозреваю, что эти пристройки будут использованы как жилье для рабочих, которых граф Сен-Жермен желает нанять и использовать в своем производстве».

(5 апреля 1759 года сделано было распоряжение по поводу этих пристроек, согласно которому они были сданы в пользу короля, вследствие чего графу Сен-Жермену не удалось использовать эти помещения в своих целях).

Примечательно, что после окончательного отъезда Сен-Жермена из Шамбора там в течение нескольких месяцев еще оставался некий господин Барбер из числа его спутников, с несколько нарушающим приличия поведением которого связаны хранящиеся в архиве копии еще трех писем, помещаемых далее в хронологическом порядке:

Господин Колле — маркизу де Мариньи.:

(с уведомлением о недавнем происшествии, в котором главным действующим лицом был Барбер).

«Шамбор, 16 июня, 1760 год.

Господин Барбер все еще здесь. Он подстрекает своих последователей к распространению информации о том, что господин Сен-Жермен находится в Париже и пробудет там еще две недели, а также о том, что все сказанное о нем никоим образом не будет забыто, и что газеты преднамеренно распространяют слухи о… (здесь цитата из подлинного письма обрывается).

Маркиз де Мариньи — графу Сен-Флорантену.

«Версаль, 8 сентября, 1760.

Милостивый Государь.

Имею честь сообщить Вам о происшествии, случившемся при дворе Шамборского замка в половине одиннадцатого вечера 26 числа. Главным действующим лицом этой драмы был господин Барбер, находившийся здесь в свите господина Сен-Жермена. Этот последний провел год в Голландии и отправился оттуда в Англию…»

(Происшествие, о котором писал маркиз, состояло в том, что господином по фамилии Барбер была сделана попытка проткнуть господина Колле шпагой).

Граф Сен-Флорантен — маркизу де Мариньи.

«Версаль, 15 сентября, 1760 год.

В настоящее время я пишу господину де Сомери, управляющему Шамбора, с намерением узнать, почему господин Барбер, находящийся на службе у господина Сен-Жермена, все еще не покинул пределов замка?»

(Господин Барбер, видимо, старался удержать в своей собственности два сада, на которые он не имел никакого права. Господин Сомери тайно поддерживал его в пику господину Колле).

Маркиз де Мариньи прекрасно информирован о том, как складывалась дальнейшая жизнь Сен-Жермена, где и сколько времени провел граф после отъезда из Франции. Несомненно, он знал об этом от сестры. Хотя вряд ли ему было известно, с какой именно миссией граф Сен-Жермен побывал в Голландии и в Англии. Об этом на страницах нашей книги расскажут позже в своем месте более осведомленные об этом современники, которые встречались с графом в этих странах. Пока же Сен-Жермен блистает в Париже.

Глава 6

Парижане о Париже и его гостях

Поль Шакорнак (29 сентября 1884–8 марта 1964) был старшим из двух братьев Шакорнак, которые в течение долгих лет стояли во главе книжной лавки на набережной Сен-Мишель в Париже — антикварного магазина эзотерической литературы, основанного в 1884 году Люсьеном Шамюэлем и выкупленного их отцом в 1901 году, и издательства «Братья Шакорнак», ставшего затем главным издательством парижского оккультизма «Bibliotheque Chacomac».

Луи занимался коммерческими вопросами, Поль руководил «Астрологическим журналом» (Chacomac Freres, Париж, 1937), переименованным позднее в «Астрологический альманах» и «Альманах Шакорнак», и посвятил себя изучению огромного количества документов, что позволило ему написать несколько авторитетных работ: об Иоганне Тритеме, Элифасе Леви, графе Сен-Жермене и Рене Геноне, чьи первые статьи вышли в издании братьев Шакорнак.

В работе, посвященной графу Сен-Жермену, Поль Шакорнак проявил себя как историк и биограф, и, если книга и не претендует на решение всех загадок, которые содержит незаурядная судьба графа Сен-Жермена, она остается по сей день самым исчерпывающим исследованием на эту тему из тех, что написаны на французском языке.

Первое издание вышло в 1947 году, затем издательство «Эдисьон Традисьонель» в 1973 году выпустило второе издание, а в в 1989 году — третье. В 1948 году Общество писателей вручило Полю Шакорнаку премию им. Марии Стар за его работу о графе Сен-Жермене.

Основываясь прежде всего на доступных ему свидетельствах на французском языке, Поль Шакорнак утверждает, что, покинув Англию в 1746 году, граф Сен-Жермен отправился в свои владения в Германии и прожил там до 1758 года. Есть косвенные свидетельства, что Сен-Жермен не жил затворником где-то в Германии, а продолжал выезжать в другие страны. Так, судя по обмолвкам в записках графа Людвига Августина д'Аффри,[53] в промежутке между 6 декабря 1755 года по июль 1756 года Сен-Жермен ненадолго посещал Гаагу, где сей служивший французскому двору швейцарский дворянин был в это время посланником. Но поскольку прямых и достоверных сведений об этом периоде нет, имеет смысл перейти к тому периоду в жизни Сен-Жермена, который нашел отражение в целом ряде мемуаров и переписке как частной, так и официальной. Авторам воспоминаний и писем и дадим слово.

Ценным источником фактов о парижском периоде жизни Сен-Жермена 1757–1759 годов служат мемуары мадам дю Оссет.[54] В девичестве ее звали Николь Коллессон, и она была дочерью Франсуа Коллессона, мастера-кожевенника, и Клодины Ролло, дочери торговца сукном из г. Витри-ле-Франсуа. Родилась в Витри 14 июля 1713 года, вышла замуж 15 февраля 1734 года за Жака-Рене дю Оссета, шталмейстера, помещика в де Демен, который умер в 1743 году. В 1747 году госпожа дю Оссет де Демен стала горничной госпожи Помпадур, с которой она была знакома в молодости. Госпожа дю Оссет умерла 24 июля 1801 года в возрасте 88 лет после бурной жизни.

Долгое время ее интимные мемуары считались аутентичными, сейчас их подлинность вызывает сомнения. В любом случае, в мемуарах слишком много сплетен и недостоверных историй, чтобы считать их историческим источником. Но никто не стоял ближе к мадам де Помпадур, чем ее доверенная горничная, так что ей могли быть известны такие подробности, попавшие потом в мемуары, которых не мог знать никто другой.

---

[53] Людвиг Августин д’Аффри — швейцарец, родился в 1715 году в Версале. Посол в Гааге в 1755 году, в 1780 году стал полковником швейцарской гвардии, умер в 1793 году в своем замке Бартелеми в Ваадте.

[54] См.: Hausset (Madame du) Memoires, p. 148, seq.; Paris, 1824.

Вот что она пишет о графе Сен-Жермене:

«Казалось, ему пятьдесят. Тонкие черты, остроумен, одет скромно, но со вкусом. На пальцах, а также на табакерке и на часах он носил великолепные алмазы».[55]

«Г-жа де Помпадур любила слушать, как граф Сен-Жермен рассказывает об исторических событиях, и однажды спросила его с лукавством:

— Каким был Франциск I? Вот король, которого я бы полюбила.

— Он ведь был в самом деле любезнейшим человеком, — ответил граф и затем принялся описывать всю внешность короля, как это может делать лишь очевидец: — Жаль только, что он был так горяч. Я бы смог дать ему совет, который уберег бы его от бед… но он не стал бы ему следовать. Похоже, что рок преследует тех властителей, которые затыкают уши — я имею в виду уши своего духа — к полезным советам, особенно в критический момент.

— А что Вы можете сказать о коннетабле?

— Ничего определенного.

— Был ли двор короля Франциска I красивым?

— Чрезвычайно, но двор его внуков его превзошел. При Марии Стюарт и Маргарите Валуа было восхитительно, настоящее блаженство, в том числе и духовное. Обе королевы были учеными, писали стихи, было очень приятно их слушать.

Г-жа Помпадур смеялась:

— Похоже, что Вы все это видели!

— У меня хорошая память, и я много читал об истории Франции. Иногда ради смеха я намекаю, не заставляя в это верить, что жил в эти давние времена.

Парижское общество в высшей степени интриговала легенда, сложившаяся по поводу его возраста и физического состояния. Утверждалось, что несмотря на его внешность мужчины в полном расцвете сил на самом деле он был многовековым старцем. Г-жа дю Оссет тоже оставила о якобы сверхъестественном возрасте графа свидетельство: «Когда этот слух дошел до г-жи Помпадур, она заметила графу:

— Свой возраст Вы не называете и говорите, что очень стары. Графиня Жержи, которая была, кажется, женой французского посла в Венеции пятьдесят лет тому назад, утверждает, что знала Вас тогда таким же, как Вы выглядите сейчас.

— В самом деле, много лет тому назад я был знаком с г-жой Жержи.

— Но ведь, согласно ее утверждениям, Вам сейчас больше ста лет?

— В этом нет ничего невозможного, — ответил граф, смеясь. — Но еще более вероятно, что эта пожилая дама заговаривается.

— Она утверждает, что Вы дали ей удивительный эликсир и что долго время она выглядела на 24 года. Почему бы Вам не дать такой эликсир королю?

— Что Вы! — ответил граф с чем-то похожим на испуг, — нужно быть сумасшедшим, чтобы дать королю какое-то неизвестное снадобье».[56]

В Версале король Людовик XV и госпожа Помпадур относились к нему с уважением; утверждают даже, что он провел несколько вечеров почти один на один с королем. Так, госпожа дю Оссет передает такой разговор: «господин Сен-Жермен сказал как-то королю: «Для того, чтобы объективно оценивать людей, нужно не быть ни исповедником, ни министром, ни полицейским начальником…» — король вставил: «Ни королем». Граф Сен-Жермен ответил: «Сир, вы видели, какой туман был несколько дней назад, ничего не видно было за четыре шага. Чаще всего короли окружены еще более густым туманом, порожденным интриганами и неверными министрами.

---

[55] Госпожа дю Оссет. «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 145.

[56] Госпожа дю Оссет. «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 143.

Во всех слоях общества стараются показать им вещи под другим, нежели реальным, углом».[57]

Однажды граф пришел к госпоже де Помпадур, «когда двор был во всем своем великолепии; пряжки ботинок графа и его подвязок были усеяны чистыми алмазами, такими красивыми, что моя госпожа выразила сомнение в том, что пряжки короля могут сравниться с этими. Он вышел в гардероб, чтобы снять их и принести на рассмотрение. Сравнивая их с другими, присутствующий тут же господин Гонто сказан, что они стоят не меньше двухсот тысяч франков. При графе была в этот день и баснословно дорогая табакерка, и сияющие рубиновые запонки».[58]

> «Спустя несколько дней между королем, госпожой де Помпадур и графом Сен-Жерменом обсуждался его секрет исчезновения пятен на алмазах. Король велел принести алмаз средней ветчины, на котором было пятно. Его взвесили, и король сказал графу: «Его оценили в шесть тысяч ливров, но без пятна он стоил бы десять. Возьмете ли Вы на себя труд обогатить меня на четыре тысячи франков?» Граф рассмотрел алмаз и сказал: «Это может быть сделано, через месяц я принесу Вам этот алмаз без пятна». Спустя месяц граф вернул королю алмаз без пятна, завернутый в льняную тряпку, которую он сам развернул. Король велел его взвесить, и вес был почти таким же. Через господина Гонто отослали алмаз ювелиру без объяснений, и тот дал девять тысяч шестьсот ливров. Но король предпочел сохранить алмаз из любопытства. Он не мог прийти в себя от удивления, говорил, что господин Сен-Жермен, должно быть, владеет миллионами, особенно если умеет делать из маленьких алмазов большие. Тот ничего по этому поводу не сказал, но утверждал, что ему известен способ выращивания жемчужин и облагораживания их цвета. Король и госпожа де Помпадур были очень внимательны к графу. Господин Кено однажды в Высочайшем присутствии заявил, что Сен-Жермен шарлатан, тогда король публично одернул его и посоветовал впредь воздерживаться от подобных замечаний. Его Величество, видимо, совсем ослеплен талантами Сен-Жермена и временами говорит о нем, словно о человеке высочайшего происхождения».[59]

История об улучшении бриллианта путем удаления с него пятен многим узнавшим ее может показаться совершенной выдумкой, чепухой или преувеличением. Эндрю Лэнг в своей посвященной Сен-Жермену книге «Тайны Вселенной», не веря в возможность улучшать бриллианты, предположил даже, что Сен-Жермен купил другой бриллиант, без дефекта, но настолько подобный королевскому по цвету и размерам, что король взял его обратно, думая, что это и есть его собственный бриллиант. Финансовая жертва в 10 тысяч ливров, по его мнению, могла считаться небольшой платой за то, чтобы убедить короля в своих чудесных способностях. Джин Овертон Фуллер решила провести свое собственное расследование. Она написала в известную фирму «Де Бирс», крупнейшую современную компанию в алмазном бизнесе, с просьбой дать ответ, возможно ли удалять из бриллиантов дефекты или улучшать их цвет и блеск. Ответ от эсперта Дж. Э. Ру от 8 февраля 1980 года среди прочего гласил: «…Улучшение цвета бриллиантов практиковалось уже довольно давно… Дефектные камни могут быть улучшены, если есть доступ к этому дефекту через граничную трещину в камне, кипячением его в сильных кислотах. Этот метод до сих пор применяется и сегодня для удаления дефектов, получившихся от окислов.

---

[57] Там же. С. 179–180.

[58] Госпожа дю Оссет. «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 145.

[59] Там же. С. 143–144.

Это обычно прожилки красного, желтого или оранжевого цвета, которые могут быть совсем удалены или ослаблены кислотами».

Кислоты, или протравы, включая купорос, очень широко использовались при крашении, а Сен-Жермен занимался крашением кож и тканей. Нет причины не допустить, что он мог подумать о применении кислот, чтобы удалить загрязнения, которые известны как дефекты в бриллиантах, путем обесцвечивания при обработке их кислотами. Возможно, что для работы с такими едкими веществами граф взял бриллиант в те самые подсобные помещения при кухне в замке Шамбор, куда король открыл ему доступ, чтобы поэкспериментировать и осуществить кипячение в кислоте, получив кислоту или смесь кислот, оптимально подходящую именно для загрязнения такого химического состава.

В другом месте своих воспоминаний госпожа дю Оссет рассказывает:

> «Однажды граф пришел к г-же Помпадур, а она чувствовала себя неважно и лежала на шезлонге. Он показал ей шкатулку с топазами, рубинами и изумрудами. Говорили, что стоит это все целое состояние. Госпожа позвала меня, чтобы все это посмотреть. Я смотрела с изумлением, но при этом делала исподтишка моей госпоже знаки, что все это, наверно, фальшивка. Граф стал искать что-то в своем портфеле, который был размером как два футляра для очков, и вынул оттуда две или три бумажки, которые он развернул. Там был великолепный рубин, и еще он бросил на стол маленький крестик из белых и зеленых камней. Я рассмотрела его и сказала: «Недурная вещица, не стоит ее бросать». Тут же граф стал настаивать на том, чтобы я взяла ее себе. Я отказывалась, он настаивал. Моя госпожа также отказывалась за меня. Он так настаивал, что моя госпожа, думая, что она стоит не более сорока луидоров, знаком приказала мне согласиться. Я взяла крестик, очень довольная манерами графа. Спустя несколько дней моя госпожа подарила ему в ответ покрытую эмалью шкатулку с портретом не помню какого греческого мудреца. Со своей стороны, я показала крестик, который потянул на тысячу пятьсот франков. Моей госпоже он предложил показать портреты из эмали работы Петито, она ему ответила, чтобы он пришел к ужину во время охоты. Там он показал портреты, и моя госпожа ему сказала: «Поговаривают о прелестной истории, которую Вы рассказали второго дня у господина Первого[60] и свидетелем которой Вы были пятьдесят или шестьдесят лет тому назад». Граф улыбнулся. Пришли господин Гонто и дамы, и дверь закрыли».[61]

Другая дама, оставившая в своих воспоминаниях интересные факты о парижских годах Сен-Жермена, была мадам де Жанлис. Летом 1759 года в числе многочисленных гостей дома господина де ля Пуплиньера, откупщика, постоянно гостившего у него на вилле в Пасси, тогда еще сельском пригороде Парижа, была и графиня дю Крэ и ее тринадцатилетняя дочь Стефани-Фелиситэ дю Крэ (которая впоследствии стала мадам де Жанлис и любовницей Филиппа Эгалитэ).

Стефания-Фелисите дю Крэ родилась 25 января 1746 года, как она пишет в своих мемуарах, «в маленьком поместье в Бургундии, недалеко от города Отен».[62]

---

[60] Так тогда называли шталмейстера, возглавлявшего малую королевскую конницу, в отличие от г-на Большого, который возглавлял большую конницу. В то время наследственная должность принадлежала маркизу Берингену, мужу М. д'Отфор, дочери французского посла в Вене. Отец маркиза, Анри де Беринген, оставил большую коллекцию художественных и исторических рисунков, хранящуюся в отделении рисунков Национальной библиотеки в Париже.

[61] Госпожа дю Оссет. «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 188–189.

[62] Госпожа де Жанлис. Воспоминания. Париж: изд-во Фирмен-Дидо, 1928. Т. I. С. 3.

В возрасте семи лет она была принята каноником в капитул г. Аликса, близ Лиона, и в соответствии с этой должностью приняла титул графини Ланей (ибо ее отец носил титул Бурбон-Ланси). Отроческие годы она провела как в раю: «Утром я играла немного на клавесине и пела. Затем я учила свои роли (в комедиях), были уроки танца и фехтования, затем читала до обеда…».[63] Девочка была очень музыкальна, привыкнув, согласно ее собственным словам, играть на арфе по семь, восемь или даже четырнадцать часов в день, одна в своей комнате. Благодаря прекрасному образованию она сумела занять свое место в Париже после того, как ее отец был разорен вследствие денежных спекуляций.

Ей исполнилось тринадцать лет, когда она приехала вместе с матерью провести лето 1759 года в Пасси, у откупщика господина де ла Пуплиньера: «Это был семидесятилетний старик, крепкого здоровья, с мягким, приятным и вдохновенным лицом».[64] В своих воспоминаниях госпожа де Жанлис добавила откровенно, что «была бы не прочь быть постарше на три или четыре года, ибо он мне так нравился, что я хотела выйти за него замуж».[65] Надо сказать, что откупщик сыграл определенную роль в судьбе своей подопечной, которая впоследствии достигла вершины славы.

Именно в салоне этого финансиста, где был принят граф Сен-Жермен, и произошла встреча молодой графини, ставшей мадемуазель дю Крэ де Сен-Обен, и «этого удивительнейшего человека, с которым я виделась почти каждый день в течение полугода».[66]

Этот удивительный человек вызвал ее интерес и заинтриговал ее, хотя она и увидела в нем «шарлатана, или по крайней мере человека, экзальтированного владением некоторыми тайнами, которым он был обязан крепким здоровьем и долголетием, превосходящим обычные рамки человеческой жизни»,[67] ведь граф в то время выглядел максимум на сорок пять лет, а было ему наверняка больше. Тем не менее она признала, что ее поразил «этот экстраординарный человек, поразил именно своим талантом, широтой познаний, своими вызывающими уважение качествами, благородными и степенными манерами, безупречным поведением, богатством и щедростью».[68]

Восхищение госпожи дю Крэ подтверждается и в следующих строчках: «Он придерживался самых лучших принципов, выполнял все внешние атрибуты религии, был очень милосердным, и все говорили, что он был безупречного нрава. Ничто в его поведении и речах не противоречило морали».[69]

Будущая госпожа де Жанлис оставила словесный портрет графа: «Ростом он был немного ниже среднего, хорошего сложения, с энергичной походкой.

---

[63] Госпожа де Жанлис. Воспоминания… Т. I. С. 15.

[64] Там же. С. 19.

[65] Там же.

[66] Там же. С. 25.

[67] Там же. С. 27. В журнале «Исторические листки», № 1, июль 1913 г., М. А. Маркизэ пишет: «Граф практиковал рациональную гигиену, неизвестную в его время, воздерживался в еде и в плотских наслаждениях и таким образом сумел сохранить молодой вид до преклонного возраста».

[68] Госпожа де Жанлис. Воспоминания. Т. I. С. 27. // Прошлое Пиренеизма, записки библиофила. Париж, 1919. С. 37. Луи Бельди пишет, что граф был «удивительно тонким, изысканным человеком, ярким собеседником, пользовавшимся огромным успехом».

[69] Там же. С. 26.

Волосы были черными, кожа очень смуглой, черты лица правильными, а выражение оного — одухотворенным».[70] Все это сходится с описаниями других знавших графа в Париже: господина Гляйхена и госпожи дю Оссет. Портрет следует дополнить словами госпожи дю Оссет, видевшей его несколько раз одетым «скромно, но со вкусом».

Мадемуазель дю Крэ имела долгие разговоры с графом Сен-Жерменом. Он «отлично говорил по-французски без какого-либо акцента» и был обворожительным собеседником. Согласно мадемуазель дю Крэ беседы с ним были «поучительными и развлекательными. Сен-Жермен много путешествовал, знал современную историю вплоть до удивительных деталей, что привело к слухам, будто он лично разговаривал с героями прошлых эпох. Однако никогда я от него ничего подобного не слышала».[71] Как бы желая поспорить с писаками, молодая графиня подтверждает абсолютную корректность графа следующими словами: «За первые четыре месяца нашего общения он ни разу себе не позволил ничего не только экстравагантного, но вообще ни одного экстраординарного высказывания. В нем было даже так много степенного и почтенного, что мать стеснялась спрашивать его о странностях, которые ему приписывали».[72]

Как мы помним, граф был отличным музыкантом, и графиня дю Крэ это подчеркивает: «Он был замечательным музыкантом. Он импровизировал на клавесине аккомпанемент ко всему, что бы ни пели, и при этом так замечательно, что даже Филидор удивлялся, так же как и его наигрышам».[73]

Музыка была не единственным талантом графа. «Он был хорошим физиком и очень хорошим химиком, без конца давал мне какие-то вкуснейшие конфеты в виде фруктов, о которых он утверждал, что делал их сам. Это его дарование я ценила ничуть не меньше других его талантов. Он также подарил мне бонбоньерку с удивительной крышкой, которую сам смастерил: большая шкатулка была из черной черепахи, верх ее был украшен агатом, меньшим, чем сама крышка. Если подержать бонбоньерку около огня, то спустя несколько мгновений агат становился невидимым, и на его месте появлялась миниатюра, изображающая пастушку с корзиной цветов. Изображение оставалось, пока шкатулку снова не нагревали. После нагрева вновь появлялся агат, который скрывал изображение».[74]

Граф был и искусным художником. «Рисовал он маслом, не мастерски, как говорили, но приятно. Он владел секретом совершенно удивительных цветов, благодаря которым его полотна были совершенно необычными. Рисовал он исторические сюжеты и всегда изображал женщин в украшениях из камней. Для изумрудов, сапфиров, рубинов и т. п. он использовал свои краски, и тогда они сияли, переливались и блестели как настоящие. Разные художники, в том числе Латур и Ванлоо, приходили смотреть его картины и восхищались красками, из-за которых, однако, сами изображения блекли, теряли в правдоподобности. Зато для украшений можно было бы использовать секрет этих удивительных красок, тайну которых господин де Сен-Жермен так никогда и не выдал».[75]

---

[70] Там же. С. 26. Один г-н Дюфор де Шеверни, в своих «Воспоминаниях» (Париж: изд-во Плон, 1909. Т. 1. С. 56), считает, что лицо у него было совершенно обыкновенным.

[71] Там же. С. 27.

[72] Госпожа де Жанлис. Воспоминания… Т. I. С. 27.

[73] Там же. С. 26.

[74] Там же. С. 28–29.

[75] Госпожа де Жанлис. Воспоминания… Т. I. С. 26.

Мемуары мадам де Жанлис, опубликованные только после бурных времен Великой французской революции и эпохи Наполеона, у серьезных историков вызывают некоторое подозрение. Тем не менее в этих мемуарах есть еще один любопытный эпизод:

«Однажды вечером, после того как я спела много итальянских арий под аккомпанемент графа, он сказал:

— Через четыре-пять лету Вас будет прекрасный голос, который сохранится у Вас надолго. Чтобы усовершенствовать свое очарование, Вам предстоит научиться сохранять свою красоту Судьба улыбнется Вам в год Вашего совершеннолетия.

— Но, граф, — ответила я, скользя своими пальцами по нотам, — это, по-видимому, превышает возможности человека.

— Вне всякого сомнения, — охотно признался граф. — Однако, согласитесь, было бы неплохо вечно оставаться юной?

— Да, это было бы прелестно.

— Хорошо, я обещаю Вам такую возможность.

И Сен-Жермен непринужденно перевел разговор на другую тему.

Вдохновленная дружеским расположением этого удивительного человека, моя мать осмелилась спросить, не является ли Германия его родиной?

— Мадам, — ответил он, глубоко вздохнув, — есть вещи, о которых никто не вправе говорить. Достаточно сказать, что семи лет от роду я прятался в лесах с моим гувернером, и за мою голову была назначена награда.

Эти слова заставили меня вздрогнуть, так как я не сомневалась в искренности его признания.

Граф продолжал:

— Накануне моего бегства моя мать, с которой я прощался навсегда, надела мне на руку браслет со своим портретом.

— О Господи! — воскликнула я.

При этом восклицании Сен-Жермен взглянул на меня, и казалось, растрогался, увидев, что глаза мои полны слез.

— Я покажу Вам его, — сказал граф.

С этими словами он отогнул манжету и показал дамам великолепный миниатюрный эмалевый портрет невероятно красивой женщины, одетой в странного вида костюм. Я разглядывала его с неизъяснимым волнением.

— Интересно, в какую эпоху носили подобные наряды? — спросила графиня.

Оставив без внимания этот вопрос, граф опустил рукав и заговорил о совершенно других вещах.

Когда он ушел, моя мать стала насмехаться над его рассказом об изгнании и прощании с высокородной матерью, и я сильно расстроилась. Ведь обещанное вознаграждение за голову семилетнего ребенка и это бегство в леса с гувернером давали понять, что он был сыном свергнутого монарха. Я верила его истории, и она мне казалась возвышенно-романтичной, поэтому меня так возмутили шутки моей матери.

Потом Сен-Жермен никогда больше ничего особенного о своем детстве не рассказывал. Он говорил лишь о музыке, искусствах и разных занимательных вещах, которые видел во время путешествий».

Даже если считать, что записанное почти семьдесят лет спустя после происходивших событий свидетельство, мягко говоря, не совсем верно излагает факты, не подлежит сомнению, что мадам де Жанлис записала по памяти эпизод, глубоко врезавшийся в ее память. Пусть память подвела ее и в рассказе что-то упущено или, наоборот, добавлено, либо нарушен ход событий, либо несколько эпизодов соединены в один, либо для пущей живописности рассказ несколько приукрашен и драматизирован, все же представляется несомненным, что писавшая мемуары перенесла на бумагу значимые для нее детали, а не выдумала это происшествие с начала до конца.

Сен-Жермен был допущен в узкий круг избранных посетителей, приглашаемых на «малые ужины» у мадам Помпадур в Версале в Малом Трианоне.[76] На них обычно присутствовали близкие и приятные королю люди, числом не более восемнадцати-двадцати. После ужина составлявшие «ядро» этого интимного кружка гости переходили в небольшую гостиную, слуг отпускали, и господа развлекались карточной игрой или беседой. Никакого этикета, каждый мог выражаться свободно. Любимым времяпрепровождением на этих ужинах были остроты, яркие реплики, дворцовые и городские пересуды, вперемежку с принятием важных решений.

Здесь, как и везде, граф Сен-Жермен удивлял присутствующих оригинальностью идей, готовностью к импровизации, интересными притчами[77] или занимательными «анекдотами», примерно так же, как в течение десяти дней тешило себя рассказами на определенные темы избранное общество укрывшихся от чумы из «Декамерона» Боккаччо; некоторые из таких приписываемых Сен-Жермену историй можно вкратце здесь привести для иллюстрации.

Молодой дворянин очень распущенных нравов добился посредством магии расположения вампирки. Будучи не в состоянии избавиться от влияния им же вызванного духа, неосторожный молодой человек обратился к графу Сен-Жермену, который изгнал эту сущность с помощью заклинания. Молодой человек удалился в монастырь и спустя некоторое время умер там в святости.[78]

Молодая вдова, зная, что граф Сен-Жермен всегда приходил в гости с богатыми украшениями, попыталась отравить его, чтобы завладеть камнями. Граф догадался о западне. В панике женщина вызвала своих слуг, чтобы те убили его, но он ввел их в такое состояние, при котором они не были способны осуществить этот замысел. Всех арестовали и повесили.[79]

Богатый далматский дворянин давал ужин своим друзьям. Пришел иностранный господин. При виде его каждый испытывал удивительное отвращение. Веселья как не бывало, гости стали расходиться. Незнакомцу отвели комнату с окнами на поля. Около полуночи раздался крик, затем — тишина. На следующий день недалеко от замка был найден труп крестьянина. А чужеземец исчез.[80]

Часто пересказывают еще два «анекдота», из которых первый — чистый вымысел, а второй основан на источнике, который указал дотошный господин Шакорнак.

Некая девушка, Елена дю Пал… была отведена в Парк-о-Сер[81] с согласия отца и несмотря на усилия ее возлюбленного. В отчаянии девушка решила отравиться. С помощью графа Сен-Жермена она разыграла трагедию, попытки присутствующих медиков привести ее в чувство были тщетны.

---

[76] В паркетном полу одной из столовых сохранился люк с подъемником, позволяющий поднять накрытые столы для «малых ужинов» Людовика XV, дабы освободить его от утомительного обслуживания лакеями.

[77] «Король слушал с явным интересом рассказы о путешествиях в Азии и в Африке, завораживающие анекдоты о русском, австрийском, оттоманском дворах. Казалось, граф больше знает о тайных делах каждого двора, чем королевские послы и атташе» // Капефиг Ж. Цитир. произв. С. 269; см. также его же «Герцогиня Крюднер». Париж: изд-во Эмио, 1866. С. 192–193.

[78] См.: Ламот-Лангон. Цитир. произв. Т. I. С. 300–306.

[79] Там же. С. 306–310.

[80] Ламот-Лангон. Граф Сен-Жермен и графиня де Помпадур. Париж, 1838. Т. II.

[81] Буквально «Парк с оленями». Это тот самый основанный маркизой де Помпадур для короля тайный публичный дом-парк под Парижем, где господа устраивали своеобразную охоту, в которой роль дичи играли молодые девушки. Благородные олени, давшие свое название парку, были статуями.

В условленное время явился граф Сен-Жермен, якобы дал девушке противоядие, и она была спасена.[82]

Мэтр Дюма, бывший прокурор в Шатле, был сказочно богат. Он занимался астрологией в верхних покоях, за двойной железной дверью. Каждую пятницу таинственный человек приходил к нему за закрытые двери и оставался там в течение часа. Однажды вместо пятницы он пришел в среду, что привело мэтра Дюма в замешательство. Последовал разговор. После ухода посетителя бывший прокурор закрылся на ключ, а когда на следующий день жена и сын открыли дверь, мэтр Дюма исчез. Дело происходило в 1700 году.

Людовику XV эта история была известна, и он рассказал о ней графу. Следуя указаниям последнего, полученным им на основе изучения астральной хорарной карты мэтра Дюма, было обнаружено подвальное помещение, куда можно было попасть из верхних покоев по винтовой лестнице, а там — труп уснувшего навсегда под воздействием сильнодействующего наркотика мэтра Дюма.[83] В «Тайных воспоминаниях» Дюкло можно прочесть удивительно похожий рассказ. Некий Пекой из Лиона сказочно разбогател, начав с нуля, и смог купить для сына высокую должность. Он не наслаждался своим богатством, наоборот — только копил деньги. В доме он велел построить подвал с тремя дверями, из которых последняя была железная. Время от времени от спускался туда, чтобы насладиться видом своего богатства. Жена и сын заметили это. Однажды, когда домашние думали, что он вышел, Пекой спустился в подвал. Вечером он не вернулся. Жена и сын подождали два дня, затем спустились в подвал и выломали две первые двери. Железную им выставить не удалось. Пришлось ждать до следующего дня. Когда им удалось проникнуть в подвал, они нашли его мертвым, лежащим рядом с сундуками, с обожженными до кости руками. Рядом лежала сгоревшая лампа.[84] Все похоже, кроме присутствия мэтра Дюма.

Поздней осенью 1758 года в число таких избранных гостей «малых ужинов» вошел и граф де Стенвиль, получивший титул герцога Шуазёля. Он только что вернулся из Вены, где был послом, чтобы сменить скомпрометированного неудачами Франции в Семилетней войне де Берни на посту министра иностранных дел. Назначение Шуазёля состоялось 3 декабря 1758 года. Вместе с ним в этом узком кругу присутствовала его изящная и утонченная жена Луиза Гонорина, урожденная Кроза, его сестра герцогиня де Грамон и зять его жены герцог Гонто, королевский ювелир. Шуазёль, несмотря на непривлекательную внешность, отличался большой живостью ума и искрометными остротами. Он мог очаровать людей своим остроумием, но если кто-то становился врагом герцога, его шутки делались злобными и жестокими. Вначале Сен-Жермен часто посещал роскошный дворец Шуазёлей, но постепенно Шуазёль начал проявлять всё большую враждебность, завидуя близости Сен-Жермена к королю, и принялся всячески его компрометировать и преследовать. Шуазёль пытался выставить Сен-Жермена шпионом, и по его распоряжению письма графа вскрывались и перлюстрировались. Но ничего предосудительного обнаружить не удалось. Тогда Шуазёль сменил тактику.

Некий молодой англичанин по имени лорд Гауэр появился в ту пору в Париже, выдавая себя ради забавы светского общества за Сен-Жермена. Таким образом наиболее вздорные и глупые истории о графе, которые с большим удовольствием смаковались в так называемых салонах того времени, насквозь пронизанных духом слухов и дешевых сенсаций, происхождением своим обязаны нелепым россказням этого молодого человека.

---

[82] Пешэ Ж. Воспоминания, извлеченные из архивов полиции. Париж, изд-во Левавассер, 1838. Т. II. С. 202. Эти «Воспоминания» на самом деле целиком написаны Ламот-Лангоном.

[83] Пешэ Ж. Цитир. произв. Т. II, переиздание, Париж, 1933. Гл. IV. С. 52–56.

[84] Дюкло. Тайные воспоминания времени царствования Людовика XIV, Регентства и Людовика XV.

Сама легенда о сверхъестественном возрасте графа Сен-Жермена была плодом работы «гримасничающего мима» — члена труппы балаганных актеров, руководимой неким «графом» д'Албаретом, происходящим из Пьемонта, у которого тогдашние хроники отмечали «большое остроумие». Этот мим был «гибридом, полуфранцузом-полуангличанином, мог быть и мошенником, и мистификатором, игроком, шпионом. Вопреки тому, что говорили о нем по всему Парижу, он часто бывал скучным».[85] На самом деле он был француз, по фамилии Гов — поставщик фуража, а прозвали его милордом Гором (Гауэром или Коуэем) за то, что он прекрасно подражал англичанам. «Именно этого господина Гора недоброжелатели показывали в салонах и на улицах парижского квартала Марэ под именем господина де Сен-Жермен, чтобы удовлетворить любопытство дам и зевак этого уголка Парижа, более легковерных, чем жители квартала Пале-Рояль. Именно в театре этот ложный адепт исполнял свою роль, сначала с опаской, затем, видя, что его игра воспринимается с восхищением, он стал «вспоминать» столетие за столетием, вплоть до Иисуса Христа,[86] о котором он говорил с большой фамильярностью, как будто тот был его другом. «Я знал его близко, — говаривал он, это был самый лучший человек в мире, но он был романтичным и безрассудным, я всегда ему говорил, что он плохо кончит». Затем актер распространялся об услугах, которые пытался оказать Христу посредством госпожи Пилат, в доме которой он регулярно бывал. Он утверждал, что знал близко святую Марию, святую Елизавету и даже их старую мать — святую Анну. «Ей-то я оказал большую услугу после смерти. Не будь меня, никогда бы она не была произведена в святые. К ее счастью, я оказался на Никейском соборе и знал некоторых из епископов, которые в нем участвовали, я им так долго повторял, какой замечательной женщиной она была, что дело было сделано». Шутка, которую повторяли довольно серьезно в Париже, привела к тому, что графу Сен-Жермену приписали овладение омолаживающим лекарством, возможно даже, эликсиром бессмертия. На основе этой шутки была также сочинена сказка о старой горничной: ее хозяйка спрятала флакончик с божественной жидкостью:[87]«Старая служанка обнаружила его и выпила столько, что вновь стала маленькой девочкой».[88] Сен-Жермену неоднократно приходилось выслушивать оскорбления за слова, которых он не произносил. Процитируем по этому поводу господина фон Сипштайна: «Большинство дошедших до нас нелепых историй не имеют, по всей видимости, никакого отношения к Сен-Жермену и являются выдуманными от начала до конца с целью опорочить и высмеять его. Некий парижский повеса, известный как «милорд Гауэр», был неподражаемым мимом и шатался по парижским салонам, выдавая себя за Сен-Жермена, естественно, сильно окарикатуренного. Однако многими людьми эта потешная фигура воспринималась за настоящего Сен-Жермена».[89]

---

[85] Де Люше. Виконт Баржак. Дублин и Париж, 1796. Т. 1. С. 38. Согласно Г. Дэнуартэр (цитир. произв. С. 219): «Лорд Гор был словоохотливым человеком, который не задумываясь мог преследовать ближнего. Тем не менее, несмотря на его «темные стороны», его общества искали, и его характер почитался более крепким и стойким, нежели можно было бы предположить на основе эпизодов из его странной жизни».

[86] Согласно Каню К. (Ересь в Революции. Париж, изд-во Ле Клер, 1870. С. 45), «Маркиз (так в тексте) Сен-Жермен был знаком с Давидом, присутствовал на свадьбе в Кане, охотился с Карлом Великим, пил с Лютером».

[87] Согласно де Куршану (цитир. произв. Т. IV. С. 115), «эликсир Сен-Жермена состоял всего лишь из питьевого золота и ароматических трав». Барон же Гляйхен. Цитир. произв. С. 127, утверждал: «я никогда не слышал, чтобы он говорил об универсальном лекарстве».

[88] Барон Гляйхен. Цитир. произв. Т. IV. С. 125–126. Первая версия этой веселой сказки вышла в «Лондон Кроникл» от 3 июня 1760 г., без имен. Затем она была повторена графом Ламбергом (цитир. произв. С. 80), а также другими авторами: Ст. де Гаита (Храм Сатаны. Париж, 1891. С. 301), и Роже де Бовуаром (Искательницы приключений и куртизанки. Париж, 1856) со всякими фантастичными деталями.

[89] Sypsteyn, там же.

Предполагается, что Шуазёль специально нанял этого мима, известного под прозвищем «милорда Гауэра», чтобы пародировать Сен-Жермена. Когда же и это провалилось, Шуазёль начал интриговать, выставляя Сен-Жермена безродным шарлатаном-авантюристом и распространяя о происхождении таинственного иностранца самые нелепые слухи.

Этим не преминули воспользоваться все остальные, менее удачливые искатели королевских милостей, и пустились во все тяжкие, соревнуясь в предположениях по поводу происхождения таинственного иностранца. Его превращали то в португальского маркиза по имени Бетмар, то в сына Ростондо или Ротондо, итальянского сборщика податей из городка Сан-Жермано не то в Савойе, не то в Эксе, то во франкфуртского еврея по имени Самуэль Замер, то в сына еврейского лекаря Вольфа из Страсбурга. Его принимали за сына вдовы Карлоса II Марии Анны Пфальц-Нойбургской от одного мадридского богача, некоего графа Аданеро, банкира-еврея, которого королева назначила министром финансов. А то даже утверждали, что Сен-Жермен — бывший испанский иезуит Эймар, монах-расстрига, женившийся в Мексике на фантастически богатой женщине, от которой потом избавился и бежал в Европу.

Эти слухи пересказывал и барон Карл Генрих фон Гляйхен,[90] преданный семейству Шуазёль. Будучи на службе у маркграфа Байрейта как посол в Риме, барон сопровождал маркграфа в его поездке по Италии и там впервые встретил графа де Стенвиля, сына маркиза де Стенвиля из Лотарингии, который последовал за принцем Франциском Лотарингским, когда он сделался императором Священной Римской империи Францем I. Прибыв в Париж в 1759 году, Гляйхен поспешил возобновить приятное знакомство. Потом на званых ужинах у теперь уже министра герцога Шуазёля Гляйхен встретился с графом Сен-Жерменом, с которым познакомился ранее в доме у вдовы Ламбер. Вдова кавалера Ламбера принимала его во второй раз: ранее господин Гляйхен приезжал в Париж в 1753 году. Сен-Жермен тоже остановился в ее просторном доме, который служил чем-то вроде отеля, поскольку после смерти мужа-банкира мадам Ламбер взяла в руки его финансовые дела и стала управлять средствами Сен-Жермена.

Из воспоминаний барона Гляйхена можно почерпнуть немало интересных подробностей о парижском периоде жизни Сен-Жермена. Единственное, что к ним нужно относиться с осторожностью. Необходимо постоянно иметь в виду, что барон склонен увлекаться, и иногда в его рассказе правда перемешана с картинными преувеличениями. А то и с вымыслом, если не с клеветой.

Среди современников у барона Гляйхена была известная репутация. Ее изложила госпожа дю Деффан: «Его недостаток в том, что он — в высшей степени врун. Он не видоизменяет действительность, он ее приукрашивает».[91] Это же говорит и Луи Клод де Сен-Мартен: «Этот человек охотнее скажет одну ложь, чем тридцать правд».[92]

Вот такую, очень меткую характеристику дает барон[93] своему знакомому — графу Сен-Жермену:

«Граф де Сен-Жермен был большим насмешником, однако он дозировал количество чудес в своих рассказах в зависимости от слушателя.

---

[90] Барон Карл-Генрих Гляйхен родился в 1735 г. в Немерсдорфе близ Байройта, умер в Регенсбурге 5 апреля 1807 г. После службы у маркграфа Байрейта и маркграфа Дании он посвятил себя наукам. Его главными работами являются: «Метафизические Ереси» (на нем. яз.), франц. перевод под названием «Теософические Эссе», (Париж, 1792) и «Воспоминания».

[91] Госпожа дю Деффан. Переписка с герцогом Шуазёль. Париж: изд-во Леви, 1887. Т. I.С. 232.

[92] Л. Кл. де Сен-Мартен. Переписка. Париж, 1862. Письмо L1.

[93] См.: Барон Гляйхен. Цитир. произв. С. 123.

Когда граф повествовал глупцам о некоем событии времен императора Карла V, он прямо утверждал, что сам присутствовал при нем. Общаясь же с менее легковерными людьми, Сен-Жермен описывал мельчайшие обстоятельства, выражения лиц, жесты персонажей, детали обстановки, то есть рассказывал он обо всем с такими подробностями и столь живо, что создавалось впечатление, будто вы слушаете очевидца давно минувших дней».

Один из современных исследователей привел комментарий к этим словам Гляйхена:[94] «влияние, оказанное графом Сен-Жерменом на великих людей его времени, то, как он пробрался во французский двор, заинтересовал госпожу Помпадур, почти сумел развлечь Людовика XV, объясняется его умением пользоваться своими физическими данными — он был хорошо сохранившимся пятидесятилетним брюнетом — его отличными познаниями в истории, глубоким знанием человеческого легковерия, умением утверждать факты, т. е. своим психологизмом и умом».

Об обстоятельствах своего знакомства с Сен-Жерменом фон Гляйхен рассказывал следующее.

«Однажды в 1759 году я нанес визит вдове шевалье Ламбера. Вслед за мной в дом вошел человек среднего роста и крепкого сложения. Одет он был просто, но крайне элегантно.

Прибывший господин бесцеремонно, по-хозяйски бросил шляпу и шпагу на диван, устроился в кресле у камина и сразу стал выказывать признаки раздражения. Его явно выводил из терпения тот вздор, который он был вынужден слушать. Внезапно он прервал беседу и без обиняков заявил: «Вы не понимаете, о чем говорите. Только я имею право судить об этом предмете, потому что именно я его глубоко изучал, так же как и музыку. Но ею я перестал заниматься, поскольку дошел до пределов своих возможностей».

После такой речи я спросил у соседа:

— Кто же этот человек, позволяющий себе разговаривать с таким самомнением и высокомерием?

— Это знаменитый граф де Сен-Жермен, человек, знающий уникальные секреты, — отвечали мне. — Король предоставил графу апартаменты в замке Шамбор, он проводит целые вечера в Версале с Его Величеством и мадам де Помпадур, за ним все гоняются, когда он появляется в Париже».

Охваченный любопытством, я со свойственной мне тонкой наблюдательностью принялся изучать сего странного господина».

После этого разговор перешел на живопись. Фон Гляйхен рассказал о тех картинах, которые он видел в Италии, а Сен-Жермен предложил показать ему несколько принадлежащих ему самому ценных картин.

Барон продолжает:

«Действительно, он сдержал слово, так как картины, которые он мне показал, характеризовать особым совершенством, и более всех — «Святое семейство» Мурильо, равное по красоте картине Рафаэля в Версале, но он показал мне также кое-что еще — множество драгоценных камней, удивительных размеров и совершенства.

Я думал, что нахожусь в пещере Аладдина и вижу сокровища волшебной лампы. Среди них был и опал немыслимой величины, и прозрачный белый сапфир величиной с куриное яйцо, который своим сверканием затмевал все остальные камни, предложенные для сравнения. Осмелюсь сказать, что я неплохо понимаю в камнях, и могу утверждать, что немного понимаю в драгоценных камнях, и могу утверждать, что даже самый опытный глаз не мог обнаружить ни малейшего основания, чтобы усомниться в них. Их было очень легко проверить, так как они не были оправлены.

Я оставался там до полуночи, а когда уходил, то уже был его верным слугой.

---

[94] Согласно Е. Маркизету. Цитир. произв. С. 80.

После этого я неотступно следовал за ним шесть месяцев с нижайшим усердием.

Хотя и не все басни, и анекдоты по поводу возраста Сен-Жермена заслуживают внимания серьезных людей, однако является правдой и то, что коллекция, которую я собрал из свидетельств заслуживающих доверия людей, которые подтвердили долгую продолжительность и почти невероятную сохранность его личности, имеет в себе нечто непостижимое. Я слышал, как Рамо, а также пожилая родственница французского посла в Венеции утверждали, что познакомились с Сен-Жерменом там в 1710 году, и он выглядел на пятьдесят лет, а господин Морен, который с того времени был моим секретарем в посольстве и за правдивость которого я могу поручиться, сказал мне, что встречался в Сен-Жерменом в Голландии в 1735 году и был чрезвычайно удивлен, найдя его сейчас не более старым, чем тогда…

Он обладал химическими секретами для изготовления красок для живописи, для крашения тканей и подобного, в частности, редкой красоты краски под золото; возможно, он изготовлял сам камни, о которых я говорил, чья подлинность может быть опровергнута при огранке. Но я никогда не слышал от него ничего об универсальной медицине.

Он следовал очень строгой диете, никогда не пил за едой, очищал свой организм настоем сенны, который приготовлял сам, и это было все, что он мог порекомендовать тем, кто спрашивал, что им нужно было делать для продления жизни».[95]

Свои впечатления от общения с графом барон, который с гордостью полагал себя самого тонким знатоком людской психологии, выразил следующим образом:

«Граф знал, как возбудить любопытство людей, и учитывая бесконечные нюансы душевного состояния, степень образованности тех, кто его слушал, он умело манипулировал их воображением.

Например, иногда, рассказывая о Франциске I или Генрихе IV, Сен-Жермен мог сделать рассеянный вид и, как бы забывшись, заявить: «Король повернулся ко мне и сказал…», но тут же, как будто опомнившись, быстро исправлялся, заменяя «ко мне» на «король сказал герцогу…» Потом он объяснил мне причину такого поведения: «Глупые парижане верят в то, что мне пятьсот лет — я не спешу разуверить их в этом, ведь им очень нравится так думать. Однако, — уточнил граф, — мне действительно значительно больше лет, чем кажется».

Еще господин Гляйхен утверждал, что по-французски граф Сен-Жермен говорил с «пьемонтским акцентом»[96]. Все знавшие графа в Париже согласны, что он знал английский, итальянский и испанский языки, кроме этого, если верить Гляйхену,[97] португальский и немецкий. В подтверждение этого приводят еще одно свидетельство:

«Сен-Жермен среднего роста и изысканных манер. Черты его смуглого лица правильны. У него черные волосы и энергичное одухотворенное лицо. Его осанка величественна. Граф одевается просто, но со вкусом. Роскошь проявляется только в большом количестве бриллиантов, входящих в его туалет. Они надеты на каждый палец, украшают табакерку и часы. Однажды он появился при дворе в туфлях, пряжки которых были сплошь покрыты алмазами. Господин Гонто, специалист по драгоценным камням, оценил их в 200 тысяч франков.

---

[95] В своих «Воспоминаниях» барон Гляйхен выражает мнение, что граф придерживался доктрины Лукреция, согласно которой божественное отрицается и восхваляются чувственные наслаждения.

[96] Барон Гляйхен. Цитир. произв. С. 128.

[97] «Эрудиты и знатоки восточных языков протестировали познания графа Сен-Жермена. Первые нашли его ученее себя в языках Гомера и Вергилия. Он заговорил со вторыми на санскрите, китайском, арабском, чтобы доказать им, что жил в Азии и что восточные языки следует учить не в школах» // Аббат Леканю. Цитир. произв. Т. II. С. 834.

Следует заметить, что граф говорит по-французски, по-английски, по-немецки, по-итальянски, по-испански и по-португальски настолько превосходно, что, когда он разговаривает с жителями перечисленных стран, они не могут уловить и малейшего иностранного акцента. Знатоки классических и восточных языков подтверждают обширные познания графа Сен-Жермена. Первые признают его более, нежели чем они сами, способным к языкам Гомера и Вергилия. Со вторыми он говорит на санскрите, китайском и арабском, демонстрируя столь глубокие познания, что те убеждаются в том, что граф весьма длительное время провел в Азии, тогда как преподавание восточных языков в колледжах Людовика Великого и Монтеня поставлено из рук вон плохо.

Граф Сен-Жермен музицировал на рояле без нот не только романсы, но и сложнейшие концерты, предназначенные для исполнения оркестром, состоящим из большого количества инструментов. Рамо был поражен игрой этого «дилетанта», особенно впечатляли его импровизации.

Граф прекрасно рисует маслом. Его работы так удивительны, выполнены в таких специальных красках, рецепт которых разработан им самим, что излучают особенный блеск. В своих исторических полотнах Сен-Жермен зачастую вводит в костюмы дам столь сиятельные оттенки голубого, алого и зеленого, что они кажутся квинтэссенцией соответствующих драгоценных камней — сапфира, яхонта и смарагда. Ванлоо, который постоянно восхищался неожиданными сочетаниями красок, неоднократно обращался к графу с просьбой открыть секрет их рецептов. Последний, однако, тайны не открыл.

Не будучи способными оценить все таланты этого человека, о которых в тот самый момент, когда я пишу эти строки, и двор, и город уже успели истощиться в догадках и предположениях, следует все же признать, как мне кажется, что большая часть чудес, связанных с ним, имеют в своей основе глубокие познания в физике и химии; именно в этих науках он демонстрирует наибольшую подготовленность. Во всяком случае, вполне очевидно, что на знании именно этих наук основано не только его цветущее здоровье, но и сама его жизнь, которая способна шагнуть далеко за пределы отпущенного человеку срока. Это знание также позволяет этому человеку обзавестись всеми необходимыми средствами предохранения от разрушительного воздействия времени на организм. Среди некоторых заявлений, несомненно, удостоверяющих потрясающие достоинства и способности графа, выделяется одно, сделанное фаворитке госпожой де Жержи непосредственно после ее первой — по прошествии стольких лет неведения — встречи с графом, которое гласит о том, что еще тогда, в Венеции, она получила от него чудодейственный эликсир, благодаря которому вот уже четверть столетия она сохраняет в неизменности все свое чудесное очарование ранней юности. Пожилые господа, которых мадам де Помпадур спросила относительно этого удивительного случая, подтвердили, что это правда, добавив при этом, что моложавый и цветущий вид госпожи фон Жержи, резко контрастируя со старческим обликом ее сверстников, говорит сам за себя»[98]

Что здесь факты и правда, а что — вымысел и сплетни, нам через столько десятилетий и даже сотен лет отличить невозможно. Тем более что парижане середины восемнадцатого столетия были весьма падки до сенсаций и слухов, которые при передаче от салона к салону обрастали самыми невообразимыми подробностями, и склонны к преувеличениям.

---

[98] Взято из «Chroniques de l'Oeil de Boeuf» («Хроники слухового окна»), написанной овдовевшей графиней фон В…

Чтобы показать характерную особенность парижан безмерно увлекаться и так же быстро остывать к своим кумирам, их переменчивость и жадность до всего нового, довольно почитать письма нашего соотечественника Дениса Ивановича Фонвизина, писанные им своему другу, генералу в отставке и брату воспитателя цесаревича Павла Петровича, Никиты Ивановича Панина, Петру Ивановичу Панину (1721–1789), который был великим поместным мастером масонского ордена в России, из Парижа во время первого путешествия во Францию (сентябрь 1777 — ноябрь 1778 г.). Например, письмо от 20/31 марта 1778 года: «…приехал я в Париж, в сей мнимый центр человеческих знаний и вкуса. Неприлично изъясняться об оном откровенно отсюда, ибо могут здесь почитать меня или льстецом, или осуждателем; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе от общего смысла и истины, если сказать, что нет здесь весьма много чрезвычайно хорошего и подражания достойного. Все сие, однако ж, не ослепляет меня до того, чтоб не видеть здесь столько же или и больше, совершенно дурного и такого, от чего нас Боже избави. Словом, сравнивая и то и другое, осмелюсь вашему сиятельству чистосердечно признаться, что если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию. Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве — сущая ложь, что люди — везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом… Здесь ко всему совершенно равнодушны, кроме вестей. Напротив того, всякие вести рассеваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских».

Хоть это письмо и написано двадцатью годами позже тех событий, о которых шел рассказ прежде, описанные Фонвизиным нравы парижан за это время ничуть не изменились и остались такими же, как и во времена проживания в Париже Сен-Жермена.

Графа Сен-Жермена принимали с уважением во многих хороших домах Парижа. Среди его друзей можно назвать маркизу д’Юрфе, а также принцессу Анхальт-Цербстскую, мать будущей российской императрицы Екатерины II. Его часто видели у маркиза Берингена — «господина Первого» малой королевской конницы, в доме которого он рассказал единственную историю, которую можно с уверенностью приписать ему — о графе Монкаде.[99] Принимали его и у княгини Монтобан — супруги генерал-лейтенанта Шарля де Роан-Рошфор. В этом доме он познакомился с французским послом в Гааге — господином д'Аффри, с которым впоследствии у него возникли неприятности.[100] Был вхож в дом девиц д’Алансэ — родственниц графа Дюфор де Шеверни, проживавших на ул. Ришелье напротив королевской Библиотеки. «У этих двух милых женщин собиралось лучшее общество столицы».[101] Его можно было увидеть и у г. д'Анжвилье. Этот родственник и наследник госпожи Беринген был в то время всего лишь фельдмаршалом. Впоследствии он стал директором королевских строений и членом Академии наук. Он написал следующее: «Я знавал г. де Сен-Жермена. Я был совсем молодым (ему было 29 лет), но несмотря на молодость и на то, что он относился ко мне хорошо, я не давал ему наслаждаться плодами его шарлатанства(?) и постоянно спорил с ним с открытым забралом».[102]

---

[99] Госпожа дю Оссет. «Воспоминания», отредактированные Ф. Барьером. Брюссель, 1825. С. 190–200.

[100] См.: Голландский архив. 1760. 18 апреля.

[101] Дюфор де Шеверни. Цитир. произв. С. 56.

[102] Бобэ Луи. Семейные бумаги Ревентловов. Копенгаген, 1906.

Граф также бывал у госпожи де Маршэ — дочери откупщика Лаборда, родственницы госпожи де Помпадур и жены первого дворецкого короля. Овдовев, она вышла замуж за господина д'Анжвилье и держала салон, так же как и госпожа Жоффрен: «До самой старости у нее сохранились прекрасные волосы».[103] Много позже утверждали, будто «знаменитый граф Сен-Жермен, появившись при дворе как один из самых знаменитых алхимиков(?), давал ей когда-то жидкость, предохраняющую волосы и не дающую им с годами седеть».[104] Его принимали и у господина де л'Эпин Даникан, судовладельца, потомка Мальвинского корсара. «Он извлек пользу из своих обширнейших познаний по металлургии и сумел изучить и освоить шахты в Бретани, не побывав там».[105] Граф Сен-Жермен часто бывал у господина Николаи — первого председателя финансовой палаты, проживавшего на площади Руайаль, а также у графа Андреаса Петера Бернштрофа, советника датского посольства, и т. д., и т. п.

Наконец некий Орден Блаженства,[106] во главе с Герцогом Буйоном, «попытался познакомиться с ним, ибо воспринимали его как Ведущего».[107] Орден, душой которого был маркиз Шамбенас, провозглашал доктрину графа Габалиса — персонажа, придуманного аббатом Монфоконом де Виларом.[108] Как и следовало ожидать, граф Сен-Жермен отклонил это лестное предложение.

Это все были свидетельства исторические, а вот одно литературное, прекрасно известное любому русскому человеку, которое тоже рассказывает о необыкновенных талантах графа Сен-Жермена:

«С нею был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих записках говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят об нем с неуважением. Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами. Она решилась к нему прибегнуть. Написала ему записку и просила немедленно к ней приехать.

Старый чудак явился тотчас и застал в ужасном горе. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконец, что всю свою надежду полагает на его дружбу и любезность.

Сен-Жермен задумался.

««Я могу вам услужить этой суммою», — сказал он, — но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желал вводить вас в новые хлопоты.

---

[103] «У госпожи д'Анжвилье ничего красивого, кроме волос, никогда и не было. Они доставали до земли. Правда, и в этом ничего особенного не было, ибо она была очень маленького роста» // Герцог Левис. Воспоминания и портреты. Париж, 1815. С. 89.

[104] Кампан М. Воспоминания. Париж: изд-во Дидо, 1866. С. 386.

[105] Гролэ П.Ж. Цитир. произв. С. 333.

[106] Дино А. Парижские галантные, вакхские и пр. общества. Париж: изд-во Башлен-Дефлорен, 1867. Т. I. С. 3.

[107] Барон Вурмб князю Фридриху-Августу, письмо от 19 мая 1777 г.

[108] Аббат Монфокон де Вилар выбрал для героя своей книги имя графа Габалиса в память Габалов, изначально живших в области Жеводана, иначе названных по-латыни Gabalicus pagus. Аббат Вилар был родом из окрестностей Тулузы, область Жеводан была составной частью тулузских владений между X и XI веками.

Есть другое средство: вы можете отыграться». — «Но, любезный граф, — отвечала бабушка, — я говорю вам, что у нас денег вовсе нет». — «Деньги тут не нужны, — возразил Сен-Жермен, — извольте меня выслушать». Тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал…» — Александр Пушкин. «Пиковая дама», написана в 1833 году.

По словам Нащокина, Пушкин, читая ему повесть, говорил, что в основе сюжета — истинное происшествие, что старуха-графиня Наталья Петровна Голицына назвала проигравшемуся внуку три карты, о которых сообщил ей в Париже Сен-Жермен. Молодой Голицын поставил эти карты и отыгрался. Поскольку «Московская Венера» была в Париже в 1760 году, как раз тогда же, когда и загадочный граф, это происшествие чисто хронологически могло иметь место…

Глава 7

Война или мир? Место действия: Голландия

Герцога Шуазёля явно оскорбляло то доверие, которое король оказывал графу Сен-Жермену. Его ярость питалась также и ревностью к маршалу Бель-Илю,[109] другу графа Сен-Жермена. В ведомстве де Шуазёля Бель-Иль занимал должность статс-секретаря по военным делам. Бель-Иль и Шуазёль ненавидели друг друга из-за личных политических амбиций.

Политика де Шуазёля вмещалась в двух строчках: «Воевать с Англией и победить ее. Сохранить независимость Пруссии, так, чтобы обезопасить себя от амбициозных планов Австрии и России».[110] Бель-Иль, наоборот, стремился к сепаратному миру с Англией. «Маршал восхищался англичанами, говорил, что они храбры, любят своего короля, что как только на них нападают, раздоры внутри страны прекращаются, царит патриотический дух, и все выполняют приказы Вестминстерского дворца».[111]

Как и многие другие, граф Сен-Жермен занимался морской коммерцией и был заинтересован в делах одной английской морской компании. «Аккерман» — корабль, перевозивший груз, в котором у графа был финансовый интерес, был захвачен 8 марта 1759 года французским кораблем-корсаром «Мародер» под командованием дюнкеркского капитана Тивье-Леклера. Суд в дюнкеркском адмиралтействе признал добычу законной и оценил ее в 800 тысяч ливров. Дюнкеркская компания Эмери и К° опротестовала решение суда, и дело было передано в королевский Совет.[112] К весне 1760 года дело все еще оставалось нерешенным. Граф Сен-Жермен обратился к госпоже де Помпадур с просьбой повлиять на снятие эмбарго с корабля, от которого он ждал 50 тысяч экю прибыли. Но в условиях продолжавшейся уже больше трех лет войны между Англией, Францией, Австрией, Пруссией и Россией, которую по ее завершении назовут Семилетней, это было невозможно.

Тем временем, 25 ноября 1759 года, фельдмаршал Соединенных Провинций, опекун молодого штатгальтера[113] Вильгельма V, герцог Людвиг Брауншвейгский[114] передал графу д'Аффри (представителю Франции в Гааге, дипломату по случаю и военному по профессии) заявление, за подписью британского статс-секретаря графа Холдернесса и прусского посла в Лондоне барона Книпхаузена, с целью «заверить, от имени и по поручению их прусской и британской Величеств в стремлении лондонского и берлинского дворов к восстановлению мира».[115]

---

[109] Шарль-Луи-Огюст Фукэ, герцог Бель-Иль родился в городе Вильфранш 22 сентября 1684 г., умер 26 января 1761 г.

[110] Кальметт П. Цитир. произв. С. 104.

[111] Шеврие. Политическая жизнь маршала Бель-Иль. Гаага: изд-во Ван Дюрена, 1762. С. 264.

[112] Мало А. Цитир. произв. С. 125–126.

[113] Правитель в Соединенных Провинциях.

[114] Герцог Брауншвейгский был назначен фельдмаршалом Республики в 1750 г., при князе Вильгельме IV. После смерти княгини Анны, матери князя — одиннадцатилетнего Вильгельма V, он был назначен его опекуном.

[115] Герцог Шуазёль-Стенвиль. Историческое исследование переговоров между Францией и Англией начиная с 26 марта 1761 г. по 20 сентября того же года, с приложениями. Париж: Королевская Печать, 1761. С. 9–13.

В это же время посол Мальты в Париже — бальи Фрулэ, пришел к герцогу Шуазёлю и принес ему письмо от прусского короля Фридриха II,[116] содержащее просьбу принять барона Эдельсхайма, которому было поручено тайно передать мирные предложения:[117] «Надеюсь, дорогой бальи, что мое поручение не будет Вам неприятным. Вы можете ощутить его большое значение для всех воюющих сторон. Мир — вот о чем кричит Европа, но амбиции глухи». Господин де Шуазёль отклонил предложения, как он сам написал об этом Вольтеру: «Мы не воюем с прусским королем, поэтому нам нельзя заключить с ним сепаратный мир. Пусть его враги и его союзники заключают этот мир, но не мы».[118] В другом письме к Вольтеру, объясняя свои действия, Шуазёль выразился откровеннее: «Пусть Фридрих II не думает, что мы такие дураки, и поверим в махинации Гааги. Лучшее, что мы можем делать, это казаться дураками, поскольку дурацкий вид — самое подходящее для побежденных».[119]

Подготовительные маневры к заключению сепаратного мира тайно искали все воюющие стороны. Причем использовали для этого все средства, подчас весьма неожиданные и экстраординарные. Только интересы их в предполагаемом мирном договоре были диаметрально противоположными, отсюда и острота интриг, и тон писем.

Некий Краммонт или Граммон, проживающий в Париже шотландец, получил письмо из Лондона через Брюссель, в котором говорилось, что два английских статс-секретаря, герцог Ньюкасл и лорд Гранвиль (Чарльз Форонсхед), предлагали заключить сепаратный мир. Госпожа де Помпадур показала это письмо графу Сен-Жермену, при маршале Бель-Иль, который разделял ее взгляды,[120] и попросила Сен-Жермена ознакомить с этим документом Шуазёля.

Таким образом, по-видимому, имели место неофициальные беседы между мадам де Помпадур, Сен-Жерменом, Бель-Илем и королем. Если предположить, что информация в письме из Лондона была подлинной, то для Людовика и мадам де Помпадур особенно интересным было бы знать, были ли Ньюкасл и Гранвилл достаточно сильны, чтобы одержать победу. Действительно, Ньюкасл был в это время премьер-министром Англии, однако министром иностранных дел его кабинета был могущественный Уильям Питт, заслуживший репутацию человека, ведущего свою страну к победе над Францией, и он никак не мог желать прекращения войны до тех пор, пока французы не будут полностью разгромлены. Правительство представляло собой ту сторону коалиции, которая выступала за решительную борьбу. И хотя в Англии, как и во Франции, окончательная власть принадлежала королю, однако создавалось впечатление, что Георг II, сильно зависевший, как и его отец, от поддержки вигов и к тому же приближавшийся к концу дней своих, не рискнет проявить инициативу и поступить наперекор полученному совету.

В этих-то приватных беседах и было решено, что Сен-Жермен, хотя и не француз, в интересах Франции должен поехать в Нидерланды и, используя свое знакомство с генералом Джозефом Йорком, которого он знал со времени своего пребывания в Англии и который теперь был британским послом в Гааге, нанести ему визит и сообщить, что король Людовик хочет мира, а также узнать, согласятся ли с этим министры Его Британского Величества.

---

116 См.: Письмо Фридриха II Прусского бальи Фрулэ. Берлин, Пруссия. Т. 186. Лист 163.

117 См..Дютенс. Воспоминания. Т. I. С. 149.

118 Письмо герцога де Шуазёля Вольтеру, 14 января 1760, см.: Кальметт П, цитир. произв. С. 56.

119 См.: Там же. С. 51.

120 См.: Голландский архив. Документы Бентинка. 1760. 9 марта.

Очевидно, было решено также ничего не говорить Шуазёлю заранее, а подождать, пока Сен-Жермен не сообщит что-нибудь позитивное. Если бы Сен-Жермен мог с неоспоримой очевидностью представить, что мир с Англией был вполне достижим, Шуазёль был бы вынужден либо поддержать его, либо подать в отставку. Мадам де Помпадур, вероятно, надеялась, что он выберет первый путь или встанет на их сторону.

Должно быть, именно в это время было написано письмо прусского поверенного в делах в Гааге Бруно фон Хеллена королю Фридриху II. Письмо это написано на французском языке, так как это был язык дипломатии, и так как Фридрих не привык пользоваться сам каким-либо другим языком и не позволял другим обращаться к себе иначе, чем по-французски:[121]

«Гаага, 8 января 1760 г.

Сир,

Почта из Гамбурга еще не прибыла. До моего слуха дошла информация, что в Париже есть один человек, и роль, которую он сыграл, возможно, заслуживает того, чтобы я доложил Вашему Величеству то, что я смог узнать о нем. Это типичный авантюрист, который жил в Германии и Англии под именем графа Сен-Жермена, он блестяще играет на скрипке, он также оказывает влияние из-за кулис и этим обижает одну влиятельную персону. Он проживает в Париже у английского банкира по имени Селвин. Ваше Величество, возможно, слышало об этом человеке. В настоящее время этот граф, по-видимому, играет большую роль при Версальском дворе, входя в число приближенных советников короля и маркизы (де Помпадур), и меня уверяли, что все министры не просто проявляют по отношению к нему учтивость как к фавориту своего хозяина — короля, а часто даже спрашивают его советов. Трудно понять, чем он заслужил такую чрезвычайную благосклонность, но похоже, что он внушил королю и фаворитке веру в то, что мог передать им в дар философский камень. Слабость монарха, да и просто его любопытство по отношению к естественной истории, а также скупость маркизы делают это вполне вероятным; более того, по-видимому, он действительно передал королю Франции некоторые любопытные открытия, которые сделал в области химии, и среди прочих, — секрет, как сделать краски стойкими. Как бы там ни было, этот человек привык выражать свои чувства французским министрам чрезвычайно откровенно. Он часто повторяет, что они совершили величайшее безумство, разорвав отношения с Вашим Величеством и вступив в войну на континенте. Он советует им готовиться к заключению мира. Вообще он делает вид, что восхищается Вашим Величеством. Когда поступили сообщения о двух крупных поражениях в кампании против русских, он удовольствовался тем, что сказа! что Ваше Величество скоро все восстановит, — впоследствии это подтвердилось, — и что никто не увидит более продвижения вперед врагов Вашего Величества. Похоже, что он имел отношение к падению последнего генерального инспектора, или по крайней мере в это можно почти поверить, судя по письму, которое он написал своим друзьям: «Я сдержал мое обещание — Силуэтт, этот палач Франции, дискредитирован. Пока для короля».

Сир,

Преданнейший, покорнейший, вернейший слуга Вашего Величества

Б. фон Хеллен».

---

[121] Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, Depeschen, von Hellen, Vol.XIV, F.39 E, ff.4r—5 r.

При чтении этого письма нужно иметь в виду, что для прусского дворянина фон Хеллена французский двор был вражеским, и, следовательно, не стоит доверять его словам о короле Людовике и мадам де Помпадур и его предположению, что Сен-Жермен предлагал им философский камень. Важно то, что это письмо обнаруживает сожаления Сен-Жермена по поводу разрыва существующих союзов. Быть за Пруссию — означало быть против Австрии, против Венского двора, против господства Габсбургов над большей частью Европы. Вероятно, Людовик и мадам де Помпадур совершили ошибку, позволив Берни и Шуазёлю отдать их в руки Кауница и Марии-Терезии. Пребывание Силуэтта в официальной должности закончилось 21 ноября 1759 года, когда он был заменен де Бертеном.

Людовик XV явился, по существу, создателем системы тайной дипломатии, открывшей в XVIII веке новую страницу в истории внешней политики. Гордиев узел, который невозможно было развязать, Людовик XV попытался разрубить. Вследствие этого на службе у короля Франции можно обнаружить множество тайных агентов — людей, которым доверялось проведение деликатнейших миссий, людей, обреченных на позор в случае неудачи, людей, которых судьба никогда не баловала лаврами победителей. Таким был, например, шевалье д'Эон, выполнявший в дамском платье тайную миссию при дворе российской императрицы Елизаветы Петровны.

Подобная деликатная миссия отводилась и графу Сен-Жермену.

Маршал Бель-Иль совместно с Людовиком XV и госпожой де Помпадур рассчитывал, что сумеет заключить всеми желанный мир, от которого он сам получил бы большую выгоду для своей карьеры. Зная, что граф Сен-Жермен близко знаком и с лордом Ньюкаслом, и с Гранвиллом, и с генералом Джозефом Йорком, представителем Англии в Гааге, Бель-Иль поручил графу связаться с послом Йорком с тем, чтобы тайно от Шуазёля возобновить мирные переговоры. Граф принял это «тайное» поручение без всякой для себя выгоды, просто для того, чтобы удружить Бель-Илю и особенно королю и маркизе де Помпадур, которых он очень уважал.

Барон фон Гляйхен в своих мемуарах тоже приводит ряд подробностей по этому поводу, и его версия тех событий делает понятными некоторые неясные места этой истории (хотя не будем упускать из виду тяготение барона к фантазированию и приукрашиванию). Он пишет:

«Маршал (Бель-Иль) погряз в бесконечных интригах, стараясь заключить сепаратный договор с Пруссией и разбить тем самым альянс между Францией и Австрией, который покоился на авторитете герцога Шуазёльского. Людовик XV и госпожа Помпадур страстно желали этого сепаратного мирного договора… Маршал приготовил все необходимые рекомендации. Король лично вручил их вместе с шифром господину Сен-Жермену».[122]

14 февраля 1760 года военный министр маршал Бель-Иль передал графу Сен-Жермену подписанный Людовиком XV незаполненный бланк французского королевского паспорта, и граф отбыл в Голландию.

20 февраля 1760 года граф Сен-Жермен приехал в Амстердам и остановился в «Восточной звезде» — одной из лучших гостиниц. После короткого отдыха он отправился к братьям Адриану и Томасу Хопам — самым богатым торговцам города, которые оба были директорами Вест-Индской компании.[123] На следующий день Сен-Жермен был представлен братьями Хопами мэру Амстердама, Жерару Арну Хасселаару, который с удовольствием принял его, и уже через день граф встречался за одним столом с представителями самых богатых семейств «Северной Венеции». Между делом граф также нанес визит двум торговцам, господам Коку и Вангиену, друзьям вдовы Ламбер, его парижского банкира.

---

[122] Gleichen (Charles Henri, baron de) Souvenirs, Paris, 1868, XV. P. 130.

[123] Один из братьев Хоп был первым депутатом города Амстердама, оба они были директорами Вест-Индской компании.

Также он нанес визит д'Астье, военно-морскому атташе Франции в Амстердаме, который сообщил об этом д'Аффри, так что д'Аффри, по возвращении из Франции в Гаагу назначенный послом, пишет Шуазёлю:[124]

> «Гаага, 22 февраля 1760 г.
> Господин Герцог,
> …Господин д'Астье прислал мне сообщение, что в Амстердаме находится граф де Сен-Жермен; я думаю, это тот самый человек, который долгое время прожил в Англии и который действует столь странно. Этот человек говорит о наших финансах и о наших министерствах совершенно необыкновенным образом. Он заявляет, что ему доверено важное поручение касательно наших финансов.
> ….Имею честь оставаться, господин герцог, вашим покорным и преданным слугой,
> ***д'Аффри».***

Необыкновенной в манере говорить о французских финансах у Сен-Жермена была, по-видимому, та откровенность, с которой он подчеркивал их дефицит. Хотя это было написано человеком, который стоял по другую сторону барьера, между этим письмом и письмом от фон Хеллена королю есть некоторые совпадения, в том смысле, что Сен-Жермен был озабочен именно финансами Франции и плохим их управлением. Мирная инициатива, которая привела его в Голландию, не была единственной его целью, и очевидно, часть своего времени он использовал здесь для того, чтобы попытаться радикально улучшить состояние финансов Франции.

В среду, 5 марта, Сен-Жермен вместе с мадам Гелвинк и мадам Хасселаар направился в Гаагу в карете Адриана Хоупа, а там поселился в гостинице «Принц Оранский». Начиная с этой даты и вплоть до 16 апреля, то есть до момента, когда Сен-Жермен вынужден был покинуть Голландию, его действия, встречи и беседы документированы буквально по дням. Это произошло потому, что отчет о его инициативах отправляли в своих депешах представители всех аккредитованных в нейтральной Гааге дипломатических миссий стран — противниц по Семилетней войне. Представим их по порядку.

Больше всего о Сен-Жермене говорится в переписке графа д'Аффри и герцога Шуазёля, что и понятно, так как Сен-Жермен выполнял тайную миссию французского короля, противоречившую политическим целям министра иностранных дел.

Затем о Сен-Жермене много пишут друг другу представители второй стороны, с которой Франция намеревалась тайно заключить сепаратный мир, возможность чего должен был прощупать Сен-Жермен: это генерал-майор Джозеф Йорк, посол Англии в Гааге, и его адресат в Уайтхолле лорд Роберт Холдернесс, граф Дарси, статс-секретарь по делам Севера. Ему же слал отчеты Эндрю Митчелл, британский посол в Берлине при прусском короле, в чьих письмах тоже есть сведения о миссии Сен-Жермена в Гааге.

Свои оценки миссии Сен-Жермена сообщал член Военного Совета граф Каудербах, саксонец, постоянный представитель короля Польши (и одновременно курфюрста Саксонии).

---

124 Paris, Minist Hre des Affaires EtrangHres, Hollande, 503, f. 154.

Он состоял в переписке с князем Александром Голицыным,[125] послом России в Лондоне.

О Сен-Жермене информирует в своих реляциях премьер-министру Кауницу барон Тадцаус фон Райшах, бывший до октября 1782 года чрезвычайным и полномочным послом Австрии в Гааге, который также присутствовал при некоторых беседах Сен-Жермена о союзах Франции с Венским двором.

Наконец, о деятельности Сен-Жермена в Гааге короля Фридриха уведомляют сразу несколько корреспондентов: посланник в Гааге Бруно фон Хеллен, посол в Лондоне барон Книпхаузен и… Вольтер, который состоял в переписке с прусским монархом.

Совершенно очевидно, что господа дипломаты истолковывают события, а также намерения и слова Сен-Жермена по-разному, порой диаметрально противоположно. Кроме того, дипломатическая переписка частично зашифрована, частично написана так, чтобы написанные фразы имели иносказательный смысл: «Это письмо, как и прочая корреспонденция, написано в мнимой манере».[126]

Есть и свидетельства Казановы, который именно в этот период оказался в Гааге, тоже выполняя некое деликатное финансовое поручение французской короны. Однако его свидетельство — это ложь от начала до конца, и только чтобы в этом убедиться, приведем историю Казановы в Гааге, как ее излагает Поль Шакорнак.

«По неожиданному стечению обстоятельств, там же находился и Казанова. Этот мошенник не впервые приезжал в Гаагу. В первый раз он сюда приехал в конце 1758 года. Благодаря помощи госпожи Рюмен ему удалось заполучить рекомендательное письмо от виконта Шуазёля герцогу Шуазёлю. Начало письма уже само по себе стоит того, чтобы быть процитированным: «Вот уже некоторое время господин Казанова — венецианец, писатель, путешествует для того, чтобы обучаться литературе и торговле. Поскольку он намеревается уехать в Голландию и помнит проявленную к нему в прошлом году доброту г. д'Аффри, тем не менее господин Казанова хотел бы иметь рекомендательное письмо герцога Шуазёля послу д'Аффри, чтобы быть уверенным в хорошем приеме. Виконт Шуазёль просит герцога Шуазёля не отказать г. Казанове в этой любезности и передать ему письмо для посла».[127]

Казанова получил письмо для господина д'Аффри, но д'Аффри в ответ передал герцогу Шуазёлю, что «он ошибается насчет личности Казановы: этот человек играет с крупными суммами денег, он приехал в Гаагу ради какого-то денежного интереса, а именно — для того, чтобы продать французские ценные бумаги».[128]

И действительно, министр финансов господин Буллонь поручил Казанове обналичить бумажные деньги на двадцать миллионов франков.

---

[125] Князь Александр Михайлович Голицын (6 ноября 1723–15 ноября 1807, Москва) — сын генерал-адмирала М. М. Голицына от брака с Т. К. Нарышкиной. В 1742 году начал службу в посольстве России в Голландии. В 1755–1761 годах — посол в Лондоне. Способствовал вступлению на престол Екатерины II. Вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел, кавалер ордена Александра Невского (1762). Действительный тайный советник (1764). В 1774 году получил орден Андрея Первозванного и стал сенатором; обер-камергер (1775). В 1778 году ушел в отставку и жил в Москве, занимаясь благотворительной деятельностью. Почетный опекун Московского воспитательного дома. Построил Голицынскую больницу. Собрал галерею произведений искусства, которая была распродана с аукциона в 1817–1818 годах. Умер в Москве, похоронен в церкви Голицынской больницы.

[126] Граф Холдернесс — генералу Йорку. (Секретно.) Уайтхолл, 28 марта, 1760 год // Купер-Оукли И. Граф Сен-Жермен. Тайны королей. М.: Беловодье, 1995. С. 185.

[127] В работах Капона (Казанова в Париже. Париж: изд-во Шмидт, 1912. С. 420) и Ж. ле Гра (Экстравагантная личность Казановы. Париж: изд-во Грассэ, 1922. С. 105) тексты этого письма приводятся разные.

[128] Иностранные дела Голландии, 502, лист 202.

Казанова быстро справился с этой задачей, и французская казна получила 18 миллионов двести тысяч ливров, частью наличными, частью в виде отличных ценных бумаг.[129]

Таким образом, Казанова снова был в Гааге, на этот раз для того, чтобы обсудить вопрос о предоставлении кредита под 5 %, но тут его «подставил» господин д'Аффри, написавший герцогу Шуазёлю: «Казанова ведет себя безобразно, налево и направо болтает о своих личных похождениях и о том, что творится при дворе, он крайне невоздержан на язык». На что герцог Шуазёль ответил, что «лично он не знаком с Казановой, и лучше будет, если г. д'Аффри закроет свою дверь перед этим интриганом».[130]

Казанова нанес визит графу Сен-Жермену и оставил об этом посещении рассказ: «Графу доложили обо мне. У него в прихожей сидели два гайдука. Когда я зашел, он сказал мне: «Вы опередили меня, я как раз собирался объявиться у Вас. Я уверен, Вы приехали сюда для того, чтобы сделать что-нибудь в интересах нашего двора. Но Вам будет очень трудно, ибо биржа взбудоражена после операции этого сумасшедшего Силуэтта. Надеюсь, тем не менее, что эта заминка не помешает мне найти сто миллионов. Я обещал это королю Людовику XV, которого могу назвать своим другом, и я его не обману. Недели через три-четыре дело будет сделано».

— Думаю, г. д'Аффри Вам поможет.

— Я не нуждаюсь в его помощи. Наверное, даже и не встречусь с ним, иначе он похвастается, что помог мне, а я этого не хочу. Раз вся работа будет моей, пусть и вся слава достанется мне.

— Вы, наверное, бываете при дворе, герцог Брауншвейгский может быть там Вам полезен.

— Что же мне там делать? Что до герцога Брауншвейгского, он мне не нужен, я даже не желаю знакомиться с ним. Мне всего лишь нужно съездить в Амстердам. Моей репутации достаточно. Люблю я короля Франции, ибо во всем королевстве нет человека честнее его.[131]

Самолюбивый и грубый тон ответов, вложенных Казановой в уста графа Сен-Жермена, делает такой разговор маловероятным.

Объективнее всего о миссии Сен-Жермена в Голландии написал Виллем Бентинк, граф ван Роон. Именно ему 5 марта 1760 года по прибытии в Гаагу граф Сен-Жермен нанес первый визит. Это был человек исключительно утонченный, а его семья играла заметную роль в европейских делах еще со времен Средневековья. Его отец Ганс Виллем Бентинк вместе с принцем Оранским участвовал в походе на Англию, в результате которого принц стал королем Вильгельмом III и за свои заслуги получил титул графа Портландского. Георг II возвысил его старшего сына, сделав его герцогом Портландским; три его сестры были выданы замуж за английских аристократов — графа Сассекса, лорда Байрона Ньюстеда и первого графа Кингстона, и через этот брак Бентинки породнились с семьей герцога

---

129 Согласно самому Казанове, «эта операция навредила Франции, и ожидали банкротство» // Воспоминания. Т. III. С. 458. И тем не менее Ж. ле Гра пишет: «Казанова не претендует на грандиозный размах Сен-Жермена»(!). Цитир. произв. С. 63.

130 Иностранные дела Голландии, 502. Тем не менее Казанова утверждает, что господин д'Аффри его принял: «Господин д'Аффри спросил, знаю ли я некоего графа Сен-Жермена, недавно приехавшего в Гаагу, и добавил: «Я его никогда не принимал, несмотря на то что он приехал-де с поручением от короля по поводу стомиллионного займа. Когда ко мне обращаются за справкой об этом человеке, мне приходится говорить, что я его не знаю, ибо боюсь скомпрометировать себя. Как видите, мой ответ (не) может повлиять на исход его переговоров, но не моя в этом вина, а его. Почему же он мне не привез письма от господина де Шуазёля или от маркизы? Я думаю, что он — самозванец. В любом случае, через несколько дней я буду знать…» // Воспоминания. Т. III. С. 459.

131 Казанова. Цитир. произв. Т. III. С. 459–460.

Кингстонского. Виллему Бентинку, младшему ребенку от второго брака, достались только владения отца в Голландии, куда он переехал из Англии, но хотя он и занимался голландскими делами, но навсегда сохранил свою связь с Англией. Теперь он был членом Генеральных штатов и одним из регентов инфанта принца Вильгельма V. Жил Бентинк в Лейдене, на полпути между Гаагой и Амстердамом.

Сен-Жермен показал Бентинку письмо от своего старого друга Линьера, где тот писал, что Бентинк хотел бы с ним встретиться. Этот Линьер из Франш Конте был автором замечательного изобретения — машины по очистке русла рек, портов и каналов, а Сен-Жермен как его возможный компаньон продвигал это изобретение, чтобы учредить компанию. Бентинк принял графа, и между ними сразу возникли доверительные отношения, переросшие позже в дружбу.

У Бентинка была привычка вести нечто вроде дневника на французском языке, записи в свой блокнот с отрывными листами он вносил не ежедневно, а время от времени, когда случалось что-то особенное, о чем он хотел сохранить свои впечатления, записанные по свежим следам. Сразу после знакомства с Сен-Жерменом он записал содержание их беседы в виде краткого конспекта:[132]

«[Сен-Жермен сказал мне], что с английской стороны проблем быть не должно, трудности появятся со стороны Франции. Что король Англии облек полным доверием двух человек, герцога Ньюкасла и лорда Гранвилла, которые оба страстно желали мира.

Что король Франции и мадам Помпадур, весь двор и вся Франция страстно желают его; что один человек воспрепятствовал ему. Это был герцог Шуазёль, перешедший на сторону венского двора (королевы Венгрии); это могло показаться невероятным, но это правда. Что король был человеком добрым по натуре и никого никогда не хотел огорчать. Что господин де Берни начал работу над новым планом, будучи послом в Венеции, где он не отслужил положенных трех лет на этой должности; что в 1754 году Берни был очень занят и трудился, подобно муравью.

Что все волнения и беды Европы возникли из-за Версальского договора 1756 года, который был только следствием Венецианского договора.

Что существовала секретная статья, по которой Фландрия должна была перейти к инфанте в обмен на побежденную Силезию, которая, в свою очередь, должна быть уступлена и гарантирована королеве Венгрии; что весь проект провалился; что война стала несчастьем для Германии; что план был по сути нелепым, так как ни Англия, ни эта республика [Нидерланды] никогда не согласятся с уступкой Фландрии французскому принцу или принцессе, или вообще кому бы тони было. Что, кроме того, его было невозможно реализовать из-за охвативших Францию волнений; что эти бедствия были, возможно, к счастью, так как, если бы вместо потерь Франция приобрела новые территории, ей бы потребовались целые армии, чтобы удерживать и защищать их, что привело бы к еще большему истощению ее сил.

Что мир мог быть заключен год назад, при этом Англия приобрела бы Луисбург, а Франция — Минорку; но такой мир никого бы не устроил — никто не хотел взваливать на себя расходы на содержание такого приобретения.

Что был только один путь выхода из этого положения, и что это был мир между Англией и Францией; что обычный метод предварительных переговоров, конгрессов и конференций привел бы к затягиванию дела на неопределенный срок и привел к началу новой кампании, даже мысль о которой вызывала дрожь. Что он был убежден, что если бы некий честный человек, которому люди могли бы доверять, выдвинул бы несколько приемлемых предложений, то заключение мира, необходимого как Англии, так и Франции, было бы вполне возможно.

---

[132] The Hague, Koninklijk Huisarchiv, Bentinck Papers.

Что король и мадам де Помпадур страстно и горячо желали этого мира; что король Англии хотел мира ничуть не менее; что герцог Ньюкасл и лорд Гранвилл поддерживали его; что Питту, который в настоящее время был тесно связан с ними обоими, до настоящего момента удавалось мешать им, но король Питта ненавидел; что он понимал выгоду от популярности Питта, которая страховала его от оппозиции нижней палаты, но понимал он и то, что слава Питта, растущая благодаря его военным успехам, возбуждала зависть других министров, и это заставляло короля ненавидеть его еще больше.

(Говоря о Честерфилде, он сказал: «Честерфилд — это ничтожество», с твердостью и прямо глядя мне в глаза, чтобы видеть, как я приму это.)

Что у него было дело в Амстердаме, где он ожидал писем от двора; что Линьер [sic] предложил ему приехать и нанести мне визит, и настоятельно порекомендовал мне и самого этого человека, и его проект. Что он на самом деле совсем не знач д'Аффри, который оказал Линьеру очень плохой прием; что он виделся с д'Аффри в то утро и спросил его, почему он так дурно принял Линьера; Линьер был не авантюристом, а джентльменом и человеком достойным.

Что д'Аффри был креатурой Берни, а не человеком, приближенным ко двору.

По поводу мира, который мог быть заключен год назад, некий шотландец по имени Граммон, который жил в Лондоне, а потом переехал в Париж, получил из Амстердама от некоего Невиля письмо, предупреждавшее его о другом письме, которое и на самом деле пришло ему — через Брюссель; что это письмо содержало идеи о сепаратном мире между Францией и Англией; что исходили они от герцога Ньюкасла и лорда Гранвилла; что это письмо было передано ему мадам де Помпадур (причем при неких особых обстоятельствах, лежа в постели); что радость ее была велика; что она просила его рассказать об этом письме Шуазёлю; что он высказал возражения, но повиновался; что Шуазёль отверг все, заявив, что они могли продолжать войну еще 4 или 5 лет. «Что? С кем, по-Вашему, Вы говорите? Разве я не знаю состояние ваших дел? Достаточно одного-единственного года, и вы разорены».

Что события даже слишком хорошо подтвердили его правоту; что теперь бедность и упадок были таковы, что они уже не знали, где еще искать помощи.

Касательно Амстердама: его величие, число его жителей, богатство и денежное обращение; его превосходство в этом отношении перед Лондоном, Парижем или любым другим городом мира, и по величине капиталов; если сравнить Лондон и Париж, то первый был только столицей, а второй — торговым городом; он очень подробно говорил о [французских] провинциях, уменьшении числа их жителей, разорении дворян-землевладельцев, естественно влекущем за собой и разорение крестьян, обрабатывающих землю, — что все это вызвано диспропорцией между столицей и страной; что результат этого теперь очень заметен, потому что отсутствие поступления зарубежных прибылей и разорение торговли истощили ресурсы, обеспечивавшие и провинцию, и неумеренную роскошь Парижа.

Что меня считали человеком, настроенным проанглийски; что барон Соэле хвастался, что до конца дней своих будет поддерживать Францию.

Он спросил меня, часто ли я видел д'Аффри, хорошо ли я его знал и что это был за человек, и был изумлен, когда я сказал ему; что в действительности я едва знал его, никогда с ним не встречался, за исключением обмена официальными визитами; что д'Аффри никогда не говорил со мной ни о чем серьезном и что, в положении, мной занимаемом, мне было бы неудобно затрагивать серьезные темы с министром, который никогда ни о чем подобном со мной не говорил, причем д'Аффри пользовался доверием государства, а я его доверия не имел».

В этой дневниковой записи, сделанной Бентинком для себя, нет причин сомневаться. Все факты и цитаты тут наверняка подлинные, и для государственного сановника уровня Бентинка речи Сен-Жермена показались столь любопытны, что он поспешил перенести их на бумагу.

И правда, обширность его сведений, глубина и серьезность суждений выдают человека, прекрасно разбиравшегося в политике и имевшего собственное, весьма незаурядное мнение по ее ключевым вопросам.

Интересен комментарий Сен-Жермена по поводу ситуации, когда ни Англия, ни Франция в действительности уже не желали отвоевывать друг у друга территории, стоимость содержания которых обеспечить они не могли. Очевидно, бросается в глаза и четкий социально-экономический анализ национальной политики Франции, как будто сделанный современным историком. Сен-Жермен вскрывает предпосылки и причины будущей Французской революции: отсутствие равновесия в пропорциях распределения расходов: слишком много на войну, в которой победить невозможно; слишком много на содержание двора в Версале, роскошь которого, в то время когда нищета в стране все углублялась, вызывала возмущение; слишком мало тратилось на страну; налоги, взыскиваемые для покрытия военных расходов, деньги на содержание двора, уменьшавшие возможности землевладельцев вкладывать средства в обработку земли, что могло бы обеспечить урожай и поддержать тех, кто работал на этой земле; тотальное банкротство государства и тотальное отсутствие веры в законы в верхах. Все это Сен-Жермен понимал, намного опередив свое время. Можно предположить, что он говорил об этом и с мадам де Помпадур, и с Людовиком, точно так же, как теперь он говорил с Бентинком.

Прекращение разорительной войны с Англией, хотя и самое неотложное, должно было послужить только началом выправления ситуации.

Больше чем через месяц в том же дневнике появилась запись, которая объясняет предысторию знакомства Бентинка с графом Сен-Жерменом:[133]

«Несколько месяцев назад Йорк настоятельно рекомендовал мне одного старого знакомого, господина Виретта, по национальности швейцарца, связанного родственными узами с семейством Стэнли из Англии, с которым господин Йорк был в очень дружеских отношениях. Этот господин Виретт приехал сюда просить патент на изобретенную им машину и по рекомендации Йорка обратился ко мне. Его также очень настойчиво рекомендовал мне господин дела Куадра [секретарь испанского посольства в Гааге], от имени господина д'Альбре из Лондона. Из почтения к этим влиятельным лицам я несколько раз приглашал господина Виретта к себе на обед. Когда я попросил его рассказать подробнее об этой машине, ответить мне он не мог, ему пришлось обратиться к господину Линьеру [sic] из Амстердама, изобретателю, с которым Виретт и еще некоторые другие были связаны. Господин Виретт представил его мне, и я объяснил ему, к кому он должен обратиться, через какие формальности ему придется пройти, и т. д. Некоторое время спустя господин д'Аффри заехал ко мне, отвечая на визит, который я нанес ему ранее, и после нескольких незначительных слов долго говорил о господине Линьере, который, как он сказал, по его сведениям, был моим гостем; среди всего прочего он сказал мне, что господин Линьер поддерживал отношения с графом Сен-Жерменом.

Это имя поразило меня и привлекло мое любопытство, так как я много слышал о нем в Англии. Я задач господину д'Аффри несколько вопросов, в том числе спросил о том, кто такой был граф Сен-Жермен; я добавил, что в Англии, где он долгое время вращался в самом высшем обществе, никто не знач, кто он; что в Англии, где у них так мачо полицейских, это меня не удивляло, но меня поразило то, что и во Франции о нем ничего не известно. На это д'Аффри ответил, что во Франции это знал только король, но, по его мнению, в Англии об этом должно быть известно также герцогу Ньюкаслу.

---

[133] The Hague, Koninklijk Huisarchiv, Bentinck Papers.

Я рассказал господину д'Аффри то, что о нем слышал: о его великолепном умении держаться, безупречных манерах, регулярной оплате счетов в Англии, где довольно дорого поддерживать такой стиль жизни. Господин д Аффри сказал мне, что действительно, это был человек замечательный, о котором рассказывали множество историй: что он обладал философским камнем, что ему более ста лет, хотя выглядел он сорокалетним, и т. п. Я спросил его, был ли он знаком с ним лично, и он ответил, что да, что он часто встречался с ним в доме принцессы де Монтобан и что его очень хорошо принимали и знали в Версале и часто видели в обществе мадам де Помпадур; что он вел чрезвычайно роскошную жизнь, рассказывал о своем богатстве в виде коллекции живописи, драгоценных камней и прочих любопытных вещей, о которых я сейчас уже не помню, как не помню и остальных вопросов, которые я ему задал тогда, при этом вовсе не думая, что я когда-либо сам увижу графа Сен-Жермена.

В моей памяти запечатлелось то, что граф д'Аффри казался изумленным не меньше, чем я, когда слушал рассказываемые им подробности, и что мы говорили о том мнении, которое создалось о личности Сен-Жермена в Англии и во Франции, и он не сказал мне ничего предосудительного в отношении графа Сен-Жермена. Для поддержания разговора я упомянул о нем господину Йорку, когда рассказывал о Виретте. Господин Йорк описал его как очень веселого, очень изысканного человека, который сумел попасть в число приближенных мадам де Помпадур и которому король Франции подарил Шамбор; мое любопытство было крайне возбуждено всеми этими необыкновенными и удивительными вещами, о которых мне рассказали.

Я узнал, что граф Сен-Жермен находился в Амстердаме и разговаривал с господином Линьером, а то, что рассказал мне Линьер, произвело на меня еще большее впечатление, и я сказал ему, что мне было бы чрезвычайно интересно встретиться с графом Сен-Жерменом, и попросил его, когда он будет писать ему, сообщить, что я был бы счастлив познакомиться с ним. Через несколько дней, в начале марта месяца, Сен-Жермен приехал в Гаагу. Как его просил в своем письме Линьер, он нанес мне визит. Беседа с ним мне чрезвычайно понравилась, разговор наш был блестящий, разнообразный, полон подробностей о различных странах, где он побывал, и очень интересных историй, мне также очень понравилось его мнение о разных людях и местах, мне знакомых; манеры его были необычайно изысканными, и говорил он как человек, который по рождению принадлежит к высшему обществу…».

9 марта Бентинк продолжает записи в своем дневнике:

«Его беседа, во всем столь разнообразная и полная особых подробностей и интересных историй, вместе с необыкновенностью самого человека и окружающих его обстоятельств, о которых я слышал главным образом от Йорка и д'Аффри, в частности, о его отношениях с королем и мадам де Помпадур, меня совершенно поразили, и первое, что пришло мне в голову, — что я должен сделать все от меня зависящее, чтобы как можно лучше разобраться во всем, отстранить лживую информацию, поступившую от людей, не достойных доверия и думающих только о себе, и исправить распространенное здесь ложное впечатление об этих личностях, чтобы таким образом самому получить определенный контроль над делом, в котором очень важно четко разобраться и от которого меня пытались отстранить. Поэтому я задал Сен-Жермену множество вопросов, на которые он отвечал с готовностью и ясно (так как он говорил с такой легкостью, как будто он человек болтливый и легкомысленный, хотя пока я не могу понять, так это или нет); я высказывался с полнейшей беспристрастностью в отношении всех стран, кроме моей собственной. Я сказал, что стремился к миру из гуманности, и выразил понимание личной озабоченности короля по поводу состояния французской нации, картину которого он нарисовал очень живо и подробно, при этом он говорил все время как человек, который знал гораздо больше других, был очень точен в описании личностей, поэтому я продолжал нашу беседу так же, как в начале.

То, о чем я рассказал ему: моих собственных желаниях, глупейших слухах и смехотворно оскорбительных историях о людях и событиях, которые министры иностранных государств, живущие здесь, пересказывают своим хозяевам, столь фальшивых по сравнению с реальностью, которую он привез мне прямиком из Франции, — заставило его сказать, что он напишет об этом мадам де Помпадур и что это будет самой лучшей новостью, которую он сможет ей сообщить. Не видя основания для возражений, я не стал высказываться против его намерения сделать это и далее поощрял его продолжать беседу, что было совсем не трудно, при этом я стремился подтолкнуть его идти дальше, в том же направлении, в котором он начал».

Следующим визитом Сен-Жермена, по-видимому, был визит к д'Аффри, который уже был осведомлен о пребывании Сен-Жермена в Амстердаме и его разговорах по поводу финансовых дел Франции и даже отписал об этом в Париж своему патрону. 10 марта д'Аффри написал Шуазёлю[134] о том, что его посетил Сен-Жермен, который нарисовал «устрашающую картину положения наших финансов», и сказал, что хотел бы «предложить проект их восстановления» через получение кредита для Франции от голландских банкиров, что позволит «в двух словах, спасти Королевство». Он был плохого мнения о предшественниках Бертена, министра финансов, и «мне показалось, что он особенно был настроен весьма враждебно против господ Пари: де Монмартеля и дю Верни». В доказательства своей миссии граф показал писанные ему в Голландию письма от Бель-Иля, о доказательной силе которых д'Аффри отозвался весьма пренебрежительно. На его вопрос, знал ли Главный ревизор Бертен о его плане, граф ответил, что пока нет, но на следующий день д'Аффри в своем постскриптуме к написанному в день визита письме добавил, что Сен-Жермен только что еще раз зашел к нему и сказал, что теперь план «известен господину Бертену и даже рекомендован им».

В этот день Сен-Жермен пишет мадам де Помпадур в своем роде отчет:[135]

«11 марта 1760 г.

Мадам,

Моя чистая и искренняя привязанность к королю, к благосостоянию вашей возлюбленной страны и к вам не изменится из-за того, что я нахожусь сейчас в другой части Европы, и нет такого мгновения моего пребывания здесь, который не доказывал бы вам это во всей чистоте, всей искренности, во всей силе.

Теперь я нахожусь в Гааге, в доме графа Бентинка ван Роона, с которым у меня установились близкие отношения. Я так хорошо все устроил, что думаю, что у Франции нет более мудрого, искреннего и надежного друга, чем он. Рассчитывайте на это, мадам, что бы вам ни говорили в доказательство обратного. Этот дворянин здесь имеет очень большую власть, а в Англии он — великий государственный деятель, ион — человек абсолютно честный. Он полностью доверился мне. Я рассказывал ему о восхитительной маркизе де Помпадур, от всего моего сердца, полного чувствами, которые для вас, мадам, давно уже известны, и которые достойны доброты сердца и красоты души, которые их вызвали. Он был очарован и воспламенен, одним словом, вы можете рассчитывать на него, как на меня самого.

Думаю, что король может ожидать от него очень большой помощи, учитывая могущество этого человека, его искренность и прямой характер… Если король считает, что мои отношения с ним могут хоть в чем-то быть ему полезными, я не пожалею усилий, чтобы оказать ему услугу, а моя добровольная и бескорыстная привязанность к его священной особе должна быть ему известна.

---

[134] См.: Paris, Ministere des Affaires Etrangeres, Hollande, 503, fF. 212–214.

[135] См.: Там же, ff. 215 г—216.

Вам также должна быть известна преданность, в которой я поклялся вам, мадам; прикажите, и я вам повинуюсь. Вы можете дать Европе мир, не тратя силы на конференции, которые отнимают так много времени.

Ваши приказания дойдут до меня надежным путем, если вы адресуете их графу ван Роону в Гаагу, или, если вам удобнее, господам Томасу и Адриану Хоупам, у которых я проживаю в Амстердаме. То, о чем я имею честь писать вам, кажется мне столь интересным, что я упрекаю себя, что не сказал вам этого ранее, мадам, — вам, от кого я никогда ничего не скрывал и никогда ничего скрывать не буду. Если у вас нет времени написать мне лично, прошу вас послать мне ответ через кого-нибудь, кому вы доверяете; но не упускайте момент, заклинаю вас именем всей той привязанности и любви, которую вы питаете к лучшему и добрейшему из всех королей.

Остаюсь и т. д.

P.S . Прошу вас, мадам, обратить ваше внимание на решение суда по поводу наложения ареста на «Аккерман» — самое несправедливое и скандальное из всех морских дел; вы знаете, что мною было вложено в это дело 50 000 экю, и компания «Эмери и К» из Дюнкерка уполномочена возместить убытки за судно. Я еще раз прошу вас добиться для меня справедливости в Королевском Совете, в который будет передано это чудовищное дело. Позвольте мне напомнить вам, что прошлым летом вы обещали мне, что не допустите несправедливости по отношению ко мне».

Приписка к этому письму интересна тем, что показывает, что кроме химических исследований Сен-Жермен вел и самые обычные торговые дела, куда он вкладывал довольно значительные суммы.

Однако важнейшие для мадам де Помпадур новости относились к Бентинку. Он был влиятельным человеком, и его влияние могло иметь большое значение. Бентинка всегда считали настроенным антифранцузски, но он завоевал расположение Сен-Жермена, и это могло быть очень важно. Сен-Жермен, по-видимому, сразу же рассказал Бентинку о своем письме мадам де Помпадур, потому что в тот же день Бентинк записал в своем дневнике:[136]

«Вторник, 11 марта 1760 г.

Он рассказал мне, что написал мадам де Помпадур о нашем разговоре и послал письмо в торговом конверте, запечатанном торговой печатью, и что письму ничто не угрожало, что за почту отвечал Жанель, который не посмеет вскрыть его письмо, и что послание, написанное им мадам де Помпадур, будет передано ей человеком, одетым в ливрею его прислуги, хорошо известную в Версале, что как только он получит ответ, который обязательно должен прийти, он покажет его мне; что он написал также министру. Я спросил его, как, по его мнению, министр это воспримет, и он сказал, рассмеявшись, но уверенным тоном, что скоро в Версаче будут перемены, давая мне понять, что Шуазёль уже недолго будет оставаться в положении, дающем ему возможность противодействовать заключению мира».

На следующий день он добавил к этой записи:

«Среда, 12 марта 1760 г.

Что он говорил обо мне с д’Аффри и сказал ему, что он был неправ и, пренебрегая мною, предавал интересы своего венценосного хозяина».

Однако Сен-Жермен недооценил Шуазёля и слишком полагался на свои меры предосторожности, будучи уверенным, что его письмо будет непременно доставлено маркизе.

---

136 См.: Paris, Ministere des Affaires Etrangeres, Hollande, 503, ff. 217r—218r.

В ту неделю с 12 по 19 марта 1760 года Сен-Жермен, выполняя секретную миссию короля Людовика, развил активную деятельность. О его встречах с ключевыми фигурами дипломатических кругов мы узнаем из переписки как самих его собеседников, так и других иностранных представителей, ревниво следивших за его деятельностью «миротворца».

Прежде всего Сен-Жермен после нескольких встреч на протокольных мероприятиях нанес визит своему давнему знакомцу, а ныне английскому послу Джозефу Йорку и имел с ним весьма продолжительную, более трех часов, беседу, в которой изложил свою миссию и свое видение достижения мирных договоренностей между Францией и Англией. В тот же день Йорк написал подробнейший отчет об этой встрече в Лондон, статс-секретарю Роберту Холдернессу, запрашивая инструкций английского короля и правительства относительно дальнейших шагов. Вот его письмо[137] с некоторыми незначительными сокращениями:

Копия письма генерала Йорка к графу Холдернессу; Гаага, 14 марта 1760 года. Получено лордом Холдернессом 21 марта 1760 года. Секретно.

«Гаага, 14 марта 1760 года.

Милостивый государь,

Настоящее мое положение столь деликатно, что с превеликим нетерпением ожидаю я Вашей милости и снисхождения, коим и впредь я надеюсь быть облагодетельствованным. Пусть ведомо будет Вашему превосходительству то, что всеми поступками моими руководит единственное лишь желание — оказаться полезным королю. Если Ваше Превосходительство изволило сопроводить во Францию свое общее мнение о положении дел в Европе и выразить моими устами пожелания к установлению общественного спокойствия, то смею заметить, что и Версаль предполагает воспользоваться тем же самым каналом связи, направляя свои послания в Англию. Это, по меньшей мере, является наиболее разумным способом сообщения, учитывая те трудности, с которыми столкнулась Франция в поисках надлежащей особы для переговоров со мною.

Вашему превосходительству знакома история этого необычайного человека, известного под именем графа Сен-Жермена, который находился некоторое время в Англии, где ему, однако, не удалось ничего сделать. Этот человек вот уже на протяжении двух-трех лет живет во Франции и пользуется дружеским расположением короля, маркизы Помпадур и маршала Бель-Иля. Монархом ему предоставлен в свободное пользование королевский замок Шамбор.[138] Пользуясь покровительством короля, он стал одним из влиятельных лиц в стране.

На несколько дней появился он в Амстердаме, где был весьма обласкан, и стал темой многочисленных пересудов. Затем его видели на бракосочетании принцессы Каролины, праздновавшемся в Гааге. В этом городе он также приковал к себе всеобщее внимание. Благодаря своему красноречию он не испытывал недостатка в слушателях. Он свободно говорил на любые темы, затрагивая при этом и проблему мира, и, между прочим, свои полномочия к его подписанию.

Господин д’Аффри относится к нему с уважением и вниманием, однако весьма и весьма раздосадован популярностью сей новоприбывшей особы, чему свидетельство явное его нежелание познакомить меня с ним. Как бы то ни было, он сам засвидетельствовал мне свое почтение.

---

137 См.: Купер-Оукли И. Граф Сен-Жермен. Тайны королей. М.: Беловодье, 1995. С. 98–102. Исследовательница получила копию этого письма из тома 15 «Записок Митчелла», хранившихся в архиве Британского музея.

138 Этот факт стал достоянием общественности именно в таком, несколько искаженном, виде, не в последнюю очередь благодаря усилиям Казановы, любителя преувеличить.

Я любезно ответил тем же, и не далее как вчера он изъявил желание встретиться со мной ровно в полдень, однако в назначенный срок не явился и посему вновь объявил о своем желании поговорить со мной этим утром, и был мною незамедлительно принят. Начал он с обсуждения плохого состояния Франции, страстного ее желания мира, необходимости мирного договора и личных его стремлений поспособствовать этому событию, в целом столь желанного для всего человечества. Далее он говорил о своем пристрастии к Англии и Пруссии, которое, по его мнению, сделало из него искреннего сторонника Франции.

Будучи немало осведомлен об этом человеке и не осмелившись вступать в беседу без достаточных на то основательных сведений, я предпочел сразу же скрыться под маской серьезного и сдержанного тона, сказав ему, что подобные дела столь деликатного характера, что не подлежат обсуждению между людьми, неуполномоченными на это, а затем пожелал знать истинную причину его визита. Полагаю, что мой тон показался ему чересчур утомительным, ибо он тут же предъявил мне словно верительные грамоты два письма от маршала Бель-Иля. Одно из них датировано 4 февраля, а второе — 26 февраля. В первом письме он посылает ему охранный лист, бланк с королевской печатью и предлагает заполнить его по своему усмотрению. Во втором он выражает великое нетерпение услышать какие-либо вести от адресата. Оба письма, впрочем, изобилуют похвалой, обращенной к его способностям и рвению, в них же содержатся и надежды на удачное совершение дел, ради которых и снаряжен этот человек. У меня нет никаких оснований, чтобы сомневаться в подлинности этих писем.

Прочитав эти послания и обменявшись некоторыми незамысловатыми комплиментами, я попросил его объясниться, что он и сделал следующим образом: король, дофин, маркиза Помпадур, весь двор, да и весь народ, кроме герцога Шуазёльского и господина Беррье, страстно желают этого мира. Они хотят знать действительные устремления Англии и желают с честью подвинуться к заключению желаемого договора. Господин д'Аффри в тайну этих дел не посвящен, а герцог Шуазёльский, проавстрийски настроенный, вообще воздерживается говорить о своих дальнейших намерениях, скрывая полученную им информацию.

Однако это не имеет ровно никакого значения, ибо этому герцогу угрожает скорая отставка. Маркиза Помпадур не большая любительница Австрии, но ей недостает твердости, потому что она не знает, кому верить. Если она будет уверена в реальности мирного договора, то всем сердцем будет за него. Именно она и маршал Бель-Иль, с согласия короля, послали Сен-Жермена осуществить эту почти безнадежную миссию… Это и многое другое поведал мне сей авантюрист от политики. Я пребывал в величайшем затруднении на счет того, стоит ли мне вообще вступать в переговоры, но поскольку я удостоверился в подлинности миссии своего собеседника, о чем уже упоминал выше, я решил объясниться с ним в общих фразах. Поэтому я сказал ему, что желание короля подписать мирный договор является, несомненно, искренним, ибо мы со своей стороны делали подобное предложение еще в середине наших успехов в войне, которые с той поры стали гораздо очевиднее. Следует посвятить во все детали и наших союзников, ибо с ними дело быстро пойдет на лад, без них же оно застопорится. Франции, безусловно, хорошо известно наше положение, поэтому нет никакой нужды требовать от меня какой-либо дополнительной информации. Что же касается частностей, то прежде чем переходить к ним, мы сначала должны быть уверены в их необходимости; в любом случае, однако, я не располагаю сведениями, которые могли бы выступить в качестве таких подробностей. Затем я заговорил о зависимости Франции от двух императриц и крайне приятной перспективе, открывающейся перед ними даже в том случае, если короля Пруссии постигнет неудача. Однако я отказался ступить далее общих, хотя и положительных, заверений в желанности мирного договора для нашего короля.

По мере оживления беседы я спросил его о том, какая из потерь наиболее ощутима для Франции, наверное, Канада? «Отнюдь, — заявил он, — Канада обошлась Франции в 36 миллионов франков, ничего не дав ей взамен». Гваделупа?

«Нет, она не станет препятствием к подписанию мирного договора, ибо сахарного тростника и в других краях достаточно». Вест-Индия? Он ответил также отрицательно, та же участь постигла и мой вопрос о денежных операциях Франции. Я спросил его, что они скажут насчет Данкирка?[139] Он не замедлил опровергнуть мое предположение, всячески заверив в искренности своего ответа. Затем он спросил меня, что мы думаем, в свою очередь, о Минорке? Я ответил, что мы забыли о ней, во всяком случае, об этом никто еще не вспоминал. «То же самое, — заявил он, — я не переставал говорить им вновь и вновь, а они изумлялись расходам, которых требовал этот остров».

Такова суть трехчасового разговора, состоявшегося между нами, о котором я хотел Вам поведать. Он попросил меня о сохранении строгой секретности и выразил свое намерение посетить Амстердам и Роттердам в ожидании моего ответа, о получении которого я его не обнадежил, но и не разуверил.

Я покорно надеюсь на то, что Ваше Превосходительство не поставит в упрек мне эту самодеятельность. Очень нелегко обрести правильную линию поведения в подобных обстоятельствах, хотя в моей власти было либо просто прервать все сношения с этой особой, либо продолжить их.

Поскольку король, видимо, желает дать ход мирным переговорам, да и Франция испытывает весьма сильную потребность в этом, то, кажется, нам улыбнулась благоприятная возможность, и я с воодушевлением ожидаю распоряжений, прежде чем тронуться с места».

В этот же день представитель короля Польши саксонец граф Каудербах написал своим коллегам — графу Викербарту в Дрезден и князю Александру Голицыну в Лондон — по письму, в которых среди прочих новостей немало места отводится Сен-Жермену и его приезду в Голландию. В письме Викербарту Каудербах рассказывает об имевшем место накануне ужине, на котором присутствовали кавалер Брюль и Сен-Жермен. Автор письма подробно описывает своего необычайного гостя:

«Несомненным фактом является то, что один из членов Генеральных Штатов, возраст которого приближается к семидесяти, рассказал мне, что видел этого необычайного человека в доме своего отца, когда сам еще был ребенком, и движения его были ловкими и свободными, как у человека лет тридцати. Его ноги всегда были готовы к резким поворотам, волосы у него были естественные, черные и покрывали всю его голову, на лице с трудом можно было найти хоть одну морщину. Он никогда не ел мяса, кроме белого мяса цыпленка, в небольших количествах, и ограничивался злаками, овощами и рыбой. Он предпринимал всяческие меры предосторожности против холода, но не возражал, если приходилось засиживаться допоздна. Он поддерживал компанию далеко за полночь, уступая нашему желанию, а утром по его внешнему виду ничего не было заметно.

…Он говорил как ученый о самых чудесных секретах природы. В его доказательствах не было таинственности, и без явной цели, одними объяснениями, он убеждал даже наиболее скептически настроенных слушателей. Показал несколько прекраснейших камней, среди них примечательный опал, и заявил, что вся мировая слава ему безразлична, он хотел лишь быть достойным титула гражданина».[140]

Затем, переменив тему разговора, граф перешел к своей миссии, которую выполнял в интересах Франции. Он очень хорошо отзывался о мадам де Помпадур как о человеке «с добрейшим сердцем, честнейшими намерениями и беспримерным бескорыстием… Беда Франции в том, что Людовику XV недостает твердости. Все, кто его окружают, знают об излишней его доброте и пользуются этим. Он окружен креатурами братьев Пари — этих истинных виновников бед Франции.

---

[139] Данкирк — датская Шотландия.

[140] «Письмо господина Каудербаха графу Вакербарту», министру короля Польши Августу III. См.: Вебер К. Четыре столетия (на нем. языке). Лейпциг, 1857. Т. I.С. 306–323.

Разорять Францию так долго, чтобы награбить себе восемь миллионов! Именно они скупили все и вся и не дали осуществиться планам лучшего гражданина Франции, маршала де Бель-Иль. Отсюда раздор и зависть среди министров, как будто они находятся на службе у разных монархов. К сожалению, мудрость короля уступает его доброте, и он не в состоянии распознать хитрость людей, которыми братья Пари обложили его. Эти люди прекрасно знают о том, что королю недостает строгости, и постоянно льстят ему Поэтому их слушают в первую очередь. Тем же страдает и фаворитка. Она видит зло, но у нее не хватает сил его искоренить. Граф Сен-Жермен является единственным человеком, решительно способным на это. Он возьмется за низложение силой своего влияния и деятельностью в Голландии двух особ, весьма вредных для государства, которые до сих пор считались незаменимыми. Слушая, с какой вольностью и непринужденностью он говорит обо всем этом, я постепенно приходил к выводу, что он либо очень уверенный в себе и своих силах человек, либо величайший в мире безумец.[141] Я мог бы до бесконечности занимать Вашу Светлость историями об этом примечательном человеке и его глубочайших познаниях в физике, однако боюсь наскучить Вам, ибо они, как мне кажется, более романтичны, нежели правдивы».[142]

В конце письма Кауцербах прибавил: «Он несколько раз был в Дрездене и рассказал мне, что очень хорошо знал покойного короля».

Дрезден был столицей Саксонии, но именно пфальцграф Саксонии (родившийся в 1670 году) в 1697 году стал королем Польши Августом II. Вот почему саксонец Каудербах представляет Польшу в Гааге, и поэтому Сен-Жермен рассказал ему о том, что было связано с Дрезденом и покойным саксонским курфюрстом — королем Польши.

Письмо Голицыну очень похоже на это письмо по своему содержанию, только несколько суше и содержит меньше подробностей. О личности и миссии графа Сен-Жермена Каудербах написал следующее:

> «Здесь сейчас находится один экстраординарный человек. Это — знаменитый граф Сен-Жермен, известный по всей Европе своей ученостью и огромным богатством. В этой стране он выполняет очень важное поручение, и много говорит о необходимости спасения Франции любыми средствами, имея в виду, вероятно, те, которыми некогда воспользовалась Орлеанская дева. Посмотрим, как у него это получится. Он владелец, наверное, целого склада драгоценных камней. Он утверждает, что ему удалось открыть тайны Природы и познать ее целостность. Однако самым любопытным является утверждение о том, что ему якобы сто десять лет. Выглядит он, как бы то ни было, лет на сорок пять. Благословенны рожденные под счастливой звездой. Думаю, что в наших интересах попытаться открыть его тайну. Он является пылким сторонником госпожи де Помпадур и маршала Бель-Иля. Братья же Пари ему ненавистны, ибо именно их он склонен обвинять во всех бедствиях, постигших Францию. Он очень охотно и вольно говорит обо всем, что имеет отношение к Франции, начиная с короля и заканчивая шутом».

Тому же адресату Каудербах написал через пять дней, 19 марта:

---

141 «Письмо господина Каудербаха графу Вакербарту», министру короля Польши Августу III. См.: Вебер К. Четыре столетия (на нем. языке). Лейпциг, 1857. Т. I. С. 306–323. В этом письме опущено замечание, которое Полю Шакорнаку показалось маловероятным, поскольку слова этого автора нигде не находят подтверждения: «В его дом ломится народ, как будто он — некий диковинный зверь. А на самом деле это — милейший человек».

142 Taillandier Saint Rene, Un Prince Allemand du XVIII Siecle. Revue des deux Mondes, LXI, pp. 896, 897.

«Я уже сообщал Вам, монсеньор, в предыдущих письмах о знаменитом Сен-Жермене, в данный момент находящемся в Амстердаме, где он проживает вместе с господином Хоупом. Он встречался с господином Йорком в его доме, беседа продолжалась три часа. Он не поддерживает никаких отношений с господином д'Аффри, заявив, впрочем, мне лично, что здесь он находится с весьма важным поручением. Однако, сказать правду, мне он кажется опрометчивым в своем желании уверить всех в том, что он является уполномоченным посредником. Я отношу его к категории известного Маканаса, которого Вы, Ваша Светлость, могли знать в 1747 году, или же, на худой конец, я сравниваю его с графом Секендорфом, объявившимся в этих краях в прошлом году. Я не удивлюсь, если ему не удастся выполнить свою миссию. Наши датчане слишком тупоголовы, чтобы оценить тонкости и достоинства его натуры. Как бы то ни было, я не сомневаюсь в том, что где-то здесь уже ведутся весьма важные, как мне кажется, переговоры… Этот человек сказал мне, что Франция согласна уступить Гваделупу… если подобной ценой, конечно же, она сможет добиться заключения приемлемого мирного договора. В этом, возможно, и не будет ничего плохого… если Англия, конечно, не прекратит помогать Пруссии… Что Вы думаете по этому поводу?..»

Как видим, новости и слухи в Гааге распространялись весьма быстро, и представители различных дворов старались как можно подробнее узнать, что происходит у союзников и соперников. Таким образом, содержание секретной беседы Сен-Жермена с Йорком стало тотчас же известно Каудербаху.

15 марта[143] прусский посол фон Хеллен пишет королю Фридриху по поводу Сен-Жермена, упомянув, что во время его двухнедельного пребывания в Амстердаме он общался с богатейшими коммерсантами Хоупами, а здесь, в Гааге, беседовал с самыми богатыми португальскими евреями. Ходили слухи, что он приехал сюда для обсуждения условий тридцатимиллионного займа, но собственное его впечатление — что он приехал за чем-то другим. Он заметил, что это необычайный человек говорил очень свободно, казался «настроенным анти-австрийски, в высочайшей степени осуждал Францию за заключение союза с венским двором, и казался величайшим поклонником Вашего Величества. Я сам слышал, как на днях он сказал в присутствии барона фон Райшаха, что Франция поступала недостаточно мудро».

Фон Хеллен, как и фон Райшах, был карьерным дипломатом. И он был удивлен, как Сен-Жермен мог позволить себе так свободно говорить о короле и правительстве, которых он представлял, но объяснение этого в том, что Сен-Жермен не был посланником в обычном смысле этого слова. Он не был французом и не служил французскому королю или правительству. Его намерение сделать для них доброе дело не мешало ему высказать свое мнение, что они поступали недостаточно мудро.

В своем письме Кауницу от 18 марта[144] Райшах написал, что, как полагали, Сен-Жермен, в качестве гарантии, обеспечивающей авансирование очень большой суммы французскому двору, предложил свое состояние и репутацию, приехал он с целью спасти Францию, и уже провел переговоры с Йорком. Из этого Райшах сделал вывод, что можно было не сомневаться, что Сен-Жермен приехал с полномочиями на обсуждение условий заключения мира. Австрийский дипломат заметил, что д’Аффри был заметно встревожен и не мог скрыть свое неудовольствие. В заключение он сообщил, что Сен-Жермен был известен в мире музыки и виртуозно играл на скрипке.

---

143 См.: Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, XIV, 96.F.39.e, f. 66r—66v.

144 Cm.: Vienna, Haus-, Hof- und Staatsarchiv.

22 марта[145] фон Хеллен написал королю Фридриху о том, что Йорк позволил ему ознакомиться с посланным им в Лондон сообщении о своей беседе с Сен-Жерменом. По-видимому, оно было выслано навстречу письму короля Фридриха, написанному ему 20 марта,[146] в котором он советовал не обращать внимания на слухи о Сен-Жермене, а «наблюдать за самим этим человеком, и как можно внимательнее».

Итак, представители английского, прусского, австрийского дворов осведомлены об истинных целях приезда графа Сен-Жермена для подготовки почвы ведения сепаратных мирных переговоров. Но эти цели сознательно скрыты от французского посла д'Аффри и Шуазёля. Французский посол, который раньше был весьма доброжелателен к Сен-Жермену, постепенно изменил свое отношение, видя, какие успехи делает этот никому не ведомый человек под вымышленным именем в той деятельности, все лавры в которой должны принадлежать ему, д'Аффри. 14 марта он направляет Шуазёлю письмо о действиях Сен-Жермена, так и дышащее завистью, в которой его уличил прозорливый Йорк, и полное злобных выпадов по поводу меркантильности и личной финансовой заинтересованности самого графа в связи с его планом спасения Франции:

«Гаага, 14 марта, 1760 год.

Господин герцог,

Я имел удовольствие ознакомиться с планом господина Сен-Жермена. Я отослал обратно этот план — и, вероятно, при первой возможности скажу ему, что дела подобного сорта не имеют никакого отношения к Министерству, почетным представителем которого являюсь я. Не имея на этот счет никаких распоряжений, я не собираюсь вмешиваться в эти дела и, возможно, попытаюсь своими силами раздобыть кредит для фондов Его Высочества в Амстердаме или же в иных городах Голландии. Думаю, что мне удалось найти причину антипатии господина Сен-Жермена к господам Пари де Монмартель и дю Верни, после того как я ознакомился с проектом Указа, особенно со статьей одиннадцатой или двенадцатой, которая утверждает о необходимости к дальнейшему привлечению «денежных средств». При первом же прочтении эта статья буквально сразила меня наповал, и я заметил господину Сен-Жермену, что эти «денежные средства» могут принести несметное богатство тому, кто будет иметь к ним доступ. Он кратко ответил, что господа Пари знали об этом, добиваясь своего назначения в попечители этого вновь создаваемого фонда. Они, вероятно, согласно его утверждениям, приберут к рукам все финансовые дела королевства. Он же, то есть граф Сен-Жермен, отправился в Голландию с единственной целью — создать компанию, которая была бы способна подобающим образом управлять этим фондом. Думаю, что в таком случае ему весьма неприятно видеть, как это выгодное дельце уходит из рук, которым он предназначил бразды правления этим фондом, в руки чужие.

Господин Сен-Жермен рассказал мне о том, что господин Бентинк Роон недоволен моей сдержанностью и нежеланием говорить с ним о подобных делах. Он добавил, что господин Бентинк уверил его в том, что среди всех англичан является наименее проанглийски настроенным и, будучи истинным патриотом, весьма уважает Францию. Я отвечал господину Сен-Жермену общими фразами, стараясь, тем не менее, дать ему почувствовать, что мне кажется странным то обстоятельство, что господин Бентинк уполномочил его сделать это заявление, и еще более странным, что он вызвался его сделать. Я считаю своим долгом доложить Вам обо всем случившемся между мной и этим человеком».

К несчастью графа Сен-Жермена, письмо от 11 марта, которое он отправил маркизе Помпадур, не дошло до нее.

---

[145] См.: Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, XIV, 39.e., f. 77.

[146] См.: Там же.

С начала 1760 года Шуазёль был назначен Людовиком XV суперинтендантом почтовой службы и распоряжался ее тайнами.[147] Поэтому, когда письмо пришло в Париж, герцог сразу же его изъял и направил господину д'Аффри следующее сообщение:

«Версаль, 19 марта 1760 г.

Посылаю Вам письмо господина Сен-Жермена госпоже Помпадур, из которого ясно, до какой степени этот человек несуразен. Он — первостатейный авантюрист, который к тому же — я этому свидетель — непроходимо глуп.

Я хочу попросить Вас, чтобы Вы сразу же по получении письма пригласили его к себе домой и сказали ему от моего имени, что я не знаю, как королевский министр, ведающий финансами, отнесется к его поведению, которое носит характер прямого вмешательства в дела Министерства. Что же касается лично меня, то я попрошу Вас предупредить его о том, что если мне станет известно (не важно, каким способом) о его вмешательстве в политические дела, то я найду возможность добиться у короля распоряжения арестовать и посадить его в тюрьму, как только тот вернется во Францию!

Добавьте, что мои намерения абсолютно непреклонны — он может быть в этом уверен, и я сдержу свое слово, если он вынудит меня к этому своим поведением.

После подобного заявления Вам следует попросить его, чтобы он более не показывался в Вашем доме, и с Вашей стороны окажется весьма благоразумным, если Вы ознакомите всех иностранных посланников, банкиров Амстердама и широкую публику с комплиментом в адрес сего несносного авантюриста».[148]

К этому времени Джозеф Йорк должен уже был получить от лорда Холдернесса ответ, ожидаемый им с таким нетерпением. Это письмо от 21 марта, написанное в Уайтхолле,[149] сообщало, что король полностью одобрял его поведение во время беседы с графом Сен-Жерменом:

Копия письма графа Холдернесса генерал-майору Йорку. Секретно.

«Уайтхолл. 21 марта 1760 года.

Сэр,

Имею честь сообщить Вам, что Его Величество всецело одобряет Ваше поведение в беседе с графом Сен-Жерменом, о которой Вы предоставили отчет в Вашем секретном послании от 14 марта.

Король, в частности, с похвалой отзывается об осторожности, проявленной Вами в беседе с ним, побудив его тем самым предъявить Вам два письма от маршала Бель-Иля, которые, как Вы правильно отметили, являлись некоторым образом рекомендацией. Очень хорошо, что беседа с Вашей стороны велась в общих выражениях и в весьма удобном для Вас русле, и если Вам удалось воспоследовать сути полученных Вами наставлений, то, естественно, не возникнет ничего предосудительного, способного повредить интересам Его Величества. Ибо все Вами сказанное в таком случае общеизвестно и не составляет никакой тайны.

Его Величество вполне допускает такую мысль, что граф Сен-Жермен действительно может оказаться уполномоченным некими влиятельными лицами Франции к ведению подобных переговоров. Весьма вероятно, что эта миссия совершается с согласия короля.

---

147 Король передал Шуазёлю «почтовую тайну», то есть право выборочно открывать письма. Шуазёль злоупотреблял этим.

148 Иностранные дела Голландии, 503, лист 239, копия архивных материалов.

149 British Museum. Additional MSS.6818 (Mitchell Papers IV, Lord Holdemesse's Despatches, 1760), 168.1.(12), 20 March.

Мы также заинтересованы в этом, ибо нам важно все то, что способствует скорейшему продвижению к желанной цели. Однако не стоит рисковать продолжением переговоров между одним из полномочных королевских поверенных и такой персоной, какой представляется в этом деле Сен-Жермен. Спешу Вас предупредить, что в ответ на Ваши искренние усилия в этом деле французский двор может счесть необходимым лишить полномочий Сен-Жермена. А по его собственным словам, эти полномочия не известны ни французскому послу в Гааге, ни министру иностранных дел в Версаче, которому хотя и напророчили ту же участь, что выпала на долю кардинала де Берни, тем не менее он все еще остается в силе.

Вот почему Его Величество удовлетворила Ваша тактика в ведении переговоров с графом Сен-Жерменом, о которых Вы сообщили мне в Вашем письме, и Вам надлежит передать ему, что Вы не можете вести диалог с ним по интересующему его вопросу, пока он не представит подлинных доказательств его уполномоченности в этом деле, а также согласия и одобрения Его Величества. Но в то же время Вы должны добавить, что король готов в любое время приложить максимум усилий, чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие, а также готов обсудить условия мира, если французский двор уполномочит кого-то должным образом для ведения переговоров по этому вопросу. Кроме того, во избежание недоразумений настаивайте на одном, а именно, что в том случае, если оба монарха придут к согласию по поводу условий мирного договора, французский двор обязан будет согласиться, явно и конфиденциально, на то, что и Ее Величеству Алисе и королю Пруссии будет позволено участвовать в примирительном диалоге.

Можете подчеркнуть, что Англия не будет принимать во внимание мирные проекты, не подкрепленные согласием Его Величества».

По мнению короля Георга, II, было вполне вероятно, что Сен-Жермен получил все полномочия от людей, обладающих существенным весом на советах у короля Франции, и возможно, даже от самого Его Христианнейшего Величества. Тем не менее, тогда как Йорк был полномочным министром британской короны, французскому министру иностранных дел Шуазёлю поручение Сен-Жермена было неизвестно, и хотя последний, по уверениям Сен-Жермена, уже стоял перед лицом приближающейся отставки, англичанам было очевидно, что если вещи примут другой оборот, то французский король просто отречется от Сен-Жермена и покинет его. Поскольку граф Сен-Жермен все еще не получил ответа на свои мирные инициативы от английского представителя Йорка после нанесенного ему 14 марта визита, он договорился встретиться с Йорком утром 23 марта 1760 года. В этот день Йорк, должно быть, показал письмо Холдернесса Сен-Жермену и попросил его, прежде чем продолжать переговоры, получить от французского короля формальное подтверждение того, что он действительно приехал по его поручению, чтобы не было возможности отказаться от результатов переговоров.

Другими словами, Холдернесс и король Георг совершенно ясно понимали, что все зависело оттого, произойдет или не произойдет переворот во Франции. Но англичане не смогли получить подлинных доказательств того, что Его Христианнейшее Величество знал и поддерживал миссию Сен-Жермена, поскольку в дело вмешался Шуазёль. Задуманный Людовиком и мадам Помпадур переворот не удался, Шуазёль остался у власти и, узнав из перехваченного письма Сен-Жермена о закулисных попытках короля, фаворитки и Бель-Иля изменить внешнюю политику Франции за спиной его как министра иностранных дел, задумал месть, так что Сен-Жермен должен был быть принесен в жертву. Отсюда и его гневное письмо д'Аффри с угрозами в адрес графа.

Дальше события развивались, как в хорошем детективе, поэтому придется отступить от строгой хронологической последовательности и поочередно давать слово каждой из четырех сторон: Шуазёлю и д'Аффри, Йорку и Холдернессу, Каудербаху и князю Голицыну, а также Бентинку ван Роону с их версиями изложения событий. Свое пояснение даст и коротко знакомый с Шуазёлем барон Гляйхен, также осведомленный о некоторых деталях, вероятно, полученных напрямую от Шуазёля.

Следуя полученным от министра иностранных дел инструкциям, д'Аффри действовал в строгом соответствии с ними, о чем и отчитался в обобщающем письме к герцогу Шуазёлю:

«Гаага, 5 апреля, 1760 год.

Господин герцог,

Имею честь ответить ныне на Ваше письмо от девятнадцатого числа прошлого месяца по поводу графа Сен-Жермена. Я не мог сделать это ранее, ибо нескромное поведение (если не сказать большего) этого авантюриста вынудило меня к проведению расследования прежде, чем изложить Вам следующие обстоятельства. Однако его поведение столь вызывающе, что я считаю своим долгом представить сообщение о нем вниманию Его Высочества.

День спустя после получения Вашего письма господин Сен-Жермен, прибывший из Амстердама, явился ко мне с визитом. Его сопровождали шевалье де Брюль и господин Каудербах. Он сказал мне, что эти господа согласились взять его на встречу с графом Головкиным в Рисвик, куда и я также должен буду отправиться. Я сказал господину Сен-Жермену, что прежде его отъезда я хотел бы с ним поговорить, и заявил ему сразу же о сути Ваших претензий к его планам. Он был этим удивлен, и я закончил беседу приглашением явиться ко мне следующим утром в десять часов. Затем я ознакомил господина Каудербаха с содержанием Вашего письма, которое сразу же возымело подобающее действие, и он решил не брать господина Сен-Жермена в Рисвик.

В условленное время господин Сен-Жермен не явился, и я подумал о том, что моего весьма ясного объяснения с ним оказалось достаточно, чтобы он стал более осмотрительным. Возможно даже, что мои слова побудят его покинуть эту страну. А потому я посчитал бесполезным делом выдвигать новые приглашения и решил ограничиться передачей Ваших распоряжений главным министрам и некоторым иностранным посланникам и отписать господину д'Астье в Амстердам, чтобы тот предупредил главных банкиров о предложениях, которые могли последовать от Сен-Жермена.

Господин д’Астье сообщил мне, что господа Томас и Адриан Хоуп были весьма огорчены тем обстоятельством, что им приходится находиться под одной крышей с этим человеком. Они также заявили, что при первой же возможности постараются избавить себя от его общества. Те два пакета от маршала де Бель-Иля, которые Вы изволили направить мне, ясно указывают, что этот человек не придерживается данных ему мною инструкций. Мне кажется, что он может доставить нам много хлопот. Я получил эти письма во вторник и послал господину Сен-Жермену записку с приглашением посетить мой дом в среду утром — он не пришел. А позавчера, в четверг, господин Брауншвейг в присутствии господ Головкина и Райшаха, выслушав заявления с нашей стороны, сказал мне, что он знает о желании Его Величества отослать ко мне письма Сен-Жермена в Версаль, а также уверил меня в том, что в скором времени мне будет доставлена и другая корреспонденция, так как господин Сен-Жермен вел большую переписку с разными лицами с тех пор, как я отказал ему от моего дома. И, наконец, он добавил, что категорически не желает видеть этого проходимца. Ему, оказывается, и в голову не приходило, что он мог встречаться еще с кем-то за его спиной и заниматься всевозможными интригами и заговорами! Если нам не удастся хоть чем-то его дискредитировать, то он будет весьма для нас опасен, особенно в сложившейся ситуации. Такой человек одним только своим появлением способен повернуть вспять или приостановить любые переговоры. Наконец, я понял, что настало время высказать свое мнение, и заявил принцу Людовику; что я уполномочен сообщить ему и господам Головкину и Райшаху о том, что господин Сен-Жермен нами абсолютно дискредитирован, а, следовательно, ни в коем случае нельзя полагаться на его слова по поводу наших дел или нашего правительства. Затем я попросил господина Брауншвейга при первой же возможности передать господину Йорку мои соображения по этому поводу. Примерно о том же я заявил вчера утром главе и секретарю правительства.

Возвратившись вчера вечером из Рисвика, я послал Сен-Жермену записку с приглашением посетить мой дом. Его, однако, на месте не оказалось. Как бы то ни было, карточку с приглашением я все же оставил, а через некоторое время еще раз послал за ним, и он наконец явился. Я не стал передавать ему письма господина Бель-Иля, опасаясь, что он попросту их уничтожит. Я лишь сказал ему, что маршал от имени Его Величества уполномочил меня выслушать все, что он имеет мне сообщить. Намой вопрос, касаются ли его инициативы нашей армии, флота или финансов, он ответил отрицательно. ««В таком случае», — сказал я, — Вы, по всей видимости, хотите говорить о политике». И тогда я выложил все перспективы, которые уготованы ему в случае возвращения во Францию. Сначала он никак не отреагировал на мое заявление. Затем же удивление и досада мало-помалу охватили его. Однако несмотря на всю нервозность он не выглядел человеком, который осознал свою вину и желает расстаться со своими планами. Поэтому на прощанье я вновь очень серьезно предупредил его о том, что если он снова начнет вмешиваться в дела и интересы Его Величества, то я не смогу скрыть этого от Вас, а также публично заявлю о том, что его действия не находят ни малейшей поддержки со стороны Его Величества и министерства. Завершив дело, о котором я докладывал Вам в моей депеше под номером 575, я сразу же отправился на встречу с мистером Йорком. Я спросил его о том, не приходил ли к нему Сен-Жермен. Он ответил, что даже дважды. В первый свой визит они говорили о мире, на что мистер Йорк отвечал общими фразами об истинном желании Англии завершить войну. Далее господин Йорк сказал, что во время второй встречи он (Йорк) был более уверен в себе, чем при первой, так как на этот раз ему было уже известно, что Сен-Жермена не признал официальный представитель (то есть я). Затем он добавил, что герцог Ньюкаслский в ответ на его письмо, содержащее отчет о первом визите этого человека, просит передать, что мирные инициативы со стороны Франции будут всегда приветствоваться в Лондоне, из каких бы источников они ни исходили. Однако я не знаю, довел ли господин Йорк ответ до сведения упомянутой особы.

Прошу Вас, господин герцог, сообщить содержание этой депеши маршалу де Бель-Илю, который, я уверен, прекратит всяческую переписку с человеком, чье поведение выходит за рамки дипломатического этикета. Я пошлю с этой почтой пакет для господина Бель-Иля, где будут находиться вместе с моим письмом и те два, что он посылал мне для господина Сен-Жермена.

Осмелюсь доложить Вам, что господин Сен-Жермен пытается всех уверить, в том числе и меня, что Его Величество был с ним в таких доверительных отношениях, что предоставил в его распоряжение замок Шамбор на тех же условиях, что и в свое время маршалу де Саксу, впрочем, без годового дохода с замка… от которого, по его уверению, он сам отказался».

Вот как видятся и оцениваются эти действия самим Каудербахом и его корреспондентом Голицыным в их зашифрованной переписке. Заметим, что если вначале они весьма благожелательны, то после действий французской дипломатии оценки Сен-Жермену даются весьма нелицеприятные. Вот некоторые избранные места из их переписки:

Выдержка из письма князя Голицына господину Каудербаху:

«Лондон, 25 марта 1760 года.

Мне известно, что у графа Сен-Жермена хорошая репутация. Этот необычный человек находился некоторое время в Англии, и мне, право, трудно сказать, нравилось ли ему здесь. Он, видимо, ведет переписку кое с кем из жителей этих краев. Один из них утверждает, что поводом путешествия графа в Голландию послужил чисто финансовый интерес…»

Копия письма господина Каудербаха князю Голицыну.

«Гаага, 28 марта 1760 года.

Здесь много говорят о тайных переговорах между Англией и Францией, и, судя по всему, есть веские основания полагать, что это правда.

Мне достоверно известно, что господа д'Аффри и Йорк разными путями добрались-таки до места встречи в Буа, где, вероятно, и состоялась их беседа. Мне также известно, что они встречались повторно в Рисвике. Теперь вы вправе оценить значимость этих встреч.

Пруссаки заявляют во всеуслышание, что если две ныне царствующие императрицы не склонятся к миру, то Франция пойдет собственным путем. Надеюсь, что с их стороны это всего лишь предположение. Господин Райшах говорит, что бояться нечего, ибо он уверен в абсолютном согласии между его двором и Францией. Однако я не совсем согласен с этим предположением.

Я уже говорил Вам о графе Сен-Жермене, ныне находящемся здесь. Господин д'Аффри, приняв его у себя в доме, где раньше тот неоднократно бывал, только что отказал ему в гостеприимстве, выполняя распоряжение своего двора, и поспешил известить о этом всех нас. Господин Сен-Жермен говорит, однако, что этот приказ исходит от господина Шуазёля, что он обвиняется во вмешательстве в дела, касающиеся мирных переговоров, и что он действительно посылал отчет о некоторых предположениях, обнаруженных им в беседе с господином Йорком, маршалу Бель-Илю, доверительные письма которого он всем нам показывал. Он заявил во всеуслышание, что господин д'Аффри пренебрег неким влиятельным лицом, которое могло оказаться чрезвычайно полезным. Эта история произвела здесь сенсацию. Вполне очевидно, что у господина Сен-Жермена имеется паспорт, подписанный королем Франции, который питает к нему симпатию. Именно по поручению этого монарха и находится господин граф в Голландии. Также очевидно, что он выполняет важную миссию, результат которой ожидается с нетерпением господином Бель-Илем, что недвусмысленно явствует из его писем. Госпожа де Помпадур, защитником которой является господин Сен-Жермен, тоже, вероятно, проявляет интерес к этому делу. Однако, как я думаю, этот джентльмен не слишком осторожен по отношению к господину д'Аффри, и сказать Вам правду, он кажется мне скорее глупцом. Я прошу Вашу Светлость сохранить эти подробности в тайне, ибо мне, наверное, не следует вмешиваться в эти истории…»

Копия письма князя Голицына господину Каудербаху.

«Лондон, 1 апреля 1760 года.

…Мне непонятно, на чем строятся, согласно Вашим заявлениям, сепаратные переговоры между Англией и Францией. Здесь нам не довелось слышать еще ни одного намека на подобные вещи, однако, если дело обстоит именно так, как Вы говорите, то я постараюсь что-нибудь узнать об этом. Что касается упомянутых променадов в Буа и Рисвик, то эти события отнюдь не являются достаточными основаниями для того, чтобы верить подобным слухам. Скорее всего речь идет о предположениях, с одной стороны, и о неосторожности — с другой. Тем не менее каким бы невинным ни представлялось подобное поведение, все же оно, осмелюсь сказать, очень странно в сложившихся обстоятельствах. Однако вряд ли стоит придавать серьезное значение этим искренним и доверительным проявлениям чувств, которые способны ввести в заблуждение наблюдателя от преувеличения значимости этих бесед, хотя на самом деле это всего лишь попытки одного из дворов скрыть истинное положение дел. Предположения подобного рода, все чаще звучащие здесь, в конце концов станут всеобщим достоянием.

Что же касается речей пруссаков, то я рекомендую не обращать на них никакого внимания, ибо все то, что они говорят об обеих императрицах и Франции, стремящейся к миру, абсолютно не заслуживает доверия. Весь мир ныне в равной степени желает заключения мира, но мира стабильного и на честных условиях. Поведение графа д'Аффри, послушного воле своего двора, по отношению к графу Сен-Жермену, отказавшемуся от попыток вмешательства в мирные переговоры без участия всех союзных дворов, в достаточной степени подтверждает ложность слухов о сепаратных переговорах, о которых я говорил выше. Граф Сен-Жермен повсюду считался кем-то вроде образованного авантюриста. Здесь, из-за своей неосторожности и безрассудного поведения, он был принят за шпиона и подвергся соответствующему обращению.

Что же касается меня, то я, как и Вы, склонен считать его не очень разумным человеком…»

В то время как саксонский посланник польского двора в Гааге и посол России в Лондоне обмениваются догадками и предположениями, почерпнув пищу для размышлений из слухов, английская сторона обменивается секретными письмами, лейтмотив которых — проявлять мудрую осторожность, выжидать, отделываясь общими словами, и не торопиться с выводами, пока не будет убедительных доказательств намерений французской стороны, расстановки сил во французском кабинете, политической линии и полномочий того, кто будет эту линию проводить.

Джозеф Йорк — графу Холдернессу. (Секретно.)

«Гаага, 25 марта 1760 года.

Милостивый Государь,

сегодня я получил посланное с нарочным Ваше секретное письмо от двадцать первого числа. Вы, вероятно, понимаете, каким счастьем было для меня узнать об одобрении Его Величеством моей тактики в переговорах с графом Сен-Жерменом. Я благодарен Вашей Милости за предоставленную информацию, ибо, как Вы понимаете, при приближении к делам такого характера всегда возникают определенные опасения. Имея ныне ясные и исчерпывающие распоряжения Его Величества, я сию же минуту приступлю к их исполнению и сегодня же вечером начну действовать. Я дам знать господину Сен-Жермену, который находится сейчас в Амстердаме, о том, что у меня есть для него новости. Я постараюсь, по возможности, ясно и доходчиво объяснить ему все то, что Вы мне предписываете, и попытаюсь вести разговор вокруг той стороны дела, по поводу которой я уже имею указания, уходя от обсуждения вопросов, пока не оговоренных инструкцией Его Величества. Во всяком случае, Вы будете немедленно проинформированы обо всех подробностях диалога. Имею честь оставаться с неизменным к Вам великим уважением…»

Граф Холдернесс — генералу Йорку. (Секретно.)

«Уайтхолл, 28 марта 1760 года.

Сэр, по тону Ваших писем и других источников информации Его Величество понял, что герцог Шуазёльский является наибольшим из всех влиятельных лиц версальского двора противником мирных переговоров. За это говорит его приверженность к союзу с австрийской короной. Однако не имея возможности открыто противостоять набирающему силу движению за мирное урегулирование конфликта и в то же время опасаясь окончательно лишиться в случае поражения места за столом переговоров, он предписал господину д'Аффри действовать и говорить в той манере, которую мы с Вами уже имели возможность почувствовать. Надеясь на то, что это (мирные переговоры) произойдет нескоро, он, по всей видимости, будет прилагать все усилия к тому, чтобы их предотвратить, уполномочив начать переговоры человека, заведомо не способного к их проведению, и постарается сделать все возможное, чтобы он оставался в центре событий до приезда господина Фуэнтэса, который ожидается не ранее, чем через два месяца. Однако, несмотря на то что господин Шуазёль пытается навязать королю свою точку зрения, монарх разумно полагает, что предложение господина д'Аффри невозможно не поддержать, и что ему следует послать такой же ответ, что и накануне господину Сен-Жермену. И, как Вы уже успели заметить из моих писем, эти обстоятельства не меняют сути намеков господина д'Аффри на то, что следовало бы кого-то направить в Лондон. Вам надлежит заметить, что король не будет препятствовать этому, если, конечно же, будет выбрана подходящая особа для выполнения этого поручения. Однако Его Величество не хочет назначать на пост официального представителя Франции никого из своих подданных… Король вполне допускает, что граф Сен-Жермен уполномочен вести с Вами переговоры, и даже то, что его миссия не известна герцогу Шуазёльскому.

Однако, по всей видимости, министр расценивает ответ господину д'Аффри формальным обращением Его Величества к тем лицам, которые имеют влияние на господина Сен-Жермена. Поэтому король полагает, что им обоим (Сен-Жермену и д'Аффри) следует дать единый по форме ответ. Однако король не желает пренебрегать кем-либо из них. Следовательно, Вам предстоит при первой же возможности вступить в переговоры с господином д'Аффри. Это письмо, как и прочая корреспонденция, написано в мнимой манере. Поэтому Вы можете прочитать его этому господину и даже показать строки, которые подчеркнуты мной».

Джозеф Йорк — графу Холдернессу. (Секретно.)

«Гаага, 28 марта 1760 года.

Милостивый Государь, вчера утром, узнав о моем желании переговорить, ко мне явился граф Сен-Жермен. Я открыто выразил ему свое мнение по поводу невозможности дальнейшего углубления в детали обсуждаемого нами вопроса, пока он не предъявит мне истинные доказательства своих полномочий со стороны Его Христианнейшего Величества, которых требует сложившаяся ситуация. Я сказал, что являюсь уполномоченным для ведения подобных дел. А он — нет. Поэтому все, им сказанное, не может быть принято всерьез. Те же заявления, что сделал я, подкреплены авторитетом моего короля, интересы которого я представляю. На этом я упорно настаивал, предоставляя ему тем временем возможность изыскать средства для вступления в переговоры, и тем самым я точно выполнил указания, содержащиеся в Вашем секретном письме от двадцать первого числа. Затем я добавил, что, очевидно, двор Франции не имеет единого мнения на этот счет. Со своей стороны, мы не могли бы иметь дело с несколькими представителями, среди которых были бы как уполномоченные, так и нет. Видимо, ему известно о великодушном первом шаге нашего короля к открытию конгресса. Вместе с тем Его Величество поручил мне начать переговоры с господином д'Аффри, и, по моему мнению, нет необходимости объяснять, что мы вправе приостановить диалог, если не встретим понимания с противоположной стороны…

Будучи убежден в искренности его желания содействовать этому благородному начинанию и на основании предоставленных мне верительных писем, я сказал ему, что у меня есть королевское разрешение рассказать о намерении Его Величества примириться с королем Франции. Это заявление показывает искренность Его Величества.

Вслед за этим я прочитал ему Ваше письмо и, к его удовольствию, позволил выписать последнюю его часть, что не противоречило желанию Его Величества.

Вот пока все, что касается полученных мною распоряжений. Однако после отправки моего последнего письма произошло событие, имеющее отношение к графу Сен-Жермену, которого господин д'Аффри (не знавший о нашей беседе) упоминал в довольно развязанных выражениях. Я же, со своей стороны, заинтересовался этой историей. Ее содержание я и предлагаю Вашему вниманию.

В воскресенье господин д’Аффри принял нарочного от герцога Шуазёльского с распоряжениями, ясно указывающими на то, что господин Сен-Жермен не наделялся полномочиями со стороны французского двора и вследствие этого он (господин д’Аффри) должен передать Сен-Жермену, чтобы тот не посещал более его дома, пригрозив ему в противном случае скверными последствиями.

С этим распоряжением господин д'Аффри ознакомил господина Сен-Жермена во вторник, призвав того именем французского короля подчиниться им. Однако господин Сен-Жермен пожелал увидеть этот приказ своими глазами, ибо он не мог представить себе существования такового. На это господин д'Аффри ответил уклончиво, что распоряжение исходит, собственно, не совсем от короля, а от герцога Шуазёльского, министра иностранных дел. Граф Сен-Жермен искренне протестовал по этому поводу. В то же самое время господин д’Аффри выразил желание продолжить разговор на следующий день.

Однако господин Сен-Жермен отказался, не желая доставлять послу неприятности, которые могли случиться от нарушения полученных распоряжений. Господин д‘Аффри уступил и признался, что эти распоряжения своим появлением обязаны не известному ему по содержанию письму господина Сен-Жермена к госпоже де Помпадур, которое, по его словам, произвело фурор в Версале. Господин Сен-Жермен еще раз напомнил ему о верительных письмах, предъявленных им по прибытии, а также о том, что полномочия его никем не опровергнуты. Он сказал, что не испытывает ни малейшего стыда или же чувства неловкости по поводу всех когда-либо написанных им писем. Проявив таким образом холодность по отношению к послу; он раскланялся и вышел. Несмотря на это господин д'Аффри не далее как вчера вновь посылал за ним и выражал нетерпение, желая встретиться, и даже беспокойство по поводу его здоровья. Появился ли он у него с тех пор, не знаю. Этот эпизод в истории графа Сен-Жермена не стал для меня неожиданностью, да и вряд ли когда-нибудь могущественному французскому министру удастся положить конец странствиям этого графа. Мне, как бы то ни было, любопытно было знать, что он намерен делать в создавшемся положении для осуществления намеченного плана. Вот тут-то, как я полагаю, впервые он немного заколебался. Не могу сказать, что послужило причиной его колебаний: может быть, страх преследований со стороны герцога Шуазёльского, а может быть, равнодушие французского короля или неуверенность фаворитки. Однако мне показалось, что он сомневается насчет того, сможет ли преодолеть сопротивление герцога Шуазёльского в деле подписания мирного договора.

Я не считал себя вправе указывать ему выход из создавшегося положения, и поэтому ограничился высказыванием о том, что это дело со стороны мне кажется очень деликатным. Оно может поставить в нелегкое положение его покровителей. После этого я спросил его, что он намерен предпринять по этому поводу и не собирается ли он лично отправиться в Версаль. Он ответил отрицательно, так как в создавшейся ситуации его немедленно вышлют из страны, и кроме неприятностей, из этого ничего не выйдет. Однако он считает необходимым послать слугу с тремя письмами, одно из которых — маршалу Бель-Илю, другое — госпоже де Помпадур и третье — графу де Клермону, благородному дворянину, которого он упомянул при мне впервые как своего близкого друга и особу, весьма приближенную к Его Величеству королю Франции. Это граф пользовался большим доверием короля и являлся убежденным сторонником немедленного примирения с Англией. Пытаясь предупредить вероятные подозрения с моей стороны о подлинности этих слов, он тут же предъявил мне письмо этого человека от четырнадцатого числа, где он выражает графу Сен-Жермену сердечные и дружеские чувства с сожалением о разлуке и желанием его скорейшего возвращения. У него, без всякого сомнения, есть и другие письма от упомянутых особ. Писем от госпожи де Помпадур он не ждал, ибо, как было условлено, она не должна была сообщать ему о государственных делах, хотя с его стороны подобное не возбранялось, а, напротив, даже предполагалось.

Все это вполне правдоподобно, однако требует дополнительных доказательств. Между тем очевидно, что эти французские министры противодействуют друг другу, и, конечно же, придерживаются различных точек зрения на этот счет. Какая из них победит, нам сложно предугадать. Однако в интересах Его Величества будет любым способом выразить свою точку зрения при французском дворе.

Любезность господина д'Аффри по отношению к графу Сен-Жермену, после того как тот ознакомился с распоряжением герцога Шуазёльского, не иссякла, что и неудивительно, поскольку он узнал о близких отношениях господина Сен-Жермена с маршалом Бель-Ил ем и увидел у графа французский королевский паспорт. Думаю, что постепенно нам удастся раскрыть эту тайну. И я, безусловно, сообщу Вашей Светлости о деталях этого дела. Ядам понять господину Сен-Жермену, что он или кто другой, будучи надлежащим образом уполномочен, встретит весьма радушный прием в Англии. Однако в настоящем главное препятствие, способное приостановить процесс сближения, мы видим в отсутствии надлежащих и достаточных полномочий…»

Джозеф Йорк — графу Холдернессу. (Секретно.)

«Гаага, 8 апреля 1760 года.

Милостивый Государь,

Отвечу на все Ваши письма вплоть до двадцать восьмого числа прошлого месяца, а также на секретные письма от первого числа…

Господин Сен-Жермен все еще находится в Гааге. Однако до этого момента он не предъявил мне ничего новенького, и весьма вероятно, что после шума, который наделало его первое письмо, никто не хочет брать на себя смелость вступать с ним в прямую переписку из боязни гонений со стороны герцога Шуазёльского, в интересы которого явно не входит подобный ход событий. Господин д'Аффри предполагает, что французский министр, якобы, страстно желает мира, ибо таково стремление Его Христианнейшего Величества, а сей министр беззаветно предан своему Властителю и покорно выполняет его волю. Во всяком случае, осторожность, с которой французский посол высказывается о посланниках своих союзников здесь, боязливая предупредительность его поведения и явное нежелание, чтобы кто-нибудь знал о нашей встрече, а также некоторые выражения, которые обронил он по поводу союзников, — все это склоняет меня к мысли о том, что мирный договор действительно является целью Франции, где, вероятно, миролюбивые силы начинают брать верх. Однако нам следует дождаться ответа на мое недавно сделанное сообщение, которое в высшей степени искренне. Если же с их стороны мы не увидим достаточно ясных ответных шагов и реакции на это сообщение, то у нас не останется никаких сомнений, что они желают попытать счастья на полях сражений.

Я бесконечно признателен Вам, Ваша Светлость, за высокую оценку моих скромных усилий в этом деле. Я же выражаю свою безграничную преданность Его Величеству и его верноподданным и ожидаю дальнейших распоряжений поэтому деликатнейшему делу…»

А вот что записывает в свой дневник Бентинк ван Роон на основании увиденного и услышанного им по поводу изложенных выше событий.

Среда, 26 марта 1760 года.

…Он решил в понедельник нанести визит господину д'Аффри, намекнувшему на получение ответа из Версаля с распоряжениями сообщить ему (Сен-Жермену), что положение его при дворе заметно пошатнулось после письма к госпоже де Помпадур. Он слишком запутался в своих делах! Именем короля ему (Сен-Жермену) прямо указали на то, чтобы он не вмешивался не в свои дела! По его словам, д'Аффри угрожал ему, вынуждая к бегству, а также заявил, что ему запрещено видеться с ним (Сен-Жерменом) и предписано отказать от дома! Выслушав все это до конца, он (Сен-Жермен) ответил, что «если кто-то и находится в затруднительном положении, то это господин д'Аффри… что же касается распоряжений от имени короля, то он (Сен-Жермен) не является подданным Его Величества, поэтому король вообще не имеет никакого права приказывать ему. Кроме того, он уверен в том, что господин Шуазёль написал все это сам, а король, вероятнее всего, даже не знает об этом! Если же ему предъявят распоряжение, составленное лично королем, то только тогда он поверит его подлинности, но не иначе…» Он (Сен-Жермен) сказал мне, что написал для господина д'Аффри «Памятную записку», которую он прочитал мне вслух. Когда он закончил чтение, мы не удержались от смеха, предвкушая, какое впечатление должен произвести на д'Аффри этот документ. Последнего он назвал глупцом, бедолагой и сказал, что «бедняга д'Аффри взял себе в голову, что может напугать меня. Однако… он не на того напал, ибо я не обращаю внимания ни на лесть, ни на ругань, ни на угрозы, ни на обещания. У меня нет иных целей, кроме блага человечества, которому я буду служить по мере моих сил. Король хорошо понимает, что я не боюсь ни д'Аффри, ни Шуазёля».

Четверг, 27 марта 1760 года.

Граф Сен-Жермен сказал мне по секрету, поскольку «не желает ничего скрывать от меня», что провел этот день в обществе господина Йорка, который показал ему ответы герцога Ньюкаслского, господина Питта и лорда Холдернесса из Англии, датированные двадцать первым числом, которые дошли до него двадцать пятого. Эти письма касаются тем, которые затрагивает господин Йорк в своей корреспонденции к ним, в частности, бесед с Сен-Жерменом. Затем он прочитал мне три маленькие заметки. В одной из них господин Йорк выражает свое желание побеседовать с ним и сообщает, что может потребоваться от графа для доверительной беседы. Кроме безупречной репутации сторон… конкретно требовалось, чтобы он (Сен-Жермен) был «официально уполномочен» или что-то в этом роде, так как тогда обстоятельства не будут препятствовать ведению открытого диалога.

Он (Сен-Жермен) сказал мне, что господин Йорк ознакомил его с оригиналами писем вышеупомянутых министров. Почерк этих людей, кроме господина Питта, был ему знаком. Содержание писем составляли в основном хвалебные эпитеты по отношению к адресату…

…Несмотря ни на что, господин д'Аффри ныне беспомощен, и он (Сен-Жермен) взял в свои собственные руки все дела по заключению мирного договора. Единственным препятствием на его пути все еще остается господин Шуазёль, который, тем не менее, «безусловно, потерпит крах, явно перегибая палку в деле поиска выгоды как для всей Европы в целом, так и для Франции в частности». По этому поводу я заметил, что не мешало бы иметь в своих руках нечто, что могло бы сдерживать активность господина Шуазёля. Он спросил меня, что я думаю по этому поводу (как будто я мог знать все тайны французского двора, а также слабые и сильные стороны этой нации!). Я ответил, что «…именно на его плечи ляжет вся тяжесть поиска выхода из создавшегося положения» и так далее… Он, видимо, не удовлетворился моим ответом и сказал, что от Шуазёля, которого нельзя сбрасывать со счетов, не следует ждать ничего конструктивного, ибо трудно предположить, что он искренне желает мира…

Понедельник, 31 марта 1760 года.

…Он сказач мне, что у него есть нечто, что «повергнет господина Шуазёля во прах», ибо все честные люди Франции искренне желают мира… Только один господин Шуазёль по-прежнему хочет продолжать войну… Однако в его распоряжении имеется мощное оружие против Шуазёля, которое упоминается в письмах господина Йорка (оригиналы этих писем находятся у него). Это средство можно при необходимости использовать в игре против господина Шуазёля, который для него не страшен… Он также сказал, что господин д'Аффри — бессловесный раб господина Шуазёля… он добавил, что господин Шуазёль не осмелится скрывать письма, о которых уже известно госпоже де Помпадур и маршалу де Бель-Илю».

Лишь 5 апреля 1760 года, после того как господин д'Аффри несколько раз его вызывал, граф Сен-Жермен согласился побеседовать с ним.

Тем временем герцог Шуазёль выступал перед королевским Советом. И на это выступление проливает свет сообщение барона Гляйхена о триумфе Шуазёля: д'Аффри «…горько упрекнул Шуазёля за предательство старого друга своего отца и подрыв авторитета посла в угоду подписания мирного договора за его спиной. Герцог Шуазёльский немедленно отправил гонца назад с приказом господину д'Аффри потребовать у статс-генерала ареста Сен-Жермена, чтобы затем доставить его, связанного по рукам и ногам, в Бастилию. На следующий день герцог Шуазёльский представил в Совете депешу господина д'Аффри, а затем прочитал свой ответ. Он бросил уничтожающий взгляд на своих коллег и, переведя его на короля и маршала Бель-Иля, добавил:

«Если я не нашел времени для того, чтобы лично исполнить распоряжение короля, то причиной тому моя уверенность в том, что ни один из вас не осмелится, в достаточной степени, проявить желание к подписанию мирного договора без ведома на то королевского министра иностранных дел!»

Ему был ведом принцип, установленный раз и навсегда королем, согласно которому министр одного департамента не должен был вмешиваться в дела другого. Все обернулось так, как он и предвидел. Король, словно провинившийся ребенок, потупил взор. Маршал не осмелился вставить ни слова. Действия герцога Шуазёльского были таким образом одобрены…».[150]

Воодушевленный чувством собственной правоты, герцог Шуазёль тут же отослал г. д'Аффри следующие инструкции:

«Версаль, 11 апреля 1760 г.

… Король приказал мне срочно сообщить Вам, чтобы Вы дезавуировали самым унизительным и выразительным образом, словом и действием, так называемого графа Сен-Жермена, перед всеми, во всех Соединенных Провинциях, кого Вы подозреваете в том, что они знакомы с этим плутом. К тому же Его Величество просит Вас добиться от Генеральных Штатов этого государства, чтобы, из дружбы к Его Величеству этого человека арестовали, дабы его могли препроводить во Францию, где он будет наказан в соответствии с его виной. Царствующие особы и общественное благо заинтересованы в том, чтобы пресекалась наглость подобных мошенников, задумавших решать без на то поручения государственные дела такой страны, как Франция. Я считаю, что подобный случай заслуживает не меньшего внимания, чем требование выдачи любого злоумышленника. В связи с этим король надеется, что после Вашего доклада господина Сен-Жермена арестуют и препроводят с надлежащей охраной в Лилль.

Признаюсь, я прежде думал, что Вы симпатизировали ему и, возможно, поэтому был не слишком осторожен, когда приказал Вам хорошенько отругать его после последней Вашей беседы с ним.

То, что Вы рассказали мне о Шамборе, есть нелепица чистой воды.

Итак, король искренне желает, чтобы этот авантюрист был окончательно дискредитирован в Соединенных Провинциях, а по возможности и наказан, ибо его поступок того заслуживает. Его Величество обязал меня довести до Вашего сведения, что Вы наделяетесь всеми необходимыми полномочиями для выполнения этого поручения.

P.S. Нельзя ли, помимо обращения к штатс-генералу с просьбой об аресте Сен-Жермена, попытаться поместить статейку в датской газете, где можно описать все похождения этого мошенника? Это послужит уроком для самозванцев. Король одобрил мой план, Вам же остается его выполнить, если, конечно же, Вы считаете, что Ваших сил будет для этого достаточно».[151]

Господин д’Аффри тут же последовал инструкциям Шуазёля и оповестил ведущих министров Республики и тех немногих иностранных представителей, которые находились в Гааге, а затем сел писать обращение к Генеральным Штатам Голландии. Сохранился черновик этой обличительной речи:

«Черновик Представления Общему собранию с обличительными материалами против так называемого графа Сен-Жермена и требованием его ареста и экстрадиции.

Милостивые государи,

Этот человек, величающий себя графом Сен-Жерменом, злоупотребил доверием короля, великодушно предоставившего ему убежище в своем королевстве.

---

[150] Gleichen (Charles Henri, baron de) Souvenir^ Paris, XI, p. 131, 132.

[151] Иностранные дела Голландии, 503, лист 320. Граф д'Аффри получил это срочное сообщение через французского посла в Брюсселе — Мартэна де Лессепса.

Некоторое время тому назад он появился в Голландии, а совсем недавно в Гааге, где без всяких на то полномочий со стороны Его Величества или же министра иностранных дел этот самонадеянный человек объявил себя посланником короля, которому доверено обсуждение дел, имеющих непосредственное отношение к интересам государства. Король уполномочил меня довести до вашего сведения, милостивые государи, этот факт, дабы никто в ваших владениях не был введен в заблуждение этим самозванцем. Его Величество поручил мне заявить во всеуслышание о том, что он осуждает действия этого авантюриста как человека бесчестного и неблагодарного, который позволил себе, заручившись якобы поддержкой премьер-министра, вмешаться в управление страной со свойственным ему невежеством, нагло и авантюрно, заявляя себя уполномоченным к ведению наиболее важных дел, составляющих чрезвычайный интерес короля Франции.

Его Величество не сомневается в том, что вами, милостивые государи, будет оказана справедливая поддержка его требованиям, которую он ожидает от вас, надеясь на наши дружественные и добрососедские отношения. Его Величество с нетерпением ожидает от вас решений, которые позволили бы добиться ареста так называемого графа Сен-Жермена и препровождения его в Антверпен, откуда он бы был переправлен во Францию.

Искренне надеюсь на то, что вы, милостивые государи, окажете мне честь, приняв мою просьбу к немедленному исполнению».

Этот черновик д'Аффри приложил к своему письму герцогу Шуазёлю, пытаясь оправдаться в том, что не смог выполнить поручение об аресте Сен-Жермена:

«Гаага, 17 апреля 1760 года.

Господин герцог, желая предоставить Вам наиболее полный отчет о предпринятых мною действиях по выполнению распоряжений Его Величества относительно так называемого графа Сен-Жермена, я решил повременить с последним отправлением. Вчера я был у главы правительства и передач все то, что Вы просили меня довести до его сведения по поводу нашего авантюриста. После этого именем Его Величества я потребовал ареста и экстрадиции последнего.

Глава правительства, видимо, был сильно удивлен происшедшим. Однако, как бы то ни было, пообещал мне сделать все, от него зависящее.

Герцог Брауншвейгский сказал мне, что не желал бы открыто фигурировать в этих акциях. Однако он охотно окажет нам косвенное содействие, ибо его желание разоблачить авантюриста вполне совпадает с нашими намерениями.

Секретарь правительства выразил мне свое согласие с тем, что этот человек должен быть выдан Франции. Однако, по его словам, это дело будет рассматриваться в Комитете советников, самой влиятельной структуре в Голландии, а так как его председателем является господин Бентинк, то можно предположить, что Сен-Жермену скорее всего удастся бежать, а впоследствии так оно и вышло.

Вчера вечером я ожидал новостей об этом деле, когда меня посетил с визитом господин Каудербах. С порога он спросил, знаю ли я об отъезде господина Сен-Жермена. Я ответил: «Нет». Тогда он рассказал, что позапрошлым вечером, между семью и восемью часами, господина Бентинка видели входящим в дом авантюриста и покидающим его в девять часов. Затем этот же дом посетил господин Пик ван Цолен. Он, однако, пробыл там недолго. После этого туда снова прибыл господин Бентинк. Было это уже между девятью и десятью часами. Он пробыл там довольно долго и вышел далеко за полночь. Каудербах также рассказал мне, что господин Сен-Жермен, проводив гостей, отправился спать и в пять утра уже пил чай. Вскоре после этого в дом прибыл лакей господина Бентинка, а возле дома уже стоял запряженный четверкой лошадей наемный экипаж, в который и сел этот мошенник. Однако хозяин затрудняется ответить, в какую сторону он уехал. Не может он припомнить и того, отправился ли лакей господина Бентинка с проходимцем или же нет.

Отъезд его был столь спешен, что он оставил в доме хозяина свою шпагу, пояс, множество серебряных и оловянных кубков и несколько пузырьков неведомой жидкости.

Я едва сдерживался, чтобы не вылить на господина Каудербаха все свое негодование в связи с поведением господина Бентинка. Я ничего не сказал ему и о моих хлопотах по поводу рекламации и экстрадиции, а только сдержанно спросил его, уверен ли он в этой информации. Он сказал, что подробности ему известны от хозяина-саксонца того дома, где останавливался господин Сен-Жермен. Он предложил привести его. Мы послали за ним, и тот пришел и подтвердил все, что рассказал мне господин Каудербах.

Когда господин Каудербах удалился, я послал записку главе правительства с просьбой о встрече. Он только что вернулся домой со званого обеда, который состоялся в семь часов вечера, а потому отложил встречу со мной до девяти часов утра. Я пришел к нему и сразу же спросил о новостях в деле господина Сен-Жермена. Он ответил, что может отвечать только лишь за себя, и добавил, что мне необходимо представить петицию господину Бентинку, президенту Комитета советников. Он полагает, что этот государственный орган, возможно, согласится на арест господина Сен-Жермена, однако вряд ли пойдет на его экстрадицию, пока не будет получена соответствующая санкция от властных структур Голландии ближайшего созыва. Я ответил, что не стану предоставлять материалы господину Бентинку и пояснил причину моего нежелания. Затем я рассказал о подробностях отъезда господина Сен-Жермена и о том, что ему предшествовало, исключая, впрочем, обстоятельства, которые могли бы бросить тень на хозяина дома, поэтому изложил все детали этого дела с целью убедить собеседника в том, что эти факты добыты моими соглядатаями, которые вели наблюдение за Бентинком. Услышанное, как мне показалось, вызвало в нем чувство искреннего негодования. Я сказал, что в бегстве этого авантюриста главную роль сыграла Гаага. Он же, возможно, будет искать убежища в Амстердаме, поэтому-то я и собираюсь сейчас же известить об этом нашего флотского интенданта — господина д'Астье — и именем Его Величества потребовать ареста проходимца с дальнейшим содержанием под стражей до тех пор, пока не будут получены окончательные распоряжения по этому поводу. Я действительно написал ему письмо, копию которого прилагаю к этому посланию. Затем я сказал секретарю правительства, что авантюрист, возможно, будет искать убежище в какой-нибудь другой провинции, поэтому я обязан испросить разрешения Его Величества на вручение петиции Его Высочеству штатс-генералу. Итак, если какая-нибудь из голландских провинций откажет нам в содействии или даже попытается помочь бегству господина Сен-Жермена, мы будем немедленно извещены о том, где его искать, и смею надеяться на то, что если он вдруг будет найден в Англии или еще где-нибудь, то, безусловно, будет выдан нам, чтобы разрушить шаткое равновесие, из которого может сложиться приемлемый для всех мирный договор. Мои слова, по всей видимости, оказали на секретаря правительства нужное действие, и я бы не удивился, если бы мошенника тут же арестовали в Амстердаме. Однако, как мне думается, его давно уже там нет. Вполне возможно, что он достиг-таки границ республики. Представление, которое с Вашего разрешения я намерен передать штатс-генералу и черновик которого я приложил к письму, может принести желаемый результат, если же, конечно, Его Величество одобрит его, так как я хочу напечатать это заявление во всех газетах и думаю, что отдача не заставит себя долго ждать. Спешу сообщить, что в этом заявлении мне удалось заклеймить этого авантюриста в достаточно сильных выражениях, от которых ему нескоро удастся оправиться. Этим приговором я ославлю его на всю Европу.

Думаю, что проходимец ограничен в средствах. Он взял взаймы у еврея Боаса две тысячи флоринов под залог трех — уж не знаю, настоящих или фальшивых — опалов, вложенных в запечатанный конверт. Эти две тысячи флоринов должны быть возвращены двадцать пятого числа, и Боас сказал вчера господину Каудербаху, что если денежные векселя не будут погашены двадцать пятого числа, то он сразу же пустит опалы с молотка. По отношению к господину Бентинку я решил действовать согласно Вашим указаниям из последнего письма.

Мое отношение к этому человеку останется неизменным до тех пор, пока Его Высочество не соизволит снабдить меня новыми распоряжениями на сей счет; и если мне удастся встретить его в один из этих дней, я буду говорить с ним о господине Сен-Жермене и об его отъезде, стараясь не выдать себя, и вместе с тем попытаюсь склонить его к полному отречению от своего поведения и связи с авантюристом».

В начале письма идет рассказ о событиях 16 апреля на встрече в Рисвике у российского посла графа Головкина. Там присутствовали герцог Брауншвейгский, граф д'Аффри и барон фон Райшах. Герцог Брауншвейгский сообщил д'Аффри, что граф Сен-Жермен изо всех сил добивался встречи, и что он, герцог, отказался. Ему однако было известно, что графу удалось встретиться с другими людьми, которых он назвать не может. Тогда д'Аффри сообщил герцогу, что герцог Шуазёль дезавуировал графа Сен-Жермена, и что ему нельзя было верить ни в чем касательно дел Франции или ее правительства. Он попросил герцога передать эти слова английскому послу Джозефу Йорку и отметил, что Великому пенсионарию Штайну и секретарю Анри Фагелю[152] он уже все сказал сам. Герцог Брауншвейгский ответил, что он во всем будет поддерживать господина д'Аффри, но не желает быть замешанным в этом деле.[153]

Не достигло цели и письмо д'Аффри к д'Астье в Амстердам от 17 числа, поскольку к тому времени граф уже был вне пределов досягаемости:

Граф д'Аффри — господину д'Астье в Амстердам.

«17 апреля 1760 года.

Так называемый граф Сен-Жермен, знакомый Вам по Амстердаму и находящийся теперь здесь, — авантюрист и самозванец.

Он имел неосторожность, не будучи уполномоченным со стороны Его Величества или главы внешнеполитического ведомства, вмешаться в дела, имеющие самое непосредственное отношение к интересам королевства.

После того как из моего отчета и писем самого Сен-Жермена в Версаль король узнал о происшедшем, он издал указ добиться рекламации этого ретивого самозванца. А мне предписывается требовать его экстрадиции и последующего сопровождения во Францию.

Однако вчера утром он внезапно покинул Гаагу и, по всей вероятности, скрывается ныне в Амстердаме. В связи с этим я уполномочиваю Вас заняться этим делом и приказываю Вам, именем Его Величества, сию же минуту потребовать от магистрата Амстердама ареста этого самозванца и содержания его под надежной охраной до тех пор, пока не будет согласован способ переправки мошенника в Австрийские Нидерланды, где он будет заточен в первую из попавшихся на нашем пути крепость.

К этому посланию я прилагаю письмо для господ Хорнека и К°, в котором я прошу их оказать Вам всяческую помощь в исполнении этого поручения. Смею надеяться, что эта помощь будет оказана Вам надлежащим образом, а Вы, со своей стороны, не медлите с исполнением задания».[154]

Меры, принятые господином д'Аффри, все его передвижения заняли несколько дней, что дало время графу Сен-Жермену раскрыть замысел Шуазёля благодаря единственному оставшемуся ему верным другу — Бентинку ван Роону.

---

[152] У каждого крупного города Соединенных Провинций был свой представитель, которого именовали пенсионарием. Представитель Гааги, соответственно, назывался Великим Пенсионарием. Что до секретаря — это аналог министра иностранных дел.

[153] См.: Иностранные дела Голландии, 503, лист 327.

[154] Иностранные дела Голландии, 503, лист 354. Этот документ представлен в виде копии.

Как только Бентинк узнал о депеше герцога Шуазёля, он тотчас же отправился к Великому пенсионарию Штайну и затем вместе с ним к секретарю Фагелю, как он по горячим следам записал в своем дневнике 14 апреля и затем 15 апреля 1760 года:

«Глава правительства (Штайн) сказал мне, что от господина д'Аффри он узнал о полученных распоряжениях господина Шуазёля по поводу господина Сен-Жермена, которые требуют, главным образом, того, чтобы тот отказался впредь от попыток заключения мирного договора… Эти распоряжения также предписывают ознакомить господина Сен-Жермена с их содержанием и предупредить его, что если он будет упорствовать в своем вмешательстве в дела мира и войны, то его, безусловно, по возвращении во Францию упрячут в темницу. Секретарь Фагель сказал мне то же самое, добавив, что об этом «он узнал только этим утром»… В тот же день господин Сен-Жермен обедал у меня и сказач, что «господин д'Аффри довел до его сведения полученные распоряжения и ознакомил его с письмом господина Шуазёля». Он ответил, что подобное заявление «не может запретить ему вернуться во Францию, ибо эти распоряжения не могут быть приведены в исполнение… так как они исходят исключительно от господина Шуазёля… а господина Йорка он знает с детства, семнадцать лет тому назад он был желанным гостем в доме Йорков». Господин д'Аффри пытался запретить ему посещать мой дом, где Сен-Жермен был довольно-таки частым гостем. Он «не собирается отказываться от моего гостеприимства, покуда оно не иссякнет с моей стороны». Господин д'Аффри вместе с письмом от господина Шуазёля показал ему и другое, которое он (Сен-Жермен) лично написал обо мне госпоже де Помпадур. По его мнению, оно, несомненно, было украдено Шуазёлем у маркизы. Упомянул он и о том, что в антипатии к моей персоне господина д'Аффри кроется причина недоверия ко мне со стороны Франции… Казалось, что эти распоряжения его нисколько не беспокоят, и еще меньше он опасается господина Шуазёля!.. Во всяком случае, как мне кажется, вопрос остается открытым. По всей видимости, Франция снова стоит на пороге войны, а если это произойдет, то он (Сен-Жермен), безусловно, отправится в Англию, чтобы на месте решить, что следует предпринять в дальнейшем.

Вторник, 15 апреля 1760 года.

Глава правительства сообщил мне, что господин д'Аффри показывал ему распоряжения, полученные прошлой ночью и объявляющие господина Сен-Жермена «бродягой без рода и племени», а также то, что все им сказанное не должно приниматься на веру! Против него могут быть выдвинуты обвинения, которых будет достаточно для ареста и сопровождения под конвоем в Лилль, откуда он будет отправлен во Францию и посажен там в темницу… Я изложил ему свою точку зрения, согласно которой господин Сен-Жермен прибыл в эту страну из другой страны, как и всякий гражданин этого государства, надеясь на то, что закон защитит его честь и достоинство. Он же не совершил ничего такого, что могло бы лишить его поддержки цивилизованного государства, я имею в виду такие преступления, как убийство, отравление и так далее. Право убежища считается в этой республике священным правом… С этим он согласился, однако был весьма озабочен настойчивостью Франции в этом вопросе… Я отправился к секретарю, ионе присутствии главы правительства сказал мне, что к нему приходил господин д'Аффри и сообщил… (впрочем, повторил то же самое, что до этого он рассказывал главе правительства), а тот посоветовал ему (д'Аффри) обратиться к правительству и так далее. Однако считает он, что правительство не выдаст человека, который проживает в этой стране, доверившись покровительству этой страны, и против которой он не совершал никакого отвратительного преступления, вынуждающего эту страну лишить его оказываемого покровительства».[155]

[155] Иностранные дела Голландии. Документы Бентинка. 1760. 15 апр.

Узнав, с другой стороны, что д'Аффри дважды встречался с представителем Англии, Джозефом Йорком, Бентинк ван Роон решился обратиться за помощью к нему, даже если его уже упредили. И несмотря на явную неохоту осторожного британского дипломата ввязываться в это сомнительное дело, весьма виртуозно добился от него желаемого содействия, доверив только дневнику свое истинное мнение о таком трусливом и недружественном поведении англичанина:

«Среда, 16 апреля 1760 года.

Я рассказал господину Йорку то, что только что услышал о господине Сен-Жермене, ожидая, что тот будет защищать его, ибо господин Йорк начал переговоры с господином Сен-Жерменом и весьма его обнадежил. Я сам видел оригиналы его писем к господину Сен-Жермену. Они показались мне весьма дружелюбными. Однако вместо защиты господина Сен-Жермена господин Йорк напустил на себя гордый и неприступный вид, сказав мне, что он «весьма рад был бы видеть господина Сен-Жермена в руках полиции». Это поразило меня до глубины души. Очень деликатно и осторожно, чтобы не обидеть его, я высказал ему свое мнение по этому поводу. Однако господин Йорк продолжал упорствовать, говоря, что «он умывает руки, и дальнейшая судьба господина Сен-Жермена его не интересует», и отказался выдать мне паспорт для пакетбота, который я у него просил.

Я продолжал настаивать на своей просьбе, и господин Йорк сказал в конце концов, что если я прошу у него паспорт в виде части о го одолжения, то в таком случае он отказать мне не в состоянии, исключительно «благодаря моему положению». Я согласился. Мы оба пришли к выводу, что господин д'Аффри может причинить нам кучу неприятностей, которых можно было бы избежать, позволив господину Сен-Жермену покинуть эту страну. Господин Йорк тогда вызвал своего секретаря и попросил того приготовить паспорт. Он завизировал его и отдал мне незаполненным с тем, чтобы господин Сен-Жермен мог вписать туда собственное имя или же любое другое, для того чтобы избежать преследования со стороны господина д'Аффри и его подчиненных. Я забрал паспорт, не показав господину Йорку, до какой степени я был ошеломлен и возмущен тем, чему оказался свидетелем».

А дальше в записи от 18 апреля Бентинк изложил обстоятельства побега Сен-Жермена, столь обескуражившего д'Аффри и навлекшего на него гнев его версальского покровителя Шуазёля. Возмущенный предшествующей сценой, Бентинк с раздобытым паспортом самолично поспешил к графу Сен-Жермену, который жил с недавних пор в гостинице «Маршал Тюренн».

«Мне пришлось лично отправиться к графу Сен-Жермену и посоветовать ему поторопиться с отъездом, ибо это в его же интересах. Я сказал ему, что у меня есть информация, не из первых, правда, рук, о том, что господин д'Аффри получил распоряжение с требованием его ареста и дальнейшего сопровождения под конвоем к французским границам с последующей выдачей Франции, чтобы там заключить его пожизненно в темницу.

Он был удивлен, и не столько распоряжениями господина Шуазёля, сколько дерзостью господина д'Аффри, который намеревался проделать операцию, противоречащую законам этой страны. Он забросал меня вопросами по существу дела, оставаясь при этом чрезвычайно хладнокровным. Я не стал углубляться в тонкости ситуации, ибо о многом из того, что он хотел знать, я мог только догадываться. Я только заметил, что времени для разговоров у нас остается совсем немного, и поэтому ему необходимо до завтрашнего утра сделать все необходимые приготовления, ибо даже если господин д'Аффри кое-что и задумал против него, то вряд ли он сможет начать действовать раньше десяти часов следующего утра. Значит, у него (Сен-Жермена) есть еще время для подготовки и осуществления своих контрпланов.

Поэтому мы сразу же принялись обсуждать план его отъезда и его направления…

Я предложил ему свои услуги в организации отъезда… Что же касается второго, я намекнул ему на Англию.

За этот план говорили: географическая близость этой страны, ее законы, Конституция и благородство населяющего эту страну народа… На том и порешили. Я сказал ему, что добуду для него паспорт у господина Йорка, ибо без этого документа он не сможет вступить на борт пакетбота. А так как судно отправлялось в море на следующий день, я сказал, что будет разумно, если он отправится в Хеллевутслёйс, и сделает это как можно быстрее. Только быстрота может избавить нас от неприятной встречи с господином д'Аффри и так далее… Вечером, часов в семь или восемь я приехал к господину Сен-Жермену и вручил ему паспорт. Он снова задал мне много вопросов. Я старался избегать ответов, умоляя его думать прежде всего о настоящем моменте, чем задавать бессмысленные вопросы в создавшемся положении. Он решил наконец-таки ехать, а так как никто из его слуг не знал ни языка, ни дорог, ни нравов страны, он попросил меня отправить с ним одного из моих, на что я с радостью согласился… И более того, я нанял экипаж, запряженный четырьмя лошадьми, для поездки в Лейден и приказал подать его к моему дому в четыре тридцать следующего утра. Затем я приказал одному из моих слуг захватить по пути графа Сен-Жермена и оставаться с ним до тех пор, пока тот не решит отправить его обратно…»[156].

Приехав в Хеллевутслёйс, граф Сен-Жермен из предосторожности не стал селиться в городе и сразу же поднялся на борт курсировавшего между Англией и континентом почтового корабля «Принц Оранский», где и остался до самого отплытия. Это происходило 16 апреля 1760 года.[157] Об этом как о слухах посол д'Аффри сообщает герцогу Шуазёлю в своей реляции от 25 апреля:

«Гаага, 25 апреля 1760 года.

(Получено 29-го, ответ дан 1 мая).

Господин герцог, по всей видимости, так называемый граф Сен-Жермен выехал в Англию. Послухам, он, опасаясь ареста, не осмелился задержаться в городке Хеллевутслёйс и сразу же погрузился на борт почтового судна, где и оставался до самого отплытия, не решаясь выйти на берег. Кое-кто, однако, полагает, что он отправился в Утрехт, намереваясь в дальнейшем проникнуть в Германию.

Вокруг взаимоотношений господина Бентинка Роона с этим авантюристом разгорелось много скандалов, которые изрядно запятнали и без того довольно неприглядную репутацию этого человека…»

Бентинк ничуть не раскаивался в том, что помог бежать «авантюристу» и «самозванцу», более того, он много лет поддерживал переписку с Сен-Жерменом, а граф, бывая в Голландии, всегда спешил свидеться со своим искренним другом. Бентинк оставался верен своему убеждению в том, что Сен-Жермен был человеком в высочайшей степени благородным и порядочным, как бы ни пытались его очернить:

«Если бы граф Сен-Жермен был так же осмотрителен, как и ревностен, то, я полагаю, ему удалось бы способствовать началу мирных переговоров. Однако он излишне полагался на собственные силы и намерения и не составил себе никакого, пусть даже и плохого, мнения о тех людях, с которыми ему приходилось иметь дело. Более всего графа д'Аффри задело то подчеркнутое выражение в письме господина Сен-Жермена госпоже де Помпадур. (Об этом я узнал от людей, видевших это письмо собственными глазами.)… За свое поведение я готов отчитываться лишь перед Всевышним и моим Властелином…

---

156 Иностранные дела Голландии, 503, лист 357. Согласно тогдашним путеводителям граф Сен-Жермен поехал по дороге, ведущий в Дельфт, оставил карету в Роттердаме и отправился в Хеллевутслёйс на корабле, названном «паромная шлюпка».

157 См.: Иностранные дела Голландии, 503, лист 383.

А за происходящее в моем доме… за людей, с которыми я встречаюсь и которых приглашаю в свой дом, я не должен и не собираюсь никому давать отчета. Ибо вот уже тридцать лет я состою членом Вельможного Собрания, и никогда не был замешан в связях с авантюристами или самозванцами, и никогда не принимал у себя никаких мошенников. Господин Сен-Жермен появился в этой стране с весьма хорошими рекомендациями, и я встречался с ним по той простой причине, что мне нравится его общество и беседы с ним. Он в высшей степени достойный и изысканный собеседник, речь которого весьма привлекательна и разнообразна. Взглянув на него всего лишь один раз, сразу же убеждаешься в прекрасном его воспитании. Действительно, мне неизвестно, кто он такой, однако, по словам графа д'Аффри, Его Христианнейшее Величество тоже знает этого человека. И слава богу! Для меня этого вполне достаточно! Если господин Сен-Жермен соизволит вернуться в Гаагу, я, безусловно, снова попытаюсь встретиться с ним, невзирая на запреты со стороны ли правительства Голландии или же знакомых мне людей, которые могут попытаться убедить меня в том, что этот человек не достоин моего общества»[158].

Второго мая того же года д'Аффри передал графу Штейден-Хомпешу следующую памятку:

«Высочайшие и Всемогущие Господа!

Незнакомец, назвавшийся графом Сен-Жерменом, которого мой повелитель, король Франции, приютил в своем королевстве, злоупотребил этим гостеприимством.

Недавно он приехал в Голландию, в Гаагу, где, без согласия Его Величества или его министра, без поручения, этот нахал позволил себе объявить, что он уполномочен устраивать дела Его Величества.

Мой повелитель — король просит меня предупредить Ваших Высочеств и все общество, дабы никто во всех Ваших владениях не был обманут этим самозванцем.

К тому же Его Величество просит меня потребовать выдачи мошенника как виновного, во-первых, в злоупотреблении оказанным ему гостеприимством, позволившего себе говорить о правительстве и о королевстве неприлично и неправильно, и во-вторых, в попытке вершить важнейшие дела моего повелителя — короля Франции.

Его Величество не сомневается, что Ваши Высочества окажут ему эту услугу во имя дружбы и справедливости и прикажут арестовать так называемого графа Сен-Жермена и препроводить его под стражей в Антверпен, откуда его отправят во Францию.

Выпущен в Гааге, 30 апреля, 1760 года.

Подпись — Л. д'Аффри».[159]

Памятка была распространена по всем Соединенным Провинциям, и поскольку графа больше не было в Голландии, достаточно было ознакомить каждую провинцию с пожеланиями французского короля на тот случай, если граф вернется.[160] «После обсуждения депутаты провинций взяли копии данного документа, чтобы распространить его дальше. Договорились, что следует передать его и Пику ван Солену, и другим депутатам, отвечающим за иностранные дела государства, с тем чтобы они доложили об этом на заседании совета».[161]

---

[158] Иностранные дела Голландии. Документы Бентинка. 1760. 18 апр.

[159] Иностранные дела Голландии. Документы Бентинка. 1760. 18 апр.

[160] См.: Там же, отметка 5.

[161] См.: Там же. Документы Бентинка. Листы 100–101, оригинальный текст на французском языке.

Об этом д'Аффри с чувством исполненного долга отписал своему патрону в Версаль:

«Гаага, 2 мая 1760 года.

Господин герцог, я решил ныне ответить на Ваши два письма от двадцать четвертого числа прошлого месяца за номерами 207 и 209. Вчера утром я по распоряжению Его Величества отправил Представление президенту Общего собрания, копию которого прилагаю. Это Представление поставлено на голосование всеми провинциями. Им необходимо будет выразить свое отношение к тому, достоин ли господин Сен-Жермен дальнейшего пребывания в этой стране. Я удовлетворен уже тем, что главы провинций ознакомлены с требованием Его Величества на случай, если этот авантюрист объявится в какой-либо из подвластных им провинций. И хотя этот проходимец спешно покинул эту страну, можно считать дело сделанным, так как мое Представление было обнародовано на страницах газет, благодаря чему он дискредитирован повсюду и навсегда. На этом, я думаю, можно и успокоиться, если, конечно же, Его Величество не соизволит прислать мне новых распоряжений на сей счет…»

Как и следовало ожидать, дело было прекращено, а господин д'Аффри уехал в отпуск во Францию.[162]

---

[162] В частном разговоре между Бентинком ван Рооном и д'Аффри, уже после отъезда графа Сен-Жермена, французский дипломат признал, что «граф был решительно замечательным человеком, несмотря на абсурдные слухи, которые распространили на его счет, тогда как ни в Лондоне, ни в Париже, никаких злоумышленных инсинуаций против него сделано не было» // Иностранные дела Голландии. Документы Бентинка. 1760. 18 апр.

Глава 8

В Лондон и дальше

Из-за неблагоприятной погоды почтовое судно задержалось в Хеллевутслёйсе пять или шесть дней. Об этом пишет Шуазёлю д'Аффри, объясняя перерыв в корреспонденции:

> «Гаага, 29 апреля 1760 года.
> …Западные ветра задержали английский пакетбот в Хеллевутслёйсе вплоть до двадцатого числа. Благодаря долгожданным восточным и западно-восточным ветрам мне наконец-то доставили свежие письма из Лондона двадцать первого числа. Мы, вероятно, не сможем получить никаких новостей из Англии, пока не переменятся эти ветра…»

Поэтому Сен-Жермен прибыл в Англию только 22 апреля, о чем можно узнать из письма прусского посла при английском дворе барона фон Книпхаузена и английского посла Митчелла королю Фридриху II:[163]

> «Лондон, 22 апреля 1760 года.
> Сир,
> …Мы только что узнали, что граф де Сен-Жермен появился в Англии, прибыв сегодня на пакетботе, но не для переговоров, а в поисках убежища от жестокой расправы, грозящей ему со стороны герцога де Шуазёля, за тот шаг, который он предпринял в Гааге. Это еще одно доказательство доверия, которое ему до сих пор оказывает министр, и его преданной верности венскому двору, которую он публично продемонстрировал, принеся последнему эту жертву.
> Сир,
> Преданные и верные слуги и подданные Вашего Величества
> ***Б. фон Книпхаузен Митчелл»***

Сен-Жермен несколько дней провел в Харидже, куда доставил его почтовый пакетбот — тогда это был тихий и маленький портовый городок на левом берегу широкого устья реки Стоур, в графстве Эссекс,[164] — и только потом выехал в Лондон на быстроходном экипаже, запряженном шестеркой лошадей, который назывался «летучей машиной» и мог покрыть за сутки с небольшим 28 лье, отделяющих Харидж от Лондона. Граф приехал в английскую столицу между 26 и 27 апреля 1760 года.[165]

В этот же день, 27 апреля, один из оставшихся в Гааге друзей и почитателей послал вдогонку внезапно уехавшему графу Сен-Жермену письмо, которое до него не дошло, а потому и сохранилось в архивах:[166]

---

163 См.: Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, 96.F.e, tT. 215v—216r.

164 В энциклопедиях название Harwich пишется как Харвич, ранее писалось Гарвич, а на современных российских географических картах название этого города принято передавать как Харидж, поскольку это написание лучше соответствует фонетической транскрипции названия. Так же точно мы остановились на варианте Хеллевутслёйс вместо ранее принятого Хеллевутслуис для обозначения города Hellevoetsluis в Голландии. — Прим. авт.

165 См.: Иностранные дела Голландии, 505, лист 17.

166 Public Record Office, State Papers 107/86, «Foreign Ambassadors Intercepted».

«Амстердам, 27 апреля 1760 года.

Мсье,

Гром, грянувший среди ясного неба, поразил бы меня меньше, чем новость о Вашем отъезде, которую я узнал в Гааге. Я рискнул бы всем и предпринял бы все возможное, чтобы засвидетельствовать Вам мое почтение лично, так как мне небезызвестно, что Вы — величайший Владыка Земли, и я угнетен только тем, что гнусные люди смеют причинять Вам беспокойство.

Я слышал, что против Ваших миролюбивых усилий были употреблены золото и интриги. Сегодня я уже могу вздохнуть с некоторым облегчением. Я слышал, что мсье д'Аффри в этот четверг уехал ко двору, и надеюсь, он получит то, чего заслужил, предав Вас. Я считаю именно его причиной Вашего долгого отсутствия и моего горя.

Если Вы думаете, что я могу быть Вам хоть в чем-то полезен, рассчитывайте на мою преданность. У меня есть только моя жизнь и мое оружие, и я с удовольствием отдам их Вам.

Граф де ла Вату».

В этом письме особенно поразительно не просто очевидное глубокое уважение, а необычайная фраза «le plus grand Seigneur de la Terre» — дословно «величайший Владыка Земли».

Получив сообщение д'Аффри об отъезде Сен-Жермена в Англию, Шуазёль в это не поверил:

«Версаль, 1 мая 1760 года.

Получил Ваши письма от двадцать первого, двадцать второго и двадцать пятого числа предыдущего месяца… Сомневаюсь, что так называемый граф Сен-Жермен отправился в Англию. Он слишком хорошо известен в тех краях, чтобы надеяться на то, что ему удастся безнаказанно творить свои дела».

Англичане с большим подозрением отнеслись к приезду Сен-Жермена. Сначала решили, что его специально отпустили из Гааги, чтобы дать ему предлог съездить в Лондон.[167] Однако затем возникло предположение, что граф продолжит тайно нащупывать путь к проведению мирных переговоров. Поэтому по приезде графа в Лондон его поместили под вежливый домашний арест. Официальный представитель министерства иностранных дел Англии, действовавший по распоряжению министра Уильяма Питта, провел допрос прямо на квартире графа. Встречаться с графом сам министр отказался, но порекомендовал ему покинуть Англию как можно скорее. Тогда Сен-Жермен обратился к государственному курьеру с адресованной министру просьбой разрешить ему встречу с послом прусского короля Фридриха бароном Книпхаузеном.[168] Питт дал положительный ответ, и барону было позволено навестить содержавшегося под домашним арестом и под охраной королевских стражников графа. Об этом Книпхаузен пишет королю Фридриху 6 мая 1760 года в военный лагерь в Майсен:[169]

---

[167] В своих «Воспоминаниях». (Т. 5. С. 80). Казанова пишет: «Герцог Шуазёль отверг графа Сен-Жермена понарошку, чтобы иметь его в Лондоне в качестве шпиона. Однако лорд Галифакс на эту удочку не попался и нашел даже уловку грубой». Согласно Т.П. Барнуму (цитир. произв. С. 366) «Шуазёль написал Питту с просьбой арестовать этого человека как прусского шпиона, но духи, которые были у него в услужении, вовремя его предупредили, и он удрал на материк».

[168] Додо-Генрих, барон Книпхаузен, был с 1758 по 1776 год полномочным послом прусского короля Фридриха II в Лондоне. Он был другом родственника Бентинка, см.: Краткая биография графа Бентинка и барона Кнупхаузена (на нем. языке). Олденбург, 1836.

[169] См.: Merseburg Zentrales Staatsarchiv, Knyphausen und Michel, XIV, F.96.C, f.244rv.

«Сэр Уильям Питт не только отказал ему во встрече, но и решительно настаивал на его отъезде. Это поставило графа Сен-Жермена в весьма затруднительное положение, и он обратился через государственного курьера с просьбой к сэру Уильяму Питту, по приказу которого его продолжали удерживать под охраной, чтобы добиться у него разрешения на встречу со мной. Поэтому министр попросил меня принять графа Сен-Жермена. Он сказал мне, что не мог вернуться в Голландию, так как там для него было бы небезопасно, и что Питт не позволяет ему оставаться здесь… Поэтому я, с согласия сэра Уильяма Питта, организовал ему переезд под именем графа Сеа в Аурих, где он будет находиться достаточно близко к Вашему Величеству, чтобы знать о ваших намерениях…

P.S. Сделав эти распоряжения, сэр Уильям Питт, с которым мы еще некоторое время продолжали беседовать, решительно настаивал, чтобы мы сделали все, что в наших силах, чтобы отговорить Ваше Величество принять его…»

О событиях, произошедших с Сен-Жерменом на столь негостеприимно встретившей его английской земле, написал в тот же день и тоже в Майсен, но не Фридриху, а находившемуся при нем английскому послу в Пруссии Митчеллу экс-министр иностранных дел Англии лорд Холдернесс.[170]

«Доставлено 17 мая в Майсен прусским курьером.

Уайтхолл, 6 мая 1760 года.

Сэр,

Из последних моих писем Вам должно быть известно все то, что произошло в Гааге между генералом Йорком и графом Сен-Жерменом. Я же по совету упомянутого генерала спешу сообщить Вам, что Сен-Жермен, встретив в лице господина Шуазеля непримиримого врага, который не желает подтвердить его полномочий, решил отправиться в Англию, опасаясь дальнейших преследований со стороны французского министра.

Как и ожидалось, он прибыл сюда несколько дней назад. Но так как было ясно, что он не уполномочен французским министерством, от имени которого пытается выступать, даже в той части дел, которую хотел обсудить, он не мог рассчитывать на должное внимание к своей персоне. И поскольку становилось очевидно, что ведомство французского министра (де Шуазёля), от имени которого он якобы говорил, не давало ему этого разрешения, и поскольку его пребывание здесь было бесполезным и могло повлечь за собой неприятные последствия (поговаривали о секретных переговорах), сочли предпочтительнее схватить его сразу по прибытии. Досмотр, впрочем, не принес никаких компрометирующих улик. Ведет себя он и говорит хитро и последовательно, так что трудно придраться.

Поэтому, руководствуясь соображениями, подобными тем, что изложены выше, решено было не задерживать его в Англии, которую он покинул в субботу утром, направляясь во владения прусского короля, скорее всего в Голландию. Он заявил, а затем повторил, что видел барона Книпхаузена во время своего заключения, но никто из королевских стражников не заметил, чтобы он проходил мимо них.

Король всячески поддержан мое намерение посвятить Вас в эти события. Кроме того, вы окажете королю услугу, если передадите суть этого письма Его Величеству королю Пруссии.

С искренним уважением к Вам, Сэр, остаюсь покорным Вашим слугой, Холдернесс».

Сен-Жермен всегда считал Питта единственным человеком в английском лагере, который не хотел мира. Ньюкасл и Гранвилл хотели мира. Король Георг хотел мира. Того же хотел Георг, принц Уэльский (сын Фредерика, принца Уэльского, рано скончавшегося), будущий Георг III.

---

[170] Лорда Холдернесса, друга графа Сен-Жермена, на посту государственного секретаря только что — в марте 1760 года — заменил граф Бют, и герцог Ньюкасл ушел из политической жизни // Иностранные дела Англии, 443.

Его учитель, лорд Бют, учил его считать войну бессмысленным расточительством, которому он должен будет положить конец сразу, как только взойдет на трон и избавится от Питта. Но на данный момент Питт был высшим чиновником, чье имя отождествлялось с войной, которой он способствовал всеми своими силами, с целью увеличения числа британских заморских колоний.

В докладе фон Хеллена королю Фридриху от 22 апреля 1760 года приведены некоторые интересные размышления, проливающие свет на поведение англичан:[171]

«Совершенно определенно, что предложение, сделанное графом Сен-Жерменом, по крайней мере, было эффективным, поскольку герцог де Шуазёль не смог полностью противостоять направлению мыслей тех людей в Версале, кто желал мира… Но Государственный секретарь пришел в такое бешенство, разъярившись на бедного дьявола, что поручил д'Аффри потребовать его ареста и высылки… Граф Бентинк…. добился от генерала Йорка паспорта для отъезда графа в Англию. А ведь он после таких оскорблений мог бы рассказать там очень интересные подробности о теперешнем финансовом положении Франции, — по теме, о которой он обладает очень большими знаниями».

Да, очевидно, в Лондоне должны были надеяться, что Сен-Жермен теперь заговорит без всякого стеснения. И Питт испытал разочарование, когда при допросе государственного посланца у Сен-Жермена не удалось выведать ничего предосудительного.

Если бы Сен-Жермен решил рассказать, что среди проблем короля Людовика была также неспособность вернуть огромный заем у братьев Хоп, то его речи могли бы вызвать гораздо больший интерес. Но очевидно, что, несмотря на то что король Людовик и маркиза Помпадур его предали, он остался сдержанным.

Это впечатление несерьезности, произведенное Людовиком, даже утвердило Фридриха против него, и теперь он был полностью за продолжение войны против Франции до полного ее уничтожения.

19 мая 1760 года он написал Книпхаузену:[172]

«Что касается графа Сен-Жермена… Я желаю дать ему убежище в Эмдене или лучше в Аурихе, при условии, что он не будет ни во что вмешиваться…»

Однако Сен-Жермен, сделав после встречи с Книпхаузеном вывод о том, что его присутствие могло бы обременить короля Фридриха, по-видимому, решил не пользоваться предоставленным ему убежищем.

Граф возвратился обратно в Харидж, остановился в гостинице «Королевский герб» на улице Лиденхол, затем в порту погрузился на почтовый корабль, направляющийся в Хеллевутслёйс: «в порту он остановился как можно меньше, и даже не соблазнился местными винными лавками, все равно денег было мало».[173] На дилижансе граф доехал до Гааги и занял свою бывшую комнату в гостинице «Маршал Тюренн».

Граф д'Аффри и герцог Шуазёль, сделавшие вместе столь много для дискредитации Сен-Жермена, но не сумевшие добиться его экстрадиции, продолжали пристально следить за его дальнейшими перемещениями, теряясь в догадках, куда же он направился. Получив информацию о Сен-Жермене от князя Голицына, русского посла в Лондоне, а затем подтверждения от Йорка, британского посла в Гааге, д'Аффри тут же спешит сообщить все раздобытые сведения в Версаль Шуазёлю, написав подряд два письма — от 12 и 14 мая 1760 года:

---

[171] Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, von Hellen, XIV, 96, F. 39. e.f. 107r-v.

[172] Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, von Hellen, XIV, 96, 33.c, f. 264.

[173] Барон Билфельд. Личные письма. Т. II. Гаага: изд-во Гоос, 1763. С. 402.

«Гаага, 12 мая 1760 года.

Господин герцог.

…Господин Голицын также сообщает мне, что так называемый граф Сен-Жермен, достигнув берегов Англии, был встречен Государственным посланником, который запретил ему вступать на английскую землю и приказал с первым же кораблем отправляться восвояси. Вполне вероятно, что он вернулся в Хеллевутслёйс. Однако очевидно и то, что он попытается, не теряя ни единой минуты, достичь территории республики. Как бы то ни было, я сегодня же обязательно переговорю с главой правительства о моих подозрениях. Господин Голицын добавляет, что английский министр якобы не позволил графу Сен-Жермену остаться в Лондоне, ибо он свято верит в то, что мы, со своей стороны, всего лишь разыгрываем наше неудовольствие по поводу этого авантюриста, предоставляя таким образом предлог для его пребывания в Англии и дальнейших действий, направленных на защиту наших интересов в этой стране. Тем не менее Представление, опубликованное мною, смею надеяться, в достаточной степени развеет все их опасения и подозрения на этот счет.

д'Аффри».

«Гаага, 14 мая 1760 года.

Господин герцог.

Вчера в полдень я встречался с господином Йорком и продиктовал ему все, что было подчеркнуто Вами в Вашей депеше… Прежде чем мы расстались, я спросил господина Йорка о судьбе так называемого графа Сен-Жермена. Он сказал мне, что этот авантюрист не был арестован в Харидже. Тем не менее его задержали в Лондоне по распоряжению господина Питта. Господин Йорк добавил, что главный секретарь министерства допрашивал Сен-Жермена. По словам секретаря, у графа Сен-Жермена не все в порядке с головой, однако тайного злого умысла в разговоре обнаружить не удалось. Получив доклад, министр приказал передать авантюристу, что в силу имеющихся у них доказательств он не может оставаться в Лондоне и Англии, а посему немедленно должен быть отправлен в Харидж. Он возвратился в Хеллевутслёйс и оттуда без малейшей задержки проследовал в Утрехт, намереваясь пробраться в Германию. Господин Йорк полагает, что он, возможно, последует в Берлин или же присоединится к свите Его Величества короля Прусского. Я спросил его, связано ли все происшедшее с этим авантюристом с недоверием к нему со стороны английского министра. Он ответил, что ему совершенно не ведом мотив, однако он уже проинформировал свое Министерство о том, что, без сомнения, происходящее обязано желанием англичан угодить нам.

д'Аффри».

Как пишет Поль Шакорнак, об этом приключении Сен-Жермена в Англии остались несколько следов в английской прессе, в том числе три, в разных отношениях чрезвычайно интересных, сообщения в газете «Лондон Кроникл» — «Лондонской хронике».

В номере от 24 по 27 мая 1760 года можно было прочитать следующую заметку, основанную на депеше из Роттердама от 18 мая: «Граф Сен-Жермен был освобожден от своих обязанностей посланника и приехал сюда. Во время своей деятельности он имел несколько бесед с несколькими лордами Частного совета, что открывает широкое поле для гипотез».[174]

---

[174] Аналогичная заметка звучит так в «Брюссельской Газете»: «Граф Сен- Жермен был освобожден в Лондоне и приехал сюда (то есть в Роттердам). Даже во время своего задержания он имел несколько бесед с несколькими членами Частного совета, что дает повод для новых предположений». Даже если этот текст ближе к действительности, он остается странным: возможно, редактор хотел намекнуть, что разговор между графом Сен-Жерменом и Книпхаузеном имел политическую подоплеку? Однако, как мы видели, это было не так.

В газете от 31 мая по 3 июня под заголовком «Анекдоты о таинственном иностранце» и за подписью «Женский журнал» можно было прочитать следующее: «Надеюсь, что этот человек, (о котором никогда ничего бесчестного не было обнародовано, а ученость и гений которого я глубоко уважаю) не обидится намой замечания о титуле, который он взял, и который не должен ему принадлежать ни по праву наследства, ни по королевской милости. Его настоящее имя — одна из его тайн, и после его смерти она, возможно, удивит всех больше, чем все странные перипеции его жизни. Сам же он не станет отрицать, как мне кажется, что-то имя, которое он сейчас носит, — не его настоящее.

О его родине знают так же мало, как и о его имени. По обеим этим поводам, а также по поводу его молодости самые разные предположения всегда заменяли знание. Поскольку придумать что угодно легко, то из-за испорченности людей, а также из зависти любопытствующих те эпизоды из его жизни, которые были выставлены напоказ, — менее благовидные, чем те, что соответствуют правде жизни.

Покуда не будут предоставлены более точные сведения о его жизни, было бы справедливее прекратить любопытствовать и милосерднее не обращать внимания на подробности, не имеющие под собой почву».[175]

Наконец, в номере от 30 июня по 3 июля было опубликовано следующее сообщение: «Из Парижа нам сообщают, что несколько высокопоставленных людей выступили перед королем Франции в защиту нашумевшего графа Сен-Жермена. Его Величество уже было ему простил, когда обнаружилось, что он — прусский шпион при французском дворе и представлял прусского короля перед госпожой Помпадур».

Вернувшись в Соединенные Провинции в начале мая 1760 года, граф Сен-Жермен вовсе не был арестован и препровожден в Антверпен для дальнейшей выдачи Франции, как хлопотал в своем представлении французский посол д'Аффри. Граф жил в Гааге, часто ездил к своему другу Бентинку в Лейден и каждую неделю бывал в Амстердаме у бургомистра Хасселаара. Однажды в течение августа 1760 года граф съездил ненадолго в Алтону, недалеко от Гамбурга.[176] О пребывании Сен-Жермена в Голландии можно прочесть в «Нидерландской газете» за 12 января 1761 года: «Так называемый граф Сен-Жермен — этот таинственный человек, о котором доподлинно неизвестны ни имя, ни происхождение, ни состояние, который имеет доходы, — но их источник неизвестен, и познания — но где он их получил — непонятно, который вхож к князьям и принцам — но при этом никто его за своего не признает, этот человек, пришедший на землю неизвестно откуда, находится в данное время здесь (в Гааге) и не знает, куда ему ступать, как изгнанник из всех стран.

Недавно он обратился к господину д'Аффри с тем, чтобы через него получить разрешение где-нибудь существовать.

Господин д'Аффри написал маршалу де Бель-Иль,[177] который ответил, что если бы король (Людовик XV) хотел строго судить графа Сен-Жермена, он бы его предал суду как государственного преступника. Но поскольку Его Величество король хотел проявить милосердие, он лишь приказал д'Аффри «не иметь никаких с ним сношений, ни под каким видом, т. е. не писать, не отвечать на его письма, не допускать его к себе».

Эта заметка вызвала возмущение прежнего гонителя графа Сен-Жермена — герцога Шуазёля, о чем он написал графу д'Аффри:

---

[175] Можно подумать, что статья была заказана графом Сен-Жерменом или, по крайней мере, что автор было знаком с ним, замечает Поль Шакорнак.

[176] Так утверждает заметка в газете «Лондон Кроникл» от 22 августа 1760 года.

[177] Поскольку маршал умер 26 января 1761 года, этот факт должен был иметь место в конце 1760 года.

«Версаль, 25 января 1761 года.

…упомянутая Вами статья в брюссельской газете от 12 числа буквально восхваляет графа Сен-Жермена или же авантюриста, носящего его имя. Впрочем, это упущение следует возложить на управляющего газетой, замещавшего издателя, пока тот находился в Париже.

Меня особенно поразил факт, что издатель газеты был верно информирован о послании, которое Вы получили от маршала де Бель-Иля по поводу графа Сен-Жермена…»

Зато неунывающий Казанова утверждает, что в 1761 году Шуазёль и Сен-Жермен встречались в Париже, да и сам он якобы видел Сен-Жермена в этом городе, когда, прогуливаясь по Болонскому лесу вместе с маркизой д'Юрфе, беседовал с нею о планетных ангелах: «Мы возвращались к экипажу, как вдруг Сен-Жермен предстал перед нашими глазами. Как только он нас увидел, он повернул вспять и затерялся в боковой аллее. Я спросил: «Вы видели? Он работает против нас, но наши духи заставили его дрожать». — «Я удивлена. Завтра же схожу в Версаль, доложу об этом герцогу Шуазёлю. Интересно, что он об этом скажет…». На следующий день я узнал от госпожи д'Юрфе остроумный ответ Шуазёля на ее сообщение: Я не удивлен, поскольку всю ночь он провел в моем кабинете».[178] Может быть, ответ герцога Шуазёля и остроумен, но он лишает анекдот достоверности.

Другой инцидент, на этот раз неопровержимый, имел место в Гааге где-то в конце 1761 года. Некий Жакотэ пришел к графу д'Аффри и «утверждал, что граф Сен-Жермен прячется в Амстердаме, и он может его выдать».[179] Сначала французский посол поверил Жакотэ на слово, но затем, узнав, что Сен-Жермен находится в Гааге, понял, что Жакотэ — мошенник, тем более что по просьбе вдовы кавалера Ламбера его разыскивали два уважаемых амстердамских торговца, господа Кок и Вангиен. Это была своеобразная месть Жакотэ против друзей графа Сен-Жермена.

Спустя шесть месяцев после этого появились новые сведения о Сен-Жермене. Их можно найти в изданных Историческим обществом Утрехта выдержках их «Воспоминаний» Харденброка. В дневниковой записи за 20 марта 1762 года сказано следующее:[180]

«Мне сообщили, что так называемый граф Сен-Жермен обитает ныне в Уббергене близ Неймегена. Помимо всего прочего, он владеет землями в окрестностях Зютфена, у него есть громадная лаборатория (в принадлежащем ему доме), где он уединяется иногда на целые дни. Он умеет окрашивать материалы, такие, например, как кожа, в прекрасные цвета всевозможных оттенков. Он — великий философ и большой любитель природы, а кроме того, и блестящий собеседник. По всей видимости, он весьма добродетелен. По внешности он похож на испанца благородного происхождения. С искренним чувством говорит он о своей покойной матери. Иногда он подписывается именем «Принца Сеа». Он весьма охотно оказывает содействие в развитии промышленности республике. Однако его планы не касаются какого-либо конкретного города, ибо Амстердам делал ему очень выгодное предложение, одним из условий которого было единоличное обладание этим городом всех его талантливых изобретений. Он также оказал большую услугу Гронсфельту, помогая ему готовить краски для фарфорового завода в Веспе. Он поддерживает дружеские отношения с господином Рооном, у которого часто бывал с визитом и с которым ныне переписывается. Кроме того, он ведет обширную переписку с зарубежными державами.

---

[178] Казанова. Цитир. произв. Т. V. С. 79–80.

[179] Иностранные дела Голландии, 509, лист 301.

[180] См.: Купер-Оукли И. цитир произв. С. 181.

Его знают все дворы Европы. Принц Уэльский, известный своим скверным характером, дурно обошелся с ним. Однако он (Сен-Жермен), будучи невиновным, был выпущен на свободу и реабилитирован. Он переписывается со многими влиятельными людьми Франции, очень высоко отзывается о достоинствах госпожи де Помпадур, часто посещает Амстердам, где несколько раз встречался с господином Хасселааром. Он обладает большой коллекцией очень красивых драгоценных камней, в их числе есть рубины, сапфиры, изумруды и бриллианты. Говорят, что он знает, как придавать блеск чистой воды всем без исключения бриллиантам, а также как изменять их цвет, делая его приятным для созерцания. Он весьма великодушен, обладает обширными поместьями в различных частях Германии, останавливается в лучших домах Амстердама и рассчитывается везде и всегда очень щедро».

В это же время д'Аффри тоже сообщит Шуазёлю новости о графе:[181]

«Гаага, 23 марта 1762 года.

Милостивый Государь.

…Так называемый граф Сен-Жермен, оказавшийся в этих краях два года тому назад и пытавшийся убедить всех в своих будто бы достоверных полномочиях к проведению переговоров между нами и Англией, и на чей счет я получил распоряжение дискредитировать как самозванца, продолжает с тех пор блуждать по провинциям республики и их окрестностям под вымышленными именами и тщательно скрываясь. Однако в течение последних нескольких дней мне довелось узнать, что под именем амстердамского купца Нобле он приобрел имение в Гельдерланде под названием Хуберк, которое было продано графом Велдерном и за которое он еще не доплатил примерно тридцать тысяч франков французских монет. Я счел своим долгом проинформировать Вас об этом факте и спросить Вас, не пожелает ли Его Величество, чтобы я вновь принял меры против этого человека и составил новое Представление Общему Собранию? Или же Его Величество считает, что мне лучше оставить его в покое, поскольку главная цель моих действий по дискредитации этого человека была достигнута с таким успехом, что он не осмеливается отныне показываться в обществе и вынужден поэтому исподтишка дурачить народ своими химическими секретами, которые якобы способны продлевать жизнь.

д’Аффри».

На что Шуазёль «великодушно» предложил оставить в покое графа и более его не преследовать — да ничего иного он реально предложить и не мог, ибо в Голландии Сен-Жермен был вне пределов его досягаемости:[182]

«Версаль, 10 апреля 1762 года.

…мы наказали так называемого графа Сен-Жермена за дерзость и самонадеянность. Отныне же нам следует оставить этого авантюриста наедине с всеобщим недоверием, кое он сам своими же действиями и заслужил…».[183]

Кроме того, спустя несколько месяцев Шуазёль был смещен с поста министра иностранных дел и стал военным министром французского кабинета, пока в 1770 году не был окончательно отправлен в опалу и сослан в свое имение в Шантелу.

---

181 См.: Иностранные дела Голландии, 509, лист 301 // Купер-Оукли И. Цитир. произв. С. 166.

182 Там же. С. 167.

183 Иностранные дела Голландии, 509, лист 327.

Глава 9

В Россию

Секретную дипломатическую переписку, проливающую свет на миссию Сен-Жермена в Голландии и его последующие действия, нашла и опубликовала в наиболее полном виде женщина, посвятившая исследованиям о Сен-Жермене всю свою жизнь — Изабель Купер-Оукли. О ней известно немного. Родилась в Амритсе, штат Пенджаб, Индия, в апреле не то 1853-го, не то 1854 года, в семье английского офицера колониальных войск Генри Купера. Отец, человек прогрессивных взглядов, сделал все для того, чтобы дочь получила прекрасное образование. В 1877 году в результате несчастного случая юная Изабель оказалась на два года прикована к постели. Она использовала это время для интенсивного самообразования, в частности, прочла книгу Е.П. Блаватской «Разоблаченная Изида». Это предопределило ее дальнейший жизненный путь.

Оправившись после болезни, мисс Купер отправилась на континент и поступила в Кембриджский университет (Girton College, Cambridge). Там в 1882 году она познакомилась со своим будущим мужем Э. Дж. Оукли, а также Арчибальдом Найтли и его женой. Весной 1884 года все четверо вступили в Теософическое общество и вскоре стали приближенными соратниками его основателей Блаватской и полковника Олкотта, которых сопровождали в их поездке по Индии. После смерти Блаватской в 1891 году владевшая несколькими европейскими языками госпожа Купер-Оукли стала главным международным пропагандистом теософии.

Первая книга Купер-Оукли «Следы сакральной традиции в масонстве и средневековой мистике» (1900) посвящена изучению Грааля и традиции тамплиеров с теософской точки зрения. В 1907 году преемник Блаватской, Анни Безант, назначила Изабель Купер-Оукли на пост президента Международного комитета по исследованиям в области мистических традиций. Эзотерическая и мистическая история Запада стала главной темой ее исследований, а бесспорным венцом ее научной деятельности стала книга о графе Сен-Жермене, в которой она собрала весь известный материал об одном из наиболее красочных и интригующих оккультных символов всех времен, в чье венгерское происхождение она свято верила. А потому и окончила свой жизненный путь 3 марта 1914 года в столице Венгрии Будапеште.

Будучи ближайшей сподвижницей Блаватской, Изабель Купер-Оукли не могла обойти своим вниманием связь Сен-Жермена с Россией.

0 ключевом в истории России XVIII века событии 28 июня 1762 года и всем том, что этому предшествовало, написаны горы литературы как научной, так и беллетристической. Но касаясь в повествовании о жизни графа Сен-Жермена его краткого пребывания в России как раз около этой поры и знакомства с Алексеем Орловым, никак нельзя обойтись без рассказа об этом событии и его предыстории. Здесь поможет современный историк и писатель Евгений Викторович Анисимов, автор книги «Елизавета Петровна».[184]

Когда в 1741 году Елизавета Петровна стала императрицей всероссийской, то первое, что она сделала, это вызвала из Киля — столицы Голштинии — своего племянника, сына старшей сестры, Анны Петровны, герцога Карла Петера Ульриха. Он был сиротой. Его двадцатилетняя мать умерла вскоре после рождения сына 10 февраля 1728 года, а отец, герцог Карл-Фридрих, скончался в 1739 году, оставив престол 11-летнему сыну. В январе 1742 года голштинский герцог был привезен в Россию.

---

[184] Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2005. Жизнь замечательных людей. Выпуск 1138 (938).

Мальчика вскоре перекрестили в православную веру, нарекли Петром Федоровичем, и 7 ноября 1742 года он был объявлен наследником русского престола, «яко по крови нам ближнего, которого отныне великим князем с титулом «Его императорское высочество» именовать повелеваем». В церквях Петра отныне поминали сразу после императрицы, при встрече не только он прикладывался к руке Елизаветы, но и она целовала его руку.

Но не одной политикой руководствовалась императрица в отношениях с ним. Карл Петер Ульрих был не просто голштинский герцог, волею судьбы наследник русского престола, но и сын так рано умершей и такой любимой Елизаветиной сестрицы, Аннушки. В его жилах текла кровь Петра Великого, этот мальчик был для Елизаветы единственным родным человеком. Поэтому императрица встретила его с распростертыми объятьями и поначалу даже полюбила его, вела себя как нежная мать. Зимой 1744–1745 года Петр Федорович внезапно слег с оспой в Хотилове на пути из Москвы в Петербург. Его невесту — будущую великую княгиню, а потом императрицу Екатерину И, которая ехала вместе с женихом, — немедленно отправили в Петербург, подальше от заразы. Елизавета, узнав о болезни племянника, поспешила в Хотилово и все два месяца его болезни не отходила от его постели, а когда больной поправился, вернулась вместе с ним в Петербург.

Очевидно, государыня испытывала любовь и жалость к этому несчастному 13-летнему мальчику, единственному родному ей существу. Когда его привезли из Киля и представили тетушке, то все были поражены, до чего же он худосочен, забит, не развит. В 1745 году Елизавета даже распорядилась, чтобы русский посланник в соседней с Голштинией Дании Н.А. Корф собрал сведения о детстве наследника русского престола. Сведения эти оказались неутешительными. Мальчик с ранних лет попал в руки своего воспитателя графа Брюммера. Худшего наставника для юного герцога трудно было и придумать: как пишет назначенный Елизаветой ему в воспитатели Якоб Штелин, он относился к мальчику «большею частию презрительно и деспотически», издевался над ним, бил его, привязывал за ногу к столу, заставлял стоять коленями на горохе, лишал ужина.

Отец мальчика, Карл-Фридрих — личность вполне ничтожная, — повлиял на сына только в одном смысле: приучил его с ранних лет к шагистике, муштре, которые буквально впитались в душу ребенка. Впрочем, в ту пору было принято поручать воспитание принцев простым офицерам, ибо считалось что им ведом секрет изготовления из хилых и изнеженных няньками принцев великих полководцев. Так что голштинские офицеры, по указанию герцога взявшие семилетнего Карла Петера Ульриха в оборот, учили его тому, что знали сами: уставу, ружейным приемам, маршировке, дисциплине, порядку. Кстати, точно так же, но только с пяти лет, определил в рекруты своего сына Фрица — будущего Фридриха Великого — прусский король Фридрих-Вильгельм I.

Императрица Елизавета оставила при Петре Брюммера, а также назначила учителей, которые начали заниматься с наследником. Главным учителем Петра стал академик Якоб Штелин. В своих записках о Петре III он подробно рассказывает о том, как много он работал с юношей и каких успехов тот достиг. Из них видно, что Петр не был ни бездарным, ни слабоумным. Все, в том числе Екатерина II, посвятившая немало страниц «разоблачению» своего незадачливого супруга, признавали, что у него была редкостная память. Он много знал, с увлечением занимался точными науками, хорошо выучил русскую историю и мог без запинки «пересчитать по пальцам всех государей от Рюрика до Петра I». По многу часов он проводил в своей библиотеке, привезенной из Голштинии. Больше всего мальчик любил военное дело и, как писал Якоб Штелин, «видеть развод солдат во время парада доставляло ему гораздо больше удовольствия, чем все балеты, как сам он говорил мне в подобных случаях». Он же сообщает, что Петр имел успехи в учебе и в том, что ему нравилось, бывал особенно прилежен. Кроме того, Петр был музыкален, любил итальянскую оперу и прекрасно играл на скрипке.

Самым важным этапом в жизни наследника Елизавета считала его женитьбу. Тут требовался тонкий династический расчет, потому что речь шла о продолжении рода Романовых.

В подобных случаях при всех дворах обычно составлялся «реестр невест», основанный на донесениях посланников в иностранных государствах, — длинный аннотированный список девиц из королевских, герцогских и княжеских семейств, пригодных к браку с наследником. В этом реестре давались характеристики каждой девице, оценивалась чистота происхождения и состояние родителей, их политическое значение в обществе, а также приводились сведения о недостатках и порочащих кандидатку обстоятельствах.

Женить наследника спешили во всех странах. Во-первых, нужно было «продублировать» правящего государя возможно большим числом внуков, во-вторых, созревшему к сексуальной жизни юнцу нельзя было позволить завести опасный адюльтер на стороне или увлечься мужчинами. Внешность кандидатки при выборе ее в невесты особой роли не играла, тем более что знакомство (и даже помолвка) было заочным, по присланному портрету юной особы. О личной привязанности, любви при выборе невест для наследников думали в последнюю очередь. Императрица Елизавета отнеслась к выбору невесты для племянника с большим вниманием. Кандидатки отвергались одна за другой по разным соображениям политического порядка, пока не возник новый вариант.

София Августа Фредерика — таким было от крещения по лютеранскому обряду имя новой кандидатки. Она происходила из древнего, хотя и бедного, княжеского рода Ангальт-Цербстских властителей. Это — по линии отца, князя Христиана Августа. По линии же матери, княгини Иоганны Елизаветы, ее происхождение было еще выше, ибо Голштейн-Готгорпский герцогский дом принадлежал к знатнейшим в Германии. Брат матери, Адольф-Фридрих (или по-шведски— Адольф-Фредрик), впоследствии, в 1751–1771 годах, занимал шведский престол.

София Августа Фредерика (по-домашнему — Фике) состояла в родстве со своим будущим мужем. Карл Петер Ульрих приходился Фике троюродным братом. Схема их родства была такова: в конце XVII века Голштейн-Готторпский герцогский дом имел две линии — от старшего и младшего братьев. Старший брат герцог Фридрих II Голштинский погиб на войне в 1702 году. После него на голштинский престол вступил его сын, Карл Фридрих — муж цесаревны Анны Петровны и отец Карла Петера Ульриха.

Родоначальником младшей ветви голштинского дома был младший брат Фридриха II Голштинского, Христиан Август. Он-то и приходился дедом Фике, ибо его дочь Иоганна Елизавета (1712 года рождения) являлась ее матерью. У Иоганны Елизаветы был брат Адольф-Фридрих, епископ Любекский. После смерти Карла Фридриха он, дядя Фике, был назначен регентом при малолетнем голштинском герцоге Карле Петере Ульрихе. И по иронии судьбы он стал в 1751 году шведским королем вместо имевшего не меньше прав на этот трон своего подопечного, который — увы! — был назначен наследником совсем другого престола…

К моменту рождения принцессы Софии отец ее командовал расквартированным в Штеттине (ныне Щецин, Польша) прусским полком, был генералом, а позже — в немалой степени благодаря брачным успехам своей дочери — стал, согласно указу Фридриха II, фельдмаршалом и губернатором. То, что он не сидел на троне в своем крошечном Цербсте, а состоял на службе у прусского короля, было в Германии делом обычным. Титулованные германские властители были много беднее какого-нибудь российского Шереметева или Салтыкова, и потому им приходилось идти на службу к могущественным государям — французскому, прусскому, русскому. Фике родилась на свет 21 апреля 1729 года в сохранившемся до сих пор Штеттинском замке.

Детство Фике было обычным для ребенка XVIII века, пусть даже и из княжеского рода. Между родителями и детьми с ранних лет не было близости. Отца — человека пожилого, занятого делами служаку и домоседа, дети видели редко. Мать же, княгиня Иоганна Елизавета, выданная замуж за 42-летнего Христиана Августа в 14 лет, постоянно путешествовала по многочисленным родственникам, жившим в разных городах Германии. Фике и ее младшего брата Фридриха Августа часто возили вместе с матерью.

Так однажды, в 1739 году, 9-летняя девочка впервые встретилась с 11-летним Петером Ульрихом, своим троюродным братом и будущим суженым.

Конечно, домашнее образование, которое получила Фике, было отрывочным и несистематичным. В 14–15 лет принцессе Софии предстояло стать женой какого-нибудь принца или короля, и девочку издавна готовили к будущему браку, обучая этикету, языкам, рукоделию, танцам и пению. К последнему предмету Фике оказалась абсолютно непригодной из-за полного отсутствия музыкального слуха.

И вот наступил долгожданный день, решивший судьбу принцессы. 1 января 1744 года было получено письмо обер-гофмаршала голштинского герцога, тогда русского великого князя, в котором от имени императрицы Елизаветы он приглашал княгиню Иоганну Елизавету приехать в Россию под предлогом изъявления благодарности ее величеству за все милости, которые она расточала ее семье. Известия были ожидаемыми. Иоганна Елизавета уже давно занималась устройством своей дочери: посылала императрице Елизавете льстивые поздравления, портрет ее старшей сестры, голштинской герцогини Анны Петровны, а в марте 1743 года брат Иоганны Елизаветы, голштинский принц Август, лично привез в Петербург портрет принцессы Софии кисти художника Пэна. Фике устраивала Елизавету и заочно. Во-первых, девица была протестанткой, а это, как считала Елизавета, облегчало переход в православие, и, во-вторых, происходила «из знатного, но столь маленького дома, чтобы ни иноземные связи его, ни свита, которую она привезет или привлечет за собою, не произвели в русском народе ни шума, ни зависти. Эти условия не соединяет в себе ни одна принцесса в такой степени, как Цербстская, тем более что она и без того уже в родстве с Голштинским домом». Так императрица объясняла свой выбор вице-канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину.

Бестужеву кандидатура не понравилась. Он опасался, что Фридрих II попытается использовать этот брак для усиления своих позиций в России. Однако открыто возражать императрице вице-канцлер не посмел.

После многомесячной изнурительной дороги 9 февраля 1745 года невеста с матерью оказались в Москве, в Анненгофе — дворце на Яузе, где их сердечно приняла императрица Елизавета. Еще раньше состоялась встреча с великим князем — не дав гостьям раздеться, тот прибежал и сразу же стал болтать с Фике, как со старой знакомой. И правда, детьми они уже виделись шесть лет назад в Эйтине, в Германии. Потом начались смотрины, окончившиеся с благоприятным для кандидатки результатом. А когда в начале марта Фике внезапно и тяжело заболела, императрица прервала богомолье в Троице-Сергиевом монастыре и поспешно вернулась в Москву. Екатерина вспоминала, что, очнувшись, она увидела себя на руках императрицы. Был огорчен болезнью Фике и великий князь, уже сдружившийся с нею. После этого эпизода сомнений не оставалось: все поняли, что кандидатура Фике утверждена высочайшей волей. Принцесса была безмерно рада перемене своей участи.

Впрочем, радость была недолгой. Мечты о предназначенном ей принце, которого она должна была любить, довольно быстро рассеялись. Принц-то имелся, но любить его было невозможно, ему нельзя было отдать свое сердце — он в этом не нуждался, он этого даже не понял бы, потому что, несмотря на свои 17 лет, оставался ребенком, к тому же капризным и грубым…

Вот такой принц стал мужем Екатерины. В пятницу 21 августа 1745 года (1 сентября по новому стилю) в Казанском соборе прошло венчание, торжества по случаю бракосочетания наследника длились десять дней.

В первые месяцы жизни Фике в России Петр сдружился с ней, но это не была та дружба юноши с девушкой, которая перерастает в любовь. Петру нужна была не жена, а, как писала в своих воспоминаниях Екатерина, «поверенная в его ребячествах». Она такою для Петра и стала, но не более того. Молодой человек долгие годы скрывал один физический недостаток, который не позволял ему вступать в половую связь с женщиной и который легко устранили, как только об этом узнал придворный хирург. Но до этого момента прошло девять лет!

В мемуарах Екатерины Петр, увиденный ее глазами, предстает грубым, несдержанным, капризным, болтливым, шумным и докучливым. В своих воспоминаниях Екатерина особенно много и с презрением пишет о постоянных играх наследника русского престола с куклами и игрушечными солдатиками. В 1743 году императрица подарила Петру Ораниенбаум — бывшую усадьбу А.Д. Меншикова, где Антонио Ринальди построил дворец и крепость Петерштадт. И там Петр целиком отдавался постоянной военно-полевой игре, которая заменяла ему жизнь, он создал соединение голштинских войск и летом в окрестностях Ораниенбаума проводил с ними маневры, походы, парады, разводы, научился (с большим трудом) курить трубку, лихо пил водку, но быстро пьянел и терял контроль над собой. Он превратился по виду в настоящего вояку, всегда дышавшего воздухом казармы.

Еще в 1747 году прусский посланник Финкельштейн провидчески писал Фридриху И: «Русский народ так ненавидит великого князя, что он рискует лишиться короны даже и в том случае, если б она естественно перешла к нему по смерти императрицы». Когда же в 1761 году великому князю исполнилось 33 года, французский посланник Лефермиер писал о нем то же самое: «Великий князь представляет поразительный пример силы природы или, вернее, первых впечатлений детства. Привезенный из Германии тринадцатилет, немедленно отданный в руки русских, воспитанный ими в религии и в нравах империи, он и теперь еще остается истым немцем и никогда не будет ничем другим… Никогда нареченный наследник не пользовался менее народной любовью. Иностранец по рождению, он своим слишком явным предпочтением к немцам то и дело оскорбляет самолюбие народа и без того в высшей степени исключительного и ревнивого к своей национальности. Мало набожный в своих приемах, он не сумел приобрести доверия духовенства».[185]

Петр демонстративно вел себя не так, как было принято и как от него, внука Петра Великого, ждали. Он не считался с общественным мнением, которое, несмотря на подавленность русского общества, существовало в России и всегда оказывало сильное воздействие на поведение людей и власти. Неосторожность, легкомыслие — это самое мягкое, что можно сказать о поведении такого человека. Даже когда наследника стали допускать к обсуждению государственных дел, он не сумел достойно проявить себя. Петр одевался в прусский мундир, открыто высмеивал православие, не терпел гвардии (что, между прочим, естественно, поскольку до этого именно гвардия дважды во время дворцовых переворотов возводила на престол императриц, и Петр это прекрасно знал), но зато любил привезенных из Голштинии солдат и офицеров, напоминавших ему далекую родину. В последние дни своей жизни, когда Екатерина свергла его с престола в результате переворота 28 июня 1762 года, он в одной из своих записок просил, чтобы его выслали за границу, в Голштинию.

Трагедия Петра III в том и состояла, что он был не только голштинский герцог, но и наследник российского престола. Его ждала корона одного из могущественных государств мира. Ему просто не повезло с судьбой, со страной. Останься он в Голштинии — и прожил бы, наверное, долгую жизнь, потом умер бы, оплаканный своими добрыми подданными как примерный герцог, ведь по характеру он совсем не был жестоким человеком. Возможно, что его жизнь сложилась бы несравненно лучше и в том случае, если бы он стал наследником шведского престола и после смерти короля Фредрика I в 1751 году сел на шведский трон. Но он попал в Россию, где за ним упрочилась обидная слава немца, ненавистника России, любителя муштры, самодура, глупца и «шпиона».

Постепенно наследник превратился в почти открытого противника России. С началом Семилетней войны он не скрывал своих симпатий к Фридриху II, радовался успехам прусского оружия. Ненависть и сопротивление всему, что исходило от Елизаветы, России, русских, делало его глухим к тому, что сообщали о войне в России.

---

[185] Лефермиер. С. 194.

В письме Фридриху II уже после своего вступления на престол он писал, благодаря короля за похвальные отзывы о нем: «Яв восторге от такого хорошего мнения обо мне Вашего величества! Вы хорошо знаете, что в течение стольких лет я вам был бескорыстно предан, рискуя всем, за ревностное служение вам в своей стране с невозможно большим усердием и любовью».

Иной путь выбрала Екатерина. Она была рассудочна, эгоистична и с ранних лет честолюбива. Как она писала впоследствии, уже в молодости она поставила перед собой задачу сделать политическую карьеру и прилагала к этому много труда. Не получив правильного образования, она пополняла свои знания и развивала ум непрерывным чтением научной литературы. Не будучи русской, она усвоила ценности русского народа и искренне полюбила страну, которая так много ей дала и властвовать над которой (при муже или без него) она так хотела. Она писала в мемуарах: «Я, ставившая себе за правило нравиться людям, с какими мне приходилось жить, усваивала их образ действий, их манеру; я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». Оказавшись среди чужих людей, веселая и внимательная, она постепенно приобрела немало друзей, и вокруг нее сложился кружок близких ей по духу приятелей и приятельниц, с которыми она, тайно убегая из дворца, проводила время. Некоторая свобода у великой княгини появилась, когда она исполнила свое предназначение — после двух неудачных беременностей наконец родила сына.

Мальчик родился 20 сентября 1754 года и рос при дворе Елизаветы, которая фактически отобрала ребенка у родителей. Вокруг происхождения Павла существует немало слухов. Наиболее распространено мнение, согласно которому истинным отцом будущего императора Павла I был не великий князь Петр Федорович, а Сергей Васильевич Салтыков, камергер двора великого князя. На это имеются недвусмысленные намеки и в «Чистосердечной исповеди» самой Екатерины, которая, вероятно в 1774 году, написала ее для своего фаворита Григория Потемкина.

Несомненно, 26-летний Сергей Васильевич Салтыков — сам, кстати, человек женатый, — нравился Екатерине и был ее первым увлечением, расставание с которым стало потом причиной «великой скорби». Он, «прекрасный, как день», появился в поле зрения великой княгини в 1752 году, что согласуется с последующей хронологией любовников по «Исповеди».

Рассказ о Салтыкове в мемуарах Екатерины овеян романтическим флером, так часто свойственным воспоминаниям о первой, самой чистой и возвышенной, любви. А их объяснение на охоте, беллетризированное впоследствии мемуаристкой, и вовсе выглядит как сцена из романа. И все-таки слух о его отцовстве Павла I был запущен Екатериной и выгоден прежде всего ей самой, поскольку давал ей моральное право оставаться на троне вместо «бастарда».

С рождением сына отношения с мужем у Екатерины прекратились. Зато ей удалось наладить тесные связи с верхушкой русского общества. Для этого она использовала все свое обаяние, хитрость, умение нравиться, быть простой и доброжелательной. Постепенно к ее умным речам стали прислушиваться и высокопоставленные сановники. Многие из них, видя характер наследника Петра Федоровича, его прусские симпатии, понимали, что будущее царствование может плохо для них кончиться.

Особенно глубоко призадумался канцлер Бестужев-Рюмин. Приход к власти Петра III означал бы для него катастрофу. И опытный интриган искал выход из положения, который бы спас его. Постепенно оформились несколько идей, которые предполагали некий план действий. Он сводился к тому, что в случае смерти императрицы Елизаветы Петровны на престол должен вступить не Петр III, а Павел I — сын Петра и Екатерины. Последняя же должна была стать регентшей при мальчике-императоре. Канцлер вел об этом тайные беседы с великой княгиней, составлял проекты будущего нового порядка, в котором с неизменностью отводил себе главное место при неопытной регентше.

Но он не знал масштабов честолюбия Екатерины. Она уже созрела для власти и готова была пуститься в плаванье самостоятельно.

Она отдавала себе отчет в том, что ей предстоит серьезная борьба, что ходят слухи о замысле Шуваловых провозгласить императором Павла, а его негодных родителей немедленно выслать в Голштинию. Этого Екатерина опасалась более всего — Россия для нее давно стала родиной, полем ожидаемой и бессмертной славы. Поэтому она все время готовила себя к борьбе, особенно когда примерно с 1756 года Елизавета стала болеть и многие боялись, что она умрет. Екатерина установила связи с английским послом Чарльзом Уильямсом. В письме от 12 августа 1756 года великая княгиня подробно рассказывала послу, как она будет действовать в день и час смерти императрицы Елизаветы, когда Шуваловы попытаются возвести на престол Павла и устранить от власти ее с мужем.

Екатерина была убеждена, что ее час близится и Бог на ее стороне. Препятствие только в больной Елизавете, которая все никак не помрет. Об этом Екатерина извещает своего следующего после Салтыкова любовника, Станислава Августа Понятовского, будущего короля Польши, появившегося в России в 1755 году в качестве посланника польского двора.

Однако Елизавета поправилась. Суета, поднявшаяся в кругах «молодого двора» и в окружении Бестужева-Рюмина, насторожила императрицу, и до ее ушей дошли некоторые сведения об интригах против ее власти. Елизавета Петровна приказала начать расследование. Дебют Екатерины-заговорщицы оказался крайне неудачным: сговор Бестужева и Екатерины был раскрыт, и хотя следователям ничего не удалось раскопать о проектах старого канцлера и молодой предприимчивой дамы, дела обоих пошли как никогда плохо. На следствии Бестужев-Рюмин защищался хорошо и отверг все обвинения (тем более что улик против него не нашли). Тем не менее прежним доверием он уже не пользовался, и весной 1759 года Бестужева сослали в подмосковную деревню, откуда его вызволила только ставшая императрицей Екатерина II. Пострадали и другие люди, причастные к этому делу, которое явно квалифицировалось как заговор с целью захвата власти. Связанный с заговорщиками фельдмаршал Степан Апраксин умер на допросе в августе 1758 года, послы Понятовский (отец внебрачной дочери Екатерины — Анны, которая родилась 9 (20) декабря 1758 года и вскоре умерла от оспы) и сэр Чарльз Хенбюри Уильямс были высланы за границу, а близкий Понятовскому Иван Елагин — в Казанскую губернию. Петр Федорович, страшно испуганный происшедшим, окончательно отвернулся от жены, избегая ее, как чумную. И завел себе фаворитку — придворную даму жены, княжну Елизавету Воронцову.

«Бедная великая княгиня в отчаянии», «дела великой княгини плохи» — вот рефрен донесений иностранных дипломатов о Екатерине после падения Бестужева. Несколько месяцев она находилась в совершенной изоляции, фактически под домашним арестом. Наконец Елизавета смилостивилась — в мае 1758 года Екатерине позволили бывать в обществе. Опаснейшая угроза всему ее существованию миновала.

Тоска Екатерины постепенно стихает, скука незаметно улетучивается, и в 1760 году у 28-летней великой княгини появляется новый любовник — красавец, воин, сорвиголова отчаянной смелости: Григорий Григорьевич Орлов, артиллерийский капитан 25 лет, только что вернувшийся с войны в Пруссии, один из пяти братьев Орловых, известных своими подвигами на поле брани и успехами среди петербургских дам.

Орлов оказался подлинной находкой для Екатерины: за его широкой спиной можно было надежно спрятаться от невзгод жизни. Она обрела счастье в любви к нему — Орлов, настоящий рыцарь, мог за свою возлюбленную пойти в огонь и воду. Екатерина платила ему тем же. Летом 1761 года она забеременела от Орлова.

Но от своих честолюбивых планов не отказывалась. Свой лозунг «Я буду царствовать или погибну!» она не забыла, но терпеливо ждала своего часа…

И наконец, в 2 часа пополудни 25 декабря 1761 года (5 января 1762-го по новому стилю) императрица Елизавета Петровна умерла…

Ползли слухи о намерении императрицы воспользоваться правом самодержицы по собственному усмотрению распорядиться престолом и передать трон «мимо родителей» цесаревичу Павлу Петровичу. Но завещания императрица не оставила, и трон перешел к наследнику, который был провозглашен императором под именем Петра III.

Однако правил новый император всего 186 дней.

Мнения историков по поводу правления Петра III расходятся. В последнее время возобладала тенденция не давать его правлению однозначно негативную оценку, которая безраздельно господствовала в официальной российской и затем в советской историографии. Сейчас этого императора стало модным представлять чуть ли не последовательным реформатором, продолжателем дела Петра I, мудрым и дальновидным правителем, который пользовался поддержкой дворянства за свой «Манифест о вольности дворянства» от 19 февраля 1762 года (его положения потом были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 года в известной «Жалованной грамоте дворянству») и народной любовью. Не случайно же народ пошел за Емельяном Пугачевым, который провозгласил себя «государем Петром Федоровичем». Все те «грехи», «проступки» и «преступления», которые вменяются ему в вину, берут начало от Екатерины II и призваны оправдать носивший характер дворцового переворота захват ею престола и отстранение от власти законного императора, а затем и его сына.

Но как бы то ни было, 28 июня 1762 года история государства Российского вновь сделала крутой вираж — в результате дворянского заговора под давлением своих офицеров Семеновский и Измайловский гвардейские полки присягнули «Императрице и Самодержице Всероссийской».

Никто не расскажет об этих событиях лучше той, кого называли «душой революции» — близкая подруга и доверенное лицо великой княгини Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, младшая сестра фаворитки Петра III, которой на момент известных событий 1762 года было всего 19 лет. На склоне лет, в 1805 году, она написала — на английском языке! — свои «Записки», где немало страниц посвятила истории переворота:[186] «Я не щадила никаких усилий, чтобы одушевить, вдохновить и укрепить мнения, благоприятные осуществлению задуманной реформы. Самыми доверенными и близкими ко мне людьми были друзья и родственники князя Дашкова: Пасек, Бредихин — капитан Преображенского полка, майор Рославлев и его брат, гвардейский Измайловский капитан… Как скоро определилась и окрепла моя идея о средствах хорошо организованного заговора, я начала думать о результате, присоединяя к моему плану некоторых из тех лиц, которые своим влиянием и авторитетом могли дать вес нашему делу. Между ними был маршал Разумовский, начальник Измайловской гвардии, очень любимый своим корпусом… Однажды, навестив английского посланника, я услышала отзыв, что гвардейцы обнаруживают расположение к восстанию, в особенности за датскую войну. Я спросила Кейта, не возбуждают ли их высшие офицеры. Он сказал, что не думает: генералам и старшим военным чинам нет выгоды возражать против похода, в котором га ожидают отличия. Я воспользовалась этим обстоятельством и переговорила с некоторыми офицерами полка Разумовского, уже верившими в меня, — с двумя Рославлевыми и Ласунским, коротко известными маршалу. Все шло по моему желанию, и наш стратегический план увенчался полным успехом.

Другое лицо, бесконечно важное для успеха нашего дела, был Панин, воспитатель великого князя; в руках его были вся сила и влияние, соединенные с таким отличным постом. В продолжение весны я видела его у себя, и он навещал меня так часто, как только позволяли его придворные занятия. Я намекала ему насчет вероятности и последствий революции, которая могла бы дать нам лучшего правителя, и мимоходом старалась выпытать его собственное мнение. Он всегда охотно рассуждал об этих предметах и иногда высказывал любимую мечту — посадить на трон своего юного питомца, установив форму правления на основаниях шведской монархии…

---

[186] См.: Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение издания из серии «Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева». М.: Наука, 1990.

Я также согласилась с ним, что императрица взойдет на престол не иначе, как с правом регента на время малолетства ее сына; но я не допускала его сомнений относительно второстепенных вопросов реформы. ««Дайте совершиться», — сказала я, — и никто не заподозрит его в ином стремлении, как в настоятельной необходимости свергнуть зло с переменой настоящего правления». Тогда я назвала ему главных участников моего замысла — двух Рославлевых, Ласунского, Пасека, Бредихина, Баскакова, Гетрофа, князей Барятинского и Орловых.

Между иностранцами, искателями счастья в Петербурге, был один пьемонтец по имени Одарт, который по милости моего дяди служил адвокатом в коммерческой коллегии. Он был средних лет, человек болезненный, живой и острый, хорошо образованный и ловкий интриган, но по причине незнания русского языка, произведений и внутренних сообщений счел себя бесполезным на этом месте и желал занять какую-нибудь должность при императрице. С этой целью он просил моего ходатайства; я рекомендовала его государыне в качестве секретаря. Но так как переписка ее ограничивалась одними родственниками, она не хотела принять его, тем более что считала опасным поручать эту обязанность иностранцу. Впрочем, я выхлопотала ему при ней место смотрителя некоторых доходов, определенных Петром III.

Я заговорила об этой личности потому, что между ложными фактами, распространенными о революции, Одарта считали моим главным руководителем и советником. В одном из писем императрицы будет видно, что я познакомила его с ней; правда и то, что я ради его здоровья доставила ему случай находиться при графе Строганове, когда тот был изгнан императором на свою дачу. Но Одарт отнюдь не был моим поверенным, и я редко его видела, ни одного раза за три недели до переворота. Я была очень рада помочь ему, но никогда не спрашивала его совета. И я думаю, что он знал меня настолько, что не осмелился сделать тех предложений со стороны Панина, которые возвели на него некоторые французские писатели в своих бессмысленных брошюрах.

…Грозная тишина воцарилась до 27 июня, до того знаменитого дня, когда приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждого заговорщика. Когда я размышляю о событиях этого дня, о славной реформе, совершенной без плана, без достаточных средств, людьми различных и даже противоположных убеждений, подобно их характерам, а многие из них едва знали друг друга, не имели между собой ничего общего, за исключением одного желания, увенчанного случайным, но более полным успехом, чем можно было ожидать от самого строгого и глубоко обдуманного плана, — когда я размышляю о всем этом, нельзя не признать воли Провидения, руководившего нашими шаткими и слабыми стремлениями. Если бы участники искренне сознались, как много они обязаны случаю и удаче, они должны бы менее гордиться собственными заслугами. Что касается меня, я, положа руку на сердце, говорю, что, хотя мне принадлежала первая роль в этом перевороте — в низвержении неспособного монарха, вместе с тем я изумляюсь факту: ни исторические опыты, ни пламенное воображение восемнадцати веков не представляют примера такого события, какое осуществилось перед нами в несколько часов.

Но довольно об этом злосчастном государе, которого природа создала для самых низших рядов жизни, а судьба ошибкой вознесла на престол. Нельзя сказать, что он был совершенно порочен, но телесная слабость, недостаток воспитания и естественная склонность ко всему пошлому и грязному, если бы он продолжал царствовать, могли иметь для его народа не менее гибельные результаты, чем самый необузданный порок.

После нашего обеда и отъезда Петра III в Ропшу мы отправились в Петербург… Когда мы въехали в столицу, проходя по ней торжественной процессией, улицы и окна были усеяны зрителями, радостные приветствия оглашали воздух. Военная музыка и звон колоколов сливались с веселым говором толпы, бежавшей за поездом. Двери церквей были отворены настежь, и в глубине виднелись группы священников, стоявших за блистательными алтарями: религиозная церемония освятила народный восторг!

Как, однако, ни была поразительна сцена воодушевления вокруг меня, но она почти меркла перед моей собственной мыслью, полной энтузиазма. Я ехала возле императрицы, участвуя в благословениях революции, не запятнанной ни одной каплей крови. Вместе с тем об руку со мной была не только добрая монархиня, но и первый мой друг, которому я содействовала ценой жизни освободиться от гибельной неволи и взойти на престол возлюбленной Родины.

На следующий день Панин получил графское достоинство с пенсионом в пять тысяч рублей; князь Волконский и граф Разумовский — тот же пенсион, а прочие заговорщики первого класса — по шести сот крестьян на каждого и по две тысячи рублей — или вместо крестьян — двадцать четыре тысячи рублей. Я удивилась, встретив свое имя в этом списке, но решила отказаться от всякого подарка. За это бескорыстие меня упрекали все участники революции. Мои друзья, впрочем, скоро заговорили другим тоном. Наконец, чтобы остановить всякие сплетни и не оскорбить государыню, я расписалась в бесчестии. Составив счет всем долгам моего мужа, я нашла, что сумма их равняется почти двадцати четырем тысячам рублям, и потому перенесла на его кредиторов права получить эти деньги из дворцовой казны».

Впрочем, сама Екатерина Великая в письме к Станиславу Августу Понятовскому от 2 августа 1762 года спустя всего несколько недель после переворота изложила события несколько иначе, признавшись, что сама стояла во главе заговора, и дала Дашковой и ее участию в перевороте совсем другую оценку: «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и очень желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста, и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщили ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности. И. И. Шувачов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал, тем не менее, Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменила правительство этой Империи; выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя».

Имя Одарта упоминается и в переписке великой княгини с Екатериной Дашковой, причем о нем идет речь в четырех из двадцати пяти сохранившихся и опубликованных вместе с «Записками» писем Екатерины периода правления Петра III незадолго до его свержения Екатериной, то есть в период интенсивной подготовки переворота. Относятся они к месяцам не ранее января 1762 года, поскольку из «Записок» Дашковой известно, что именно в этом месяце ее мужа, князя Михаила Ивановича Дашкова, распоряжением Петра III отправили посланником в Константинополь. Дат на письмах нет, а некоторые детали позволяют предположить, что они написаны, как это было заведено тогда, в иносказательной манере, то есть условным языком намеков и недосказанностей, понятных только тем двоим, кто писал письма. Некоторые имена опускаются, заменяются указанием «что же касается до другого» или первой буквой фамилии, или многоточием. Эта предусмотрительность не лишняя, поскольку император просматривает письма своей супруги: «Император прочитал каждое письмо и знает все, что нужно знать». Как пишет великая княгиня Екатерина Дашковой в конце того же самого письма, откуда взята эта цитата, «я предаю огню все ваши письма» (с. 307). Тем более удивительно, сколько внимания уделено в этих письмах Одарту. Письмо № 13: «Что же касается до Одарта, я не могу отвечать положительно: не имея у себя ни одного учреждения, я не могу назначить его в другое ведомство». Эта фраза явно подразумевает, что это ответ на предшествующие хлопоты Дашковой об этом человеке. Письмо № 19: «Кажется, услуги Одарта будут полезны мне, и я надеюсь найдти ему какое-нибудь место. Но, во-первых, скажите мне, не можете ли вы заставить своего дядю рекомендовать его мне? Если нет, то пусть дело идет своим порядком.

Я предоставляю вам устроить с ним денежные условия; но пока он не оставит своего перваго поста, пусть об этом никто не знает, кроме нас. Я, в самом деле, мало знакома с его обстоятельствами, чтобы решится назначить ему когда и как; он всегда пользовался покровительством вашего дяди, то не мешало бы посоветоваться с ним. Между тем место, предназначенное ему, останется незанятым» (с. 309). Письмо № 20: «Милая княгиня, я только-что получила ваше письмо и вполне одобряю ваш поступок, только пусть будет так, чтобы меня не обвиняли в удалении Одарта от должности. Как бы вы ни устроили с ним, я безусловно во всем розписываюсь, и могу обещать, что он не умрет с голоду при мне» (с. 309). Письмо № 25: «Одарта я рада видеть. Сегодня в манеже был со мной один из ваших забавных рыцарей, граф Строгонов».

Впрочем, Одарту — иногда называемому Одаром; в осьмнадцатом веке Дидро ведь тоже именовался у русских Дидеротом! — Екатерина не очень-то доверяла. В своем письме к Понятовскому осенью 1762 года она специально просит его передавать важные вещи не через этого человека: «Не давайте отнюдь письма Одару…».

Согласно сведениям русского историка, И. Давидовича (Половцова), Михаил (Мишель) Одар (Michel Odart) родился в Пьемонте; при Елизавете Петровне прибыл в Россию и был определен канцлером Михаилом Илларионовичем Воронцовым в чине надворного советника на службу в Коммерц-коллегию, но по незнанию русского языка оттуда скоро ушел, и тогда Екатерина Романовна Дашкова, племянница канцлера, рекомендовала его для секретарских занятий императрице. Однако это ходатайство не было удовлетворено, так как императрица не хотела иметь секретарем у себя чужеземца, да к тому же и иностранная переписка ее была невелика, и Одар был назначен лишь управляющим одного небольшого собственного имения великой княгини Екатерины Алексеевны. По словам самого Одара, а также по свидетельству канцлера Воронцова и иностранных писателей об июньских событиях 1762 года, Одар принимал участие в перевороте, «как весьма разумный человек и поведение свое осторожно имеющий», в качестве, по всей вероятности, посредника в сношениях императрицы с преданными ей лицами, или — по выражению тогдашнего австрийского посланника Мерси д'Аржанто — в роли как бы «секретаря заговора». (Впрочем, Дашкова умаляет размеры участия Одара в перевороте.) Затем Одар поступил на службу в Кабинет императрицы в качестве библиотекаря; в это время (в конце 1762 года) Одар, между прочим, по поручению императрицы, участвовал в письменных переговорах с Даламбером относительно приглашения последнего в качестве воспитателя цесаревича. В 1763 и 1764 годах Одар был назначен членом комиссии для рассмотрения коммерции Российского государства и особого при ней собрания для рассмотрения проектов, касающихся до торговли, и был употребляем для составления соображений по предполагавшемуся торговому трактату с Англией. В 1764 году Одар оставил Россию и умер в Ницце около 1773 года.

В Государственном архиве хранятся две записки Одара: 1) «Memoire sur le commerce de Russie, á M. le procureur general le 26 juin 1761» и письмо его к княгине Дашковой, при котором послана была ей эта записка и 2) «Sentiment du conseillier de la cour Odar sur le Riglément qu'on pretent établir, relativement á la saisie (en cas de faillite) des effets envoyés en commission pour Stranger, le 2 décembre 1761». Первая из этих записок напечатана без имени автора Бюшингом в «Magazin für die Historie und Geographie», Halle, 1777, XI, 439–464.[187]

[187] См.: Кобеки Д. Ф. // Журнал Мин. Нар. Просвещ., 1883, № 6. С. 56–59 // Истории. Вестн. 1884, № 4. С. 109–111.

Вслед за упоминавшимися Дашковой «бессмысленными брошюрами некоторых французских писателей» конца XVIII века многие прочие читавшие ее опубликованные по-французски «Записки» французские писатели[188] уже в веке XX из-за важной роли в дворцовом перевороте 1762 года упорно отождествляли Одара, или Одарта, с графом Сен-Жерменом, о чем упоминает Поль Шакорнак. Но если принять во внимание все рассказанные выше и известные русской исторической науке сведения об этом персонаже, то отождествлять его с графом Сен-Жерменом не представляется возможным.

Достоверные факты о пребывании Сен-Жермена в России очень скудны и известны в основном благодаря книгам о Сен-Жермене Изабель Купер-Оукли и Поля Шакорнака. В российских исторических источниках подтверждений приведенным ею фактам не нашлось.

Граф приезжал в Санкт-Петербург по приглашению своего давнего друга — известного итальянского художника графа Пьетро Антонио Ротари, который в то время жил в Графском переулке возле Аничкова моста. Родившийся в Вероне 30 сентября 1707 года Ротари вплоть до 1734 года учился у лучших мастеров Италии: в художественных мастерских Р. Ауденарде и у Д.Б. Пьяцетты в Венеции, затем у Антонио Балестра и Франческо Тревизани в Риме и у Солимена в Неаполе. Начинал с росписей церкви в родной Вероне и картин на религиозные темы, хранящихся ныне в Падуе и Риме. В 1750 году переехал в Вену ко двору Марии-Терезии, затем некоторое время жил в Мюнхене и был придворным художником саксонского двора в Дрездене. В 1756 году художник был приглашен ко двору императрицы Елизаветы Петровны и оставался в России до конца своих дней. Жил в Петербурге, имел множество заказов, пользовался большим почетом. Его моделями были знатнейшие вельможи и дамы, в том числе императрица Елизавета Петровна (по мнению современников, портрет кисти Ротари, изображающий ее в черной мантии с черной кружевной наколкой, самый похожий из всех портретов) и великая княгиня Екатерина Алексеевна (три портрета), сохранились также два портрета И.И. Шувалова, цесаревича Павла Петровича в раннем детстве, канцлера М.И. Воронцова, графа Г.Г. Орлова. Однако вошел в историю в первую очередь типажными образами юных девушек, покрывающими стены целых интерьеров («Кабинет мод и граций» в Большом дворце в Петергофе-Петродворце, «кабинеты Ротари» в Китайском дворце в Ораниенбауме-Ломоносове с 22 картинами и в Гатчинском дворце, «Салон Ротари» в поместье Юсуповых в Архангельском). Женские головки Пьетро Ротари были в большой моде у русской знати и сделались обязательным украшением почти каждого царского или княжеского дворца. «Головки» имели и большое педагогическое значение, поскольку в их создании принимали активное участие русские подмастерья итальянского художника (Ротари организовал частное художественное училище и в России). Среди его учеников был А.П. Антропов; несомненное влияние Ротари испытали И.П. Аргунов и Ф.С. Рокотов. После скоропостижной смерти художника, последовавшей 31 августа (11 сентября) 1762 года, Екатерина II скупила у его вдовы все (триста сорок) оставшиеся в его мастерской картины и приказала разместить их в особом зале Большого Петергофского дворца, в так называемом «Кабинете мод и граций».

В сопровождении художника граф Сен-Жермен посетил самые известные семейства Санкт-Петербурга — Разумовских и Юсуповых. И снова, как в Лондоне, очаровал своих слушателей виртуозной игрой на скрипке, «из которой он извлекал звуки, напоминающие звуки оркестра». Утверждают, будто граф посвятил им же написанную пьесу для арфы графине Остерман.

За то недолгое время, что он прожил в русской столице, граф Сен-Жермен познакомился с адвокатом из Женевы Пиктетом, который также был принят во многих домах. Последний был родом из Женевы и служил полицейским магистратом. Из-за своего молодого возраста он не вошел в Совет Ста и уехал в Париж.

---

188 Лермье Пьер. Таинственный граф Сен-Жгрмен. Париж: изд-во Кольбер, 1943. С. 167–205. Жан де Керделанд. От Нострадамуса до Калиостро. Париж: изд-во Сельф, 1945. С. 191–201.

Отсюда вместе с каким-то русским он пропутешествовал по Европе в течение трех лет. В Вене он встретился с Григорием Орловым и уехал вместе с ним в Санкт-Петербург. Там он познакомился с торговцем Маньяном, на сестре которого он женился, и стал его компаньоном. Из-за сомнительной аферы, в которую он оказался втянутым, его репутация была подпорчена, хотя он и был невиновным. При этом он был умен и образован.

Граф Сен-Жермен общался не столько с самим Пиктетом, сколько с его родственником Маньяном, который занимался скупкой и продажей драгоценных камней. Он откладывал все дефектные камни и давал их графу с тем, чтобы тот им придавал искомый блеск.[189]

Изабель Купер-Оукли пишет об этом периоде:

«…существуют различные не подлежащие сомнению исторические доказательства того, что уже в 1762 году граф побывал в Санкт-Петербурге, где и подружился с Орловыми. Тем более, находясь в России, мы узнали о том, что наш мистик гостил в Архангельском у княгини Марии Голицыной 3 марта 1762 года.

Нижеследующая информация была обнаружена в России и предоставлена нам одним нашим русским другом:

«Граф Сен-Жермен был в этих краях в эпоху Петра III и покинул Россию по восхождении Екатерины II на престол. Господин Пыляев,[190] впрочем, полагает, что это произошло гораздо ранее царствования Екатерины.

В Санкт-Петербурге Сен-Жермен жил вместе с графом Ротари, известным итальянским художником, автором прекрасных портретов, украшающих Петергофский дворец.

Проживали они, предположительно, в Графском переулке близ Аничкова моста, по соседству с дворцом на Невском. Сен-Жермен был восхитительным скрипачом, он играл «как оркестр». В «Истории Разумовских» сообщается об Алексее Р., утверждавшем, что Сен-Жермен обладал прекрасным лунным камнем.

Господин Пыляев видел своими глазами (но не может вспомнить где и при каких обстоятельствах) нотный листок с несколькими мелодиями для арфы и посвящением графине Остерман, сделанным рукой Сен-Жермена. Нотная тетрадка переплетена была превосходной ало-коричневой кожей. Имеющаяся дата указывала на 1760 год.

Господин Пыляев полагает, что Сен-Жермен не бывал в Москве. Он утверждает, что у Юсуповых в сундуках хранится великое множество рукописей, и уверяет в том, что Сен-Жермен был каким-то образом связан с князем Юсуповым,[191] которому дал эликсир долголетия. Сообщает он также и то, что в России Сен-Жермен не известен под именем Салтыкова (Солтыкова), а вот в Вене, напротив, он очень хорошо известен именно под этим именем.

Что же касается нотной тетрадки с автографом Сен-Жермена, то господин Пыляев припоминает ныне, что некогда она принадлежала ему самому. Ему посчастливилось ее купить на каком-то аукционе, и некоторое время он держал ее при себе. Затем эту тетрадку он подарил прославленному композитору Петру Чайковскому. Она и поныне, вероятно, покоится где-то в бумагах Чайковского.

---

189 См.: Кавалер Коберон. Дневник. Париж: изд-во Плон, 1901. Т. II. С. 193—

190 М.И. Пыляев — сотрудник «Нового Времени», автор книги «Старый Петербург».

191 Возможно, речь идет о князе Юсупове (Николае Борисовиче, 1750–1831) — государственном деятеле, посланнике в Турине с 1783 по 1789 год. В разное время он был министром уделов и сенатором. Правда, в 1762 году ему было всего 12 лет. Однако именно после его смерти в Архангельском, которое он приобрел у Голицыных в 1810 году, из принадлежавших «старому князю» картин в его бывшем кабинете наследниками был составлен «Салон Ротари».

Однако великий музыкант славился своим небрежением к порядку, и поэтому господин Пыляев считает почти безнадежным делом найти ее, тем более что после внезапной кончины Чайковского не осталось никаких прямых указаний на то, как поступить с оставленным имуществом».

В главе 2 своей книги о графе Сен-Жермене Изабель Купер-Оукли сообщает еще несколько кратких сведений о пребывании графа в России:

«Пребывание нашего мистика в Санкт-Петербурге отмечено также одним анонимным автором книги, которая носит примерно следующее название: «Несколько слов о первых сподвижниках Екатерины II (XVIII. Кн. 3. 1869. С. 343).[192]

Автор данной книги имеет в своем распоряжении некоторые другие детали его пребывания в Петербурге, однако, как утверждает автор, они пока не проверены и в некотором роде фрагментарны, поэтому лучшим выходом из положения будет повременить с их публикацией и дождаться появления более точной информации, которую автор намеревается незамедлительно представить на суд читателя. Как бы то ни было, существующих данных вполне достаточно, чтобы допустить возможность краткого пребывания Сен-Жермена в России. Как мы уже сообщали, принцесса Анхальт-Цербстская, мать Екатерины II, была весьма дружна с ним, что подтверждает тот факт, что он много времени проводил в ее доме, будучи в Париже».

Спустя три месяца, попрощавшись с графом Ротари, с которым он больше не увидится, граф вернулся в Юббергн к своим трудам.

---

[192] Возможно, имеется в виду книга Лонгинова М.Н. «Несколько известий о прямых сподвижниках Екатерины И» («Осьмнадцатый век», кн. 3), упоминающаяся в одной из статей энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Однако нам удалось найти только краткую (на с. 3) заметку Лонгинова под таким названием.

Глава 10

Афера в Турне

24 апреля 1762 года, согласно заключенному по инициативе императора Петра III Петербургскому миру, Россия выходила из Семилетней войны 1756–1762 годов и добровольно и без всяких компенсаций возвращала Фридриху II территорию Восточной Пруссии, занятую русскими войсками, ничего не получив после кровопролитных сражений и блистательных побед под Гросс-Егерсдорфом, Пальцигом, Кунерсдорфом, крепостью Кольберг и даже занятия столицы Пруссии Берлина. Меньше чем через полгода, в ноябре 1762 года, был заключен предварительный договор в Фонтенбло между двумя главными противницами — Англией и Францией, окончательный мирный договор, положивший конец морской войне между ними, был подписан в Париже 10 февраля 1763 года. К тому же после подписания 15 февраля в Саксонии Губертусбургского договора между Австрией, Пруссией и Саксонией завершилась Семилетняя война.

Устав воевать, европейские государства обращаются к активной созидательной деятельности. Нужно вкладывать капиталы в выгодные проекты, направленные на развитие экономики и промышленного производства. Теперь, после окончания войны и отставки своего заклятого врага Шуазёля в октябре 1761 года с поста министра иностранных дел, граф Сен-Жермен может снова совершенно свободно передвигаться по Европе, что он и сделал, представляясь по переделанному на французский манер названию приобретенного им имения Юббергеном господином де Сюрмоном.

В первых числах марта 1763 года он направился в Бельгию, называвшуюся в то время «католическими Нидерландами», которая находилась под властью Габсбургов. Рассказать об одном эпизоде биографии графа Сен-Жермена, напрочь лишившем его финансовых средств, лучше всего удалось Полю Шакорнаку на основании материалов из «Архивов военного государственного секретариата в Брюссече» (тома с 1053 по 1303).

Будучи проездом в Брюсселе, как-то поздно вечером — ибо днем он никогда никуда не ходил, как впоследствии обмолвился об этом Кобенцль в своих воспоминаниях[193] — господин де Сюрмон направился к графу Кобенцлю[194] — полномочному представителю (послу) царствующей императрицы Марии-Терезии при генеральном губернаторе князе Карле Лотарингском. Путешественник, принявший имя де Сюрмон, знал, что в 1746 году граф де Кобенцль был добровольным корреспондентом (читай — осведомителем) князя Фридриха-Людовика Уэльского — старшего сына Георга II Английского.[195]

---

193 A.R фон Арнет. Граф Филипп Кобенцль и его воспоминания (на немецком языке). Вена, 1835. С. 84 и след.

194 Иоганн-Карл-Филипп, граф Кобенцль, родился в Вене 21 июля 1712 года. Он был сыном графа Иоганна-Каспара и его второй жены Каролины Софии, графини Риндсмаул. После окончания учебы в Лейдене он стал путешествовать. В 1734 году женился на дочери генерала Яноша Палффи — того самого австрийского полководца, что подписал от имени императора завершивший войну под предводительством князя Ференца II Ракоци Сатмарский мир 1711 года и в 1722 году склонил Государственное собрание Венгрии принять Прагматическую санкцию Карла, подтверждающую права Марии-Терезии на австрийский престол, а впоследствии и на венгерский трон. Объездив всю Германию, вернулся в Вену, и 19 августа 1753 года был назначен представителем Австрии в Брюсселе вместо маркиза Ботта-Адорно. «Каким бы титулом он ни прикрывался, он всего лишь шпион, посаженный Карлом VI для того, чтобы присматривать за сестрой, которого Мария-Терезия оставит при своем девере, князе Карле Лотарингском». Умер 27 января 1770 года в Брюсселе. См.: К. де Вилльбона. Граф Кобенцль. Париж: изд-во Дэклэ, 1925. С. 25.

195 См.: Венский архив. Корреспонденция Марии-Терезии. Том 271.

Поскольку господин Сюрмон был другом князя, ему не составило труда явиться в особняк Мастэнг и быть принятым послом. Тем не менее позже племянник господина Кобенцля напишет: «Он проник к дяде странным образом, благодаря рекомендательным письмам, написанным не знаю кем».[196]

Граф Кобенцль принял господина де Сюрмона в большом кабинете, стены которого были завешаны гобеленами, изображающими легенду о Психее. В середине комнаты стоял великолепный стол с ножками в виде ног серны, инкрустированный севрским фарфором, с письменными приборами из серебра и севрского фарфора. В углах комнаты стояла драгоценная мебель с редчайшим фарфором.

Господин Сюрмон понял, что его собеседник — ценитель искусств, а когда узнал, что он к тому же владеет великолепными картинами, то выразил свое восхищение. Как напишет об этом позже граф Кобенцль: «Поскольку я очень ценю дружбу, я предложил ему свою»[197].

«Однажды посол сказал, что мало есть частных лиц, владеющих оригиналами Рафаэля. Господин Сюрмон ответил, что это так, но тем не менее у него такая картина есть, и спустя две или три недели прибыла в качестве доказательства картина из его собрания, которую он подарил Кобенцлю. Брюссельские художники заявили, что это подлинный Рафаэль. Господин Сюрмон не согласился взять картину обратно, убедив Кобенцля в том, чтобы тот принял ее в знак дружбы.

В другой раз он показал Кобенцлю крупный бриллиант, на котором были пятна, сказав, что скоро сделает его безупречным. И действительно, спустя несколько дней он принес бриллиант с такой же огранкой, но без единого изъяна, утверждая, что это тот же самый камень. После того как Кобенцль осмотрел бриллиант и хотел его вернуть, господин Сюрмон, сказав, что у него этих камней предостаточно и он не знает, что с ними делать, упросил Кобенцля сохранить его на память. Кобенцль не хотел ничего принимать, но гость так настаивал, что ему пришлось согласиться».[198]

Свои впечатления от встречи с господином Сюрмоном Кобенцль изложил в письме Кауницу[199] от 8 апреля 1763 года:

«Прошло вот уже три месяца с тех пор, как особа, известная под именем графа Сен-Жермена, почтила меня своим визитом.

---

[196] А. Р. фон Арнет. Цитир. произв. С. 86.

[197] Кобенцль Кауницу, 28 апреля 1763 г.

[198] Эти два рассказа взяты Полем Шакорнаком из цитированной работы Арнета.

[199] Князь Кауниц, Венцель (Венцеслав) Антон Доминик, граф Ритберг (2 февраля 1711 года — 27 июня 1794 года) — австрийский государственный канцлер в 1753–1792 годы, руководитель внешней политики Австрии при Марии- Терезии. Содействовал сближению Австрии с Францией (союз 1756 года) и Россией. Участвовал в переговорах по разделу Польши (1772) и Баварского наследства (1778–1779). Его называют «королем дипломатии».

В конце 1740-х годов Антон Венцель был отправлен в качестве главного министра ко двору генерал-губернатора Нидерландов герцога Карла Лотарингского и его сестры Марии-Анны.

В 1748 году Кауниц присутствовал на Ахенском мирном конгрессе, где проявил себя как выдающийся дипломат. Вскоре после конгресса он был назначен государственным конференц-министром, а в 1750 году — послом в Париже, где не упустил возможности попытаться изменить характер австро-французских отношений. Однако скоро, убедившись в безнадежности этого, оставил такие попытки. В 1753 году он возвратился в Вену и 13 мая вступил в должность государственного канцлера.

Великий дипломат был известен также как покровитель наук и искусств и сам обладал значительным художественным собранием. Он оказывал огромное влияние и на внутреннюю политику, причем как приверженец «просвещения» содействовал проведению реформ в самых различных областях государственной жизни, особенно при Иосифе II.

Мне он показался самым оригинальным из всех людей, которых я имел счастье знать ранее. О происхождении его я затрудняюсь говорить с уверенностью. Однако я вполне допускаю, что он может быть отпрыском весьма известной и влиятельной фамилии, по той или иной причине скрывающим свое происхождение. Обладая огромным состоянием, он довольствуется весьма малым и живет очень просто и незатейливо. Ему известны, по-видимому, все науки. И вместе с тем в нем чувствуется человек справедливый и порядочный, обладающий всеми достойными похвалы душевными качествами. Демонстрируя свои многочисленные таланты и способности, он проводил в моем присутствии некоторые эксперименты, наиболее примечательным из которых, намой взгляд, был опыт по превращению железа в чудесный металл, весьма похожий на золото и в той же степени пригодный для ювелирных изделий. Достойны упоминания и эксперименты по крашению и дублению кож, которые после обработки выглядели столь совершенными, что с ними не могли сравниться никакие сафьяны и юфти всего мира. Элегантность окрашенных им шелков не имеет себе равных. Изделия из дерева, окрашенные им без применения индиго и кошенили, а с помощью простых и дешевых веществ, поражают радужной всепроникающей переливчатостью цветовой гаммы. Состав приготавливаемых им красок для живописи поистине изумителен. Ультрамарин, например, кажется квинтэссенцией лазурита. И наконец, следует упомянуть продемонстрированный им способ удаления стойкого запаха масляных красок и превращения в наилучшее Прованское посредственных масел Неветты, Кольсата и других, гораздо даже более худших, чем эти. Я держал в руках результаты этих экспериментов, которые проводились в моем присутствии. Я подверг их самому тщательному осмотру и анализу и, понимая, что все это может принести большие деньги, обратился к графу с просьбой обучить меня всем этим тайным премудростям. Он с готовностью посвятил меня в эти секреты, не требуя за это никакого вознаграждения, за исключением условленной доли с будущей прибыли, если, конечно же, она появится в результате внедрения этих методов. Как и всякое предприятие подобного рода, связанное с внедрением новшеств, наше выглядело несколько нереальным, поэтому я постарался прежде всего обезопасить себя с двух, как мне казалось, слабых сторон. С одной стороны, я опасался, как бы меня не одурачили, а с другой — я боялся слишком больших затрат. Чтобы избежать первой неприятности, я пригласил одного доверенного человека, в присутствии которого и были проделаны все эти эксперименты, и мы убедились в истинности и дешевизне всего произведенного. Пытаясь обезопаситься со второй стороны, я отправил господина де Сюрмона (именно этим именем представился Сен-Жермен) к одному добропорядочному и надежному торговцу в Турне,[200] с которым он сейчас и работает, а сам тем временем сделал кое-какие денежные вложения в дело, которые, к счастью, оказались совсем незначительными, через госпожу Неттин. Она, ее сын и зять господин Валькиерс и составляют компанию, взявшуюся за осуществление всего предприятия, до тех пор, пока прибыль, ожидаемая от реализации первых изделий, не поставит все наше дело на надежную основу. Мы, во всяком случае, ничем не рискуем. С каждым мгновением возможность получения прибыли становится все ближе и очевиднее».[201]

Госпожа Неттин одолжила необходимый капитал, и мануфактура была в основном создана на базе мастерских торговца Расса в Турне, у которого господин Сюрмон проживал, когда приезжал в этот город по делам.

---

[200] Турне — город в бельгийской провинции Гано на границе с Францией. В XVIII веке был известен как центр по изготовлению ковров и фарфора. В настоящее время помимо этого там имеются предприятия по выделке кож и обработке горной породы.

[201] Ameth (A. Ritter von), Graf Philipp Cobenzl und seine Memoiren, p. 9, note, Wien, 1885.

Красочные (выдуманные, по всей вероятности) подробности о пребывании Сен-Жермена в Турне можно узнать и из другого источника, а именно из мемуаров Казановы, путешествовавшего под именем шевалье де Сейнгал,[202] который с настойчивостью добивался аудиенции у Сен-Жермена. И добился-таки. Их встреча весьма живо описана в статье Е.П. Блаватской «Сен-Жермен»: «В Турне его «интервьюирует» знаменитый шевалье де Сейнгал, который находит его в полном костюме чародея: в армянской мантии, остроконечной шляпе, с длинной бородой до пояса и с палкой из слоновой кости в руках. Сен-Жермен окружен легионом бутылок и занят развитием производства шляп на основе химических законов. Так как Сейнгал нездоров, граф вызывается бесплатно вылечить его и предлагает принять в качестве лекарства эликсир, оказавшийся эфиром, но тот в любезных выражениях отказывается. Это сцена двух авгуров. Раз ему не позволили действовать как врачу; Сен-Жермен решает показать свою силу как алхимик, берет у другого авгура монету в 12 су, кладет ее на раскаленный докрасна древесный уголь и работает паяльной трубкой; монета расплавляется и оставляется остывать. «Теперь, — говорит Сен-Жермен, — забирайте свои деньги». — «Но они же из золота!» — «Из чистого». Второй авгур не верит в превращение и смотрит на всю операцию как на трюк, но, тем не менее, кладет монету в карман и впоследствии дарит ее прославленному маршалу Кейту, тогдашнему губернатору Невшателя».

Неверие Казановы в способности Великого адепта стало как бы символом тогдашней Европы, которая с головой ушла в сугубо «материальную» науку, совершенно забыв о ее духовном элементе. Отсюда и все неудачные попытки осмыслить правильно все происходящее в мире, отсюда же и неудачи в создании алхимического золота без веры в необходимость при этом психической энергии, целенаправленного потока мыслей. Сам Сен-Жермен так говорил об этом: «Блага Божественной мудрости остаются неведомы для многих, предполагающих, что старые знакомые теории соответствуют требованиям часа и что нет нужды ни в чем, выходящем за рамки эмпиризма и эмпирического метода. В действительности, принципы, признанные современной наукой, являясь только частично истинными, неполны и потому представляют недостаточные основания, на которых можно было бы основывать исследование на высоком уровне и управление элементами».[203]

Казанова в своих «Воспоминаниях» повествует об этом эпизоде так:

«— По дороге в Турне я увидел двух конюхов, которые вели замечательных лошадей. Они мне сказали, что лошади принадлежат графу Сен-Жермену.

— Я хотел бы увидеть вашего хозяина.

— Он никого не принимает.

Ответ подтолкнул меня к тому, чтобы попытать счастья. Я написал графу, выразив мое жгучее желание увидеть его. До сих пор его ответ на итальянском языке лежит перед моими глазами. Он гласил: «Мои занятия не позволяют мне принимать кого-либо, но для Вася сделаю исключение. Приходите в удобное для Вас время. Вас проведут в мой кабинет, Вам не нужно называть ни своего, ни моего имени. К столу своему Вас не зову, он Вам не подойдет, особенно если Вы не умерили Ваш прежний аппетит».

В восемь часов я стоял у его двери: был он в армянском платье,[204] в острой шапочке. Его длинная, густая, черная борода доходила до пояса, в руке он держал маленькую палочку из слоновой кости.

---

202 См.: Casanova (F. Seingalt de), Mémoires, VI, p. 76.

203 См. приписываемую Сен-Жермену работу «Курс по алхимии. Наука само-трансформации».

204 Поль Шакорнак делает язвительное примечание: Казанова, наверное, вспомнил здесь о том наряде, в котором предстал Жан-Жак Руссо в Париже в декабре 1765 года по дороге в Лондон. См.: *Башомон.* Воспоминания. Париж: изд-во Гарнье, 1874. С. 163.

Вокруг стояло более двадцати аккуратно поставленных в ряд бутылок, содержащих различные снадобья. Я размышлял, чем же он мог заниматься в такой одежде среди этой аптеки, когда со всей серьезностью он мне сказал:

— Граф Кобенцль, австрийский премьер-министр[205] не дает мне скучать. Я работаю над проектом фабрики для него.

— Стекольная фабрика?

— Шляпная. Его Превосходительство ассигновал лишь тысячу флоринов на это даю, а я восполняю недостающее из собственного кармана.

— И многого Вы ждете от этой фабрики?

— Через два или три года все головы в Европе буду носить мои шляпы.

— Это будет большим успехом.

— Огромным!

И он стал бегать по комнате с резвостью молодого человека. Я подумал, что он сошел с ума. Он спросил:

— Кстати, что стало с госпожой д'Юрфе?

— Она умерла.

— Умерла! Я так и знал, что она так кончит.[206] И в каком же была она состоянии, когда умерла?

— Она утверждала, что беременна.

— Надеюсь, Вы в это не верите?

— Я убежден, что она ошибалась.

— Превосходно. Приди она ко мне, она бы в самом деле забеременела. Единственно, я не смог бы предсказать пол ребенка. Честно признаюсь, мой предсказательный дар здесь ограничен.

— Господин граф дает советы беременным женщинам?

— Я лечу всяких больных. Может быть, и Вам нужна помощь? У Вас, как я вижу, и язык сухой, пульс жесткий и глаза опухшие… Лимфа.

— Увы, нет, это…. — и назвал свою позорную болезнь.

— Чепуха! — сказал граф и вручил мне пузырек с белой жидкостью, которую он назвал универсальной археей.

— И что же мне делать с этим ликером?

— Похоже на ликер, но не ликер: это имитация того вируса, который поражает ваши сосуды. Возьмите иголку, проколите восковую печать, закупоривающую пузырек.

Я сделал то, что он сказал.

— Ну, — сказал он с гордостью, — что Вы об этом думаете?

А я не знал, что и думать.

— Посмотрите, что осталось в пузырьке. Ничего, не так ли? Беловатая жидкость испарилась. Таким же образом, если Вас уколоть в определенное место, вся болезнь испарится.

Конечно же, я отказался от лечения. Лекарь был огорчен.

— Вы первый, кто во мне усомнился. Я мог бы заставить Вас об этом пожалеть, но буду снисходительным. Как и Всевышний, я всемогущ и всемилостив. Вам же хуже, что Вы мне так мало доверяете. В ваших руках было ваше богатство. Есть ли у Вас при себе деньги?

Я вывалил в его руку все содержимое кошелька. Он взял монетку в 12 су. Затем, положив на горящие угли, накрыл ее черным зернышком.

---

[205] Поль Шакорнак замечает: опять ошибка Казановы, доказывающая его незнание европейских дворов: кем же тогда был Кауниц?

[206] И здесь Казанова ошибается, а может быть, откровенно врет. Маркиза д'Юрфе умерла 13 ноября 1775 года.

Он раздувал огонь, дуя в стеклянную паяльную трубочку, и я увидел, как монетка покраснела и раскалилась.

«— Подождите, Вы увидите, что будет, когда она остынет», — сказал мне алхимик.

Через минуту монета была уже холодной:

— Берите, вот Ваша монетка. Узнаете?

— Так ведь это — золото!

— Чистейшее.

Я стал рассматривать монету. Теперь она была золотой. Я ни на миг не усомнился в том, что держал в руках свою монету и именно она на моих глазах раскалилась добела. Сен-Жермен просто не мог незаметно подменить одну монету другой. Однако, не имея возможности его в чем-либо уличить, я не хотел, чтобы он подумал, будто я попался на его удочку, и заявил ему:

— Все это, конечно, восхитительно, но в следующий раз, граф, если Вы захотите быть абсолютно уверенным в том, что поразили самого проницательного человека, советую предупредить его о предстоящем превращении, ибо тогда он внимательнее проследит за Вашими действиями и точно будет знать, что на уголь Вы положит серебряную, а не золотую монету.

— С тем, кто хоть немного сомневается в моих познаниях, — возразил обманщик, — мне не о чем говорить.

Такое надменное поведение было характерно для Сен-Жермена и ничуть не удивило меня. Это был последний раз, когда я видел знаменитого искусного «фокусника».

— Вы благородный человек, приходите через несколько лет.

И, пожав мне руку, он меня отпустил»[207].

Вряд ли этот рассказ достоин доверия, что только подтверждают комментарии поместившего его в своей книге Поля Шакорнака. Факты же таковы.

Как раз в это время фарфоровая фабрика в Петеринке испытывала трудности. Один из ее владельцев плохо управлялся с делами и нужно было выкупить его долю. Граф Кобенцль решил реорганизовать предприятие.[208] Он выпросил право использовать часть фабрики для крашения шелка и вообще для красильных работ у князя Карла Лотарингского, получил землю и разрешение на строительство новых зданий[209] — и превратил фабрику в кожевенную и шляпную мануфактуру.

«Этим многообещающим и надежным предприятием будут управлять младший сын госпожи Неттин — ему 15 лет,[210] и ее зять, господин Валкиерс.[211] Персоналом будет заведовать господин Расс. Господин Ланнуа будет заместителем директора, а его сын — секретарем».[212]

Кобенцль рассчитывал уже на «прибыль в один миллион, учитывая то, что среди самых крупных купцов города Турне двое, господа Барбиери и Франколэ, намереваются дать ему шелк на крашение.

---

[207] Казанова. Цитир. произв. Т. VI. С. 76–79.

[208] См.: К де Виллермон. Цитир. произв. С. 136.

[209] См.: Королевская библиотека, Ms II 897, лист 47.

[210] Согласно Иву де Фонттобия младший Неттин умер в 1768 году в возрасте 20 лет.

[211] Виконт Валкиерс де Троншиен был государственным советником и директором лотереи.

[212] Кобенцль Кауницу, 8 апреля 1763 г.

Одним словом, это предприятие будет играть большую роль в процветании монархии».[213]

Как раз тогда представитель австрийского правительства Кобенцль и написал Кауницу в Вену, чтобы заинтересовать его в этом деле и получить через него помощь от государства в покупке зданий и оборудования. Кауниц выразил в ответ удовлетворение, узнав о финансовой поддержке госпожи Неттин и об участии господина Валкиерса в администрации, однако усомнился в самом предприятии: «Модель не сама машина, и мелкомасштабный эксперимент еще ничего не говорит о заводе, обустройство которого стоит очень дорого, без гарантии для вложенного капитала».[214] К тому же выбор приграничного города Турне для строительства завода вызвал у него удивление. На это возражение Кобенцль ответил следующее: «Стоимость жизни в Турне невелика. К тому же отдаленность от Брюсселя позволяет обезопасить себя от неприятностей, которые могли бы чинить различные корпорации этого города».[215] Следует добавить, что со времен Средневековья Турне славился на всю Европу изготовлением гобеленов, ковров, хлопчатобумажных, шерстяных и льняных тканей, фарфора, фаянса, кирпичей, фуражек, чулок и других вязаных предметов, кожаных изделий, так что наладить прибыльное производство в городе, где имелись квалифицированные мастера, было вполне разумно.

Кауниц на этом не успокоился и проинформировал Кобенцля обо всех слухах, ходивших о графе Сен-Жермене, среди которых был и такой: «В 1759 году в Париже некий человек, как утверждалось близкий родственник одного из почитателей графа, своим упорством добился права нанести ему визит домой. Жилье оказалось грязнейшим. В ответ на его вопросы об изобретениях граф показал несколько образцов и старый фолиант о магии, в котором были лишенные всякой ценности формулы».[216] Слова о жилище — явная ложь, ибо в Париже граф Сен-Жермен проживал в гостинице вдовы Ламбер, куда к нему в гости много раз приходил барон Гляйхен — грязь он бы заметил. Поговаривали также, что граф купил у господина де Сен-Флорантена землю стоимостью 1,8 миллиона франков, не смог собрать деньги и покинул Францию.

В ответ Кобенцль написал, что у господина Сюрмона «у судовладельца в Копенгагене лежит ценностей больше, чем на миллион, что где бы он ни был, он делал роскошные подарки, тратил много и никогда ничего ни у кого не просил, никому не был должен».[217]

27 мая Кобенцль направил Кауницу все образцы металлов и краски по ткани, шелку, шерсти и коже: «Я сделал пакетики, оставив надписи и объяснения изобретателя».[218]

Спустя два дня, 29 мая, господин Сюрмон отправился в Турне с молодым виконтом Неттин для того, чтобы передать ему все секреты производства. По возвращении был написан проект контракта между ним и Кобенцлем.

«В течение всей своей жизни де Сюрмон будет получать прибыль от мануфактуры Турне, которая в настоящее время строится на паях.

Из причитающейся ему прибыли будут вычитаться одолженные ему суммы, а также те, которые были потрачены на него.

---

[213] Казанова. Цитир. произв. Т. VI. С. 76–79.

[214] Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

[215] Кобенцль Кауницу, 28 апреля 1763 г.

[216] Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

[217] Кобенцль Кауницу, 28 апреля 1763 г.

[218] Кобенцль Кауницу, 27 мая 1763 г.

После того как эти суммы будут возвращены, он сможет свободно пользоваться прибылью.

Граф обязуется перед Кобенцлем передать нужную информацию для изготовления синей и зеленой краски, для рафинирования масла, плиссировки кожи, идущей на изготовление шляп, а также все прочие известные ему тайны и подходящие средства, позволяющие повысить качество изготовляемой продукции до совершенства».[219]

Однако, прежде чем подписать контракт, госпожа Неттин отправилась в Париж проконсультироваться со своими зятьями — маркизом Лабордом[220] и господином де Лалив де Жюлли.[221] Она ничего не узнала «предосудительного о графе Сен-Жермене и приобрела уверенность в том, что ни о чем беспокоиться не стоит ни с какой стороны».[222]

Итак, никаких препятствий к подписанию контракта не оставалось, но 8 июня пришла депеша из Вены Кобенцлю от господина Дорна,[223] сообщающая, что страдающий «жестокими коликами»(дипломатическая болезнь) Кауниц поручил ему передать следующее: «Следует остановить все предварительные работы и все то, что было предпринято для крупномасштабного производства, и никак не представляется возможным заключить какое-либо соглашение с господином Сюрмоном, пока не будет на это дано специальное разрешение Ее Величества».

Это означало полное отстранение господина Сюрмона. По получении этого письма Кобенцль поменял тон в разговорах с изобретателем, и несмотря на вмешательство бургомистра Хасселаара, лично приехавшего из Амстердама в Брюссель поручиться за своего друга, Кобенцль своего решения не изменил.[224] Более того, по поводу предметов, привезенных господином Сюрмоном из Голландии в залог денег, одолженных госпожой Неттин, Кобенцль выразился так, «что предметы эти не представляют ценности, а в Голландии остались картины, которым он [г-н Сюрмон] придает большое значение, тогда как они большой ценности не представляют».[225] Доказывая тем свою предвзятость, Кобенцль цинично добавил: «Так что мы можем только мечтать о том, чтобы избавиться от него и забрать себе его изобретения за минимальную цену, избежав прочих трат и устранив его от руководства всем проектом».[226]

С этой целью Кобенцль написал «памятку» о произведенных затратах:

Затраты по окрашиванию тканей и на склад — 56 135.

---

[219] Кобенцль Кауницу, 21 июля 1763 г.

[220] Жан-Жозеф маркиз Лаборд родился в городе Хака (провинция Арагон, Испания) в 1724 году и был первым промышленником, к которому правительство обратилось за финансовой помощью. Став банкиром двора, в 1763 году он должен был организовать кредитную кассу. В 1794 году он был казнен.

[221] Анж-Лоран де Лалив де Жюлли (1725–1775) представлял послов и был членом Королевской академии художеств и скульптуры.

[222] Кауниц Кобенцлю, 19 апреля 1763 г.

[223] Жан-Жакоб де Дорн, советник при дворе и референт по нидерландским делам при Тайной канцелярии в Вене.

[224] См.: Кобенцль Кауницу, 22 июля 1763 г.

[225] Кобенцль Кауницу, 25 июня 1763 г. Барон Гляйхен, увидевший эти картины, был другого мнения (цитир. произв.) С. 122.

[226] Там же.

По кожевенному делу — 19 300.
По шляпной фабрике — 5700.
Дом для графа — 13 500.
Прочие затраты — 5300.
Общая сумма в гульденах — 99 935.

Сюда следует добавить отдельный счет для г-на Сюрмона:

Суммы, полученные от г-жи Неттин авансом[227] — 81 720.

Затраты г-на Расса и г-жи Неттин на обустройство графа, а также для его поездок в Турне и пр. — 12 280.

Итого в гульденах — 94 000.

То есть всего около 200 000 гульденов.

Увидев эти (преувеличенные) суммы, Кауниц отказал в поддержке правительства. Тогда Кобенцль предложил, чтобы госпожа Неттин забрала все предприятие целиком. Получив выводы своего канцлера, императрица Мария-Терезия тотчас же приняла и утвердила это предложение. Канцлер писал следующее: «Совершенно очевидно, что такого рода опасные предприятия[228] не отвечают требованиям государства ни по своей природе, ни по требуемому управлению, ни по своей деятельности. Однако, поскольку госпожа Неттин неосторожно заплатила авансом из собственного кармана 200 000 гульденов[229] и она желает забрать себе эти заводы,[230] было бы справедливо, чтобы Ваше Величество ей их передало, заодно поручило правительству предоставить госпоже Неттин всяческие возможности, а также оказать ей помощь, не противоречащую интересами финансов и государства в целом».[231]

Императрица Мария-Терезия тотчас же написала князю Карлу Лотарингскому, генеральному губернатору Нидерландов, следующее: «Мой государственный и дворцовый советник доложил мне о своей переписке с г-ном Кобенцлем о так называемых тайных способах изготовления и производства, якобы имеющихся у некоего господина Сюрмона, а также о мануфактуре, которую господин Кобенцль в соответствии с этим уже открыл в Турне, с разрешения Вашего Высочества…

---

[227] Эта сумма была дана господину Сюрмону госпожой Неттин сознательно, что подтверждает ее племянник в «Воспоминаниях»: «Он должен был довести до конца обустройство этого предприятия, и сумма была ему авансирована для этой цели». См.: фон Арнет А.Р., цитир. произв.

[228] В своем докладе Кауниц излагал следующее мнение: «В самом благоприятном случае, то есть если удалось бы полностью заполнить внешний рынок, данное предприятие было бы несправедливым с точки зрения морали и противоречило бы политике. Несправедливым потому, что оно разорило бы все частные красильни» // Кауниц Марии-Терезии, 21 июля 1763 г

[229] Кауниц утверждал, что 94 000 гульденов, заплаченных господину Сюрмону, последний незаслуженно вытребовал у госпожи Неттин, поскольку суммы для возвращения долга зависели-де от проблематичных доходов, что было неправдой: секреты изготовления не были вымышленными, они были реальностью, подкрепленной убедительными результатами, ибо Кобенцль признавался, со слов экспертов, что «окрашенные ткани действительно чудесны» // Кобенцль Кауницу, 21 июля 1763 г.

[230] Заводы так и просуществовали лишь на бумаге, как об этом свидетельствуют следующие строчки из письма Кобенцля Кауницу, 2 июля 1763 г.: «Наш изготовитель тесемок и шелков Барбиери, наш изготовитель камлота Франколэ и наш изготовитель тканей Ж. Кинт умоляют нас ускорить открытие красильни». Значит, ничего не было сделано, а памятка была лишь пробным шаром, пущенным в венское правительство, чтобы заставить его принять нужное пайщикам решение.

[231] Кауниц Марии-Терезии, 21 июля 1763 г.

Я разрешаю Вашему Высочеству оказать госпоже Неттин всякую помощь и поддержку, не противоречащую интересам моих финансов и благу моих бельгийских провинций».[232]

Как видно, Кобенцль повел себя искуснейшим образом, и в этом деле Кауниц ему помог: они представили это «выгодное дело» в виде организованного господином Сюрмоном «промышленного» мошенничества.[233] Вследствие этого последнему срочно пришлось покинуть город. Кобенцль писал: «Ожидаю скорого отъезда господина Сюрмона и надеюсь, что госпожа Неттин скоро сможет вернуть себе те суммы, которые она одалживала. Среди тех тайных способов наверняка есть что-то хорошее, как это видно, по крайней мере, в изготовлении шляп и в дублении кожи. К тому же все наши торговцы шелками и льняными тканями считают окрашенные ткани чудесными».[234]

То, как обернулось дело с владевшим секретами изобретателем, может вызвать только недоумение, как возникло оно и у Кауница: «Я не очень хорошо понимаю, что означает фраза из вашего доклада от 2-го числа этого месяца «Ожидаю скорого отъезда господина Сюрмона». Добровольно ли он уезжает, или его наконец выгнали? В первом случае он может увезти с собой не только деньги госпожи Неттин, которую мне искренне жаль, но и те самые замечательные секреты. Во втором случае, надеюсь, что удалось заполучить от него и секрет очистки масел».[235]

На это Кобенцль ответил: «Господина Сюрмона не выгнали. Однако, пока мы ожидали решения Ее Величества о том, заберет ли она мануфактуру или оставит госпоже Неттин, сын последней оставался в Турне и обучался всем тайным приемам господина Сюрмона. Когда от него узнали все, что он знал, и его присутствие более не было необходимым, я написал ему, что получил высочайшие указания о том, что Ее Величество и слышать не желает о каких-либо секретных способах. В то же время молодой Неттин дал ему знать, что его мать оставляет себе мануфактуру для того, чтобы покрыть свои расходы, и что денег она вперед больше не даст. Тогда он решил уехать, сказав, однако, что вернет все суммы в течение следующих нескольких месяцев».[236]

Из другого письма еще очевиднее редкое благородство графа по отношению к тем, кто обманом, прикрываясь дружбой, выманил у него секреты: «К тому же он разрешил применять его секретные способы изготовления, и если нужно было какое-нибудь дополнительное разъяснение, он готов его дать, где бы он ни находился. Он уехал в Льеж и обратится, наверное, к маркграфу Баден-Дурлаха в Карлсруэ.[237]

---

[232] Мария-Терезия князю Карлу Лотарингскому 24 июля 1763 г.

[233] См.: Маруа Ш. Граф Сен-Жермен в Турне — «промышленное» мошенничество в 1763 г. // «Л'Эндепанданс Белж». 1935. 15 января.

[234] Кобенцль Кауницу, 2 августа 1763 г.

[235] Кауниц Кобенцлю, 14 августа 1763 г. Эта «тайна» интересовала канцлера больше всех остальных: «Даже если речь идет только об этом, государственная казна могла бы приобрести этот секрет, не нанося большого урона промышленности страны или ее торговле» // Кауниц Марии-Терезии 21 июля 1763 г.

[236] М. де Виллермон (цитир. произв. С. 136) пишет, однако, следующее, обвиняя в финансовых махинациях уже самого графа: «Уже прошло два месяца с того дня, как Сен-Жермен уехал в Турне, Кобенцль и вдова Неттин, обеспокоенные его молчанием, прислали к нему молодого Филиппа Кобенцля, ответственного за финансы. После нескольких дней, проведенных в наблюдениях за господином Сюрмоном, он доложил им, что деньги улетучились, а никакого производства не начато. Прежде чем его заказчики успели что-либо еще предпринять, Сен- Жермен исчез». Г. де Фонтоббия (цитир. произв.) С. 19, добавляет: «граф Сен- Жермен уехал с деньгами и не вернулся…»

[237] Маркграф Баден-Дурлаха Карл-Фридрих родился в Карлсруэ 22 ноября 1728 года и умер 11 июня 1811 года. После учебы в Лозанне он посетил Францию, Италию, Англию, Голландию и вернулся в Карлсруэ только

Госпожа Неттин еще надеется вернуть хотя бы часть тех сумм, которые она отдала».[238]

Именно так и случилось. И если для Кауница «дело было закрыто»,[239] то для госпожи Неттин оно приняло выгодный оборот:

«Основанная в Турне мануфактура начинает развиваться. Верю, что госпожа Неттин останется довольна, или по крайней мере вернет свои расходы».[240]

Этим и закончилось так называемое «промышленное» мошенничество в Турне.

после того, как достиг совершеннолетия, в 1750 году. Своей политической и религиозной терпимостью он привлек к себе иностранцев.

[238] Кобенцль Кауницу, 23 августа 1763 г.

[239] Кауниц Кобенцлю, 3 сентября 1763 г.

[240] Кобенцль Кауницу, 2 октября 1763 г.

Глава 11

Потерянные годы

Дальше начинается период в биографии Сен-Жермена, который многие из писавших о нем называли «потерянными годами», потому что документов, подобных дипломатической переписке, об этом периоде практически нет, а мемуарные свидетельства крайне скудны или вовсе недостоверны, так что нужно тщательно отсеивать в них правду от выдумок, ошибок или даже заведомой лжи.

Если после отъезда из Турне граф Сен-Жермен действительно уехал в Льеж, как сказано о его намерениях в письме Кобенцля, и через Льеж проследовал дальше в Карлсруэ к маркграфу Баден-Дурлаха, то долго оставаться там с маркграфом он не мог, так как в одном свидетельстве о маршрутах передвижений Сен-Жермена, написанном много лет спустя после описываемых в нем событий, мимоходом упоминается, что некто, совершая путешествие в карете, подвез графа до Москвы, где у него была фабрика для производства миткаля, или набивных ситцевых тканей, натурального цвета неотбеленного хлопка, окрашиваемых с использованием его собственных красок. Эпизод с тем, как Сен-Жермена «подвез» до Москвы офицер по имени Давид Хоц, похоже, относится к зиме 1765 года, если только он вообще имел место. О нем еще будет рассказ позже.

Зато достоверно известно то, что в период с 1764 по 1770 годы граф ездил в Италию, хотя точными датами мы не располагаем. Существуют несколько документов об этой поездке. Несомненно, что Сен-Жермен бывал в этой стране и раньше, недаром в заметке в лондонской газете за 1760 год о любви к музыке, композиторском и исполнительском мастерстве Сен-Жермена говорится, что «Италия оценила его талант наравне с талантом ее собственных виртуозов и признала в нем одного из тончайших ценителей своего древнейшего и современного искусства».[241]

Один из редких документов о пребывании графа в Италии состоит из тех нескольких страниц, которые граф Ламберг посвятил ему в «Воспоминаниях светского человека»,[242] где он вперемежку приводит свои воспоминания об Италии, итальянцах и о Корсике.

Необходимо весьма критически подходить к этому произведению, особенно принимая во внимание то, какую характеристику однажды дал его автору сам граф Сен-Жермен на вопрос одного из своих светских знакомых, графа Шагмана: «Он сумасшедший и не имеет чести быть со мной знакомым».[243]

Поль Шакорнак полнее всего показал «весомость» свидетельств, того человека, о ком граф судил так строго.

---

[241] Лондон Кроникл. 1760. 3 июня.

[242] Граф Ламберг. Воспоминания светского человека. Кап Коре, 1774. Второе издание. Париж — Лондон — Амстердам. В 2-х тт. Произведение посвящено прусскому королю.

[243] Письмо Антона Лафатеру от 20 августа 1778 года. Ответ графа Сен-Жермена был передан известному физиогномисту Лафатеру доктором Антоном — адвокатом и синдиком города Горлица, автором нескольких работ о тамплиерах.

Побывав дипломатом, граф Максимилиан де Ламберг,[244] прозванный современниками Democrites Dulcior (сладкий Демокрит)[245] поиграл в ученого и кончил литератором. Несмотря на разнообразные таланты, его оценка графом Сен-Жерменом как нельзя более справедлива. Если он и встречался с Сен-Жерменом лично, то это могло быть в Версале в 1760 году.[246] Но это всего лишь предположение, зато доподлинно известно, что в 1761 году в Аугсбурге Ламберг встретился с Казановой.[247] Именно из их разговоров, должно быть, и берут начало все занимательные анекдоты о графе в книге Ламберга.[248]

Учитывая это, мы должны скептически воспринимать все, что он пишет о Сен-Жермене (С. 80–86).

Факты же таковы: сам Ламберг приезжал в Италию дважды. В 1764 году он вместе со своим патроном, князем Вюртембергским, был в Венеции и поздравлял Алоизио Мосегино — нового дожа, избранного годом раньше. В 1770 году он был во Флоренции в частном порядке, так же, как и в 1763 году в Венеции. Таким образом, его рассказы о пребывании графа Сен-Жермена в Италии должны относиться к этим датам. Ламберг пишет:

«Кого стоит увидеть, так это Маркиза Эмара, или Бельмара, известного также под именем графа Сен-Жермена.[249] С недавних пор он проживает в Венеции, где в окружении сотни женщин, которых ему предоставляет настоятельница монастыря, занимается опытами над отбеливанием льна, превращая его в аналог белого итальянского шелка. Он утверждает, что ему 350 лет, не желая преувеличивать, рассказывает, что был знаком с Тамас-Кули-ханом[250] в Персии.

---

[244] Максимилиан-Иосиф граф Ламберг родился 25 ноября 1729 года в городе Брюнн (Моравия). Он был сыном Антона — губернатора города Линца, и дочери маркиза де Приз — посла Франции в Нидерландах. Получив замечательное гуманитарное и научное образование, он объездил вместе с братом Леопольдом (которого Калиостро лечил в 1783 году) Германию, Австрию, Голландию и Францию. Он начал карьеру с поста камергера императора Франца I. В 1757 году он присоединился к графу Штарембергу — послу Австрии во Франции, затем, спустя три года, в 1761 году стал личным советником Вюртембергского герцога Карла-Евгения. В 1767 году он великий маршал князя-епископа города Аугсбурга. После вынужденной отставки Ламберг объездил Италию, Корсику и берега Африки. Вернувшись в свой замок в Брюнне, он умер 23 июня 1792 года. Написал множество книг. См.: Ш. Ад. Кантакузен. О Максимилиане Ламберге // Меркюр де Франс. № 885, 1935. 1 мая. С. 503–518.

[245] Говорят, что граф славился тем, что умел «все представить в виде привлекательной и остроумной колкости».

[246] В письме Опицу граф Ламберг утверждал, будто видел графа Сен-Жермена у госпожи Талмон — княгини Яблонской, родственницы Марии Лещинской, жены Людовика XV: «Я провоцировал его остроумие и слушал его внимательно. Он показался мне очень ученым и забавным». См.: Мэниаль. Казанова и его время. Париж, 1911. С. 268.

[247] Об этом пишет сам Казанова в своих воспоминаниях: «В Аугсбурге я проводил приятнейшие вечера у графа Максимилиана Ламберга. Больше всего в нем я любил его литературный талант» (Казанова. Цитир. произв. Т. V. С. 101.)

[248] Так же, как и Казанова, Ламберг был масоном. Между 1777 и 1778 годами в некоей ложе в Вене он присутствовал в качестве магистра шотландского ритуала на экспериментах над гомункулусами, которые проводил граф Куфштайн. См.: Сфинкс. 1890, май. Французский перевод Л. Левин //Л'Инициацион. март. С. 202–229. Данные из: К. Кизеветтер «Одна из загадок прошедших времен».

[249] Согласно Ван Сипштайну (цитир. произв.), граф Сен-Жермен как-то доверительно сообщил Ламбергу, что он родился в городе Витри-ле-Франсуа. Однако же в «Воспоминаниях светского человека» эта информация не подтверждается.

[250] Персидский шах Надир, известный также как Тамас-Кули-Хан, родился в 1688-м и был убит в 1747 году.

Когда герцог Йорк прибыл в Венецию и спросил, каков ранг и титул этого маркиза Бельмара, ему ответили, что никто точно не знает».[251]

Единственная достоверная информация здесь та, что Эдуард-Август, герцог Йоркский — брат Георга III Английского, прибыл в мае 1764 года в Венецию, где был торжественно принят. Хотя не исключено и то, что Сен-Жермен под именем маркиза Эмара или Бельмара мог проводить опыты по окрашиванию и улучшению качества льняных тканей на ткацкой или прядильной мануфактуре, на которой трудилось около сотни работниц.

В то время Венеция была идеальным прибежищем для тех, кто желал спрятаться. Инкогнито гарантировалось, и правительство предоставляло каждому право жить, как ему заблагорассудится, лишь бы не касался вопросов религии или политики.

Ламберг добавляет и еще кое-что занимательное:

> «Одному из своих друзей граф дал записку, в силу которой банкир, не зная маркиза, выплатил двести дукатов наличными. Когда я спросил графа, вернется ли он во Францию, он сказа! что пузырек снадобья, поддерживающего силы короля, должен быть на исходе и что, когда оно кончится, тогда граф вернется на политическую сцену благодаря поступку, который прославит его на всю Европу. Сказал, что пребывал в Пекине вообще без имени. А когда полиция потребовала, чтобы он назвался, граф извинился, сказав, что собственного имени не знает…
>
> Даже в Венеции до него доходили письма, на которых было просто написано: «Венеция». Его секретарь приходил на почту и просил выдать ему те письма, которые никому не принадлежали».[252]

Чуть ниже в своих воспоминаниях Ламберг утверждает, что граф Сен-Жермен якобы показал ему «в своеобразном альбоме с автографами знаменитых людей два слова на латыни, написанные моим прадедом Гаспаром-Фридрихом, умершим в 1686 году, его герб и девиз «Lingua tea calamus scribae velociter scribentis».[253] Чернила, бумага, патина — все казалось очень древним. Запись была датирована 1678 годом. Там же была и выдержка из Монтеня, датированная 1580 годом: «Нет такого благородного человека, который, если закон станет проверять все его действия и помыслы, не заслужил бы десять раз виселицы. Однако было бы очень жаль покарать и потерять такого человека».[254]

Граф Ламберг походя обвиняет графа Сен-Жермена в фальсификации с помощью латинской цитаты «Habeas scientiam quaestuosam»[255] и добавляет: «Эти надписи могли бы удостоверить возраст графа, если бы сама человеческая природа не доказывала обратное; о любой эпохе он отвечает без ошибок, цитирует точные даты очень давних событий и делает это без чванства. Он редкий, удивительный человек. Что приятно — он умеет отвечать на критику. Его способность убеждать равна его эрудиции и обширнейшей памяти, хотя и не во всех областях.

---

[251] Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 80.

[252] Там же. С. 80–81. По этому поводу можно рассказать историю, случившуюся со знаменитым врачом Бурхавеном. Некий китайский мандарин написал ему письмо, на котором указал: «Бурхавену, врачу в Европе», и письмо дошло до адресата. Не эту ли историю воспроизводит Ламберг?

[253] «Он пишет так же быстро, как и говорит»

[254] Неточная цитата из книги III, глава IX «О тщеславии».

[255] «Владеешь искусством фальсификаторов» // Цицерон. Вторая Филиппика Антонию. На что граф Сен-Жермен мог бы ответить: «Stultorum infinitus est numerus» (бесконечно количество глупцов), Книга Соломона, Экклезиаст, I, 15.

Сен-Жермен утверждает, что научил Вильдмана, как приручать пчел и научить змей внимать музыке и пению».[256]

Дальше Ламберг рассказывает, что получил в Венеции в 1773 году письмо от графа Сен-Жермена, отправленное из города Мантуи. Нет ничего невозможного в том, что граф находился в это время в этом городе, зато письмо могло быть выдумкой Ламберга.

Ламберг вкладывает в уста графа Сен-Жермена следующие слова об изготовлении драгоценных камней:

«Граф Цобор — камергер покойного (зато бессмертного, если учитывать его покровительство искусствам) императора[257] создал вместе со мной алмаз. Лет шесть назад князь Т. купил за 5500 луидоров алмаз, который я изготовил. Затем он перепродал его какому-то богатому сумасшедшему с прибылью в тысячу дукатов. Как говорит граф Барр,[258] нужно быть либо сумасшедшим, либо королем, чтобы тратить такие суммы на покупку алмаза. Поскольку, кстати, в шахматной игре сумасшедший (так называется по-французски шахматная фигура «слон») стоит ближе всего к королю, ни греческая пословица ßαδιλενξ η θνοξ (король что осел), ни латинская Aut regem autfatuum nasci oportet (нужно родиться либо королем, либо сумасшедшим) никого не шокируют. Госпожа де С… имеет такой же голубой бриллиант, с такой же грубой огранкой, который в оправе выглядит как крупная богемская стекляшка с тусклыми гранями. Такой человек, как я, часто оказывается в затруднительном положении, когда нужно выбирать помощников. Случайный человек часто проявляет в искусстве порывы, достойные настоящих артистов. Все эти Потты,[259] Маргграфы,[260] Руэлли[261] решают с высоты своего положения, что никто никогда алмазов не изготовлял, просто потому, что им неизвестны принципы успеха. Пусть эти господа (несть им числа) изучают не книги, а людей, и они обнаружат, что в золотой цепи Гомера,[262] в Малом Альберте и в Великом,[263] в таинственной книге, названной Пикатрикс,[264] хранятся великие тайны: только тот, кто путешествует, делает великие открытия».[265]

---

[256] Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 83.

[257] Франциск I Лотарингский, император Германии (1708–1765) был постоянным покровителем гуманитарных и точных наук, увлекался алхимией.

[258] Граф де Барр, французский майор.

[259] Немецкий химик Иоганн-Генрих Потт (1692–1777), работал только над саксонским топазом.

[260] Немецкий химик Андреас-Сигизмунд Маргграф (1709–1780) также проводил опыты лишь над саксонским топазом и ляпис-лязурью.

[261] Французский химик Гийом-Франсуа Руэлль (1703–1770), единственный из трех, работал над алмазами. Его исследования, опубликованные в «Журнал де ла Медесин», г. Ру, т. XXXIX.

[262] «Золотая Цепь Гомера» — так называется (по-латыни и по-французски) немецкий трактат по алхимии, изданный во Франкфурте в 1723 году, который был популярен в то время и в рукописи. Это продолжение «Изумрудной Скрижали» Гермеса Трисмегиста.

[263] Малый и Великий Альберт являются апокрифами, содержащими рецепты природной магии.

[264] Пикатрикс, которого Рабле называет «Чертовым аббатом», был арабским врачом, приехавшим в Испанию около XIII века. Король Кастилии Альфонсо X заказал перевод его работ около 1256 года. На основе латинского перевода был сделан французский, рукопись которого хранится в Библиотеке Арсеналь.

[265] Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 85.

Ламберг утверждает, что якобы Сен-Жермен признавался ему:

> «Открытию плавки камней я обязан второму путешествию, которое я осуществил в 1755-м в Индию, вместе с полковником Клайвом, служившим под командованием вице-адмирала Уотсона… За время своего первого путешествия я мало узнал об этом замечательном секрете, и все мои опыты в Вене, в Париже, в Лондоне — всего лишь попытки. Великому Превращению я научился лишь во второй поездке».[266]

«По ряду причин я назвался графом С….[267] Всюду, где мы причаливали, мне оказывали тот же почет, что и адмиралу. Особенно бабаский набоб,[268] который, не спрашивая, откуда я родом, разговаривал со мной лишь об Англии… Помню, с каким удовольствием он слушал мой рассказ о скачках в Ньюмаркете».[269]

«Набоб предложил мне оставить с ним моего сына, который путешествовал со мной, и звал его милордом Бютом,[270] как он делал с придворными, называя их всех на английский манер».[271]

Здесь фантазия Ламберга, присвоившего графу Сен-Жермену путешествовавшего вместе с ним сына,[272] вообще выходит за всякие пределы разумного. Хотя нельзя отрицать возможность того, что Сен-Жермен встречался с Лобковицем, с которым он был хорошо знаком с 1745 года, но нет доказательств, что он вообще был в Вене или ездил в Индию. В 1755 году он не мог участвовать в плавании вместе с Клайвом, под командованием контр-адмирала Уотсона, из Мадраса в Калькутту на пути к сенсационной победе при Плесси в 1755 году, потому что в 1755 году он был в Гааге, занятый делами Линьера и машиной для очистки порта. Шакорнак предположил, что идею о знакомстве графа Сен-Жермена с набобом из Бенгалии, с которым Клайв имел дела, воображению фон Ламберга мог подсказать тот факт, что в 1755 году французским губернатором Бенгалии при набобе был

---

266 «Во время поездки в Индию в 1755 г. граф обратился к знаниям индусских браминов и с их помощью решил проблему искусственной кристаллизации чистого угля, иначе говоря — проблему изготовления алмаза». См.: Барнум. Цитир. произв. С. 305.

267 Отметим по этому поводу, что последним французским губернатором Бенгалии был в 1755 году некий Пьер-Рено де Сен-Жермен, из знатной семьи Крезэ города Шателро. См.: На службе Индийской кампании. Неопубликованные письма семьи Рено де Сен-Жермен из провинции Пуату в XVIII веке. Аннотировано Г. Валлее. Париж: изд-во Лароз. Без указания даты.

268 В Индии нет города, называющегося «Баба». Это турецкое имя или название. Может быть, граф Ламберг хотел сказать о бенгальском набобе Мир Джафер-али-Хане, который в 1757 году имел какие-то сношения с лордом Клайвом, (см.: Меллерсон Г.М. Лорд Клайв. Оксфорд, 1900. С. 86 или о форте Бай-Бае недалеко от Майапура?

269 Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 85.

270 Джон-Стюарт, граф Бют (1713–1792). Именно он подписал мир в Фонтенбло в 1763 году, положивший конец морской войне между Францией и Англией. Он был другом сына Георга И, Принца Уэльского, умершего в 1751 году.

271 Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 85.

272 Следует здесь напомнить мысль Ламот-Лангона в кн. «Граф Сен-Жермен и Маркиза Помпадур», а также слова П.Ж. Гролэ в кн. «Путешествие в Голландию». С. 324, о наличии между 1758 и 1762 гг. одной женщины в жизни Сен-Жермена. Автор, однако, ничего больше не уточняет.

Пьер-Рено де Сен-Жермен.[273]

Наконец, Ламберг приводит рассказ о способностях графа в графике: «То, что Белъмар один умеет делать, стоило бы развивать и изучать: он умеет писать одновременно двумя руками. Я продиктовал ему около двадцати стихов из «Заира»,[274] и он тут же написал их на двух листах одновременно. Оба почерка казались одинаковыми. Он сказал, что немногого добился, и теперь понятно, зачем ему все-таки нужен секретарь».[275]

После знакомства с выдержками из воспоминаний Ламберга понятно, почему граф так уничтожающе отозвался об этом человеке.

При всей своей неуемной фантазии и желании преувеличить Ламберг все-таки, не желая грешить против истины, опроверг информацию из Турина (опубликованную в «Нотиции дель Мондо», Флоренция, июль 1770 года), где говорилось: «Граф Максимилиан Ламберг, камергер Их Величеств, посетил Корсику с исследованиями и остановился в нашем городе в июне месяце вместе с графом Сен-Жерменом, знаменитым во всей Европе своими обширными политическими и философскими познаниями».[276]

Ламберг нехотя признал, что «господин де Сен-Жермен не был моим спутником в этой поездке», он был в Генуе, откуда написал другу в Ливорно, что собирается ехать в Вену для встречи с князем Фердинандом Лобковицем, с которым он познакомился в Лондоне в 1745 году.[277]

Таким образом, при всех оговорках о «правдивости» его свидетельств Ламберг косвенно подтверждает пребывание графа Сен-Жермена в Италии. Он упоминает три даты: 1764,1770 и 1773 годы и три города: Венеция, Мантуя и Генуя.

---

[273] Le Compte de Saint-Germain, Paul Chacomac (Editions Traditionelles, 1947), стр. 143n, и его источник Au service de la Compagnie des Indes. Lettres inedites d'une famille du Poitu au XVIIIe siecle, les Renault de Saint-Germain, ed. G. Vallee (Paris, Larose, 1938).

[274] Трагедия Вольтера, написанная в 1732 году по мотивам шекспировского «Отелло».

[275] Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 86. То же самое мы находим в рассказе Ф. Грёффера, автора «Маленьких венских воспоминаний» (на нем. яз.). Вена, 1846. Т. II. С. 136–162. Граф Сен-Жермен пишет полстраницы, с пером в каждой руке. Исходила эта идея от Фридриха II.

[276] См.: Купер-Оукли. Цитир. произв. С. 45.

[277] Граф Ламберг. Цитир. произв. С. 86. Одна из последних работ Ламберга называется «Фантастические дощечки, или Особая библиотека для некоторых стран или людей», Дессо, 1782. Под именем сэра Эрла изображен граф Сен-Жермен, себя же он назвал Сержисом. Это своеобразный парад различных тем, затронутых в живой беседе. Ламберг обещал дать позже интересные детали о жизни графа, но нам такая работа неизвестна. Однако М. Мэниал цитирует («Казанова и его время») эпитафию, написанную Ламбергом о графе и найденную в его письмах Опицу:

> Мой век длится CCC лет;
> Для друзей мне — CC;
> Если надо выпить, мне L лет;
> С прекрасной Иридой мне всего XXV.
> И сопротивляюсь я не всем ее чарам.
> Для Фортуны я не был погремушкой,
> Никогда она мной не играла,
> Наоборот, я ею играл.

Может быть, граф и не сопротивлялся чарам Ириды; Ламберг же умер от того, что слишком уж преклонялся перед Венерой — хотя его друг Казанова это отрицал. См.: Воспоминания. Т. V. С. 101.

Это подтверждают и другие свидетели. Они упоминают и другие итальянские города, где побывал Сен-Жермен. Так, например, граф Саграмозо — посол мальтийского ордена в Дрездене, пишет, что встречался с графом Сен-Жерменом во Флоренции, Пизе и Венеции, «ибо тот действительно объездил Италию»[278] Со своей стороны, граф Лендорф — дворцовый камергер в Дрездене, сообщает нам деталь, иллюстрирующую щедрость графа Сен-Жермена: «Когда он был в Венеции, то давал в год по 6000 дукатов, и никто не знал точно, каков был источник этих денег».[279]

Можно еще процитировать госпожу де Жанлис, которая, будучи проездом в Сиене в 1767 году, узнала, что граф Сен-Жермен проживал в этом городе, но под другим именем,[280] и барона Гляйхена, который слышал о его путешествии через маленькие деревни Пьемонта и утверждал, что графа видели в Венеции и в Милане, «где он вел переговоры местными властями с целью продать им секреты изготовления красителей и оборудования мануфактуры. Он выглядел человеком, который ловит фортуну, и был арестован в маленьком городе Пьемонт, когда подошел срок уплаты векселя. Тогда он выписал 100 000 экю на предъявителя, тут же рассчитался со своим долгом, обращался с губернатором этого города как с негром, и был отпущен с почестями и извинениями. В 1770 году он появился вновь в Ливорно, под русской фамилией, в русском генеральском мундире, а граф Алексей Орлов обращался с ним с таким уважением, которое никому другому не выказывал, будучи гордым и наглым человеком»[281].

Таким образом, подытоживая независимые свидетельства незнакомых друг с другом очевидцев, можно убедиться, что граф Сен-Жермен действительно пробыл в Италии некоторое время между 1764 и 1773 годами. Как пишет Изабель Купер-Оукли, примерно к тому же периоду относятся сведения о его одногодичном пребывании в Берлине в промежутке с 1763 по 1769 год. Купер-Оукли указывает, что точной датой посещения Сен-Жерменом Берлина не располагает, однако добавляет, что это событие произошло до его отъезда в Венецию.

Впрочем, Поль Шакорнак считает, что эти события относятся к гораздо более позднему времени, а именно с августа 1777 года по начало октября 1778 года. Скорее всего, Купер-Оукли ошибается в датах, а прав Шакорнак. Поэтому о берлинском периоде в жизни Сен-Жермена — позже.

Относительно даты «1770 год» Купер-Оукли, кратко сообщив о встрече Сен-Жермена с Алексеем Орловым в Ливорно, когда граф Сен-Жермен появился в форме генерала русской армии и носил русскую фамилию Салтыков, дальше замечает, что в этом же году он вернулся в Париж, узнав об опале своего врага, премьер-министра герцога Шуазёльского. Поскольку отставка Шуазёлю была официально объявлена 24 декабря 1770 года, логичнее предположить, что приезд Сен-Жермена в Париж должен был состояться в следующем, 1771 году. О парижском периоде его жизни и последующих маршрутах оставил воспоминания другой мемуарист — голландец ван Сипштайн.

---

[278] Дю Боек князю Фридриху-Августу, 12 апреля 1777 г. См.: Вольц Г.Б. Цитир. произв. С. 333.

[279] Дневник графа Лендорфа. Т. I. 1777. 2 мая. См.: Вольц Г.Б. Цитир. произв. С.305.

[280] Г-жа Жанлис. Цитир. произв. С. 29.

[281] Барон Гляйхен. Цитир. произв. С. 132.

«Все заново прониклись к нему уважением и любовью, — пишет господин ван Сипштайн,[282] — за достоинство, великодушие и снисходительность к чужим слабостям, когда после отставки своего заклятого врага герцога Шуазёльского он появился в Париже, и стали выражать свое глубокое сожаление, что допустили когда-то оплошность, изгнав его из столицы и оставшись без его покровительства… После смерти Людовика XV, 10 мая 1774 года, он отправился в Гаагу и оттуда в Швабах. Это было последнее посещение Голландии графом Сен-Жерменом. В одной немецкой биографии указываются точные даты его визитов в эту страну, которые перечисляются в следующем порядке: 1710, 1735, 1742, 1748, 1760 и 1773».

Из этого свидетельства можно сделать вывод, что период с 1771 по 1774 годы Сен-Жермен провел в Париже, выезжая время от времени в другие сопредельные страны, например, в Голландию.

Поэтому трудно согласиться с Полем Шакорнаком, утверждающим, что ничего неизвестно о жизни Сен-Жермена с 1773 по 1776 годы, «поскольку никакие итальянские документы точных данных не дают». Сведения об этом просто содержат не итальянские документы, а немецкие и голландские свидетельства. Например, такое сообщение господина Бьорнсталя в его путевых заметках, к которому Изабель Купер-Оукли предлагает обратиться в своей книге, показывает, что в 1774 году или несколько ранее граф Сен-Жермен путешествовал по Швейцарии и Германии:

---

[282] Sypsteyn. Там же.

Граф Сен-Жермен. Гравюра Н. Тома с предполагаемого портрета П. Ротари

Ханс Слоун. Гравюра XVIII в.

Горацио Уолпол. Неизвестный художник

Маркиза Помпадур. Художник М.-К. де ла Тур

Людовик XV. Художник Л.-М. ван Лоо

Мадам де Жанлис. Художник Ж.-А.-М. Лемуан

Этьен Франсуа Шуазёль, герцог д’Амбуаз и граф Стэнвиль. Неизвестный художник

Джакомо Джироламо Казанова, шевалье де Сенгал. Художник Ф. Казанова

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Художник П. Ротари

Автопортрет П. Ротари

Княгиня Е.Р. Дашкова. Художник Д.Г. Левицкий

Граф А.Г. Орлов-Чесменский. Художник К.-Л. Христинек

Карл Гессен-Кассельский. Неизвестный художник

Ж.-Б. Виллермоз. Неизвестный художник

Фердинанд, великий герцог Брауншвейгский. Неизвестный художник

Фридрих Великий, король Пруссии. Художник А. Графф

Виоланта Баварская, великая герцогиня Тосканская, правительница Сиены.
Художник Дж. Фрателлини

Джованни Гастоне де Медичи, великий герцог Тосканский. Художник Н. Кассана

Бронзовый медальон с изображением Виоланты Беатрисы Баварской, дочери пфальцграфа Баварского Фердинанда и супруги Фердинандо де Медичи. Автор А. Сельви

Статуя «Илона Зрини с маленьким Ференцем», установленнная в замке Паланок, Мукачево, Украина

Ференц II Ракоци. Художник А. Маньоки

Шарлотта-Амалия Гессен-Ванфридская, княгиня Трансильванская, жена Ференца II Ракоци. Художник Д. Рихтер

Эльжбета Гелена Сенявская, возлюбленная Ференца II Ракоци. Художник А. Маньоки

Титульная страница воспоминаний Ференца II Ракоци о венгерской революции, изданных в Гааге в 1739 г.

Ференц II Ракоци на банкноте 50 форинтов 1986 г.

Ференц II Ракоци на банкноте 500 форинтов 1998 г.

Изабель Купер-Оукли

Елена Рерих

Елена Блаватская

«Мы гостили при дворе наследного принца Вильгельма Гессен-Кассельского (брата Карла Гессенского) в Ханау близ Франкфурта.

Вернувшись 21 мая 1774 года в замок Ханау, мы обнаружили там лорда Кавендиша и графа Сен-Жермена. Оба они только что прибыли из Лозанны и направлялись в Кассель и Берлин.

С этими господами мы познакомились в Лозанне в доме Бролио».[283]

К немецким же свидетельствам мы перейдем чуть дальше. Кроме того, не следует забывать о том, что отсутствие сведений о себе со стороны графа было преднамеренным. Вот что пишет один знавший графа современник: «Общеизвестно, что иногда он исчезал на несколько лет, и никто не знал о его местонахождении. Он поступал так для того, чтобы избавиться от любопытных, которые постоянно закидывали его вопросами».[284]

---

[283] Björnstahl J.J. Reise in Europe in 1774, t.v. pp. 229, 237.

[284] Письмо фон Альфенслебена Фридриху II от 25 июня 1777 г.

Глава 12

Граф Алексей Орлов, Чесменское сражение и Первая Архипелагская экспедиция

По утверждениям нескольких свидетельств, граф Сен-Жермен носил мундир русского генерала и звался графом Салтыковым, причем происходило это в период, в русской истории весьма примечательный. После начала Русско-турецкой войны в 1768 году Россия отправила несколько эскадр из Балтийского моря в Средиземное, чтобы отвлечь внимание турок от Черноморского флота — началась так называемая Первая архипелагская экспедиция. Наиболее значительным событием в ходе этой кампании было Чесменское сражение, в котором две российские эскадры (под командованием адмирала Григория Спиридова и английского советника контр-адмирала Джона Эльфинстона), объединенные под общим командованием графа Алексея Орлова, разгромили турецкий флот на рейде Чесменской бухты (западное побережье Турции).

За событиями кампании пристально наблюдали дипломаты. Само по себе плавание российской эскадры, которая на пути к Турции обогнула всю Европу и заходила в порты нескольких иностранных держав, было предприятием дерзким и до этого неслыханным. В переписке Горацио Уолпола с сэром Горацио Манном, британским резидентом во Флоренции, первое упоминание Российского флота и братьев Орловых встречается в следующем письме:[285]

> «Флоренция, 4 ноября 1769 г.
> Мой дорогой сэр,
> …Мы ожидаем появления российского флота в этих водах, вероятно, даже в Ливорно… Двор вчера выехал в Пизу. Я проследую туда через несколько дней. Там много иностранцев, два графа Орловых, — это фавориты теперешней императрицы… князь Голицын и много других русских…»

Два графа Орловых — это Алексей и Федор. Алексей Орлов был главным организатором заговора, возведшего на трон императрицу Екатерину, и инициатором отправки средиземноморской экспедиции; теперь именно он находился в Италии в ожидании флота, над которым в чине генерал-аншефа должен был принять командование. Основной целью экспедиции была поддержка восстания христианских народов Балканского полуострова (в первую очередь греков Пелопоннеса и островов Эгейского моря) и нанесение удара Османской империи с тыла. В ходе боевых действий планировалось нарушить ее морские коммуникации в Средиземном море, отвлечь часть сил противника с Дунайского и Крымского театров войны, блокировать Дарданеллы, захватить ее важные приморские пункты и занять Балканский полуостров. В планах экспедиции был и прорыв через Дарданеллы к Константинополю и принуждение турок к капитуляции.

18 (29) июля 1769 года первая эскадра под командованием адмирала Григория Андреевича Спиридова вышла из Кронштадта, в октябре за ней последовала вторая эскадра — Джона Элфинстона.

К морским планам России благосклонно отнеслись Дания, пропустившая русские эскадры через балтийские проливы и снабдившая русские корабли провизией, водой и моряками, и Англия, предоставившая в распоряжение русского флота не только ремонтные базы на Гибралтаре и на Менорке, но и опытных боевых офицеров.

---

[285] Horace Walpole's Correspondence with Sir Horace Mann, ed.W.S.Lewis, Warren Hunting Smith and George Lam, with the assistance of Edwinne M.Martz (Oxford University Press, 1967). Том 23. С. 148–149.

Несколькими кораблями в составе русских эскадр командовали английские капитаны: Томас Маккензи (на русской службе он звался Фома Мекензи), Дагдейл, командор Самуил Грейг, контр-адмирал Джон Элфинстон. Помогая России, Англия надеялась на ослабление Османской империи, где ее традиционный противник, Франция, имела большое экономическое влияние, которое Англия рассчитывала ослабить. Благожелательный нейтралитет и содействие русскому флоту оказывало также Великое герцогство Тоскана, в главном порту этого государства — в Ливорно, русские корабли ремонтировались, в этом порту руководитель экспедиции Алексей Орлов жил в течение многих месяцев. Через Ливорно экспедиция осуществляла связь с Россией. Так как Франция традиционно была союзником Турции, для Британии было естественным помогать России, хотя было неясно, насколько активно Франция или Англия приняли бы участие в военных действиях. Франция, под властью Шуазёля, была поглощена стремлением подчинить себе Корсику, где этому противостоял патриот Паоли. В переписке Уолпола с Манном этому посвящено довольно много страниц. Уолпол считает, что успех русских для Шуазёля был бы очень сильным ударом. Манн написал Уолполу:[286]

> «Лиза, 18 декабря 1769 г.
>
> …..Князь Долгорукий приехал сюда два дня назад, но скрывает свое имя и выдает себя за купца… Граф Орлов назначил английских представителей. Шестнадцать из них ужинают здесь сегодня. Я уже писал ранее, что французы не будут противодействовать русскому флоту… Появление русских судов будет здесь самым выдающимся событием всех времен, и если цель будет достигнута, это предприятие будет расценено как величайшее из всех, когда-либо затеянных… Они могут покорить Дарданеллы».

Алексей Орлов, которому надлежало принять командование, попросил сэра Джона Дика, британского посланника в Ливорно, обеспечить его провизией в ожидании прибытия второй эскадры под командованием Элфинстона. Манн пишет:[287]

> «Флоренция, 24 марта 1770 г.
>
> Российский флот подвергался многим опасностям… Переход действительно был слишком длинным, и обычно встречающиеся на таком пути препятствия были слишком велики для их неопытности, ноя все-таки полагаю, что они могут доставить противнику сильное беспокойство. У них есть войска для высадки и оружие для раздачи жителям Морей и Греции, которые исповедуют ту же религию. План грандиозен и должен быть далее воплощен во взаимодействии с их огромной армией, под командованием Румянцева. Вы скажете, что обходной путь был ужасно длинным. Новость об экспедиции возбуждает у всех любопытство увидеть ее результаты. Дивизия Элфинстона, которая должна следовать за ней, как я предполагаю, направлена к архипелагу и может значительно увеличить испуг Константинополя, где народ начинает роптать против Франции — зачинщицы этой войны… Однако герцог Шуазёль должен быть встревожен дилеммой, перед которой он сам себя поставил — или потерять французское влияние на турков, оставив их без помощи, или развязать всеобщую (по всей вероятности) войну, помогая им».

Мореей тогда назывался современный Пелопоннес, куда русские эскадры шли на помощь восставшим жителям — майнотам; архипелаг — это Эгейские острова.

---

286 Op. cit. C. 160–161.

287 Horace Walpole’s Correspondence with Sir Horace Mann, ed.W.S.Lewis, Warren Hunting Smith and George Lam, with the assistance of Edwinne M.Martz (Oxford University Press, 1967). Том 23. C. 202.

Петр Александрович Румянцев был командующим сухопутными войсками на Дунае, угрожавшими Турции с российских земель, граничащих с ней с севера. Таким образом, план состоял в том, чтобы отвлечь турецкий флот и значительные военные силы от участия в Дунайской кампании. Корабль, на котором был Орлов, покинул Ливорно 12 апреля. В пятницу, 13 апреля, Элфинстон вышел из Спитхеда и присоединился к эскадре Орлова 5 июня. В Арголидском заливе Орлова ожидала эскадра под командованием адмирала Спиридова, и здесь он принял общее командование над обеими эскадрами. 22 июня российский флот все еще был в Арголиде в ожидании попутного ветра, но приблизительно 29 июня прибыли к острову Парос, откуда Орлов выслал помеченное этой датой письмо. Оно было адресовано сэру Джону Дику и в нем упоминалось, что на следующий день они должны были отправиться к острову Скиос, где, согласно их сведениям, находился турецкий флот.

И действительно, там, за островом, в проливе между ним и городком Чесме, расположенном на турецком побережье Малой Азии, 5–7 июля 1770 года и произошло самое славное морское сражение в истории России. В тот же день войска Румянцева одержали победу в битве при реке Ларге, в которой войска крымского хана Каплан-Гирея потеряли 1 тыс. чел., русские — 90 чел. После поражения при Ларге союзник турецкого султана — крымский хан — фактически прекратил активные действия до конца кампании, позднее по мирному договору Крымское ханство формально обрело независимость под протекторатом России, а позднее и вовсе вошло в состав Российской империи.

О победе русского флота Манн написал Уолполу:[288]

«Флоренция, 21 августа 1770 г.

…до нас дошли сведения, что 5 июля последовало чрезвычайно кровопролитное сражение, которое 6 июля закончилось полным разгромом турецкого флота. Это — суть отчета, который я получил позавчера через Рим с Мальты, а на этот остров письмо было доставлено английским капитаном на российской службе, который участвовал в событиях и зашел в этот порт… Адмирал Спиридов сделал распоряжения для начала атаки, его корабль («Св. Евстафий») возглавил эскадру и подошел так близко к кораблю Рассы, что его люди сорвали турецкий штандарт и представши его совершенно изорванным своему адмиралу, а остальные в это время забросали корабль гранатами с зажигательной смесью, так что его целиком объяло пламя. Но вдруг — о ужас! Этот подвиг, подобно Самсонову, принес погибель и им, так как, рассказывают, ящики с углем, падавшие с турецкого судна на русский корабль, подожгли его, вскоре он весь был охвачен огнем, и только адмирал Спиридов, граф Орлов и еще 24 русских смогли спастись. Экипаж его был довольно многочисленным, и говорят, что на борту было около 500 000 рублей. Через полчаса турецкий корабль разделил судьбу русского. На следующий день русские возобновили атаку, и говорят, что своими бомбами и огнем корабли уничтожили весь турецкий флот, кроме одного большого 70-пушечного корабля и многих малых суденышек, брошенных своими командами и попавших в руки победителей. Если все это правда, то это определенно самое кровопролитное и самое решительное морское сражение, которое когда-либо происходило».

Турецкий флот сгорел за исключением одного 66-пушечного линейного корабля «Родос» и 5 галер, которые стали добычей русской эскадры. Турки потеряли в Чесменском бою 10 тыс. чел. Русские — 11 чел. убитыми.

После победы при Чесме российский флот занял господствующее положение в Эгейском море. Он блокировал Дарданеллы, совершал диверсии на турецком побережье, уничтожал транспорты на морских сообщениях Турции. Более масштабная цель — подъем восстания среди христианского населения Морей — не удалась. Это произошло во многом из-за недостаточного знания в Петербурге местных условий.

---

[288] Op. cit. С. 226–228.

Оказалось — у повстанцев нет оружия, отсутствуют дисциплина, твердость, боевой опыт, сплоченность и т. д. Русские же десанты не имели достаточно сил для выполнения такой задачи. Первоначальные цели экспедиции — создание независимых христианских государств на Балканском полуострове и прорыв флота к Константинополю — тоже достигнуты не были. Однако Османская империя полностью лишилась контроля над Эгейским морем в ходе боевых действий и ее флот не мог действовать активно в течение всей войны. Блокада Дарданелл сильно подорвала экономические возможности Османской империи, и население Стамбула испытывало трудности в снабжении в течение всей войны. Активные действия русского флота на берегах Эгейского моря отвлекали значительные силы турецкой армии и вынуждали ее снимать часть войск с главного Дунайского театра военных действий. Действия отдельных групп кораблей русского архипелагского флота в Египте, Ливане и по берегам Эгейского моря пробудили сильные национальные чувства в народах окраин Османской империи, что в дальнейшем сильно способствовало их дальнейшему национальному возрождению.

Зачем же понадобилось так подробно останавливаться на этой славной странице из русской истории при повествовании о графе Сен-Жермене? Английская исследовательница Джин Овертон Фуллер выдвинула очень интересное предположение о том, почему граф получил патент русского генерала. Она предположила, что граф Сен-Жермен участвовал в сражении при Чесме, находясь вместе с Алексеем Орловым на флагманском корабле «Св. Евстафий», который в ходе сражения загорелся и взорвался. Этим, по ее мнению, и объясняется засвидетельствованное бароном Гляйхеном дружеское расположение и уважение, выказанное «гордым и наглым» Орловым графу Сен-Жермену — своему боевому соратнику. Впрочем, Овертон Фуллер зашла в своих предположениях еще дальше, утверждая, что в планах Екатерины Великой в турецкой кампании Сен-Жермену отводилась некая особая политическая роль, связанная с его настоящим именем и происхождением, тайна которых была ей им открыта.

Но об этом в следующей главе.

Глава 13

Мемуарист из Ансбаха и встреча с Алексеем Орловым в Нюрнберге

Пребывание Сен-Жермена документально зафиксировано в 1774 году (и несколько месяцев или даже лет до этого) в Ансбахе, или Анспахе, маленьком княжестве во Франконии, в настоящее время являющейся частью Баварии. Это свидетельство запечатлело перо Фрайхера Райнхарда Геммингена-Гуттенберга из Бонфельда, родившегося в 1739 году, который в течение трех лет служил министром при маркграфе Карле Александре фон Ансбах и Байройт. За перо он взялся поздно, и возможно, никогда бы ничего не написал вовсе, если бы не опубликованные в 1811–1812 годах воспоминания фон Гляйхена, прочитанные им, вероятно, из любопытства, поскольку фон Гляйхен был на службе у предыдущего маркграфа Байройта, который в 1769 году был объединен с Ансбахом под управлением его собственного маркграфа. Фон Гляйхен не мог ничего знать о времени пребывания Сен-Жермена в Ансбахе из первых рук, и именно неточности его воображения подтолкнули Геммингена-Гуттенберга записать в виде мемуаров все, что он, будучи непосредственным свидетелем, мог вспомнить. Его изложение производит впечатление честного рассказа, наилучшим образом соответствующего воспоминаниям и пониманию пишущего, хотя надо сказать, что местами автор несколько поверхностен. Приходится делать скидку на то, что автору трудно рассказывать о специальных предметах, в которых он не разбирается.[289]

Для удобства изложения разделим свидетельство на две части, так как затронутые в нем темы кардинально отличаются.

«Этот необыкновенный человек, который в свое время породил столько незаслуженных сенсаций, несколько лет прожил в княжестве Ансбах, и при этом никто не имел ни малейшего понятия о том, что он и был тем таинственным авантюристом, о котором люди распространяли такие необычайные истории.

В 1774 г. покойный маркграф Бранденбургский Карл Александр узнал, что в одном из городов княжества — Швабахе — жил, очень скромно и уединенно, хотя и участвуя во многих добровольных работах, какой-то иностранец, выдававший себя за российского офицера. Война, шедшая в то время между Россией и Турцией, и присутствие российского флота в архипелаге вызвали предположение, что российское правительство направило во Францию своего доверенного человека, который мог бы работать в условиях отсутствия перехвата корреспонденции, которому она подвергалась при пересечении Италии. Князь, сколь мудрый, столь и гуманный, отдал распоряжение, чтобы полиция просто держала его под пристальным наблюдением, пока он будет вести себя спокойно и не будет давать оснований для ее вмешательства.

Некоторое время спустя служитель реформистской церкви Швабаха, господин Дежан, сообщил нам, что этот иностранец, который с самого своего приезда в княжество всегда обращался за советом к нему и к покойному ныне городскому советнику Гмайнеру хотел бы, если можно, не афишируя этого, встретиться с маркграфом, чтобы поблагодарить за его либеральное покровительство. Это желание было удовлетворено, и маркграф встретился с ним впервые зимним вечером в квартире известной актрисы Клерон, тогда [удалившейся на покой] и жившей в Ансбахе.

Иностранец оказался человеком среднего роста, скорее худощавым, выглядел он лет на 60–70, его седые волосы скрывал парик, он был похож на обычного пожилого итальянца. Одет он был очень просто; внешность его не представляла ничего необычного.

---

289 Curiositaten der Physisch-1 itterarisch-artistisch- historischen Vor- und Umwelt, Hrag. Vulpius, C.A. (Weimar, 1811–1923). T. VIII. C. 279–294, «Ausschlüsse bber den Wundermann. Marquis St. Germain, und sein Aufenthalt in Anspach; von einen Augenzeugen», Reinhard von Gemmingen-Guttenberg.

После того как он на французском языке, акцент которого выдавал итальянца, поблагодарил маркграфа за позволение спокойно оставаться в его землях, иностранец произнес несколько комплиментов правлению маркграфа, рассказал о собственных многочисленных путешествиях и закончил словами, что в качестве выражения своей благодарности хотел бы доверить ему некоторые секреты, которые будут способствовать его счастью и благоденствию его княжества. Естественно, такое заявление привлекло внимание, которое достигло пика, когда он продемонстрировал несколько очень красивых камней, которые могли быть алмазами и которые, если он говорил правду, имели огромную ценность.

Маркграф пригласил его поехать вместе с ним весной в Трисдорф, его летнюю резиденцию, и граф Цароги — имя, под которым он приехал — принял его приглашение при условии, что ему позволят жить там, как ему хочется, и что при этом никто не будет обращать на него внимания.

В Трисдорфе его комната была на первом этаже, там же находилась и квартира мадемуазель Клерон. Маркграф и его жена жили в Фалъконри. Слугу графа не было, пищу, по возможности, максимально простую, он принимал в одиночестве в собственной комнате, которую вообще редко покидал. Его потребности были сведены к самому минимуму. У него не было собственного круга общения, вечера он проводил с маркграфом, мадемуазель Клерон и несколькими друзьями, которых приглашал маркграф. Его так и не смогли уговорить питаться за княжеским столом, и он встречался с супругой маркграфа лишь несколько раз, хотя она и стремилась познакомиться с этим странным человеком.

Речи его всегда были очень интересными и показывали обширные знания света и людей, но иногда он произносил таинственные слова, и когда кто-то пытался узнать больше, замолкал или менял тему разговора. Он любил говорить о своем детстве и о матери, которую всегда упоминал с большим чувством. Если верить его словам, воспитывался он как князь.

Он говорил откровенно, но никогда не был нелюбезен. Написать, как сделал барон фон Гляйхен, что он вел себя как избалованный фаворит и обращался с маркграфом как со школьником, было бы неправдой и не соответствовало бы его характеру. Маркграф, как ни мало он подчеркивал свое достоинство в кругу семьи, был князем и требовал уважения, на которое ему давали право его рождение, положение и моральные качества. Он никогда не позволил бы какому-то иностранцу отдавать себе приказы или управлять собой.

Однажды Цароги показал маркграфу письмо, полученное им от графа Алексея Орлова, возвращавшегося из Италии; оно содержало настоятельное приглашение встретиться с ним в Нюрнберге, через который лежал его обратный путь. Он предложил маркграфу использовать эту возможность, чтобы встретиться с героем Чесменской битвы. Так и было сделано, и автор сопровождал их обоих в Нюрнберг, куда Орлов к тому времени уже прибыл.

Орлов встретил с раскрытыми объятиями Цароги, который впервые надел форму российского генерала, обнял его и назвал «саго padre, саго amico» («дорогой отец», «дорогой друг»), и тому подобное. Он принял маркграфа с необычайной любезностью и поблагодарил за покровительство по отношению к его другу. Этот случай породил замечание, приписываемое бароном фон Гляйхеном графу Григорию Орлову (которого маркграф никогда не встречал), что следует предположить, что Цароги сыграл огромную роль в революции 1762 г. в России.

В полдень мы все сели за стол в качестве гостей графа Орлова. Беседа была чрезвычайно интересной и частично затрагивала военную кампанию на архипелаге, но большей частью касалась полезных открытий. Среди прочего Орлов показал маркграфу кусок негорючего дерева, который, когда к нему подносят огонь, никогда не загорается и не превращается в золу, а набухает, как губка, и затем распадается в тонкий пепел.

После того как стол был убран, Орлов отвел Цароги в соседнюю комнату, где они оставались вдвоем довольно значительное время.

Автор, которому случилось стоять у окна, за которым был виден экипаж графа Орлова, заметил, как один из слуг графа открыл дверь кареты и достал из-под сиденья красную кожаную сумку, которую отнес в комнату, где находились граф Орлов и Цароги.

Вскоре после этого мы откланялись. В экипаже на обратном пути Цароги достал из кармана венецианские цехины и машинально начал играть с ними. Имея привычку пристально за ним наблюдать, я могу с уверенностью сказать, что раньше у него денег не было.

Он передал маркграфине от имени графа Орлова красивую серебряную медаль, которая была выбита в память победы в Чесменской баталии. Когда мы вернулись, он впервые показал нам свой патент российского генерала, с большой печатью, и признался маркграфу, что имя Цароги было заимствованным, или анаграмматическим, и что на самом деле он был Ракоци, единственным представителем этого рода и прямым потомком принца-изгнанника, некогда управлявшего Зибенбюргеном времен императора Леопольда.[290]

Все это вместе только увеличило наше любопытство, которое, однако, чуть позже было удовлетворено не очень приятным образом.

В 1775 г. маркграф приехал в Италию в сопровождении автора. В Италии нам стало известно, что последний из рода Ракоци, который проживал там в течение некоторого времени, уже давно скончался, и род этот угас. В Ливорно английский консул сэр Джон Дик сказал нам, что неизвестный был не кто иной, как граф Сен-Жермен, и что именно в Италии он встретился с князем Григорием Орловым и его братом, имея к тому горячее желание.

Из другого источника, не менее достойного доверия, мы узнали, что он родился в Сан-Джермано, маленьком городке в Савое, и что его отец, по имени Ротондо, был сборщиком налогов, но обладал значительным состоянием, позволившим ему дать сыну хорошее образование, которое, однако, настроило его против работы сборщика налогов. В знак протеста он взял себе в качестве имени название города своего отца и сделал себе из него титул граф Сен-Жермен. С того времени он объехал весь мир как авантюрист, живя в Париже и Лондоне под именем Сен-Жермена, в Венеции — графа ди Белламаре, в Пизе — шевалье Шёнинга, в Милане — как шевалье Уэлдон, в Генуе — как Салтыков, и ему должно было быть около 75 лет.

Естественно, маркграфу после таких открытий пришлось выступить против человека, который мистифицировал его по поводу своего происхождения и утаил, стыдясь, многое другое. Вернувшись в 1776 г. из путешествия, маркграф возложил на автора тяжелую обязанность поехать в Швабах, где он должен был поставить этого человека перед лицом всех тех фактов, которые были ими собраны. Автор должен был сказать ему о неудовольствии князя злоупотреблением его добротой и от имени маркграфа потребовать обратно те письма, которые он время от времени ему направлял. Если письма будут возвращены, то ему разрешалось оставаться в Швабахе при условии, что все будет тихо, иначе его документы будут изъяты и он будет изгнан за границы владений маркграфа.

Прибыв в Швабах, автор нашел графа Сен-Жермена, несмотря на обычно хорошее его здоровье и всяческие его снадобья, прикованным к постели возрастом и приступом подагры.

Он выслушал все обвинения абсолютно спокойно и сказал, что иногда он действительно использовал все перечисленные имена, даже имя Салтыкова; но, сказал он, под всеми этими именами он был известен как человек чести. Если бы клеветник обвинил его в некорректных деяниях, он ответил бы немедленно, как только узнал бы, кто и в чем его обвиняет. Он ничего не боялся, потому что не было ничего, что могло бы его дискредитировать. Он заявил с непоколебимой уверенностью, что не сказал маркграфу ни малейшей неправды по поводу своего имени и открыл ему свою настоящую фамилию.

---

290 Изабель Купер-Оукли также цитировала этот источник, который она дает в сноске как Curiositäten der Literarisch-historischen Vor- und Mitwelt, pp. 285, 286. Weimar, 1818.

Доказательство его рождения было в руках человека, от которого он зависел, и это навлекло на него худшее преследование в его жизни. Это преследование и нападение на него, хотя ему и удалось спастись, помешали ему и воспрепятствовали достойному использованию его обширных знаний. Именно поэтому он искал уединенного места, где бы он мог жить неопознанным и незамеченным. Если бы никто не препятствовал продолжению его работ, то мог наступить момент, когда его труд достиг бы точки, к которой он стремился.

Когда его спросили, почему он заранее не предупредил маркграфа о том, что жил в разных городах и странах под различными именами, он ответил, что не считал это необходимым; он думал, что так как он ничего не просил у маркграфа, никого не задевал и не обижал, то судить о нем будут просто по его поведению. Он не злоупотребил доверием маркграфа и сообщил ему свое настоящее имя. Через короткое время его достижения уже не оставили бы сомнений в отношении образа его мыслей, и тогда он был бы в состоянии привести доказательства своего происхождения. Ему причинило страдание то, в каком виде его изобразили перед маркграфом. Однако теперь он хотел бы, взяв на себя обязательство жить спокойно, попытаться вновь заслужить уважение маркграфа или же покинуть его владения.

Затем он объяснил, что именно в Венеции он впервые встретил графа Орлова. Патент, который ему был вручен и который теперь он снова показал, был сделан для него графом в Пизе, на имя шевалье Уэлдона. В связи с этим он упомянул, что в 1760 г. Людовик XV доверил ему попытаться скрытно и неформально провести мирные переговоры с Англией. Его довольно близкое знакомство с маршалом Б ель-Ил ем навлекло на него ненависть герцога Шуазёля, который написал в Англию и попросил Питта арестовать его. Король Пруссии предупредил его о надвигающемся ударе и посоветовал ему никогда не возвращаться во Францию».

Эти воспоминания совпадают с тем, что написал в своих мемуарах фон Гляйхен, и с тем, что было написано королем Фридрихом II в его Oeuvres Posthumes («Посмертные произведения»), IV, с. 73, где король упоминает Сен-Жермена как человека, чья тайна никогда не была разгадана.

Он вернул все письма, полученные им от маркграфа, с очевидным сожалением, кроме одного, которое, как он сказал, он передал графу Орлову.

После этого он оставался еще некоторое время в Швабахе, затем уехал в Дрезден.

Еще один небольшой отрывок из воспоминаний Геммингена-Гуттенберга, связанный с предыдущим рассказом:

«В частности, маркиз [sic] гордился своими медицинскими знаниями, с помощью которых он достиг довольно преклонного возраста. Его рекомендации сводились в основном к строгой диете и чаю, который он называл The de Russie («Русским чаем») или Aqua Benedetta («Благословенной водой»). Маркграф получил рецепт этого снадобья от вышеупомянутого английского консула в Ливорно. Российский флот взял с собой этот чай в Архипелагскую кампанию для защиты людей от солнечного удара.

Какие ресурсы имел Сен-Жермен для поддержания потребностей своего существования — это загадка, которую трудно разгадать. Автор предполагает, что он владел искусством удалять из алмазов дефекты, уменьшавшие их ценность. Это просто догадка.

Было бы неблагодарным назвать его обманщиком. Для такого обвинения необходимо доказательство, а его нет. Все время, пока он жил у маркграфа, он ничего не просил, ничего не получал, даже малоценного, и не участвовал ни в чем неприличном. Вследствие очень простого образа жизни потребности его практически сводились к нулю. Если у него были деньги, он делился ими с бедняками.

Неизвестно, чтобы он оставил хоть какие-нибудь долги. Автор узнал, что в последний период своего пребывания в Швабахе барон фон Л. жаловался, что стал на тысячу гульденов беднее из-за того, что вложил их в его проекты в надежде получить немалую прибыль. Однако не было предъявлено никакого обвинения, и это не было связано ни с обманом, ни с жульничеством.

Остается тайной, как этот авантюрист смог находить средства поддерживать свою жизнь в высшем обществе Лондона и Парижа.

Маркграф обнаружил портрет, изображающий его в более молодом возрасте, у мадам д'Юрфе или Рошфуко, и привез с собой его копию, которая и сегодня находится в Трисдорфе, там, где раньше была комната Сен-Жермена».

Далее Джин Овертон Фуллер весьма тщательно рассматривает это ценное свидетельство, отмечает неточности и очевидные ошибки автора мемуаров, естественные при записи по памяти событий через сорок с лишним лет и недостаточном знании предмета, и дает собственные комментарии или толкования к рассказу, которые весьма любопытны:

«Автор производит впечатление честного человека, пытающегося как можно точнее описать события. Он немного поверхностен, и делает одну или две очевидных ошибки в своем пересказе того, что ему было сказано Сен-Жерменом, например, по поводу его проблем в Гааге. Не Питту, а д'Аффри написал Шуазёль, требуя его ареста, а побег его организовал Бентинк, хотя именно министр короля Фридриха, Книпхаузен, впоследствии избавил его от заточения в Лондоне. Но пусть читатель попытается сам пересказать историю, рассказанную ему сорок шесть лет назад; без заметок, подпитывающих его память, он наверняка сделает несколько ошибок. Свидетельство замечательно своей непредубежденностью и дает информацию огромной ценности, даже если нам приходится со всей тщательностью ее анализировать.

Именно в этом свидетельстве мы впервые встречаемся с идентификацией Сен-Жермена как Ракоци, более того, цитируются его собственные слова, в чем у нас нет причин сомневаться».

Итак, самое главное: граф Сен-Жермен — это вымышленное имя, одно из многих инкогнито, скрывавших подлинное имя принявшего его — князь Ракоци. Фамилия прозвучала. Уточнять личное имя пока рано, поскольку для этого нужно очень далеко углубиться в историю и фамильную генеалогию семьи Ракоци. В свое время и в своем месте это будет сделано. Пока же следует ограничиться тем, что «иностранец», назвавшийся графом Цароги, сообщил маркграфу Ансбаха и Байройта и Геммингену-Гуттенбергу, и запомнить это, потому что позднее граф Сен-Жермен еще несколько раз раскроет свое инкогнито при разных обстоятельствах и разным людям.

Фуллер продолжает:

«Но — будем подходить аккуратно — конечно, то, что было сказано маркграфу и Геммингену-Гуттенбергу в Неаполе, было правдой. Сен-Жермен не мог быть ни Иосифом, ни Георгом Ракоци, которые умерли соответственно в 1738 и 1756 гг. Маркграф и Геммингер-Гутгенберг могли бы, однако, учитывать, что существовали и другие возможности принадлежать к семье Ракоци.

То, о чем Сен-Жермен говорит, как о худшем преследовании в своей жизни, должно было означать преследование со стороны Шуазёля, в результате которого он был вынужден отказаться от имени Сен-Жермена. Но когда Геммингер-Гуттенберг цитирует его слова «доказательство его происхождения находились в руках человека, от которого он зависел, и это навлекло на него худшее в его жизни преследование», надо задать вопрос, правильно ли он это понял. Трудно представить, как доказательство происхождения Сен-Жермена могло находиться в руках Шуазёля, или же — если представить, что Шуазёлю, благодаря его австрийским связям, его показал император, императрица или Кауниц — как оно могло попасть в их руки. Совершенно очевидно, что Сен-Жермен не был в зависимости ни от кого из этих людей. Геммингер-Гуттенберг знал Сен-Жермена как бедного человека. Очевидно, что богатства его лишила авантюра в Брюсселе и Турне — не дошедшая, в отличие от других, до ушей Геммингер-Гуттенберга и маркграфа. Его богатство было в драгоценностях, а драгоценности хранились в банке госпожи Неттин, который, после того как Сен-Жермен был отстранен отдел в Турне, задержал их. Объединение Кобенцля, семейства Неттин и Кауница — это было для него уже слишком. Его обманом лишили всего, чем он владел. Геммингер-Гуттенбергу он об этом не рассказал.

Геммингeн-Гуттенберг, неправильно понимая рассказанное, видя в нем человека без средств и слыша слова «зависимость», объединил это с рассказом о его происхождении и вообразил, что обстоятельства его рождения сделали его зависимым в финансовом плане. Возможно, однако, что в определенном смысле Сен-Жермен действительно от кого-то зависел, но в чем и от кого — Геммингeн-Гуттенберг совершенно не догадывался.

Чтобы перейти к этому вопросу, мы должны вернуться к тем отрывкам из его свидетельства, которые относятся к Орлову и российскому флоту.

Мы видели, как Сен-Жермен подтвердил Геммингену-Гуттенбергу, что он впервые встретил Алексея Орлова в Италии, а вовсе не во время своего пребывания в России. Это, очевидно, лишает ценности идею фон Гляйхена о том, что Орлов приветствовал его в Нюрнберге якобы в память о том, какую роль он сыграл в революции, вознесшей на трон Екатерину. Более того, переворот, организованный братьями Орловыми, был делом всего одной ночи, и трудно было бы представить себе, какую роль в нем мог бы сыграть Сен-Жермен, да еще такую, для которой ему надо было бы надеть форму российского генерала. Есть и более важный момент. Форменная одежда не выпускается, подобно медалям, в память прошлых заслуг, но выдается для облегчения неких будущих действий. Сен-Жермен говорит нам, что именно в Пизе он получил свой патент. Это означает — зимой 1769–1770 годов, когда русский флот вошел в Ливорно на своем пути в Турцию (но не на обратном пути, так как флот получил от него рецепт чая против солнечного удара в турецких водах). Здесь мы должны отметить ошибку во времени в повествовании Геммингена-Гуттенберга. Орлов вернулся в Санкт-Петербург в марте 1771 года. Когда Геммингeн-Гуттенберг приехал вместе с Сен-Жерменом и маркграфом Александром в Нюрнберг для встречи с Орловым, это должно было произойти, когда он ехал из России за границу с совершенно другой миссией. Екатерина получила известие, что в Италии два поляка представляли какую-то девушку в качестве незаконной дочери императрицы Елизаветы. Это могло означать только одно — они готовили ее стать претенденткой на трон Екатерины, и тогда она послала Орлова привезти девушку из Италии (что он и сделал, завлек ее на борт корабля в Ливорно; однако это произошло уже после обеда в Нюрнберге).

Но состояла ли именно в этом та услуга, которую Сен-Жермен мог оказать Екатерине, для которой ему необходим был патент и форма русского генерала, переданные ему при встрече с Орловым в Пизе, когда как русский флот зашел в Ливорно на пути в Турцию? Необходимо ли ему было влиться в среду русских офицеров, причем в ранге, дающем ему определенную власть? Однако чин в армии, даже самый высокий, не давал ему власти над офицерами флота. На борту корабля даже генерал — только пассажир. Собирался ли он присоединиться к флоту? Вышел ли он в плавание с Орловым в сторону Архипелага под именем генерала Салтыкова?[291] Предполагалось, что в случае победы в первом сражении против турок (как и произошло при Чесме), они должны были следовать далее через Дарданеллы до Константинополя и выйти в Черное море. Элфинстон, должно быть, действительно настаивал на том, чтобы сделать это до того, как турки успеют восстановить свои силы, но Орлов, менее опытный или менее решительный, чем британец, слишком долго проболтался без дела в Эгейском море, и к моменту, когда они попытались пройти через Дарданеллы, французские инженеры сделали это невозможным.

---

[291] Я попыталась это проверить. Я написала прежде всего в Королевский музей Военно-морского флота в Гринвиче, но у них не было имен русских офицеров, и они посоветовали мне запросить русских. Я написала в посольство СССР, и они дали мне адрес музея Морского флота в Ленинграде, предложив написать прямо туда. Я сделала это, спросив, был ли в составе флота под командованием Орлова генерал Солтыков (Soltikov), Уэлдон или кто-либо другой, кто не был похож на русского офицера на регулярной службе. Ответа я не получила.

Если бы они вышли в Черное море и высадились в тех частях турецких владений в Европе, которые были известны как Валахия и Молдавия (части современной Румынии), а затем, возможно, соединились с сухопутными силами, подошедшими с Юга России, то они могли бы пойти прямо на Трансильванию.

Более того, это понимали и в Вене. На встрече между императором Иосифом II, сменившим на троне своего отца, и королем Пруссии Фридрихом II, которая состоялась 3–7 сентября 1770 года в Нойштадте, Кауниц, говоря от имени императора, сказал, что Австрия никогда не позволит России взять Молдавию и Валахию, так как оттуда они могли бы угрожать Венгрии.

Но могли ли императорские войска воспрепятствовать этому? В Эгейском море российско-британские силы рассчитывали, и справедливо, на восстание греков, с целью использовать стечение обстоятельств и освободиться от ненавистного турецкого правления. Возможно, точно так же и в Валахии, и в Молдавии они нашли бы европейцев, жаждущих, чтобы их освободили от турецкого правления европейцы. Но в Трансильвании Сен-Жермен мог бы объявить о своем настоящем имени и представиться сыном Ференца Ракоци, и тогда здесь, как и в Венгрии, все население начало бы отовсюду собираться вокруг этого человека в форме генерала русской армии, приветствуя его воинов, принесших им освобождение от гнета Австрии. Можно было ожидать, что его будут приветствовать как князя Трансильвании — преемника своего отца, было возможно даже его провозглашение королем Венгрии.

Таков, я полагаю, был замысел. Без предлога Екатерина не могла вторгнуться в эти земли. Однако, если бы она могла объяснить, что она возвращала их дому Ракоци, тогда ее моральная позиция была бы значительно прочнее. Потеснив и Турцию, и Австрию, и приобретая в этом регионе друга, который был бы обязан ей реставрацией своей династии, она была бы не узурпатором, а освободителем. Но чтобы план мог удаться, она должна была располагать доказательством происхождения Сен-Жермена, которое она могла бы предъявить главам иностранных государств: монархам, их министрам и юристам.

Наверное, именно поэтому Сен-Жермен сказал Геммингену-Гуттенбергу, что он не мог показать ему этого доказательства, так как оно было в руках человека, от которого он зависел. Вероятно, он передал бумаги Екатерине во время своего пребывания в России, в ожидании того дня, когда такая согласованная инициатива могла стать исполнимой. Если он употребил слово «зависимый», это должно было быть в особом смысле, который Геммингген-Гуттенберг, не знакомый с планом, не мог себе даже представить: в смысле, в котором можно сказать о союзнике или конфедерате: «Я не хочу идти с ней не в ногу. Мой ритм должен зависеть от ее ритма». Он также зависел от нее в смысле предоставления флота и войск, если бы ситуация показалась, по ее мнению, благоприятной для еще одной попытки.

Когда он сказал, что может наступить день, когда он прямо сможет открыть свое имя и имя своих предков, он, должно быть, вовсе не имел в виду день, когда химические эксперименты достигнут определенной точки. Здесь Геммингген-Гуттенберг определенно смешал две различные вещи, о которых говорил Сен-Жермен. Еще мог наступить день, когда, если ему не помешают продолжать его химические опыты, они привели бы к получению продуктов того качества, которое он пытался достичь; и если политическая ситуация будет развиваться соответствующим образом, любопытство маркграфа и Геммингена-Гуттенберга по поводу его настоящего имени и происхождения могло быть удовлетворено его формальным провозглашением в качестве князя Трансильвании Ракоци.

Можно заметить, что имя Цароги (Tsarogy), действительно, является анаграммой для Ракоци, — в обычном немецком написании этой фамилии Ragotsy».

Несомненно, эти гипотезы весьма оригинальны и эксцентричны, как и все, что исходило из-под пера Джин Овертон Фуллер. Но не выдерживают критики. Почему? Рассмотрим по порядку.

1. Как уже было убедительно показано на основе писем Екатерины Великой, записок княгини Дашковой и сведений из русской историографии, граф Сен-Жермен не мог быть Мишелем Одаром, уроженцем Пьемонта, бывшим в России во времена восхождения Екатерины на русский трон в 1762 году и действительно, вопреки утверждениям умалявшей его роль Дашковой, сыгравшим определенную роль в этих событиях, поскольку, как было сказано выше, в 1764 году Одар оставил Россию и умер в Ницце около 1773 года.

2. Если Сен-Жермен — об этом позже — был, как предполагает Фуллер, внебрачным сыном Ференца II Ракоци и сводным братом его двух законных сыновей Иосифа и Георга, то вряд ли существовали документы, подтверждающие его происхождение. Граф Сен-Жермен пробыл в России в 1762 году от трех до пяти месяцев, мог быть близко знаком с великой княгиней Екатериной и принимать определенное участие в подготовке переворота, но это только догадки и гипотезы, не имеющие никаких документальных подтверждений. Конечно, он мог оказаться в России и позже, когда зимой 1765 года его «подвез» в своей карете Давид Хоц, и возобновить знакомство с Екатериной, тогда уже императрицей, и раскрыть ей тайну своего происхождения и даже представить какие-то имеющиеся у него доказательства. Но это опять же не имеет никаких подтверждений и не отражено нигде, кроме воображения авторов исторических романов.

3. Судя по хронологии изложения, в 1774 году маркграф Шваба-ха и Байройта узнал, что «граф Цароги» уже некоторое время жил в Швабахе, с весны 1774 года по приглашению маркграфа проживал в его летней резиденции в Трисдорфе, а в 1775 году маркграф отправился в путешествие в Италию, где узнал неприятные сплетни о том, что Сен-Жермен якобы сын сборщика налогов Ротондо из Сан-Джермано, и вернулся из этого путешествия в 1776 году. Следовательно, встреча Сен-Жермена, маркграфа и Геммингена-Гуттенберга с Алексеем Орловым в Нюрнберге должна была состояться в конце 1774-го или в начале 1775 года. Однако вопреки утверждениям Фуллер Геммингер-Гуттенберг не ошибается относительно направления поездки Орлова, ошибается она сама, поскольку недостаточно хорошо знакома с одной из самых романических страниц русской истории. Из биографии Орлова известно, что с марта 1773 года он безотлучно находился при русском флоте, базировавшемся в Ливорно, и покинул этот город 26 февраля 1775 года, действительно в связи с обстоятельствами «захвата» самозванки «княжны Таракановой», которую обманом заманил на флагманский корабль 5-й эскадры под командованием Самуила Грейга «Исидор». Корабль с пленницей отправился вокруг Европы в Петербург, где несчастная была заключена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, но несмотря на допросы и оказанное на нее давление, так и не раскрыла тайны своего происхождения и умерла в заточении 4 декабря 1775 года от чахотки. Алексей Орлов, выполнив повеление Екатерины о поимке «всклепавшей на себя имя» самозваной дочери покойной императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского и претендовавшей на российский престол «княжны Елизаветы Владимирской», спешно выехал из Италии сухим путем, не дожидаясь разрешения императрицы, то есть поехал через европейские государства и мог следовать проездом через Нюрнберг в Санкт-Петербург. Значит, встреча с Цароги в Нюрнберге могла состояться в марте-апреле 1775 года. По преданию, в конце июля 1775 года Орлов навестил арестантку в Петропавловской крепости и в том же году был отправлен императрицей в отставку. Писатель Г.П. Данилевский в своем романе «Княжна Тараканова» утверждал, что умерла она от родовой горячки, произведя на свет сына от Алексея Орлова. По другим легендам, княжна Тараканова погибла при наводнении 1777 года, затопившем Алексеевский равелин — эту легенду запечатлел на своем полотне художник К.Д. Флавицкий.

По некоторым сведениям, дочь Елизаветы Петровны и Разумовского, Августа Тараканова, воспитывалась за границей как племянница Разумовского — дочь его старшей сестры Веры, по мужу Дараган, а затем после неудачных притязаний на престол была перевезена из Петропавловской крепости в московский Иваново-Предтеченский женский монастырь и насильно пострижена в монахини под именем инокини Досифеи; умерла в 1810 году.

4. Жестокость, с которой расправилась с претенденткой Екатерина, имела серьезную политическую подоплеку, о которой императрица знала из донесений из Рагузской республики, где некоторое время проживала самозванка. Идея заявить притязания «Елизаветы» на российский престол действительно исходила от поляков, примкнувших к противостоявшей планам Екатерины и короля Станислава Понятовского Барской конфедерации: князя Карла Станислава Радзивилла, великого гетмана литовского, и польского посланника при версальском дворе Михаила Казимира Огинского, впоследствии преемника Радзивилла в качестве великого гетмана литовского. Радзивилл рассчитывал привлечь к своим замыслам Францию и Турцию. Согласно плану Радзивилла «Елизавете» следовало отправиться в Константинополь, где вокруг нее должен был сформироваться добровольческий польско-французский корпус, готовый начать военные действия против России. В дальнейшем во главе этого корпуса ей следовало обратиться с воззванием к действующей российской армии и склонить ее на свою сторону. В обмен на помощь, она обязывалась восстановить польское королевство в границах, которые то имело во времена саксонской династии и, свергнув с престола Станислава Понятовского, утвердить в качестве польского короля приверженца конфедерации. Не напоминают ли эти авантюрные планы те политические виды, которые, по мнению Фуллер, Екатерина могла иметь на князя Ракоци? Впрочем, в окружении «Ее Высочества принцессы Владимирской» были и другие польские шляхтичи: Михаил Доманский, Чарномский, иезуит Ганецкий.

5. Княжество Трансильвания окончательно лишилось независимости в 1711 году после закрепившего поражения восстания Ракоци Сатмарского мира и стало частью Австрийской империи Габсбургов. В этом государстве, хранившем традиции выборности правителей, титул владетельного князя не был наследственным. Князей избирало дворянское Законодательное собрание и утверждала Османская Порта, от которой Трансильвания находилась в некоторой вассальной зависимости. На княжеский трон последовательно избирались пять представителей фамилии Ракоци, но уже в 1738 году потерпел поражение план султана восстановить княжество Трансильванию, на чей трон он намеревался посадить старшего сына последнего трансильванского князя Ференца II Ракоци Иосифа Ракоци, которому дал княжеский титул. Население не поддержало повстанцев, несмотря на магию имени Ракоци, на которую так рассчитывал султан в своей борьбе с австрийской империей. Нечего и говорить о том, что спустя 60 лет со времени поражения восстания Ференца II Ракоци надежд на это имя не осталось никаких: ни политико-экономическая ситуация, ни социально-этнический состав Трансильвании, куда Габсбурги массово переселяли швабов, саксонцев, славян и румын, не позволяли на это надеяться. Кроме того, завоевание Трансильвании и Венгрии в планы Российской империи не входило, ее врагом в этой войне была Турция, а не Австрия, с которой были союзнические отношения.

6. Дунайские княжества Валахия и Молдавия к Трансильвании отношения не имели, и там ставка на имя Ракоци была бы бесполезной. В Русско-турецкой войне Екатерине Второй не нужно было особого повода, чтобы направить туда армию Румянцева. По итогам кампании 1770 года территория дунайских княжеств и так находилась целиком под контролем русской армии, а с подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 году Российская империя приобрела право покровительствовать православному населению обоих дунайских княжеств — как Молдавского, так и Валахии.

7. Думается, что предоставлением русскому флоту рецепта чая графом Сен-Жерменом его участие в Архипелагской экспедиции исчерпывалось. Представляется весьма сомнительным его участие в Чесменской баталии или попытке прохода русской эскадры через Дарданеллы к Константинополю. Конечно, иностранные высокородные князья могли получать высокие генеральские чины на русской службе, но, как оговаривается сама Фуллер, граф Сен-Жермен не был морским офицером и в морском сражении его участие как-то нелогично. Еще менее вероятно, что Сен-Жермен мог как-то помогать Орлову завлечь «княжну Владимирскую» на русский корабль, способствуя выполнению плана Екатерины, хотя и не исключено, что пути графа и перемещавшейся по всей Европе самозваной «княжны» могли пересекаться и в 1770–1774 годах они где-то встречались, например, в Киле, Берлине, Генте, Париже, Франкфурте, Лимбурге, Оберштейне, Франконии, Цвейбрюккене, Зусмаргаузене, Аугсбурге, наконец, в Венеции, Неаполе, Риме или где-то еще в Италии.

8. Что же касается «генерала Салтыкова», то патент русского генерала, полученный Сен-Жерменом в Пизе от Орлова — что вполне вероятно, учитывая, что Орлов почти все время находился в Ливорно и часто приезжал в Пизу, другой крупный город Тосканского княжества, был выдан на имя Уэлдона, а не Салтыкова. Зато в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов (а ранее в Семилетней войне, так же как и Алексей Орлов) отличился граф Иван Петрович Салтыков (28 июня 1730–14 ноября 1805), который к началу войны имел чин генерал-поручика, а в 1773 году получил чин генерал-аншефа. Правда, командовал он кавалерией, а в день Чесменского сражения участвовал в сухопутной битве при Ларге. Позднее, при Павле Первом, стал генерал-фельдмаршалом и первым московским военным губернатором. Не с ним ли смешивают графа Сен-Жермена?

Но довольно о войнах и политике. Удалившись от суеты большой политики и закулисных интриг, Сен-Жермен желал жить уединенно никем не узнанным и спрятался в тихом Ансбахе, чтобы предаться научным занятиям, от которых его оторвал неожиданный приезд Орлова в Нюрнберг. Вторая часть выдержек из воспоминаний Геммингена-Гуттенберга, помещенная в следующей главе, расскажет об опытах графа Цароги.

Глава 14

Химик-экспериментатор

Из обширного свидетельства Геммингена-Гуттенберга граф Сен-Жермен предстает прежде всего, как исследователь, увлеченный своими опытами:

«Трудно сказать, каким занятиям этот необыкновенный человек посвящал свое время. У него не было с собой книг, кроме потрепанного экземпляра книги «Пастор Фидо».[292] Он, вероятно, редко позволял кому-нибудь входить в его комнату, но когда это случаюсь, то посетитель обычно видел, что голова его была обернута черной тканью. Его излюбленным занятием было приготовление разнообразных красителей. Окна его комнаты, выходившие в сад, были так забрызганы краской, что через них ничего не было видно. Вскоре после своего приезда в Трисдорф он попросил разрешения маркграфа на применение своих красителей в изготовлении изделий. Среди них фигурировали красивейшие кожи марокканского, испанского и русского типов, которые получали из кож очень плохого качества, красивая турецкая пряжа и т. д.

Маркграф приказал автору этих заметок записать формулы, и затем были проведены опыты, при которых, по его требованию, соблюдалась максимальная секретность. Работа выполнялась в специально оборудованной лаборатории, за закрытыми дверями.

Даже по истечении многих лет автор все еще живо помнит атмосферу азартного возбуждения, в которой проходили эксперименты, и как часто он и маркграф от всего сердца смеялись, когда смотрели на себя и своих верных помощников, вымазанных дубильными веществами и красками. Они стремились исследовать все, что только было возможно, и использовать это во благо. Однако после проведения тщательных проверок надежда исчезла. Красивая испанская кожа вырабатывалась с малыми усилиями и минимальной затратами. Автор этих заметок с легким сердцем дал для обработки свои собственные ботинки, безукоризненного качества, и через 24 часа они развалились на части. Турецкая пряжа и другие изделия выдержали эксперименты не лучше ботинок. Цароги приписал это нехватке нужных ингредиентов. Он сказал, что мог бы взять дело в свои руки, и целые недели проводил, переезжая из Трисдорфа в Швабах и обратно. Будучи в Швабахе, он часто писал маркграфу и автору, посылая им новые образцы подготовленных кож, окрашенных шелков и материй, и у автора до сих пор хранится целая коробка таких образцов. По большей части они были помечены собственной рукой Цароги, как, например, для кожи:

«Абсолютно неизвестный сорт кожи; поддается разрезанию, стоимость отмечена».

«Очень дешевая кожа; сама по себе, если над ней не провести никакой работы, развалится на куски; после обработки далее ухудшаться не будет».

Об образцах окрашенной материи: «Все эти куски могут быть сделаны более красивыми, более тонкими и прочными. Я думаю, без ограничений. Чтобы убедиться в этом, нужно только сравнить черный с тем, который я послал в прошлое воскресенье. Разницу можно заметить сразу. Можно достичь большего».

О другом образце: «Этот бесценный черный был получен без купороса, чернильных орешков или кипячения. Он не будет выцветать, поскольку был получен из тончайшего русского синего. Не имеющий себе подобных желтый был введен в кристально прозрачную, кристально чистую воду».

Он надеялся, что его попытки приведут к открытию чего-то полезного и дотоле не известного».

После рассказа о встрече с Орловым, который следует далее в этом месте воспоминаний, Геммингер-Гуттенберг добавляет еще несколько размышлений, касающихся научных увлечений графа:

---

[292] Pastor Fido [Faithful Shepherd], Giovanni Battista Guarini, 1585; пьеса-пастораль в стихах.

«Я не могу свидетельствовать, что он был великим химиком. Можно было видеть, как его препараты не удавались, а его исследования касались только мелочей; начиная с обработки и изготовления кожи и кончая едкими и вызывающими коррозию веществами, такими как купоросный спирт, купоросное масло и т. п. Это дает пример общего направления, описывать подробно которое было бы утомительно. Находясь в Швабахе, он не сделал ни одного изделия. Большие камни, которые произвели впечатление на фон Гляйхена, были очень красивы, и находясь среди подлинных камней, они могли бы, возможно, обмануть глаз эксперта; но эти камни не были драгоценными. Они не выдержали бы шлифовки и не имели веса подлинных камней. Сам Сен-Жермен представлял их только как бриллианты. У автора до сих пор есть один такой камень и кусок вещества, из которого они изготовлялись. Этот аналог, который Сен-Жермен считал важным изобретением или технологическим достижением, вскоре потерял свой блеск и стал таким же темным, как латунь худшего качества. Фабрика этого металла, организованная в Л., скоро разорилась.

Среди доказательств своих тайных знаний он показывал большой карманный нож, у которого половина была из мягкого свинца, а другая — из упругого, твердого железа. Он предлагал его в качестве доказательства того, что железо могло быть сделано мягким и вязким, как свинец, не теряя присущих ему других свойств. Это открытие действительно могло бы быть полезным, однако его не смогли убедить поставить эксперимент в достаточно большом объеме.

Его химические знания, по всей видимости, были эмпирическими. Городской адвокат Гмайнер из Швабаха, ныне уже покойный, — человек обширных знаний, особенно в технических вопросах, — уверял, что из бесед с ним он вынес уверенность, что Сен-Жермен не имел ни малейших теоретических знаний в этой области».

Как пишет в своих пояснениях к этим воспоминаниям Джин Овертон Фуллер, в свидетельстве Геммингена-Гуттенберга есть первое описание домашней жизни Сен-Жермена из всех, которые есть. По мнению исследовательницы, причина, почему граф Цароги отклонил приглашение присоединиться к семейным трапезам за княжеским столом, скорее всего состояла в том, что он был вегетарианцем. Княжеский стол должен был изобиловать мясными блюдами, и если бы Сен-Жермен не ел вместе с гостями основные блюда, то хозяева были бы обеспокоены, боясь, что ему будет недостаточно еды, и так как, без сомнения, для него приготовлялось бы что-то специально, он не хотел причинять такие затруднения. Кроме того, за столом мясоедов вегетарианцу приходилось бы все время быть начеку, так как в случае, если на кухне было мясо, ему могли бездумно дать что-нибудь не явно мясное, в виде подливки, сала, жира или даже капель жира при жарке. Он чувствовал бы себя более спокойно, приготовляя сам свои овощи и злаки в своей комнате. Возможно, там была установлена небольшая плита, на которой он мог готовить себе еду; и ему не приходилось переодеваться к обеду. Причиной того, что он обматывал голову черной материей, когда работал или просто сидел в комнате, могло быть желание укрыть волосы от попадания краски или даже просто чувствительность его головы к холоду.

«Pastor Fido» («Верный пастор»), единственная книга, которую у него видели, представляла собой длинную итальянскую поэму, написанную Джованни Батиста Гуарини, одним из малозначительных итальянских поэтов, которого даже не всегда можно найти в антологиях итальянской поэзии. Если у Сен-Жермена был оригинальный экземпляр книги «Pastor Fido», то он был опубликован в 1585 году. Содержание книги может показаться не имеющим отношения к исследованиям Сен-Жермена или его внутренней жизни, эта книга скорее относится к вещам, которые человек, не связанный с литературой, приобретает по случаю. Очевидно, что он не стремился производить впечатление литературно образованного человека. Его эрудиция относилась к тому типу, который не требовал доказательств. То, что он, видимо, не имел никаких технических книг, соответствует духу его экспериментов, которые были столь оригинальны, что у него не было причин консультироваться с тем, что написали другие.

Когда Геммингeн-Гуттенберг говорит, что изделия не изготовлялись в больших количествах, он мог иметь в виду различие, которое Кауниц проводил между частным экспериментом и коммерческой эксплуатацией. На самом деле никто и не ожидает от химика-исследователя, чтобы он изготовлял достаточно образцов, чтобы посылать их в магазины на продажу. Это должны делать люди другого типа. С точки зрения истории науки, если однажды вещь была сделана, то тем самым заканчивается состояние невозможности ее сделать. Единственное изделие, изготовленное Сен-Жерменом — нож, полностью гнувшийся, как будто весь целиком состоявший из свинца, хотя одна его половина была из железа, — было окончанием невозможности иметь вязкое железо.

Даже неудачи представляли собой интерес. Те ботинки Геммингена-Гуттенберга, которые были хорошими, но развалились после обработки средством для улучшения кожи, приготовленным Сен-Жерменом, по крайней мере продемонстрировали его власть над кожей. Более того, этот случай интересен тем, что показывает, что это средство, возможно, сработало по типу гомеопатических лекарств, которые имеют тенденцию вызывать в здоровых людях те болезни, от которых они лечат. Средство Сен-Жермена предназначалось для кож, которые распадались; примененное для полноценной кожи в нормальном состоянии, оно вызвало ее разложение.

Было ли это формой металлической воды, которая, в случае если кожа оставалась в ней дольше, чем было нужно для окраски в черный цвет, вызывала ее сжатие при одновременном истончении, как это доказал Кобенцль?

Из письма Кобенцля известно, что Сен-Жермен красил в черный кожу (и предположительно, другие вещи, окраской которых он занимался) путем погружения в жидкость (разведенную обычной водой), в которую было помещено железо, напоминавшее золото; это было, должно быть, одно из его соединений, имевшее золотистый оттенок. Черный цвет Сен-Жермена получали без купороса или чернильных орешков потому, что для его изготовления требовалось использование металлической воды. Погруженный в водный раствор соляной кислоты, ферроцианид калия — это соединение железа с химической формулой K4[Fe(CN)6*3H20] известно также под названиями гексацианоферриат калия, железисто-синеродистый калий или желтая кровяная соль — давал синий; фактически это было действие реактива, что было подтверждено в заявлении Сен-Жермена о том, что он получил черный из синего.

Что долго меня озадачивало, пишет Джин Овертон Фуллер, так это описание того синего, из которого был сделан черный, как «русской лазури». Имелась ли в виду «прусская лазурь»?[293] Это озадачившее Фуллер выражение «русский синий», или «русская лазурь», очень легко вытекает из определения ферроцианида калия на русском языке «железисто-синеродистый» калий, так как побочный выпадающий в осадок продукт разложения этого соединения, так называемая «берлинская лазурь», имеет синий цвет; походя следует заметить, что это вещество в наше время активно используется в виноделии для очищения и осветления белых сухих вин; интересно, что по-венгерски этот заимствованный из немецкого термин буквально переводится как «очищение синим».

В конце концов писательница разрешила для себя это недоразумение, придя к выводу, что граф, должно быть, взял название «русская лазурь» по слуху, не расслышав «прусская» лазурь» или, немного поразмыслив, — что это сделал Геммингeн-Гуттенберг. Поскольку, продолжает она, собственных записей Сен-Жермена по его краскам нет, а есть только воспоминания Геммингена-Гуттенберга о них, записанные много лет спустя. Геммингeн-Гутенберг не был художником, и был, возможно, под влиянием не только фонетики, но и «русского чая», формы русского генерала и русского флота, которые были связаны с Сен-Жерменом.

---

[293] В обиходе русских живописцев чаще называется «берлинской лазурью».

Таким образом, Сен-Жермен сделал свой черный из «прусской лазури». Обычный черный делали из кампешевого дерева — дополнительного красителя, который давал различные цвета в зависимости от использованной протравы. В те времена было известно три типа красителей: кубовые красители, то, что на жаргоне красильщиков называлось самостоятельные красители и дополнительные красители. К кубовым красителям относились старинный тирский пурпур, краситель из каракатицы (более не используется) и индиго — из растения, произрастающего главным образом в Индии. Ни один из них не растворялся в воде, они требовали ферментации в чанах с щелочным раствором, и вообще требовали много внимания.

Немногие самостоятельные красители — это те, которые соединялись с волокнами ткани, образуя с ними нерастворимый пигмент. Значительное большинство красителей было дополнительными, они не соединялись с волокнами, если не использовалась так называемая протрава. Старинные протравы представляли собой горькие части деревьев или чернильные орешки-галлы, образующиеся на их листьях. В те времена существовала также салициловая кислота (экстракт из грушевого дерева) и «купорос».[294] Как подчеркнул Бродхерст — ученый-химик, с которым консультировалась Фуллер, термин «протрава» возник из механистической концепции, согласно которой считали, что «протрава» травит маленькие дырочки или поры в ткани, в которых окрашивающее вещество может найти точку опоры и закрепиться. Теперь считают, что она соединялась с красителем и обычно также с волокном.

Но красители Сен-Жермена не относились к этим типам. Сен-Жермен использовал химические красители до эпохи химического крашения.

Так как железо, похоже, было основным его реактивом, то очень вероятно, что, используя его в работе над красителями, он и получил деталь из вязкого железа, превращенную в нож; и если он пришел к этому только мимоходом, это могло бы объяснить, почему он не остановился, чтобы изготовлять его в коммерческих количествах.

Сплав, напоминавший золото, был, конечно, соединением железа, обработанного еще каким-то способом. А что касается того, почему тот краситель, в который вложил средства барон фон Л., потемнел, то очевидно, что это была лишь случайность. Если бы он темнел всегда, Сен-Жермен, конечно, уже давно бы обнаружил, что его внешний золотистый вид был недолговечен. Он мог быть прав, когда сказал, что его случайные неудачи были вызваны недостаточной чистотой ингредиентов или реактивов, которые он использовал. Достать их стерильными, по-видимому, было столь трудно, что практически становилось невозможным. Даже выглядящая чистой вода, полученная естественным путем, обычно не является чистой H_2O, а содержит в себе примеси, бесполезные и, возможно, даже вредные для его целей. Поэтому то, что эта конкретная неудача случилась как раз в том, в чем кто-то хотел оказать ему поддержку, было просто несчастливым стечением обстоятельств.

По-видимому, никто из тех, с кем Сен-Жермен имел деловые отношения, не делал различия между научным открытием, с одной стороны, и

достижением, и коммерческим применением — с другой. Чистый ученый интересовался только достижением знания. Что с ним делать — это он оставлял другим. То, что ферроцианид калия, соединенный с соляной кислотой и водой, сообщал погруженным в раствор объектам различные изменения цвета, было чисто научной находкой. Но для Сен-Жермена, а также, ранее, Фрэнсиса Бэкона, исследование законов природы было связано с идеей добывания гораздо больших ценностей из сокровищницы неисследованных ресурсов, находящихся вокруг нас. Для Сен-Жермена, как и для Бэкона, понимание и полезное применение нерасторжимо шли рука об руку. В результате появились связи с людьми, которые интересовались только тем, стоило ли в это вкладывать деньги. Здесь его предложения критиковались в другой плоскости.

---

[294] Этот же термин — по-латыни vitriol — использовали алхимики для обозначения некоего универсального растворителя, необходимого в процессе трансмутации металлов.

Портрет Сен-Жермена, упоминаемый Геммингеном-Гуттенбергом, действительно является единственным известным портретом. Он входил в коллекцию, оставшуюся после смерти мадам д'Юрфе, случившейся 12 ноября 1775 года. Подписи художника на нем нет. Изабель Купер-Оукли и вслед за ней Поль Шакорнак высказали догадку, что он был выполнен Пьетро Ротари, что вполне вероятно, учитывая, что во время своего пребывания в Санкт-Петербурге Сен-Жермен жил вместе с этим художником. Предположения Фуллер на тему того, как картина могла оказаться у маркизы д'Юрфе, беспочвенны, если соотнести их с биографией Ротари: «Картина, если она не куплена у художника, является его собственностью. Тогда как она попала в руки мадам д'Юрфе? Она интересовалась Сен-Жерменом, и если она прослышала о том, что с него был написан портрет, то могла послать автору письмо, спрашивая о возможности его покупки. Или, если портрет был сделан перед тем, как Сен-Жермен покинул Францию, она могла уговорить его позировать, хотя то, что портрет не подписан, дает основания предположить, что художник, закончив его, рассчитывал оставить его у себя».

Сложно предполагать, где и когда именно был создан портрет, если его автором и правда был Пьетро Ротари. Вряд ли в России в 1762 году, когда Сен-Жермен в течение короткого времени останавливался там в доме художника, своего давнего знакомого — кстати, вскоре после отъезда Сен-Жермена Ротари скоропостижно умер в Санкт-Петербурге 31 августа 1762 года. Скорее портрет мог быть нарисован в период с 1750 по 1756 год, когда Ротари работал в Вене, Мюнхене и затем в Дрездене при дворе саксонского короля. В одном из этих городов итальянский художник мог встретиться и познакомиться с графом Сен-Жерменом, который, как мы помним, с 1746 по 1758 год проживал по преимуществу в своих владениях в Германии, и написать портрет своего нового знакомого. Саксония в те времена была курфюршеством Священной Римской империи германского народа, куда входила наряду с многими другими небольшими немецкими княжествами, и вполне допустимо, что Сен-Жермен и Ротари встретились в Дрездене. Кстати, это объяснит и то замечание саксонского посла Каудербаха, оброненное в Гааге в 1760 году, что Сен-Жермен очень хорошо знал покойного короля Саксонии Августа Сильного, если он бывал в Дрездене не только во времена правления его сына короля польского и великого князя литовского Августа III Саксонца с 1734 года, немцам более известного в качестве курфюрста саксонского Фридриха Августа II с 1733 года (7 октября 1696–5 октября 1763), но и до 1733 года. Во всяком случае, в Париже Ротари не бывал, и если он написал портрет графа для себя, кто-то из знакомых художника мог увидеть портрет Сен-Жермена среди оставшихся у живописца картин и купить его, а уже от этого промежуточного владельца портрет мог перекочевать к маркизе д'Юрфе. В 1783 году Н. Тома с этого портрета выполнил гравюру. Эта гравюра предназначалась графу де Милли, близкому другу Сен-Жермена, весьма известному в то время человеку, являвшемуся к тому же кавалером Королевского военного ордена Святого Людовика и Красного Орла земли Брауншвейгской. Под гравюрой, по которой только и известен этот портрет, приведены строки:

LE COMPTE DE SAINT — GERMAIN
CELEBRE ALCHIMISTE

Ainsi que Prometrée il deroba le feu
Par qui le Monde existe, et par qui tout respire;
La Nature a sa voix obéit et se meurt:
S'il n'est pas dieu lui-meme un dieu puissant l'inspire.

Джин Овертон Фуллер дает максимально приближенный к оригиналу подстрочный перевод:

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН ЗНАМЕНИТЫЙ АЛХИМИК

Подобно Прометею, он похитил пламя,
Которым мир живет, и дышит всяк которым;
Природа голосу его послушна, и покорна:
И если он не бог, то богом вдохновлен.

Стихотворный перевод:

Он, словно Прометей, похитил пламень тот,
Которым полон мир и всякое дыханье.
Натура жизнь ему покорно отдает.
Он если сам не Бог, то Божье приказанье.

Фуллер считает, что эти строки дописал гравер, когда делал обрамление для портрета. Если бы они уже были под портретом в момент, когда его видели маркграф и Геммингген-Гуттенберг, то последний обязательно упомянул бы это в своих записках, справедливо замечает она.

Рассказ Геммингена-Гуттенберга об экспериментах Сен-Жермена в Ансбахе свидетельствует о подлинности его работ. И убедиться в этом помогают неудачи. У ученого-эмпирика, идущего путем проб и ошибок, успехи непременно сопровождаются неудачами. Шарлатанство неудачи скрывает.

Глава 15

В Саксонии

Как пишет Изабель Купер-Оукли, с 1774 по 1776 год Сен-Жермен находится в Трисдорфе, в 1776 году живет в Лейпциге, в следующем году — в Дрездене.

При рассказе о пребывании Сен-Жермена в Саксонии в эти годы мы воспользуемся прежде всего материалами, которые Поль Шакорнак изложил на основе документов из немецких архивов[295].

Когда в октябре 1776 года граф Сен-Жермен прибыл в Саксонию, он назвался Уэлдоном, что по-английски означает благодетель.[296] Об этомсогласно приведенной Изабель Купер-Оукли цитате доктор К. Вебер на страницах своей книги[297] сообщает следующее:

> «В октябре 1776 года он прибыл в Лейпциг под именем Уэлдона и предложил Городскому Совету воспользоваться многими секретами, которые удалось ему собрать во время странствий по Египту и Азии».

На имя Уэлдона был выписан для него графом Алексеем Орловым в Пизе в 1770 или 1771 году патент генерала русской армии, поэтому в Саксонии Сен-Жермен принял это имя. По этим именем он позднее вел свою переписку из Лейпцига и Дрездена.

В течение шести месяцев граф жил затворником, принимал лишь близких друзей, для которых его инкогнито не было тайной. Среди них был господин Саграмозо — посол Мальтийского ордена в Дрездене, с которым граф познакомился во время своего пребывания в Италии и с которым он вновь встретился, когда тот сопровождал саксонского министра.[298]

Другим его другом был граф Лендорф — камергер двора в Дрездене. Он приехал в Лейпциг на пасхальную ярмарку и они подолгу разговаривали. В своих дневниковых записях, названных им «Дневник моей эпохи», Лендорф затем будет долго вспоминать замечательное выражение интенсивной духовной жизни, которое можно было прочесть на лице графа Сен-Жермена, когда тот говорил. Он восхвалял добродетель, трезвость и любовь к ближнему, но к тому же настаивал на сохранении равновесия между душой и телом для того, чтобы избежать расстройства человеческого телесного механизма. Граф непременно угощал каким-то слегка слабительным порошком, с анисовым вкусом, который заваривался как чай.[299]

---

[295] Данная глава подготовлена на основе документов, хранящихся в Государственном берлинском архиве, см.: Г.Б. Вольц. Граф Сен-Жермен (на нем. яз.) Дрезден, 1923. С. 304–337.

[296] См.: Граф Лендорф. Дневник моей эпохи (на нем. яз.). Гота, 1921. Т. 1.2 мая 1777 г. Согласно принцу Гессенскому следует писать Weldon, а не Welldone. Цитир. произв. С. 136.

[297] Weber (Dr. K. von) From four Centuries, vol. I, p. 317.

[298] См.: Дю Боек принцу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г.

[299] См.: Граф Лендорф. Цитир. произв., 2 мая 1777 г. Для одних эликсир долголетия графа является смесью ароматов и золота (см.: Мишо. Т. IV в статье, посвященной Калиостро), для других чай долголетия являлся смесью сандалового дерева, александрийского листа и семян фенхеля. (См.: Юфеланд Г. В целях продления человеческой жизни. Лион, 1809. С. 17). Виконт Лаплясс («Тайна долголетия». Париж: изд-во Гийомен, 1873. С. 164) и д-р Леано («Растения, лекарства и болезни». Варни-ле-Гран, 1891) считают, что этот чай, способный лечить самые серьезные случаи запоров, состоит из 25 г цветков бузины, 5 г семян фенхеля и укропа, кремортартара и 25 г александрийского листа. Меньшиков (Исследования человеческой природы. Париж: изд-во Массон, 1903. С. 337): речь идет всего лишь о заваренном александрийском листе, действующем как

Лендорф оставил свидетельство об укладе жизни «шевалье Уэлдона» в Саксонии, где он жил он уединенно, скромно, «ел один раз в день, очень мало, пил только воду»,[300] отчего решили, что он обеднел и нуждается в деньгах. Другие утверждали однако, что «он владел большим количеством алмазов».[301]

Как только стало известно, что граф Уэлдон — это псевдоним графа Сен-Жермена, в Лейпциге и Дрездене о нем начали распространяться и недоброжелательные слухи. Поговаривали, будто он — португальский еврей и ему несколько сот лет;[302] будто он родился во Франции среди плебеев.[303] Воображение будоражило и то, что у графа было много разных имен: он выдавал себя за третьего сына князя Ракоци[304] и называл себя в различных странах то маркизом Бельмаром, то господином Кастеланом.[305] С другой стороны, «ничего предосудительного за ним не числилось».[306]

Изабель Купер-Оукли пишет, что Сен-Жермен посетил Лейпциг в 1776 году под именем шевалье Уэлдона и отнюдь не скрывал своего настоящего имени, которое на немецкий манер произносилось как принц Рагоци.

Однако эти сведения о себе граф не рассказывал всем встречным-поперечным, а сообщил только лейпцигскому камергеру дю Боску и послу Фридриха II Прусского фон Альфенслебену, и то после настойчивых расспросов последнего.

В масонских хранилищах Королевской библиотеки Вольфенбюттель (не в архивах) «масонский друг» госпожи Изабель Купер-Оукли господин Л.А. Лангфельд нашел множество интересных писем, где упоминается граф Сен-Жермен. Все они адресованы масонам, да и авторы зачастую также являются масонами. Среди них — письмо от Дю Боска, лейпцигского камергера, который 15 марта 1777 года писал Фридриху-Августу Брауншвейгскому:

«После таинственной задержки этот Сен-Жермен, известный в настоящее время под именем Велтона (Уэлдона) и уверяющий нас в том, что его настоящее имя принц Рагоци, соизволил-таки принять решение и связаться со мною».

Как пишет исследовательница в другом месте, немецкий историк Георг Хезекль[307] провел некоторые исследования по поводу родства графа Сен-Жермена с князем Ракоци, и вот что он говорит:

слабительное. Иногда в аптеках можно найти состоящий из бузины, семян укропа и фенхеля, а также кремортартара чай — или соль — Сен-Жермена.

[300] Граф Лендорф. Там же.

[301] Там же.

[302] См.: Граф Лендорф. Дневник моей эпохи (на нем. яз.). Гота, 1921. Т. I, май 1777 г.

[303] См.: Дю Боек принцу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 2 апреля 1777 г.

[304] См.: Граф Лендорф. Цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[305] См.: Фон Альфенслебен королю Фридриху II, 10 марта 1777 г.

[306] Граф Лендорф. Цитир. произв., 2 мая 1777 г.

[307] См.: Hezekiel G., Abenteuerliche Gesellen, I. 35, Berlin, 1862.

«Мы, собственно, склонны считать графа Сен-Жермена младшим сыном принца Франца-Леопольда Рагоци[308] и принцессы Шарлотты Амалии Гессен-Ванфридской. Франц-Леопольд женился в 1694 году и от этого брака имел двух сыновей; их захватили в плен австрийцы и воспитали в католической вере; в дальнейшем их принудили отказаться от ненавистного императору имени Рагоци. Старший сын, назвавшийся маркизом Сан-Карло, бежал из Вены в 1734 году В этом году, после долгих лет бесплодной борьбы, умер в Родосто на территории Турции его отец и был похоронен в Смирне. Позднее старший сын получил от Турции причитающийся его отцу пенсион[309] и стал известен под именем принца Зибенбюргена (Трансильванского). Он пошел по стопам отца, стал бороться против угнетателей, но был разбит принцем Фердинандом Лобковицем[310] и умер, забытый всеми, в Турции. Младший брат не принимал участия в борьбе старшего и находился поэтому в хороших отношениях с австрийским правительством».[311]

Это сообщение отражает исторические факты верно только в самых общих чертах и изобилует неточностями, поскольку явно базируется на официальных — весьма скудных — сведениях имперского архива Вены; подробности Георгу Хезеклю не могли быть доступны. Мы вернемся к этому чуть позже.

Сообщая о пребывании Сен-Жермена в Саксонии, Купер-Оукли опирается на свидетельство того же Георга Хезекля:

«Камергер граф Марколини прибыл из Дрездена в Лейпциг и от имени двора сделал графу определенные весьма заманчивые предложения. Господин Сен-Жермен отказался принять их. Однако, появившись в 1777 году в Дрездене, он неоднократно общался с прусским послом фон Альфенслебеном».[312]

Граф Марколини[313] — министр при курфюрсте саксонском Фридрихе-Августе II специально приехал из Дрездена и появился у графа для того, чтобы предложить ему открыть саксонскому государству, за вознаграждение, все свои «секреты». Это свидетельство подтверждает и биограф графа Марколини, господин о'Бирн, тщательно и воедино собравший все касающиеся предмета его исследования сведения, взятые из тайных архивов саксонского двора, в которых он получил разрешение работать.

---

308 И. Купер-Оукли приводит немецкий вариант этого имени (Franz-Leopold Ragotzy Fürst Siebenbürgen); по-венгерски читается: Ференц Ракоци, князь Трансильвании (Räkéczi Ferenc erdelyi fejedelem).

309 Имеется в виду признание Турцией за старшим сыном права на престол Трансильвании.

310 Принц Фердинанд Лобковиц — австрийский государственный деятель, премьер-министр при императоре Франце I.

311 Hezekiel G., Abenteuerliche Gesellen. Berlin, I. 1862. P. 45.

312 Hezekiel G. Цитир. произв., I. P. 46.

313 Согласно биографии О'Бирна граф Камилло Марколини (род. 02.04.1739 — ум. 10.07.1814) — с 1767 года камергер, затем тайный военный советник и обер-камергер при саксонском дворе, известен также как покровитель искусств, который пополнил художественные собрания в Дрездене ценными коллекциями и создал так называемый Японский дворец, а также изящный Новый дворец в Морицбурге, был также директором-управляющим фарфоровой мануфактуры в Майсене.

Граф Марколини слыл человеком честным и прямым. Его биограф пишет:

> «Учитывая то возмущение, которое выразил граф Марколини, узнав о раскрытых мошенничествах в деле Шрёпфера, крайне удивительна та степень симпатии, с которой он относился к прибывшему в Саксонию графу Сен-Жермену. Граф Марколини немедленно отправился в Лейпциг, намереваясь встретиться с Сен-Жерменом, который, по слухам, прибыл под именем Уэлдона в октябре 1776 года… Встреча завершилась тем, что граф предложил Сен-Жермену важный пост в Дрездене, если тот согласится, конечно же, оказать государству такую услугу. «Чудо-человек», однако, отказался принять это предложение».[314]

В своем письме от 28 марта 1777 года об этом посещении Уэлдона саксонским министром графом Камилло Марколини королю Фридриху II написал посол Пруссии при саксонском дворе в Дрездене граф фон Альфенслебен. Согласно его изложению событий, на предложение раскрыть секреты за щедрое вознаграждение Уэлдон ответил графу Марколини, что «о нем неправильно думают те, кто считает, будто он стремится к таким вещам. Его единственная цель в том, чтобы осчастливить людей. Если ему это удастся, он сочтет себя полностью вознагражденным». Министра ответ удивил, однако он понял свою ошибку и не стал настаивать.[315]

К марту 1777 года графом Сен-Жерменом помимо Фридриха стали интересоваться несколько немецких князей. Эрцгерцог австрийский Максимилиан-Иосиф I написал из Мюнхена своей сестре — вдовствующей княгине Марии-Антуанетте Саксонской, предупредив ее о том, что в Лейпциге находится некий человек, «которому 200 лет и, если ему столько, а он выглядит молодым, значит это адепт».[316]

Узнав, что граф намерен на некоторое время задержаться в Саксонии, все стали наперебой приглашать его. Сначала герцог Фридрих-Август Брауншвейгский — племянник Фридриха II[317] передал ему через частное лицо в Дрездене — советника дю Боска настоятельное приглашение посетить Берлин.[318] Но граф пока не торопился принять это приглашение.

Со своей стороны Фридрих II попросил своего посла в Дрездене графа фон Альфенслебена найти информацию о причинах пребывания графа Сен-Жермена в Лейпциге и сообщить ему о том, что он узнал, ибо этот человек был ему интересен, «из любопытства, не более».[319] Выполняя просьбу, фон Альфенслебен направился к графу Сен-Жермену, вот уже пять недель проживавшему в Дрездене, и имел с ним беседу.

---

[314] O'Byt F.A. Camillo, Graf Marcolini, Eine Biografische Skizze. Dresden, 1877. (Граф Камилло Марколини в кн. «Биографический Эскиз» (на нем. яз.), Дрезден, 1877 г.).

[315] См.: Фон Альфенслебен королю Фридриху II, 28 марта 1777 г.

[316] К. де Вебер. Четыре столетия. Цитир. произв. Лейпциг, 1857. Т. I. С. 318. См.: Г.В. Вольц. Цитир. произв. С. 323.

[317] Фридрих-Август Брауншвейгский, сын герцога Карла, генерал-лейтенанта прусской армии.

[318] См.: Дю Боек герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 15 марта 1777 г.

[319] См.:Король Прусский Фридрих II фон Альфенслебену, 29 марта 1777 г.

Предваряя события, король уже в написанном на следующий день письме сообщил своей племяннице княгине Вильгемине Оранской — жене голландского штатгальтера Вильгельма V о ближайшем приезде в Берлин «того, о котором рассказывают чудесные вещи» — так Фридрих охарактеризовал графа в своем ответном письме фон Альфенслебену.[320]

Больше всего подробностей о Сен-Жермене приводит фон Альфенслебен в пространном письме королю Фридриху от 25 июня 1777 года. В этом послании автор тоже описывает его как человека в возрасте около семидесяти лет, много путешествовавшего по Европе, берегам Африки и Малой Азии. Мы приведем это письмо в частичном изложении, так как у нас имеется в распоряжении только его пересказ исследовательницей Джин Овертон Фуллер. Как она пишет, письмо Альфенслебена несколько туманное, но содержит интересные детали:[321]

«Он говорит, что он — принц Рагоци и, в доказательство особого ко мне доверия, добавляет, что у него есть два брата, которые опустились до того, что покорились своей несчастливой судьбе, и что в какой-то момент он взял имя и титул Сен-Жермена, что означает «святой брат Он говорит, что в течение восьми лет оплачивал за свой счет проживание в Индии и Китае одного француза, по имени Буасси, чтобы тот высылал необходимые ему материалы и информацию. Он издевается над докторами и лекарствами, хотя и сам раздает порошок, про который рассказывает чудеса, и поэтому пахнет как ходячая аптечная лавка».

По словам фон Альфенслебена, граф Уэлдон рассказал, что, будучи в России, передал царице Екатерине, к которой он испытывал особую симпатию, секреты некоторых химических технологий.[322] Эти технологии могли послужить основой для торговли и союза между Саксонией и Россией, что было нужно им обеим, так же как и союз Пруссии с этими двумя странами. Все три государства должны были взаимодействовать, а уже существующий между Пруссией и Россией союз — укрепляться. Он собирался поехать в Пруссию для объяснения своих идей. Он высказал уважение к манере правления короля Фридриха, короля Сардинии, маркграфа Бадена и императора.

Этот момент в письме фон Альфенслебена Джин Овертон Фуллер сопроводила таким комментарием: может, Альфенслебен что-то неправильно понял? Король Сардинии, Виктор Амадей III, выразил свое желание помочь изгнать австрийцев из Италии, если обстоятельства будут благоприятными и если Мария-Терезия и была более добросердечным человеком, чем ее предшественники, то агрессивные тенденции ее сына, Иосифа II, были столь сильны, что оживили подозрения Сен-Жермена о расширении власти Габсбургов в Европе. Мог ли Альфенслебен, не понимая точки зрения Сен-Жермена, перепутать эти четыре имени? Более вероятно, что четвертым был маркграф Ансбахский.

---

320 См.:Король Прусский Фридрих II фон Альфенслебену, 30 марта 1777 г.

321 См.: Merseburg, Zentrales Staatsarchiv, von Alvensleben, Akte Rep. 96, Nr., 65D, ff. 116r — 120r, 122r, 124r.

322 Мы вновь натыкаемся на исходящее теперь уже из другого источника утверждение о том, что Сен-Жермен был коротко знаком с императрицей российской Екатериной Великой. Возможно, поэтому — как об этом будет сказано в конце главы — познакомившись с совершавшим заграничный вояж русским сатириком Фонвизиным, Сен-Жермен упомянул о проектах для блага России, из того же рода, которые Екатериной ранее благосклонно принимались; Фонвизину же этот факт не мог быть известен, отсюда и его холодно-вежливый отказ передать предложения графа и совет отнестить к российскому представителю в Дрездене.

Фуллер продолжает:

Альфенслебен задавал Сен-Жермену вопросы, которыми пытался поймать его в ловушку, такие как, например: почему, если он обладал эликсиром, позволявшим ему жить противоестественно долго, он до сих пор откладывал возможность сделать все человечество счастливым благодаря его секретам? Вопрос был некорректным, так как Сен-Жермен никогда не утверждал, что владел таким эликсиром; во всяком случае, он продолжал ставить свои опыты, поэтому предлагаемое им в данный момент должно было превосходить то, что он мог предложить ранее. Альфенслебен продолжает:

> «Я сказал, что секреты, о которых он заявлял, могли заставить меня поверить в то, что люди говорят о его огромном возрасте, однако что-то, сказанное им в этот момент, по поводу удовольствия, с которым он читал Свифта, заставило меня усомниться в этом, если только он действительно не знал старые времена вплоть до отдельных деталей. Он ответил, что он знал их по очень подробным рассказам тех, кто жил в эти времена».

Фуллер сразу узнала литературные аллюзии в словах Сен-Жермена. Эта литературная ссылка, пишет она — на роман Джонатана Свифта «Путешествие Гулливера». Среди странных людей, которых посетил Гулливер, были струльдбруги — раса отвратительных стариков, наделенная бессмертием, но от этого не ставшая счастливее. Альфенслебен либо не читал Свифта, либо не понял тонкий намек графа. Фуллер расшифровывает эти слова графа: это звучит так, как если бы Сен-Жермен ответил, что если Альфенслебен предполагал, будто долгожительство было синонимом блаженства, то ему надо читать Свифта.

Вероятно, под влиянием известий о приезде министра Марколини к Сен-Жермену по Лейпцигу еще в марте 1777 года распространился слух о том, будто графу предложили пост министра финансов, от которого он отказался. Слух был настолько упорным, что его повторяли даже спустя несколько месяцев. Граф Уэлдон должен был специально опровергнуть эти домыслы. Фон Альфенслебен тоже затронул эту тему, спросив, не хотел ли он, как думали некоторые, получить пост генерального контролера или министра финансов в правительстве короля Фридриха? В ответ на настойчивые расспросы фон Альфенслебена Уэлдон засмеялся и сказал, что не отказывался, потому что ему ничего и не предлагали, и что для этой работы им был нужен человек с такой головой, как у него, но так как он был князем, то не мог быть на службе у другого монарха: «будучи князем, он далек от мысли, чтобы принять место, занимаемое ничтожными людьми».[323]

В письме к Фридриху фон Альфенслебен написал также, что в какой-то момент, говоря о своем могуществе над силами природы, граф Уэлдон среди прочего с пафосом воскликнул: «Держу природу в своих руках и, также как Бог создал мир, я могу извлечь из небытия все, что хочу».[324]

Джин Овертон Фуллер считает, что это звучит немного преувеличенно, непохоже на Сен-Жермена. По ее мнению, он мог говорить с живостью, но никогда не утверждал, что творил из ничего, а только улучшал творения природы.

Сен-Жермен сказал, пишет далее фон Альфенслебен, что его исследования должны были стоить ему миллионы и, смеясь, добавил, что впервые разработал он их не вчера. Несмотря на это предлагал он их королю Фридриху бесплатно. Поскольку в его распоряжении находились такие сокровища, финансовая компенсация для него не имела никакого значения.

---

[323] См.:Фон Альфенслебен королю Фридриху II 25 июня 1777 г.

[324] См.:Фон Альфенслебен королю Прусскому Фридриху II 29 марта 1777 г.

Исследовательница восстанавливает предполагаемый ход размышлений фон Альфенслебена: так как Сен-Жермен сказал, что денег он не хочет, значит, он должен хотеть чего-то другого. Но он сказал, что не хотел даже и этого другого. Он не хотел ничего. Это обеспокоило фон Альфенслебена, весь опыт его жизни не сталкивал его с людьми, способными отдать что-либо бесплатно.

Удивление последнего еще больше возросло, когда граф Сен-Жермен передал ему для Фридриха II список своих секретных способов изготовления красителей и образцы. Список, под названием «Новая физика применительно к некоторым новым и важным промышленным товарам», состоит из 29 пунктов:

Как придать всяким кожам доселе неизвестную крепость, красоту, долговечность, и особенно улучшить бараньи кожи.

Как улучшить шерсть так, чтобы она стала более крепкой, тонкой, качественной и т. п.

Как полностью отбеливать хлопок, лен, коноплю и ткани, изготовленные из них, лучше, чем это позволяют гарлемский или голландский способы отбеливания, не повреждая при этом ткани и за короткий срок.

Как отстирать шелк так, чтобы итальянский шелк, самый лучший в мире, стал более блестящим и крепким.

Как улучшить кожу ангорских коз так, чтобы изготовить из них отличный камлот, который не рвется, как прежде, а кожа становится мягкая как шелк.

Как полностью и надолго отбеливать холст и всякие хлопковые ткани.

Как красить кожу в синий, зеленый, настоящий пурпурно-красный, настоящий фиолетовый и серый цвета очень красиво и качественно.

Как изготовить непортящиеся краски для рисования желтым, красным, синим, зеленым, пурпурным, фиолетовым цветами очень красиво и качественно.

Как изготовить белила непревзойденного качества. Во все времена искали такую краску; она остается всегда белой, смешивается со всеми другими красками, украшает и защищает. Короче, эта краска — настоящее чудо.

Как красить кожу в черный цвет с помощью очень чистого и красивого красителя, изготовленного на основе русского синего цвета без каких-либо добавлений. Получается неподражаемая, несравненная и качественная черная кожа.

Как изготовить конопляный холст ни с чем не сравнимого, чистого желтого цвета различных оттенков и степеней блеска, который стирается водой с мылом и не линяет.

Как изготовить смешанную ткань из хлопка с шерстью, отличного желтого цвета различных оттенков, легко стираемую и не линяющую.

Как изготовить серый холст, стираемый мыльной водой и не линяющий.

Как изготовить смешанную серую ткань из хлопка и шерсти, стираемую мыльной водой и не линяющую.

Как изготовить холст и ткань изо льна или конопли настоящего пурпурного, фиолетового или красного цветов. Все цвета стираются и совершенно не линяют.

Как изготовить очень красивые и долговечные шелковые ткани.

Как изготовить холст, покрашенный в совершенно новые и красивые цвета, в том числе различные оттенки серого, которые не линяют ни от кислоты, ни от воздуха, ни от воды с мылом.

Как изготовить серебряные плетеные ленты, на треть дешевле и намного белее, и долговечнее самых красивых лионских лент.

Как изготовить без золота и серебра золотую или серебряную краску очень экономично и так, что любой хороший химик удивится. Способ позволяет достигнуть большой экономии при изготовлении различных недолговечных украшений.

Как изготовить совершенно новый металл с удивительными особенностями.

Как изготовить различные ценные предметы, очень экономично, какими бы удивительными и невероятными эти способы ни казались.

Как окрашивать в самые различные тончайшие оттенки бумагу, перья, слоновую кость, дерево.

Хорошие химические способы изготовить хорошее вино.

Как изготовить ликер Россли, ликер из косточек и т. п. хорошего качества и дешево.

Как изготовить различные полезные вещи, о которых я умолчу.[325]

Как защитить себя от всяких болезней и прочих неприятностей.

Настоящие слабительные средства, отчищающие организм только от вредных веществ.

Настоящие, безопасные и благотворные косметические средства.

Сверхочищенное оливковое масло, изготовляемое в Германии за 12 часов.

Оставляю на потом то, что касается сельского хозяйства. Л.П.Т.С. де Уэлдон.

По различным причинам здесь нельзя упомянуть об одном дополнительном способе.

Осуществление этого промышленного плана может оказаться в высшей мере полезным для экономики страны и приведет к нерушимому единству между различными великими странами, де Уэлдон».

Помимо данного списка, граф обещал вручить фон Альфенслебену письмо, но «опасаясь, что придется слишком углубиться в детали», он просто вручил следующую просьбу об аудиенции: «Сир, говорить о себе иначе, чем с фактами в руках, не подобает, когда имеешь счастье обращаться к такому великому Королю. Поэтому пусть Ваше Величество вышлет мне свои приказания, коими он осчастливит покорнейшего, вернейшего и скромнейшего слугу Вашего Величества Уэлдона».[326]

30 июня 1777 года Фридрих II ответил фон Альфенслебену, что он не собирается отвечать графу Сен-Жермену, но разрешает передать ему, что тот может приехать в Потсдам. Король передал список графа своему брату, принцу Генриху Прусскому, который написал следующее:

> «Благодарю тебя, дорогой брат, за присланную памятку о чудесах, которые Сен-Жермен хочет осуществить. Он многое обещает, но многое и умеет. У него, наверное, глубокое образование, и он всегда слыл удивительным человеком. Возможно, он владеет некоторыми тайными способами использования и улучшения отдельных веществ. Эксперимент с двумя-тремя предметами не разорит нас, а может принести большую прибыль, конечно же, не сокровища Креза или Монтесумы, но необязательно сравниваться с ними, чтобы быть богатым. Богатство меряется нашими собственными потребностями. Кто удовлетворяет их, не теряет ни радость, ни душевный покой, более того, он их увеличивает, если сумеет облегчить судьбу несчастных и нуждающихся».[327]

Нам неизвестно, последовал ли король Прусский бескорыстным советам своего брата, об этом архив умалчивает. По крайней мере, не жажда прибыли толкнула графа Сен-Жермена передать свой список Фридриху II; по этому поводу он сказал фон Альфенслебену: «Поскольку я владею большими богатствами, никакой правитель не сможет меня облагодетельствовать. Поскольку я сам — князь, он не сможет заметно улучшить мою судьбу».

---

325 «Тайные способы, о которых он хочет умолчать, касаются превращения полудрагоценных камней в драгоценные», фон Альфенслебен королю Прусскому Фридриху II, 25 июня 1777 г.

326 См.: Фон Альфенслебен королю Прусскому Фридриху II, 25 июня 1777 г.

327 См.:Принц Генрих Гессенский королю Фридриху II, 15 июля 1777 г.

Так как граф Сен-Жермен не ответил на приглашение Фридриха-Августа Брауншвейгского, последний направил к нему посланца в лице своего личного советника, господина дю Боска — торговца шелками в Дрездене. Тот не знал, что граф «способен прочесть на лице человека, может ли собеседник понять его или нет. В последнем случае он избегал новой встречи с этим человеком».[328]

Именно это и случилось, когда дю Боек предстал перед графом Сен-Жерменом. Тайный советник рассчитывал, что граф станет показывать ему различные документы, коими «адепты» любят размахивать, либо проделывать опыты по трансмутации. Граф всего лишь раскрыл «философский портрет» посетителя. Последний, страшно удивившись, возненавидел графа и, желая принизить его в глазах своего хозяина, представил его Фридриху-Августу таким образом: «Я увидел в нем лишь остроумного, начитанного, много видевшего и испытавшего человека, имеющего разрозненные познания в области химии, но не ставшего настоящим исследователем, короче, человека без системы. Я понял, что он ничуть не теософ, он не различает Бесконечное во всех его деталях, анализ Создания не дал ему правильного мнения о Причине создания Дю Боек сумел убедить некоего Фрелиха, проживающего в Горлице, и оба придумывают в своих докладах Фридриху-Августу Брауншвейгскому совершенно невероятные истории. Фрелих убедил князя не встречаться с графом, заметив, что тот «не масон, не маг, ничего в масонстве не смыслит»[329]». Как известно, герцог Брауншвейгский был председателем ложи «Три глобуса Вселенной» в Берлине и проповедником в ложах чина Строгого Наблюдения.

Что касается дю Боска, он познакомил князя с информацией о том, что русский офицер Давид ван Хоц[330] якобы встретил графа «с трудом — из-за ранения в ноге — шагающего по дороге в Россию. Граф едва передвигался, и офицер якобы взял его в свою карету, привез в Москву, где у графа была фабрика, которая не хотела функционировать».[331] Дю Боек настаивал на этой информации, утверждая, что граф работал над изготовлением красителей для ткацкой фабрики в Москве.[332] Затем он стал утверждать, будто камни, которыми он обладал, происходили из рудника, открытого им в России, правом выработки которого он владел единолично, а в алмазах совершенно не разбирался.[333] Наконец дю Боек пустил слух о том, что разоренный граф попытался выпросить у него самого крупную сумму денег.[334]

---

328 Граф Лендорф. Цитир. произв., 2 мая 1777 г.

329 См.: Фрелих князю Фридриху-Августу 25 марта и 7 мая 1777 г.

330 Давид ван Хоц (согласно Хефферу) или Иоганн Конрад Хоц (согласно Мишо) родился в Риштенвеле недалеко от Цюриха, в 1739 или 1740 году, отец его был крестьянином и практикующим врачом. Хоц обучался в Цюрихской гимназии, стал военным, поступил на службу в Вюртемберг в 1758 году и прослужил до 1765 года, стал капитаном кавалерии. Он не мог оказаться в России в 1762 году. В Петербург он приехал лишь в 1765 году. Служил он то в России, то в Австрии. Там он стал маршалом под именем Фридрих Хоц. Погиб в битве при Цюрихе в 1799 году. От себя добавим: была ли на самом деле эта встреча Хоца с Сен-Жерменом, можно судить по правдивости всех остальных утверждений дю Боска относительно подробностей жизни Сен-Жермена, его занятий и манеры поведения.

331 См. Дю Боек князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 2 апреля 1777 г

332 См.: Дю Боек князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г. Ср. с указаниями, данными г-жой Уной Бирш.

333 См.: Дю Боек князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 12 апреля 1777 г.

334 См.: Дю Боек князю Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 15 марта 1777 г.

У графа Сен-Жермена нашлись в Дрездене два друга, готовых защитить его перед герцогом Брауншвейгским. Одним из них был государственный советник — барон Вурмб, другим — камергер герцога Курляндского, барон Бишофвердер.

Бишофвердер[335] написал герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому следующее: «Удивлен, узнав, что брат дю Боек не согласился дать денег взаймы графу Сен-Жермену. Брат не может не знать, что, если граф часто занимал деньги, он всегда возвращал крупные суммы, и нет никакой опасности в том, чтобы с ним познакомиться».[336] Затем с согласия герцога Курляндского[337] Бишофвердер уехал в Лейпциг на встречу с графом Сен-Жерменом.[338]

Именно в это время граф написал герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому следующее письмо, датированное 8 мая 1777 года:

> *«Монсиньор, позвольте мне открыть Вам свое сердце. Оно изранено с тех пор, как господин советник дю Боек использовал средства, которые весьма мне неприятны, с целью убедить меня в истинности распоряжений, полученных от Вас, о которых он сообщает мне в своем письме, и которые, смею Вас уверить, не имеют и не должны иметь ко мне никакого отношения. Барон Вурмб вместе с бароном Бишофвердером могут засвидетельствовать честность и правомочность сделанного мною шага, давно назревшая необходимость которого, конечно же, ни в коем случае не умаляет моего к Вам уважения и преданности. Щекотливость создавшегося положения с самого начала обязала меня скрывать свои мотивы.*
>
> *Я тороплюсь исполнить возложенные на меня в этих краях обязанности, очень важные и не терпящие отлагательства, чтобы, завершив свои дела, немедленно приехать к Вам, лучшему из принцев, встречи с которым я давно и с нетерпением жду. Поскольку я уже имел честь быть представленным Вам, монсеньор, смею надеяться на то, что в силу своей проницательности Вы сумеете распознать во мне Вашего пылкого сторонника и простить меня за неотложные дела.*
>
> ***Остаюсь, обязанный Вам, Ваш покорный слуга Уэлдон» .[339]***

Цели и намерения Сен-Жермена, инкогнито которого уже ни для кого не было тайной, пытался выяснить саксонский государственный советник Вурмб, масон и розенкрейцер, который писал о своей поездке в Лейпциг в письме герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому от 19 мая 1777 года из Дрездена:

«За те две недели, что провел в Лейпциге, я пытался выяснить намерения знаменитого Сен-Жермена, который в настоящее время скрывается под именем графа Велдона, и кроме того, именно благодаря моей просьбе он находится здесь и согласен даже немного повременить с отъездом. Я увидел очень бодрого для своего возраста мужчину шестидесяти или семидесяти лет.

---

335 Иоганн-Рудольф, барон Бишофвердер, саксонский поданный, служил сначала при герцоге Курляндском, затем перешел в Пруссию и стал одним из любимцев короля Фридриха-Вильгельма II. Умер в Маркатсе около Берлина в 1803 году.

336 См.: Бишофвердер королю Фридриху-Августу, 25 марта 1777 г.

337 Христиан-Иосиф-Карл, сын короля Польши и курфюрста саксонского Фридриха-Августа II, родился в 1733 году и умер в 1796 году.

338 См.: Герцог Карл Курляндский герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, 22 апреля 1777 г.

339 См.: Купер-Оукли И. Цитир. произв. С. 128–129.

Он смеется над теми, кто приписывает ему невероятный возраст. Благодаря режиму и лекарствам, которыми он пользуется, он, возможно, проживет еще долго. И все же выглядит он не долгожителем. Нельзя отказать ему в глубоких знаниях. Я буду работать с ним над некоторыми красителями, над обработкой шерсти и хлопка, чтобы проверить, можно ли из этого извлечь пользу для наших мануфактур.

После того как я вошел к нему в доверие, я заговорил о масонстве. Без рвения, как будто не придавая этому большого значения, он признался в том, что достиг четвертой ступени,[340] но знаков не помнит. По этой причине я не смог углубиться в эту тему, поскольку, казалось, он ничего не знал о системе Строгого Наблюдения[341]».

Это замечание Вурмба совсем несправедливо, так как из переписки графа с церемонийместером Веймара графом Герцем явствует, что не кто иной, как Сен-Жермен, разрабатывал систему «Строгого чина» — посвящения ордена франкмасонов в аристократическом духе для брата ландграфа Карла Гессенского, который стал масоном в 1774 году. Но это произойдет позже.

Поскольку граф Сен-Жермен проявил интерес к делу Шрёпфера, той самой, что вызвала такое возмущение у графа Марколини и настроила жителей Дрездена против Сен-Жермена, увидевших в нем новоявленного Шрёпфера, Вурмб, сыгравший в этой трагической истории одну из главных ролей, рассказал графу то, что знал.

Шрёпфер,[342] официант в некоем постоялом дворе в Лейпциге, женился лет в 40. На приданое жены в 1772 году он открыл кабак на Клостергассе в том же городе. Когда его приняли в масонскую ложу, он заявил, что «не масон тот, кто магии не практикует».[343] В связи с этим кому-то вздумалось распространить слух о том, что он обладает способностью «укрощать духов»[344] и устроил в бильярдной своего кабака академию магии, или фантасмагории, как говорили тогда.

Саксонцы тут же стали видеть в нем «нового Аполлония Тианского»[345] и толпой ринулись в кабак Шрёпфера присутствовать на его опытах. «Он вызывал духов, которые не только показывались, но и даже заговаривали с присутствующими».[346] Говорят, что однажды в Берлине началась паника от того, что его духи стали предсказывать смерть известных людей и, к слову сказать, во многих случаях предсказания сбылись.[347]

Ложа, членом которой он являлся, запретила ему его фокусы, но он проигнорировал запрет, утверждая, что герцог Курляндский разрешил ему делать все, что захочет. Герцог рассердился и велел дать Шрёпферу палок. Самозваный колдун не притих, наоборот, он стал еще наглее в своем волшебном искусстве.

---

340 Четвертая ступень чина «Строгого Послушания» соответствует Шотландскому Мастеру.

341 Вурмб герцогу Фридриху-Августу, 19 мая 1777 г.

342 Иоганн-Георг Шрёпфер, родился в 1730 году, умер 8 октября 1774 года.

343 Мунье Ж.Ж. О влиянии философов на французскую революцию. Тюбинген, 1801. С. 149.

344 Ф. Бюло. Цитир. произв. С. 363.

345 Граф Ламберг. Лодка. Вена, 1782. С. 100.

346 Ле Куте де Кантеле. Секты и тайные общества. Париж: изд-во Дидье, 1863. С. 151.

347 Ле Куте де Кантеле. Цитир. произв. С. 151.

Ненадолго уехав из Лейпцига, он вернулся к Пасхе 1774 года под именем «барона Штейнбаха, полковника на службе Франции. Он возобновил вызывания духов; говорят, что при этом он проявлял определенный режиссерский талант»[348]

Даже знатные люди стремились познакомиться с ним. Среди них были три человека, которые фигурируют в рассказе о Сен-Жермене как его знакомые: дю Боек, Вурмб и Бишофвердер.[349] Господина дю Боска Шрёпфер убедил, что великие мастера французских и немецких лож: герцог Шартрский[350] (которому-де он был обязан своим чином полковника французской армии) и герцог Брауншвейгский[351] — поручили ему осуществить соединение масонства с распущенным Папой римским Обществом Иисуса, часть богатств которого он хранил. Эти богатства, в размере нескольких миллионов, лежали в банке во Франкфурте у братьев Бетманнов и должны были быть использованы на поощрение тех, кто готов помочь ему в работе.[352]

Дю Боек и Вурмб дали Шрёпферу большие денежные суммы, на расходы и содержание. Он приехал в Дрезден, снял комнату в гостинице «Полонь» и стал жить на широкую ногу.

Однако французский резидент в Дрездене Марбуа нарушил его спокойствие. «Он попросил колдуна показать ему диплом полковника на французской службе, угрожая публично обозвать самозванцем и потребовать его ареста».[353] Весь Дрезден заволновался.

Спас положение герцог Курляндский, показавшись публично разгуливающим со Шрепфером. Последний вернулся в Лейпциг. Тут случилась новая заминка. Дю Боек и Вурмб потребовали, чтобы он показал им сокровища иезуитов. На назначенную встречу Шрёпфер не пришел, а в присланном банком братьев Бетманнов пакете ничего, кроме «белой бумаги и документов, относящихся к отсутствующим другим бумагам»,[354] не было. Господа дю Боек и Вурмб побоялись стать посмешищем и промолчали. Дело, тем не менее, шло к своей развязке.

7 октября 1774 года Шрёпфер собрал за ужином нескольких из своих последних друзей, среди них был Бишофвердер, и сказал им: «Сегодня ночью мы спать не ляжем. Завтра утром, на заре, я покажу вам нечто экстраординарное». Около пяти часов утра он позвал их, сказав: «Господа, пора идти». Они направились в парк Розенталь, находящийся у ворот Лейпцига.[355]

---

348 Бюло Ф. Цитир. произв. С. 366. Согласно Мунье (цитир. произв. С. 149), звали его «графом Штейнвилем», а по Ламот-Лангону (цитир. произв. С. 191), «выдает себя за незаконнорожденного сына князя Конти».

349 В книге Ламот-Лангона (цитир. произв. С. 191–195), дю Боек стал господином де Роза, фон Вурмб — де Вармом, а Бишофвердер — Бизенопсвердером.

350 Луи-Филипп Эгалитэ, герцог Шартрский, затем герцог Орлеанский, умер 6 ноября 1793 года. В 1771 году он был избран Великим Магистром всех масонских лож Франции (Великий Восток), а в 1772 году — Великим Магистром шотландских лож (советы и капитулы).

351 Карл Брауншвейгский, умер в 1780 году, был избран на съезде в Кохло Великим магистром ложи «Строгое послушание».

352 См.: Бюло Ф. Цитир. произв. С. 367–368.

353 Там же. С. 372.

354 Бюло Ф. Цитир. произв. С. 372.

355 Там же. С. 373.

По дороге он показал им пистолет. «Я заказал его специально по образцу Комуса,[356] он послужит моей славе. Я покажу вам, что я не ярмарочный фокусник».[357] Каждому он указал, где ему стоять, удалился в сторону куста и сказал: «Посмотрите, вы сейчас увидите странное явление». Спутники открыли широко глаза и уши, чтобы ничего не пропустить из обещанного чуда. Они услышали выстрел, но ничего не увидели… Воцарилась тишина. Шрёпфер застрелился.[358]

Трагический инцидент стоил личному советнику дю Боску от 4 до 5000 талеров. Становится понятно, почему он не захотел дать денег графу Сен-Жермену, решив, что тот — новоявленный Шрёпфер.[359]

Рассказав графу эту историю, Вурмб ушел, и об их дальнейших встречах ничего не известно. Что касается Бишофвердера, которому посчастливилось узнать от графа несколько химических секретов,[360] он с радостью сообщил герцогу Фридриху-Августу Брауншвейгскому, что «судя по опытам, эти способы дают удивительные результаты».[361]

Король Фридрих ответил Альфенслебену письмом от 30 июня, в котором разрешил ему сказать Сен-Жермену, что тот имел полную свободу приехать в Берлин, и одновременно просил предупредить его, что если его предложения нельзя будет продемонстрировать на практике, то они будут встречены скептически, и поэтому он мог потерять время, которое лучше было бы использовать в другом месте. Неясно, знал ли Фридрих о том, что его племянник, с которым он делил свой дворец, настойчиво приглашал Сен-Жермена. В тот же день он написал своей племяннице Вильгемине, что ему «грозил» приезд Сен-Жермена, алхимические рецепты, секретные снадобья и формулы философского камня. Эти объекты в собственном списке Сен-Жермена не упомянуты.

---

[356] Никола-Филипп Ледрю, известный под имени Комус (1731–1807), был не только ловким фокусником, но и ученым физиком.

[357] Граф Ламберг. Лодка. С. 101.

[358] См.: Бюло Ф. Цитир. произв. С. 373–374. Почти аналогичная история случилась в Вене. В ней участвовали: герцог Ришелье, сын великого канцлера, аббат Синзиндорф и капитан императорского алебардного полка граф Вестерлоо. Некий шарлатан убедил этих трех вельмож, что он сможет с помощью дьявола достать для каждого из них то, что им больше всего хочется. Решили вызывать духов в Венском карьере. Направились туда ночью. Было лето, и вызывания длились так долго, что день уже занимался, когда пришедшие рабочие услышали ужасные крики, они увидели собравшихся и человека, одетого в армянское платье, утопающего в собственной крови и издающего последний вздох. Это и был горе-колдун, которого господа отдали на заклание. Дюкло. Тайные Воспоминания. Т. II. С. 269.

[359] Автор этой странной идеи не кто иной, как граф Мирабо, написавший в кн. «О Прусской монархии при Фридрихе Великом». Лондон, 1788. Т. V. С. 69: «После Шрёпфера пришел Сен-Жермен». Идею подхватил Ле Куте де Кантеле (цитир. произв. С. 151), сказавший: «Именно Шрёпфер научил графа Сен-Жермена».

Ст. Рене де Талландье покончил с этим утверждением словами: «Данное сравнение — неверно, ибо если первый только и думал о том, как бы заработать на суеверии своих современников, второй не отказывался предоставить для блага человечества свои познания в химии, минералогии, медицине, и в этом большая разница между другом князя Гессенского и самоубийцей из Лейпцига». См.: Немецкий князь XVIII века // Ревю де Монд. 1866. Январь — февраль.

[360] См.:Бишофвердер князю Фридриху-Августу, 9 июля 1777 г.

[361] См.: Бишофвердер князю Фридриху-Августу, 16 сентября 1777 г. Согласно Хеферу (т. VI), «Бишофвердер имел какое-то универсальное лекарство, которым пользовался, но похоже, что оно не продлило бесконечно длительность его карьеры».

В течение июля граф Сен-Жермен уехал из Саксонии и приехал в Берлин.[362] Это произошло после 9 июля, поскольку 2 июля король Фридрих написал письмо своему брату, принцу Генриху, сообщая ему, что приезжает Сен-Жермен, и еще одно письмо, 9 июля, о том, что Сен-Жермен пока еще не приехал. Просматривая список изобретений и технологий, присланный Сен-Жерменом, он увидел, что изготовление золота в него не входило. Очевидно, Сен-Жермен предложил возможность его получения только через развитие земледелия и торговли. Он не считал, что такими путями они достигнут богатства Креза или Монтесумы, однако мир в душе стоит всех сокровищ Перу. Фридрих послал список Сен-Жермена своему брату.

Принц Генрих был самым известным среди братьев короля Фридриха. Некоторые считали его более способным, чем был Фридрих. Говорили, что Фридриха раздражали очевидные достоинства Генриха: но в этом обмене письмами они общаются довольно дружественно. Хотя письмо короля было полушутливым, возможно, он хотел получить совет своего брата, и он его получил: принц Генрих ответил[363] из Райнсберга 15 июля 1777 года, сообщая, что Сен-Жермен многое обещает, но и многое знает. Он проводил далеко идущие исследования, получившие очень высокую оценку. Он мог на самом деле обладать секретом улучшения материалов. Испытание двух-трех его изделий не будет стоить дорого и может принести значительную выгоду.

Тем временем продолжалась и масонская переписка. Бишофвердер написал герцогу Фридриху-Августу:[364]

> «Эльстерверда, 19 июля 1777 г.
>
> Граф Уэлдон определенно не является одним из наших. Если он владеет настоящими секретами, то я обладаю большим. Против всех законов вероятности:
>
> 1) что все это существует;
>
> 2) что я должен быть выбран депозитарием[365] такого множества чудных Тайн;
>
> 3) что я должен буду принять их без малейших условий.
>
> Однако я отложу решение на срок 15 дней, до тех пор пока никаких сомнений в данном деле более не останется. Только Вашему Высочеству я делаю это признание, и только Вам я хочу сказать, что я об этом думаю. Возможно, это будет испытание нового вида? Мне кажется шокирующим с точки зрения морали и приличий [дословно «щекотливым»], что нечто столь драгоценное будет передано мне непосвященным, атеистом».

---

362 Как пишет Шакорнак, нашлись историки, которые утверждали, будто генерал-лейтенант Клод-Луи Сен-Жермен «сыграл на руку Пруссии при Росбахе». Неудивительно, что нашлись другие, готовые сказать, что граф Сен-Жермен послужил Пруссии в ущерб Франции. Так, например, для Ленотра он является шпионом прусского короля. См.: Пруссаки вчера и всегда. Париж: Перрэн, 1917. С. 133–157. Для Жанны Мура и Поля Лувэ он посланник оккультной власти, защищающей Пруссию, см.: Сен-Жермен, бессмертный Розенкрейцер. Париж: изд-во Галлимар, 1934. С. 169–221 (русский перевод Г. М. Голубенковой. Москва: Международный центр Рерихов, Благотворительный фонд имени Е. И. Рерих, 1999).

363 Оно должно находиться в Центральном архиве Мерсебурга, однако найти его там не смогли (все собрание недавно было перевезено из Берлина, что могло привести к некоторому непорядку в местонахождении документов), и я взяла его текст из Der Graf von Saint-Germain, G.B.Volz (Dresden, 1923). С. 321–322.

364 Wolfenbbttel, Herzog August Bibliothek, Cod. Guelf., 456, 1 Nov., f. 122r—122v.

365 Хранителем.

Бишофвердер употребляет слово «непосвященный» («profane» — профан), в буквальном смысле «pro fanum», «перед алтарем», — термин, используемый в старинных религиозных мистериях, чтобы отличать паству от священнослужителей, имеющих право во время церковной службы входить в священное место за алтарем — «святая святых». Этим термином называют тех, кто не посвящен в божественные мистерии. Бишофвердер должен был считать Сен-Жермена непосвященным, так как тот не сообщил условного знака, показывавшего, что он был посвящен в франкмасонство. А чтобы понять, был ли Сен-Жермен атеистом, лучше всего перечитать его сонет «Тайна».

По-видимому, Сен-Жермен сам никогда не публиковал стихов, но у современников мы найдем упоминание о нем как о поэте, наводящую на мысль, что он показывал свои стихи в частном порядке. Небольшая книга, озаглавленная «Философские стихи о человеке», опубликованная в 1795 году Мерсье в Париже, состоит из трех стихотворений, одно из которых, как утверждается, принадлежит «знаменитому графу Сен-Жермену». Это сонет, написанный классическим александрийским стихом:

Curieux scrutateur de la nature entiere,
J'ai connu du grand tout le principe et la fin.
J'ai vu l'or en puissance au fond sa miniere,
J'ai saisi sa matiere et surpris son levain.
J'expliquai par quel art l'ame aux flancs d'une mere,
Fait sa maison, l'emporte, et comment un pёpin
Mis contre un grain de ble, sous l'humide poussiere;
L'un plante et l'autre cep, sont le pain et le vin.[366]
Rien n'etait, Dieu voulut, rien devient quelque chose,
J'en doutais, je cherchai sur quoi l'univers pose,
Rien gardait l'equilibre et servait de soutien.
Enfin, avec le poids de l'loge et du blame,
Je pesai l'etemel, il apella mon ämе,
Je mourns, j'adorai, je ne savais plus rien.
(Je redeviens Dieu mёme et je m'en doutais bien).[367]

В примечании даны три различных варианта последних строк, что говорит о печатании с авторской рукописи, не являвшейся окончательным, чистовым экземпляром. Варианты окончания следующие:

---

366 Имеется в виду оккультная эмбриология.

367
Пытливый исследователь Великой Природы,
Я познал начало и конец великого Всего.
Я видел потенциальное золото в недрах гор.
Мне открылась суть, я поразился чуду его зарождения.
Я старался понять, каким образом душа во чреве матери
Обретает свой дом и покидает его и, как семечко,
Брошенное во влажную землю, как пшеничное зерно,
Становится лозой и злаком, а затем — вином и хлебом.
Бог созидает все из Небытия. Я сомневался в этом.
Я принялся исследовать то, на чем покоится Вселенная.
Все было шатко, ни в чем не видел я опоры.
Но, наконец, с помощью весов восхваления и проклятия
Я взвесил Предвечного. Предвечный воззвал к моей душе.
Я умер, я обожал и больше ничего не знал.
(Я снова стал Богом и догадался об этом.). — франц.

Je pésais dieu lui-meme, il appela mon âme,
Le cadavre tomba, j'adora, tout en bien.
Le pésais l'etemel, il appela mon âme,
Le cadavre tomba, je ne savais plus rien.
Je redeviens dieu meme et je m'en doutais bien.

Можно заметить, что перед поэтом стояла трудная задача. То, что он хотел сказать, было важно, сложно и заманчиво для выражения, а он был ограничен жесткой схемой ритма сонета. Не выходя за законные четырнадцать строк, он должен был включить в последние три рифму для конечного слова «soutien». Все версии несут различные дополнительные оттенки мысли, которые, возможно, помогут нам лучше понять его, и переводе французского оригинала на английский язык Джин Овертон Фуллер попыталась сжать и объединить их, а также дать заголовок.[368] Здесь мы приведем подстрочный перевод из книги Изабель Купер-Оукли:

Пытливый исследователь Великой Природы,
Я познал начало и конец великого Всего.
Я видел потенциальное золото в недрах гор.
Мне открылась суть, я поразился чуду его зарождения.
Я старался понять, каким образом душа во чреве матери
Обретает свой дом и покидает его, и как семечко,
Брошенное во влажную землю, как пшеничное зерно,
Становится лозой и злаком, а затем — вином и хлебом.
Бог созидает все из Небытия. Я сомневался в этом.
Я принялся исследовать то, на чем покоится Вселенная.
Все было шатко, ни в чем не видел я опоры.
Но, наконец, с помощью весов восхваления и проклятия
Я взвесил Предвечного. Предвечный воззвал к моей душе.
Я умер, я обожал и больше ничего не знал.
(Я снова стал Богом и догадался об этом.)

---

[368] Обычно я считаю дословные переводы поэзии несправедливыми по отношению к поэту, потому что, если отнять то, что вносилось стихотворной формой и ничем его не заменить, то текст станет плоским. Тем не менее, учитывая, как интересно прочесть слова Сен-Жермена возможно более точно, я привожу дословный перевод. — Примеч. авт.

(Ниже следует подстрочник, сделанный, в свою очередь, с английского сводного стихотворного перевода самой Дж. О. Фуллер. Другой вариант подстрочника, сделанного непосредственно с оригинала на французском, который мы публиковали в «Приложении» к тому 1 настоящей серии под заголовком «Философский сонет», приведен выше в сноске 2. — Ред.):

«Любопытный исследователь всей природы, я узнал принцип и цель великого всего. Я увидел золото в его могуществе в глубине рудника. Я понял его суть и ухватил закваску.

Я объясню, каким искусством душа в чреве матери делает себе дом, доводит его до конца, и как косточка, положенная рядом с зерном пшеницы, под влажную землю, одно — растение, а другое — лоза, есть хлеб и вино.

Ничего не было, Бог захотел, ничто стало чем-то. Я усомнился в этом, я искал, на чем стоит Вселенная. Ничто не держало равновесия и не служило опорой.

Наконец, с хвалой и порицаньем я взвесил вечность, и она призвала мою душу. Я умер, я боготворил, я больше ничего не знал».

Варианты последних строк:

«Я взвесил самого Бога, он (или оно) призвал мою душу.
Мой труп упал; я обожал безгранично.
Я взвесил вечность, она призвала мою душу.
Мой труп упал, я больше ничего не понимал.
Я снова стал Богом и полностью усомнился сам в себе».

и вольный перевод Леонида Володарского:

ТАЙНА

Исследователь, сватайся к природе.
Я тоже в ней невесту увидал.
В ее сложнейшем разобрался ходе,
Где к золоту стремится всяк металл.
Она утробы материнской вроде:
Вчера зерно, а нынче колос встал.
И что цвело лозою на свободе,
Уже вином вливается в бокал.

Жило ничто. А Бог вот сделал нечто.
И это нечто пребывает вечно.
И эту вечность я сумел понять.
Я взвесил вечность. И она сумела
Мне показать, как умирает тело,
Когда я Богом становлюсь опять.

Привычку Бишофвердера к ритуалам посвящения, похоже, подчеркивают и приведенные выше пункты 2 и 3. Он считает химические технологии Сен-Жермена, при условии, что они подлинные, не научными технологиями, а священнодействиями, и поэтому его шокирует, что от него не потребовали дать клятву, обязывающую не раскрывать секретов непосвященным. Отсутствие такого условия получения секретов в немалой степени способствовало его догадке, что Сен-Жермен не был посвященным. Открытия такого порядка, если они реальны, должны приходить к человечеству, по его впечатлению, изнутри масонства, а не извне. Головоломка, которую представляло для него это дело, угнетала его, что заметно в следующих строках:

> «Но ничто не сдвинет меня с моего пути. Всемогущий Бог, на которого я уповаю, направит мои шаги в этом случае, как он уже делал в столь многих других».

Он воспринимал проверку технологий Сен-Жермена как вопрос, в котором были затронуты вся его сущность и долг перед Богом, и, без сомнения, молил дать ему ясность ума, чтобы принять правильное решение. Когда он опять написал письмо, прошло больше обещанных пятнадцати дней. Возможно, он перенес физическое недомогание, или, возможно, глубокое внутреннее психологическое потрясение вызвало жар. Теперь написанное было совершенно другим:[369]

> «Эльстерверда, 16 сентября 1777 г.
> Монсеньор,
> Я только что начал поправляться после смертельной болезни, которую доктора определили как воспаление мозга и которую я сам не знаю, как определить, за исключением того, что перенесенные мной страдания должны поставить меня в лучшее положение, чем любого другого, чтобы вынести суждение. Поэтому ваше Высочество простит мне, если сейчас я более лаконичен,

[369] Wolfenbbttel, Herzog August Bibliothek, Cod. Guelf., 456, 1 Nov., f. 124r. Хотя Бишофвердер пишет так, как будто уже умирает, но годы жизни его 1741–1805.

чем мне бы хотелось… Испытание, которое я провел с секретами Сен-Жермена, показало мне, что они дают удивительные результаты, и все передано мне без малейших условий, против моего честного слова хранить молчание, и я до сих пор не понимаю, почему именно я должен был стать их депозитарием.

Имею честь и т. п.

Бишофвердер».

Глава 16

В Берлине — столице королевства Пруссии

Граф Сен-Жермен направился в столицу Пруссии по приглашению князя Фридриха-Августа Брауншвейгского[370] и с согласия Фридриха II через посла фон Альфенслебена король передал графу еще до его отъезда из Лейпцига, «что в Потсдаме люди не легковерные и, как правило, верят только в то, что можно потрогать. Пусть граф подумает, готов ли он представить свою науку и свои способы изготовления. Иначе он потеряет время, которое мог бы с большей пользой использовать в другом месте».[371]

Исследователи берлинского периода жизни Сен-Жермена не нашли каких-либо документов о том, что граф нанес визит королю и его племяннику в их дворце в Сан-Суси, в Потсдаме, есть только не подтвержденные косвенные указания современников на то, что такое в принципе было возможно.[372] Некоторые свидетельства утверждают, что Фридрих II отнюдь не испытывал к графу Сен-Жермену пылких чувств, в отличие от других представителей своей фамилии. Зато точно известно, что граф пробыл больше года в Берлине, с августа 1777 года по начало октября 1778 года.[373] Эти подробности известны благодаря мемуарам господина Дьедонне Тьебо, на которые в основном опирается эта глава. В них говорится:

«В Берлине целый год жил один весьма примечательный человек, именовавший себя графом Сен-Жерменом».[374]

По приезде в Берлин «граф был стариком, возраст которого не знал никто. Он был очень крепким, несмотря на небольшой излишний вес. Снял апартаменты в одной из лучших гостиниц города, где стал жить уединенно, с двумя слугами. У его дверей стоял экипаж, который он так же нанял, но которым не пользовался никогда».[375]

Автор мемуаров замечает между прочим о странном обыкновении Сен-Жермена обращаться к пожилому барону Книпхаузену со словами «сын мой».[376] В 1777 году барон Книпхаузен занимал в Берлине высокий пост — отвечал за коммерцию. Именно ему, бывшему тогда прусским послом в Лондоне, граф был обязан возможностью отъезда из этого города в 1760 году.[377] Он первым нанес визит графу Сен-Жермену.

---

370 См.: Дю Боек герцогу Фридриху-Август. 2 августа 1777 г.

371 См.: Король Фридрих II фон Альфенслебену, 30 июня 1777 г.

372 Некоторые хорошо информированные авторы утверждали, что графу «оказывали хороший прием при дворе короля, где он развлекал всех своим умом и своими познаниями», (см.: А. де Катон. Цитир. произв. С. 261), и даже, что он был «лучшим другом короля» (см.: Жан Просветитель. Цитир. произв. С. 316).

373 Тьебо Д. Воспоминания о двадцати годах, проведенных в Берлине. Париж: изд-во Дидо, 1860. Т. II. С. 300. Изабель Купер-Оукли пользовалась более ранним изданием этих мемуаров: Thiébault (D.), Mes Souvenirs de vingt aus de sejour a Berlin, VI. p. 83. Paris, 1813.

374 См.: Король Фридрих II фон Альфенслебену, 30 июня 1777 г.

375 Некоторые хорошо информированные авторы утверждали, что графу «оказывали хороший прием при дворе короля, где он развлекал всех своим умом и своими познаниями», (см.: А. де Катон. Цитир. произв. С. 261), и даже, что он был «лучшим другом короля» (см.: Жан Просветитель. Цитир. произв. С. 316).

376 Там же. С. 301.

377 Барон Книпхаузен, прусский гражданин, был профессиональным дипломатом. После того как он был

Как пишет господин Тьебо, барон направился к графу «как к старому знакомому, и пригласил его на обед.

— С удовольствием, — ответил граф Сен-Жермен, — но при условии, что Вы пришлете за мной карету. Я не могу пользоваться наемными экипажами, у них слишком жесткие рессоры».[378]

Граф свел знакомство и с Домом Пернете[379] — хранителем городской библиотеки, членом Академии и аббатом в городе Бургель, в Тюрингии, с благословения Фридриха II. Господин Тьебо пишет об этом так: «Аббат Пернети сразу угадал в нем адепта и явился к нам, переполненный множеством чудесных историй».

Дом Пернети был горячим поклонником алхимии. Будучи бенедиктинцем, он нашел в библиотеке аббатства экземпляр работы герметиста Мишеля Майера: «Arcana Arcanissima h.e. Hieroglyphica Aegyptograeca».[380] Как настоящий адепт он потрудился перевести это произведение, с небольшими изменениями и добавлениями,[381] под названием «Разоблаченные египетские и греческие фабулы, сведенные к одному и тому же принципу, и объяснение иероглифов Троянской войны».[382] Как раз перед отъездом в Пруссию он основал в городе Авиньоне герметический ритуал, имеющий шесть ступеней, с напоминающей греческие легенды символикой, объяснение которой можно было найти в его работе. Он даже создал седьмую ступень, ритуал которой содержит целый курс герметизма и гнозиса.

Поль Шакорнак не отрицает, что Дом Пернети был очень ученым человеком (он помнил многое).[383]

поверенным в делах при царе Петре I, который с ним познакомился во время своего пребывания в Голландии в 1717 г., он был послом в Париже с 1753 по 1756 год, затем в Лондоне с 1758 по 1776 год. Он был женат на вдове барона Ондорфа, сестре бывшего адъютанта Фридриха II, едва не казненного в 1730 году по вине своего хозяина.

[378] Тьебо Д. Цитир. произв. Т. II. С. 301.

[379] Антуан-Жозеф Пернети родился в Руан-ан-Форез 13 февраля 1716 года. После избрания религиозной стези он был призван в аббатство Сен-Жермен-де-Пре. В 1766 году, после того как он высказался за переход ордена в мир (этот запрос был представлен королю Людовику XV герцогом Орлеанским 13 июля 1765 года. — См.: Башомон. Тайные воспоминания. Париж: изд-во Гарнье, 1874), ему пришлось покинуть капитул. Можно сказать, что Пернети приехал в Берлин по ошибке. В молодости король Пруссии прочел «Письма о Физиогномиях» некоего аббата Пернетти. И вот ко двору приехал в качестве генерального управляющего по финансам Пруссии некий Пернетти, бывший начальник лионской таможни. Фридрих II не забыл ни работу, ни автора «Писем» и спросил у него, родственник ли он аббата Пернетти. Тот ответил, что это его брат, и таким образом, сам того не желая, создал путаницу: как оказалось, аббат Жак Пернетти, автор «Писем», родившийся в Лионе, воспитавший господина Булоня, впоследствии советника и интенданта финансов Франции, был «двоюродным братом» Дома Пернети. Таким образом его брат, бывший бенедиктинец, занял по ошибке пост, который ему не предназначался.

[380] Тайна тайн, или Разоблаченные египетские и греческие сказки. Без указания даты, (около 1614 г.).

[381] Поль Шакорнак сравнивал обе работы и утверждал, что это не подлежит сомнению. Кстати, сам Дом Пернети это признавал: «Я прочитал внимательно несколько трактатов Майера, и они мне во многом помогли, и тот, который называется Arcana Arcanissima, послужил для моей работы канвой, по крайней мере структурно, ибо я не всегда следовал его мыслям».

[382] Париж: изд-во Бош, 1758. Два тома.

[383] Дом Пернети впоследствии занялся Сведенборгом и перевел две работы шведского философа. Вернувшись в Лион в 1783 году, он привез из Берлина группу иллюминатов, которые, согласно данным некоего Elias Artista, практиковали вызывание духов. Судя по всему, этот Артиста принадлежал к «Северной Школе» — своеобразной теургической организации, основанной на так называемых проявлениях активного и мыслящего

Но согласно Дьедонне Тьебо его знание было только rudis indigestaque moles,[384] и, наверное поэтому граф Сен-Жермен ограничился поверхностным светским знакомством с ним.

Далее мемуарист сообщает о том, что желание познакомиться с графом изъявила княгиня Амалия,[385] жена брата монарха Фридриха II Прусского и сестра его супруги (Фридрих и его брат Август-Вильгельм были женаты на родных сестрах).

Граф направился в дворец «Мон Бижу» (мое сокровище), находившийся у ворот Берлина. Перед ним стояла болезненного вида особа, в которой можно было угадать былую красоту. Княгиня приняла графа в роскошно обставленной и богатой библиотеке, в которой почти все книги были аннотированы ее рукой. Княгиня была к тому же прекрасным музыкантом — искусство, которым граф Сен-Жермен сам виртуозно владел. Они нашли почву для взаимопонимания. Княгиня поинтересовалась, откуда был родом граф:

— Какая страна — ваша родина?

— Я из страны, над которой чужеземцы никогда не царствовали, — ответил он.[386] Такими же ловкими и таинственными фразами граф ответил на все вопросы княгини. Наконец она отчаялась и отослала его, так ничего и не узнав.[387]

Другой человек, более скромного рождения, пожелал встретиться с графом. Это была госпожа дю Труссель — наперсница княгини Амалии, известная также под именем «Красавица из Клейста». По словам господина Тьебо, Фридрих II как-то высказался о ней таким образом: «Вижу ее уже 30 лет, и она по-прежнему одна из самых красивых женщин при дворе. В ней есть сияние, которого нет в других, и кажется, что она не стареет».[388] Госпожа дю Труссель предпочитала астрологию (у нее был собственный астролог, которого она называла «планетарием» и который был-де замечательным человеком[389]), а княгиня Амалия отдавала предпочтение гаданию на картах, которым безоговорочно верила. Дьедонне Тьебо пересказывает циркулировавшие в Берлине слухи о том, что «во время Семилетней войны, особенно в самые критические для Пруссии дни, княгине целыми днями гадали на картах для Фридриха II, и она посылала брату результаты и предупреждения».[390]

Как-то вечером граф Сен-Жермен был приглашен на званый ужин к госпоже дю Труссель, где присутствовал и господин Дьедонне Тьебо, оставивший об этом свидетельство:[391]

Начала. Дом Пернети умер в Авиньоне 16 октября 1796 года.

[384] Сумбурное и бесформенное (лат.) Тьебо Д. Цитир. произв. Т. II. С. 299.

[385] Виктория Луиза Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская (нем. Viktoria Luise Amalie von Braunschweig-Wolfenbüttel; 29 января 1722, Вольфенбюттель — 13 января 1780, Берлин) — принцесса прусская, супруга Августа-Вильгельма Прусского.

[386] Есть более точный перевод этого ответа, который дает нам одно из оснований, подтверждающих версию о корнях Сен-Жермена: «Я из страны, где никогда не правили мужчины иностранного происхождения».

[387] Тьебо Д. Цитир. произв. Т. II. С. 301.

[388] Тьебо Д. Цитир. произв. Т. I. С. 94.

[389] Там же. С. 238.

[390] Там же. С. 281.

[391] «Поскольку госпожа дю Труссель страдала болезнью, которую врачи в Берлине считали неизлечимой, она стала лечиться у графа Сен-Жермена. Она излечилась, когда графу удалось избавить ее от камня величиной

«Госпожа де Труссель также горела желанием увидеться с ним. Уступив ее просьбам, аббат Пернети устроил встречу, и в один из званых вечеров в ее доме появился граф. В завязавшейся беседе речь зашла о «философском камне», и граф отрывисто заметил, что большинство людей, стремящихся его найти, находятся в невероятном заблуждении, возлагая все свои надежды по получению этого камня на огонь, и забывают при этом, что последний является стихией разрушительной, а не созидательной, и, следовательно, верхом неразумия являются их попытки создать нечто новое с помощью этой стихии. Он довольно долго рассуждал об этом, но в конце концов перевел разговор на более общие темы. Во внешности Сен-Жермена сквозили изящество и интеллект. В нем чувствовалось благородное происхождение и знание светских условностей. По слухам, знаменитый Калиостро (известный своими парижскими мистификациями кардинала Рогана и других) был его учеником. Ученик, впрочем, так и не достиг уровня своего учителя, достойно окончившего свою карьеру, и часто соскальзывал на криминальную стезю, что и привело его в конце концов к смерти в темнице римской инквизиции… История же Сен-Жермена являет нам образцовый пример истории человека мудрого и предусмотрительного, остерегавшегося нарушить правила общепринятого поведения или оскорбить мораль. Чудес о нем рассказывают великое множество, однако они не скандальны и не низменны».[392]

Далее господин Тьебо приводит пересказ одного своего любопытного разговора о графе Сен-Жермене, который и здесь, без сомнения, был одним из главных героев светских пересудов: «В то время, когда этот странный человек жил в Берлине, я как-то поговорил о нем с французским посланником, маркизом Понсом Сен-Морисом. Я сказал ему, что меня очень удивляет, что у этого человека были тесные и особые связи со многими людьми высокого рождения, в том числе с кардиналом Берни, как утверждали, конфиденциальные письма которого, написанные в то время, когда этот кардинал был министром иностранных дел, он хранил. Господин Понс об этом ничего не сказал. Зато он высказал целую цепочку простых предположений: «Предположим, что некий действительно оригинальный человек решил выразить себя и сыграть в мире необыкновенную роль, способную будоражить умы людей и производить впечатление на всех. Допустим, что этот человек занят только этой идеей и подчиняет весь свой ум, свои познания, свое внимание ко всем деталям, свое упорство осуществлению этой идеи. Допустим, что он способен умело обманывать всех, когда речь идет о нем, что ни присутствия духа, ни гибкости ему не занимать. Наконец, допустим, что он заработал или получил большое состояние, скажем, у него рента в двадцать пять ливров: посмотрим, каким будет его поведение. Он не станет откровенно говорить ни о своем возрасте, ни о своей стране, ни о себе и накинет самую густую пелену на все, что его касается. Он сэкономит часть своего капитала, вложит в какой-нибудь надежный и малоизвестный банк. Например он приедет в Берлин, а деньги будет держать в Лейпциге. Некоему берлинскому банкиру будет поручено передать ему двадцать тысяч франков или более. Получив их, он перешлет их какому-нибудь банкиру в Гамбург, который тут же перешлет их ему обратно. То же самое он будет проделывать с банкирами из Франкфурта и других городов. Это будут все те же самые деньги, на которых он потеряет каждый раз маленькие проценты, зато он достигнет своей цели: все будут думать, что каждую неделю он получает значительные суммы, и никто не будет знать зачем, тем более что тратить он будет мало и ни в какие дела вмешиваться не станет.

с куриное яйцо». Знаменитый швейцарский врач Ж.-Г. Циммерманн рассказывает эту мистическую историю в книге «Записки о Фридрихе Великом» (на нем. яз.). Лейпциг, 1790. Т. II. С. 119. К концу жизни этот врач стал мизантропом, что объясняет его мнение о графе, с которым он даже не был знаком.

[392] Тьебо Д. Цитир. произв. Т. II. С. 301–302. (Приведенный здесь перевод взят из книги И. Купер-Оукли. Цитир. произв. С. 44–45. — Примеч. ред.)

Все невероятные вещи, которые рассказывают об этих неизвестных и экстраординарных людях, могут объясниться так же легко, как загадка о суммах, постоянно получаемых графом Сен-Жерменом».[393]

В это самое время по немецким княжествам, направляясь во Францию, проезжал русский писатель Денис Иванович Фонвизин. Он отправился из Санкт-Петербурга в сентябре 1777 года и через Варшаву проследовал в Саксонию и далее в Германию и Францию, в Монпелье. Его жена страдала от паразитарного заражения, которого русские доктора вылечить не могли и отправили Фонвизина к европейским врачам. В письмах о своем путешествии Фонвизин не только рассказал, в виде путевых заметок, интересные для русского человека подробности о немецких княжествах той поры, но и упомянул о состоявшемся в ходе поездки знакомстве с Сен-Жерменом, от которого тоже надеялся получить врачебную помощь. Увы, Сен-Жермен помочь не смог, зато успешным было лечение с помощью принятия внутрь орехового масла, предложенное лекарем из Монпелье Деламюром, о чем Фонвизин пишет в письме от 25 генваря (5 февраля) 1778 года из Монпелье, где описывает и предыдущие методы лечения:

> «Монпелье, 25 гене. (5 февр.) 1778.
>
> Ведая, сколь милостивое участие ваше сиятельство приемлете в моем состоянии, почитаю за долг уведомить вас, милостивый государь, что надежда, которую имел я о выздоровлении жены моей, исполняется к моему истинному счастию. Не тщетно предпринял я столь дальное путешествие. Главная причина ее болезни истреблена, и le ver solitaire, от коего она столько времени страдала, на сих днях выгнан. Я возьму смелость описать здесь образ ее лечения. Может быть, послужил он и у нас, хотя удобности наши к исцелению больных и гораздо здешних меньше…»

Вояж для восстановления сил после изнурительной болезни жены в Спа и другие южные французские провинции занял у четы Фонвизиных два месяца, так что следующее письмо было отправлено Панину из Парижа только 20 (31) марта 1778 года. В нем-то Фонвизин и упоминает о встрече с Сен-Жерменом. Исследователям, натолкнувшимся на это упоминание и не прочитавшим внимательно это письмо, могло показаться, что встреча Фонвизина и Сен-Жермена состоялась в Париже, но это не так. Фонвизин возвращается к событиям полугодовой давности и вспоминает о своей поездке через Саксонию и немецкие княжества, в которых живал Сен-Жермен и курьезное описание которых знаменитым русским сатириком из его предыдущего письма нельзя не привести здесь:

> «Письмо из Монпелье, 22 ноября (3 декабря) 1777 г.
>
> Позвольте, милостивый государь, продолжить уведомление о моем путешествии. Последнее письмо имел я честь писать к вашему сиятельству из Дрездена. В нем пробыл я близ трех недель. Осмотрев тут все достойное примечания, поехал я в Лейпциг, но уже не застал ярмарки. Я нашел сей город наполненным учеными людьми. Иные из них почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему, однако ж, во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь мысленно на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле; иные весьма твердо знают артифициальную логику, имея крайний недостаток в натуральной; словом — Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума. Оставя сих педантов, поехал я во Франкфурт-на-Майне. Сей город знаменит древностями и отличается тем, что римский император бывает в нем избран. Я был в палате

---

393 Тьебо Д. Цитир. произв. Т. И. С. 302–303. Размышления Понса Сен-Мориса достаточно любопытны, чтобы быть приведены здесь, даже если, согласно Д. Тьебо, это всего лишь предположение. По крайней мере, способ переводить деньги остроумен, и можно подумать, что нашли «золотоносную жилу» графа Сен-Жермена, которую безуспешно искал Шуазёль.

избрания, из коей он является народу. Но все сие имеет древность одним своим достоинством, то есть: видел я по четыре пустых стен у старинных палат, а больше ничего. Показывали мне также известную, так называемую la Bulle d'or (Золотую Буллу) императора Карла IV, писанную в 1356 году; я был в имперском архиве. Все сие поистине не стоит труда лазить на чердаки и слезать в погреба, где хранятся знаки невежества. Из Франкфурта ехал я по немецким княжествам: что ни шаг, то государство. Я видел Ганау, Майнц, Фульду, Саксен-Готу, Эйзенах и несколько княжеств мелких принцев. Дороги часто находил немощеные, но везде платил дорого за мостовую; и когда, по вытащении меня из грязи, требовали с меня денег за мостовую, то я осмеливался спрашивать: где она? На сие отвечали мне, что его светлость владеющий государь намерен приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудие с чужестранными заставило меня сделать заключение и о правосудии к подданным. Не удивился я, что из всякого их жилья куча нищих провожала всегда мою карету. Наконец приехал я в Мангейм, резиденцию курфирста пфальцского…»

Сопоставление с датами этого самого первого отправленного из заграничной поездки письма, где Фонвизин описывает свой маршрут, и еще трех писем из Монпелье, позволяет сделать вывод, что он встречался с Сен-Жерменом в октябре 1777 года. Вероятно, встреча имела место в Берлине, через который пролегал путь Фонвизина и где жил в это время граф Сен-Жермен. Граф не только рекомендовал лекарство, но и предложил другие полезные для России проекты, которые далекий от таких предметов Фонвизин посоветовал ему представить официальному дипломатическому представителю Российской империи при саксонском дворе:

«Что ж надлежит до другого чудотворца, Сен-Жерменя, я расстался с ним дружески, и на предложение его, коим сулил мне золотые горы, ответствовал благодарностию, сказав ему, что если он имеет столь полезные для России проекты, то может отнестися с ними к находящемуся в Дрездене нашему поверенному в делах. Лекарство его жена моя принимала, но без всякого успеха; за исцеление ее обязан я монпельевскому климату и ореховому маслу…».

Глава 17

В Алтоне — столице герцогства Гольштейн

Осенью 1778 года Сен-Жермен, по-видимому, покинул Пруссию и уехал в Алтону. Он обосновался в Алтоне в октябре 1778 года. Тогда эта большая деревня, название которой означает «слишком близко», стояла на берегу Эльбы и соединялась с большим ганзейским городом Гамбургом широкой дорогой. На современных картах это морской квартал Гамбурга, на северном берегу Эльбы, но в те времена Алтона была столицей Гольштейна. В Алтоне находилось правительство герцогства Гольштейн, зависевшего в то время от Дании — то есть во главе герцогства стоял король Дании, и в то же время оно было членом германской конфедерации.

С 1769 года этим герцогством, а также герцогством Шлезвигским правил маркграф Карл, принц Гессен-Кассельский. О нем следует рассказать подробнее, поскольку этот человек сыграл весьма заметную роль в биографии Сен-Жермена. К счастью, он оставил мемуары «Воспоминания о моем времени»,[394] являющиеся источником весьма ценных сведений не только о нем самом, но и современной ему истории и людях, сыгравших в ней роль. В частности, благодаря его воспоминаниям достоверно известно о последних годах жизни графа Сен-Жермена.

Принц Карл был третьим ребенком, средним среди трех сыновей Фридриха Гессен-Кассельского, который стал ландграфом Фридрихом II, от его первого брака с Марией, дочерью короля Великобритании Георга II и Каролины Бранденбург-Ансбахской. Он родился в Касселе 19 декабря 1744 года и прожил долгую жизнь, умерев в возрасте 91 года. Его отец принял католичество, а его дед по отцовской линии, Вильгельм VIII, правящий ландграф, чтобы сохранить детей в протестантской вере, отдал их под покровительство трех протестантских королей — Великобритании, Дании и Пруссии. В десятилетнем возрасте их забрали из отцовского дома в Геттингене и поместили вместе с бабушкой со стороны матери в Херренхаузен. В следующем, 1756 году разразилась Семилетняя война, и так как сражения приближались к Ганноверу, трех братьев, для большей безопасности, послали в Копенгаген, под покровительство их дяди, короля Дании Фридриха V, мужа Луизы, сестры их матери, одной из дочерей короля Великобритании Георга II.

Этот переезд повлиял на всю остальную жизнь принца Карла, так как, выросши в датской королевской семье, он стал в большей степени датчанином, чем немцем, хотя и испытывал сильное английское влияние со стороны матери, принимавшей активное участие в его воспитании. Для англичан короли Георг I и II казались похожими на немцев, так и не научившихся правильно говорить по-английски, однако дочь Георга II, принцесса Мария, хотя и была выдана замуж за немца, взяла на себя заботу научить принца Карла и его братьев английскому языку. И, разумеется, они выучили французский, который был тогда языком европейской культуры. Гувернерами мальчиков были два швейцарца.

В мемуарах принц Карл благодарит своего гувернера-швейцарца, который сказал ему: «Забудь, что ты принц, и знай, что ты сделан из той же глины, что и другие люди», хотя, надо отдать ему должное, он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь думал по-другому. С самого детства он всегда считал всех людей равными перед Господом, различие было только в добродетели и заслугах. Недаром принятый принцем девиз был Omnia cum Deo.[395]

---

394 Memoires de mon temps, Charles, Prince de Hesse-Cassel (Копенгаген, 1861). Материал этой главы полностью взят из собственных воспоминаний принца Карла.

395 Все с Богом (лат.) В книге «Реформа масонства» (изд. Шмалкен, 1821 г.) С.Д. Гербер опубликовал письмо принца Гессенского, где он высказывался за реформу лютеранства. Его символ веры состоял в мистической интерпретации Библии, настолько же далекой от протестанского рационализма, как и от католического абсолютизма. Он провозглашал приход прекрасной тысячелетней эпохи перед концом мира. С

В период царствования царя Петра III, когда русские войска готовились к вторжению в Данию, он стал командиром под начальством фельдмаршала графа Клода-Луи де Сен-Жермена, с которым он отправился в Померанию, куда и пришло сообщение о перевороте, в результате которого Екатерина сменила на троне Петра III и русские войска отступили.

На обратном пути принц Карл посетил графство Ханау, куда после развода удалилась его мать и с момента смерти его деда была там правящей принцессой.

Принц Карл был воспитан как брат кронпринца Дании, который унаследовал трон после того, как 14 января 1766 года «добрый король Фридрих отошел в мир иной, слишком рано, с точки зрения блага его народа». После коронования под именем Кристиана VII новый король сказал принцу Карлу: «Я надеюсь, вы окончательно устроитесь здесь и станете моим другом навсегда». Эти слова поощрили принца Карла просить руки младшей сестры короля Кристиана-Луизы, которой в то время было шестнадцать лет, и между ними уже возникла взаимная сердечная склонность. Кристиан упал ему на грудь, воскликнув: «Да, быть по сему!», и 30 августа 1766 года они поженились. Брак оказался долгим и счастливым, в нем родилось 6 детей.

Принц Карл и принцесса Луиза продолжали некоторое время поддерживать очень близкие отношения с Кристианом, и принц Карл ежедневно после полудня несколько часов работал с ним наедине. Но теперь стало очевидно, что с ним не все было в порядке — у короля случались припадки. После одного из таких припадков, вскоре после свадьбы с сестрой короля, Карл впал в немилость, и в начале 1767 года он вместе с женой уехал в Ганау к своей матери Марии.

В 1769 году от имени Кристиана принц Карл был назначен губернатором герцогства Гольштейнского. Хотя правительство находилось в Алтоне, но традиционной резиденцией губернатора был замок Готторп — огромный дом в западной части бухты Шлей, уже вне Шлезвига. В 1770 году Кристиан VII подарил своей сестре Луизе, супруге Карла, поместье Тегелхоф в Гюби, располагавшееся между городами Шлезвиг и Эккернфёрде. Там, в период с 1772 по 1776 годы, Карл отстроил летнюю резиденцию, назвав ее Луизенлунд в честь своей жены. В сентябре 1772 года он был назначен верховным главнокомандующим норвежской армии, и вместе с Луизой перебрался в Норвегию, в Кристианию. Норвегия в это время политически еще оставалась частью Дании. Эта поездка была связана с государственным переворотом, произведенным шведским королем Густавом III, и с перспективой войны с Швецией. В 1774 году Карл отправился назад в Шлезвиг-Гольштейн, но оставался в должности главнокомандующего норвежской армии вплоть до 1814 года. К тому времени, как он вернулся из Норвегии, ему пожаловали звание фельдмаршала.

Возвращаясь через Ютландию, он заехал к жившему близ Фредериксверна графу Лаурвигу. Не был ли человек с этим именем старинным другом Сен-Жермена? — вопрошает Джин Овертон Фуллер.

Когда некоторое время спустя король и королева Швеции посетили Данию, они, совсем как старые друзья, остановились в Готторпе у принца Карла и принцессы Луизы.

Весной 1774 года принц Карл принял масонское посвящение в Ложе в Шлезвиге. В тот вечер, сразу после церемонии, они вернулись в Готторп, чтобы отпраздновать событие. На следующий год Великий Магистр ордена герцог Фердинанд Брауншвейгский назначил принцу Карлу встречу в Алтоне, и вскоре они стали хорошими друзьями.

В 1776 году король Кристиан предложил принцу Карлу какое-то время послужить в прусской армии. Принц Карл согласился, чтобы приобрести такой опыт, и, так же, как во время маневров в Силезии, не спеша проехал через Брауншвейг, Берлин и Бреслау. Возможно, именно во время его посещения Бреслау он впервые встретился с графом Кристианом Августом Генрихом Куртом фон Гаугвицем.

этим предсказанием принц Гессенский связывал и оригинальную интерпретацию классики античной астрономии, «Зодиакальный камень храма Дендеры» (Копенгаген, 1824 г.).

Фон Гаугвиц был посвящен в масонство всего на несколько месяцев раньше принца Карла (18 апреля 1774 года, в Ложе Минервы Трех Пальм, в Лейпциге). В следующем, 1775 году, он совершил путешествие в Цюрих, специально, чтобы увидеться с Лафатером, праведным швейцарским пастором. Так как Лафатер не был масоном, фон Гаугвиц, вероятно, из разговора с ним вынес уверенность в том, что между масонством и лютеранством не было ничего несовместимого. Вероятно, принц Карл почувствовал эту серьезность, когда его пригласили быть гостем Ложи в Бреслау, Магистром которой был фон Гаугвиц, и это стало основой их будущей дружбы. На следующем этапе своей поездки он встретил короля Фридриха, своего прусского кузена, которому он был представлен как «датский фельдмаршал». Именно в этот момент поступило сообщение об австрийском вторжении в Баварию, произошедшее после смерти последнего из баварских Виттельбахов 30 декабря 1777 года. Король Фридрих, конечно, не мог допустить такого изменения баланса сил и вошел в Богемию. Принц Карл, думавший, что принимал участие только в маневрах мирного времени, оказался постоянным спутником короля Фридриха в войне, ставшей войной за баварское наследство. Вот так и вышло, что во время войны за баварское наследство в 1778–1779 годах Карл служил добровольцем в армии прусского короля Фридриха Великого, чем снискал его доверие.

Война оказалась мучительной и тяжелой. Людей косила дизентерия, началось дезертирство. Король Фридрих признался Карлу, что в соответствии с его надеждами кампания, вероятно, не затянется надолго, так как он страдал от приступа подагры, столь серьезного, что каждое движение причиняло ему ужасные мучения.

Несмотря на эти трудности австрийцы перед ними отступили, что позволило Фридриху считать кампанию, если не всю войну, законченной, и принц Карл отправился в герцогство Гольштейн, где к тому времени обосновался граф Сен-Жермен.

Существует письмо, написанное из Гамбурга 25 октября 1778 года Йозефом Филиппом Дрессером, гамбургским адвокатом и Мастером масонской ложи «Георг», барону Юффелю, судье Высшего апелляционного суда в Зелле, тоже масону, которое содержит информацию о том, что Сен-Жермен проживал в гостинице «Кайзерхоф Инн» в Алтоне,[396] где обычно встречались местные художественные знаменитости. Узкая и длинная пивная на первом этаже иной раз становилась тесна для толп иностранных и местных гостей, привлеченных либо славой учреждения, либо ее постояльцами.

Как только граф приехал, с ним пожелали познакомиться многие, но это оказалось трудным делом, ибо он оставался замкнутым и знакомств заводил мало. Некий адвокат из Гамбурга Филипп Дрессер стремился познакомиться с ним, но безуспешно, и из-за этого затаил на графа злобу.[397] Сообщалось, что он жил на широкую ногу и платил за все немедленно и наличными, хотя, насколько известно, он не получал никаких чеков, ничего не продавал и не имел накоплений, поэтому источник его средств был неизвестен. Советник датского посольства утверждал, что был знаком с графом в Париже, в Лондоне и Гааге, что в тех городах он вел себя в точности так же, всюду был принят при дворе со всякими почестями, однако никому никогда не удавалось узнать, кто он на самом деле. Другие утверждали, что опрос его слуг ничего не дал, поскольку он менял слуг, как только уезжал в новое место.

---

396 Мне не удалось найти собственноручно написанный экземпляр этого письма, которое цитируется в Der Graf von Saint-Germain, Gustav Berthold Volz (Dresden, 1933. C. 350–352) как взятое из газеты Latonia, 51 Jahrg., (Leipzig, 1908. C. 409ff, которую я также не смогла обнаружить.

397 Поль Шакорнак упоминает также разочарованное замечание не сумевшего познакомиться с графом Н.У. Уроксолла. «Воспоминания о берлинском, дрезденском, варшавском и венском дворах в 1777, 1778 и 1779 гг.» (на англ. яз). Лондон, 1799. Т. И. С. 278.

Наконец, поговаривали, будто пишет он днем и ночью и находится в переписке со всякими коронованными особами.[398] Полагали, в частности, что графу приходили письма от императрицы Екатерины и принцессы Вильгемины. Полагали, что он творил чудеса с какими-то «каплями», которые могли бы дать ему возможность воздействовать на камни, металлы и даже монеты таким образом, чтобы они до конца сохраняли вид новеньких, только что отчеканенных. Он купил у графини Бентинк целый столовый сервиз из серебра и заплатил за него полностью монетами, которые выглядели совершенно новыми. Мог ли он, удивлялся Дрессер, быть одним из тех, кого искал барон Юффель? Джин Овертон Фуллер предполагает, что Юффель, будучи масоном эзотерического направления, и даже, может быть, розенкрейцером, искал Адепта, Дрессер же пытался завязать знакомство с Сен-Жерменом, сначала попробовав разузнать о нем у его слуг, а потому и не был принят графом.

Единственные люди, с которыми Сен-Жермен поддерживал отношения в Алтоне, по-видимому, была графиня Бентинк (урожденная Олденбург, вдова старого друга Сен-Жермена, графа Бентинка ван Роона, умершего 17 октября 1777 года) и представитель Франции в Гамбурге министр, барон Матиас де ла Усс. Он был близко знаком с губернатором Гольштейна принцем Карлом Гессенским, и именно благодаря барону была устроена встреча между принцем и графом Сен-Жерменом в декабре 1778 года в особняке губернатора.

Губернатор принц Карл, возвращавшийся с войны, приехал в Алтону в день своего тридцатичетырехлетия, 19 декабря 1778 года, и в этот же день французский министр барон де ла Усс пригласил его к себе и выразил ему свои сожаления по поводу очевидного нежелания короля Фридриха заключить мир. Принц Карл, зная из частной жизни о подагре своего кузена, заверил его, что существовала вероятность того, что король Пруссии согласится принять разумные условия, если таковые ему будут предложены. Де ла Усс ответил, что он немедленно сообщит это в письме королю Людовику, убежденному в обратном. И принц Карл в ту же ночь написал королю Фридриху о том, что противная сторона в поисках возможности заключения мира прислала разведчика.

Франция не оказала Австрии практической поддержки, но была ее союзником по договору, и Людовик XVI, который, через заключенный 16 мая 1770 года брак с дочерью Марии-Терезии «австриячкой» Марией-Антуанеттой, приходился зятем императору Иосифу, мог посоветовать ему просить мира, который, по имеющейся у него конфиденциальной информации, мог быть принят.

Результатом этого стал мир при Трешене, заключенный «в ту зиму» (по воспоминаниям принца Карла, хотя на самом деле он был подписан 13 мая 1779 года), и де ла Усс приветствовал принца Карла как благодетеля человечества, так как мир был заключен по его инициативе. Джин Овертон Фуллер проницательно замечает, что поскольку де ла Усс был единственным человеком в Алтоне, с которым виделся граф Сен-Жермен, то, помня о мирной инициативе графа в Гааге в 1760 году, можно задать вопрос, не находился ли Сен-Жермен за сценой всех этих событий, на сей раз более скрытно, не вступая в действие?

О встрече с графом принц Гессенский позже напишет в своих мемуарах: «Граф, казалось, привязался ко мне, особенно когда узнал, что я — не охотник и не охвачен другими страстями, противоречащими высшему изучению природы. Тогда он сказал мне: Я приеду к Вам в Шлезвиг, и Вы увидите, какие великие вещи мы проделаем вместе».[399]

Принц дал понять графу, что по ряду причин он не может сейчас согласиться и принять такую честь, но граф ответил: «Я знаю, что должен ехать к Вам и поговорить с Вами».

---

[398] Письмо Дрессера барону де ла Усс 25 октября 1778 г. // Латония, 31 год, Лейпциг, 1908. С. 404 и след.

[399] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 132.

Принц не нашелся сказать ничего, кроме того, что «полковник Кёпперн, заболев, едет следом, и с ним можно будет обсудить этот вопрос».[400]

Спустя несколько дней полковник Кёпперн — маршал при дворе принца Гессенского явился перед графом Сен-Жерменом и постарался сообщить ему пожелания своего хозяина, а именно предупредить его и отговорить от поездки в Шлезвиг. Но граф ответил: «Говорите что хотите, я должен ехать в Шлезвиг, и не откажусь от этой мысли. Остальное приложится». Закончив, он попросил полковника Кёпперна потрудиться подготовить ему квартиру. По приезде в Шлезвиг полковник передал принцу Гессенскому ответ графа — принц остолбенел[401]. Однако он навел справки у полковника Франкенберга — офицера прусской армии, и тот сказал: «Вы можете быть уверены, что этот человек не обманщик и имеет большие познания». В качестве доказательства полковник рассказал следующую историю, в которой сам был действующим лицом. Он познакомился с графом, когда жил с женой в Дрездене в 1777 году. Граф оказал им большую услугу. Жена полковника хотела продать пару серег. Ювелир предлагал за них маленькую сумму. Она рассказала об этом графу, и тот попросил ее показать серьги. Она так и сделала, а он сказал: «Можете ли Вы одолжить их мне на несколько дней?» Через несколько дней граф вернул серьги после того, как улучшил их. Ювелир, которому показали их впоследствии, сказал: «Вот это красивые камни, совсем не то, что Вы мне показывали тогда». И дал за них вдвое больше.[402]

Принц Гессенский поблагодарил полковника Франкенберга за рассказ, но все же в глубине души надеялся, что граф не приедет в Шлезвиг.

Однако связь принца Гессенского и Сен-Жермена оказалась глубже, чем могло показаться принцу Карлу. Изабель Купер-Оукли пишет, что в немецком источнике «Гартенляубе»[403] она нашла интересные свидетельства о предыстории отношений графа и принца, которые переросли в тесную дружбу и глубокую духовную связь. Британская исследовательница считает, что их связь имеет отношение к масонской деятельности, которой активно занимался граф Сен-Жермен. К сожалению, даты этих событий неизвестны, но очевидно, что они имели место до поездки графа в Шлезвиг, а может быть, даже и до его отъезда в Берлин:

«Герцог Карл Август[404] отправился к ландграфу Адольфу фон Гессен-Филиппсталь-Бархфельдскому.[405]

---

400 Там же.

401 Там же.

402 Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 132–133.

403 Brause Jahre in Gartenlaube 1884, n. 38, 39. —Дер Эльбе А.В. Беглые картинки года//Дер Гартенляубе. Веймар, 1884, № 38–39. Поскольку не указано, из каких архивов извлечены данные письма, приходится сильно сомневаться в их подлинности, — замечает Поль Шакорнак.

404 Карл-Август (3 сентября 1757, Веймар — 14 июня 1828, Градиц, ныне в составе Торгау), — герцог Саксен-Веймарский и Саксен-Эйзенахский (личная уния) с 28 мая 1758, герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский с 20 сентября 1809, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский с 21 апреля 1815, российский командир эпохи Наполеоновских войн, генерал от кавалерии. В 1775 году женился на Луизе Гессен-Дармштадтской (1757–1830), дочери ландграфа Людвига IX.

405 Имеется в виду ландграф Adolf von Hessen-Philippsthal-Barchfeld (род. 29 июня 1743, Иперн — ум. 17 июля 1803, Бархфельд). Гессен-Филипсталь (или Гессен-Филиппсталь; нем. Hessen-Philippsthal или нем. Hessen-Philippstal) — побочная линия Гессенского дома, основанная в 1685 году Филиппом I, третьим сыном ландграфа Вильгельма IV Гессен-Кассельского и принцессы Гедвиги Софии Бранденбургской. Побочная линия этого дома Гессен-Филипсталь-Бархфельд была основана в 1721 году вторым сыном Филиппа, Вильгельмом Гессен-Филипсталь-Бархфельдским.

Сен-Жермен находился у него в гостях и в числе прочих был представлен герцогу. За время разговора он успел очаровать своего собеседника. После обеда герцог спросил своего радушного хозяина:

— Сколько лет графу?

— По этому поводу трудно что-нибудь утверждать с уверенностью, однако нелегко опровергнуть тот факт, что граф знаком с некоторыми историческими деталями, которые может знать только современник давно минувшей эпохи. В Касселе, например, стало модным уважительно прислушиваться к его заявлениям и ничему не удивляться. Граф известен своей ненавязчивостью и искренностью; он — человек из хорошего общества, с которым все рады иметь знакомство. Однако его несколько недолюбливает глава нашего дома ландграф Фридрих II,[406] который называет Сен-Жермена утомительным моралистом. Он, во всяком случае, состоит в весьма близких отношениях со многими людьми, крайне влиятельными в делах многих государств, и оказывает огромнейшее благоприятное влияние на остальных. Мой кузен, ландграф Карл Гессенский очень привязан к нему; оба они — искренние и ревностные масоны и сообща овладевают, постигая Истину, всеми видами тайных знаний. Лафатер посылает к нему избранных людей. Он умеет подражать многим голосам, передавать свои мысли на расстояние и подделывать любой почерк, едва на него взглянув. По всей видимости, он общается с духами и другими сверхъестественными существами, которые являются по первому его зову. Он также искусный врач и диагност, а также обладает какими-то средствами продления жизни…»

«Герцог отправился к Герцу, который, как известно, был врагом и оппонентом Гёте. Поэтому в этот ответственный момент он встал на сторону этого маршала.

Герц принял редкого гостя очень сдержанно. Однако, после того как ему дали понять, что герцог не будет вести речь о Гёте, его лицо просветлело даже в большей степени, чем можно было бы этого ожидать.

— В начале мая, дорогой маршал, мне удалось свести очень интересное знакомство у ландграфов в Бархфельде, — проговорил наконец не без смущения герцог, — знакомство, которое я желал бы сохранить надолго. Человек, представленный мне, оказался неким графом Сен-Жерменом, остановившимся ныне в Касселе. Пожалуйста, если Вас не затруднит, отправьте этому господину письмо с приглашением посетить Ваш дом.

Герц обещал, что в ближайшее время, как только позволят дела, выполнит эту просьбу. Когда же он удалился, Герц засел за свой письменный стол и написал следующее послание:

Письмо графа Герца:

> «Радуйтесь, дорогой граф. Ваше знание людей, Ваше умение обращаться с ними восторжествовало. Предсказание Ваше сбылось: наш милостивый и радушный хозяин очарован Вами, и поэтому просит меня по всей надлежащей форме пригласить Вас посетить его двор.
>
> Вы действительно — творец чудес, ибо его ненавистный низкий любимчик ныне находится в весьма шатком положении опереться ему не на что, всего лишь один удар Вашего гения — и адвокат Франкфурта[407] так нам мешавший, будет окончательно и бесповоротно повержен. Примите ли Вы открытый бой или же

---

406 Фридрих II Гессен-Кассельский (нем. Friedrich II von Hessen-Cassel; 14 августа 1720, Кассель — 31 октября 1785, дворец Вильгельмсхёэ, Кассель) — ландграф Гессен-Касселя из Гессенского дома в 1760–1785 годах, отец принца Карла Гессенского и двух его братьев.

407 Это намек на Гёте, который родился в 1749 году в Франкфурте, его называли «франкфуртским школьником». Став доктором юридических наук, он был приглашен во двор герцога Веймарского. Спустя год, несмотря на зависть местных чиновников, рассматривающих его повышение как результат протекции, он стал советником, с правом голоса на Тайном совете. Судя по книге «Воспоминания Гете», граф Герц был весьма доволен им.

предпочтете прежде всего провести лично тайную рекогносцировку? Решите ли Вы подложить одну или две мины под него и показаться только после того, как он взлетит на воздух? И потом уже занять его место, с большим на то основанием и правом?

Все это я оставляю на Ваше усмотрение. Рассчитывайте на меня, как и прежде, полностью. К Вашим услугам также избранное общество преданных аристократов, с которыми, если сочтете нужным, Вы можете свести тесное знакомство.

Остаюсь всегда верным Вам, граф Герц, церемониймейстер».

Ответ Сен-Жермена:

«Дорогой граф! Я всегда готов к дальнейшему общению с Вами и Вашими товарищами, ибо для меня весьма лестно получить Ваше приглашение. Позже я, безусловно, воспользуюсь им.

В настоящий момент я обещал посетить с визитом Ханау и встретиться с ландграфом Карлом в доме его брата, чтобы разработать для него систему «Строгого Наблюдения — посвящение ордена франкмасонов в аристократическом духе… Смею надеяться, что и Вас эта система не оставит равнодушным.

Ландграф является надежным моим покровителем. Его положение в Шлезвиге, отошедшем под контроль датчан, если и не царственно, то во всяком случае, весьма роскошно. Прежде чем я отправлюсь к ландграфу, я, безусловно, наведаюсь в Веймар, чтобы освободить Вас от этого ненавистного пришельца и осмотреть поле предполагаемого сражения. Вполне вероятно, я проделаю это инкогнито.

Передайте своему радушному хозяину мои самые наилучшие пожелания и обещание скоро прибыть с визитом.

Именем осторожности, молчания и мудрости я приветствую Вас.

Ваш Сен-Жермен».

В то время как страны Центральной Европы были сосредоточены на войне за баварское наследство, далеко на запад от них, за океаном, шла другая война — война за американскую независимость. Для французского короля Людовика XVI восстание американских колоний Англии, ослаблявшее ее, было благоприятным, и в 1778 году он ввел в эту войну Францию, на американской стороне. Но согласно свидетельству мадам Кампан, старшей фрейлины Марии-Антуанетты, королева открыто выразила свою оппозицию участию Франции в войне (при этом с патриотизмом выразив свою гордость за то, что посланные туда французские войска с честью выполнили свой долг).[408] Мадам Кампан считала, что королева действительно не могла предвидеть, что одобрение, с которым они относились к восстанию далекого народа против его монарха (Георга III), будет использовано народом Франции как прецедент для восстания против Людовика XVI и ее самой, и их казни.

Это замечание сделано Джин Овертон Фуллер из-за предания (в которое она не верит), согласно которому Сен-Жермен посетил в Париже Марию-Антуанетту, ставшую королевой, в тот момент, когда уже стали заметны признаки надвигающейся Революции, и предупредил ее о приближении бойни.[409]

---

[408] Memoires sur la vie privee de Marie-Antoinette, Reine de France et Navarre, Madame Campan, Lectrice des Mesdames et Premiere Femme de Chambre de la Reine (Londres, 1823), vol. 1, p. 221.

[409] К сожалению, источником этого, по-видимому, являются откровенно фальшивые «Воспоминания о Марии-Антуанетте и Версальском дворе, написанные графиней д'Адемар, придворной дамой» («Souvenirs sur Marie-Antoinette et la cour de Versailles, par la Comptesse d'Adhemar, dame du Palais») (Paris, 1836). В окружении Марии-Антуанетты были граф и графиня д'Адемар, однако их брак был заключен в 1782 году, когда невесте было 22 года. Из двух дат, когда, согласно этим воспоминаниям, произошли встречи Марии-Антуанетты и Сен-Жермена, свидетелем которых она была, одна — в 1775 году, другая — в 1789 году, — первая выглядит

Английская исследовательница считает, что если такое возвращение Сен-Жермена в Версаль и имело место, то оно могло произойти только в этот период. Уже прошло много времени с тех пор как, согласно датированному свидетельству, графа видели в Германии. Он мог совершить эту поездку вовремя так называемого Алтонского периода — либо до того, как Дрессер написал письмо из Гамбурга с комментариями отношений Сен-Жермена с французским министром (до октября 1778 года) либо сразу после этого; следовательно, они могли быть связаны с визитом и его целью. Вряд ли этой целью было сообщить королеве об угрозе неминуемой гибели. Более вероятно, полагает Фуллер, что Сен-Жермен стремился добиться того, чтобы Людовик, зять императора Иосифа, не оказал поддержки вторжению императорских войск в Баварию. Для Людовика могло иметь значение то, что отправка французских войск в Баварию, учитывая, что часть его армии уже была послана в Америку (действие само по себе довольно сомнительной мудрости), поставила бы его в чрезвычайно сложное положение; да и по финансово-экономическим причинам он просто не мог себе позволить отправить их куда бы то ни было. Если Сен-Жермен и действовал именно в этом направлении, это не должно было означать неодобрения американского стремления к независимости; возможно, он считал, что помощь Франции мало значила для Америки, которая все равно достигла бы своей независимости, но наносила большой вред самой Франции. Все это очень походило на ситуацию 1760 года, вызвавшую его дипломатическую инициативу. Сен-Жермен хорошо относился и к Франции и к Англии, так как жил в обеих этих странах; учитывая и без того тяжелое финансовое положение Франции, сейчас ей эта война была нужна меньше всего. Прежде всего ей была необходима полная реорганизация финансовой и административной систем чтобы уменьшить все возрастающее давление налогового бремени на беднейшие слои населения, что вместе с постоянным ростом цен приводило эти слои населения, оказавшиеся на самом дне, в отчаяние и ярость. Если его послание было именно таковым, то он мог приехать к Марии-Антуанетте — несмотря на то, что именно ось Шуазёль-Кауниц привела ее во Францию — из-за ее личной позиции, скорее как к союзнику, чем как к мишени и жертве.

Хотя все эти соображения не лишены логики, мы держимся другого мнения по поводу подлинности свидетельства мадам д'Адемар и думаем, что поездка Сен-Жермена в Париж — отнюдь не легенда. Конечно, Фуллер совершенно права относительно того, что названные даты в записках графини недостоверны, но предположение о поездке Сен-Жермена в Париж в период между январем и августом 1779 года нам не кажется вероятным. Скорее оно должно было состояться в 1782 или 1783 году, когда Сен-Жермен проживал в Шлезвиге во владениях принца Гессенского, в период отлучки последнего.

слишком ранней, вторая — слишком поздней. Так называемые воспоминания были, вероятно, сфабрикованы из мемуаров мадам дю Оссет, Казановы и «Хроники слухового окна», еще одной выдумки. Морепа — которого Людовик XVI отозвал из ссылки, куда его сослал Людовик XV — показан врагом Сен-Жермена, который угрожает ему заключением в Бастилию. Моделью для него, должно быть, послужил Шуазель, имя которого для перенесения действия в более поздний период заменили на Морепа. Графиня д'Адемар умерла в 1822 году, и Шакорнак, вероятно, прав, предположив, что эти «Воспоминания», автором которых она считалась, были написаны Ламот-Лангоном, который был автором и некоторых других фальшивых мемуаров. Я не стала бы об этом даже упоминать, если бы не явный интерес к ним госпожи Блаватской. Конечно, то, что экземпляр его был в библиотеке госпожи Фадеевой, ее тети, не является гарантией того, что сама госпожа Блаватская одобряла их, однако в 1884 году она приехала в замок д'Адемар, что показывает, что она надеялась получить там информацию о Сен- Жермене, и госпожа Купер-Оукли пишет (С. 53f), что современная ей графиня д'Адемар, американка, уверяла ее, что у нее были относящиеся к этому вопросу документы, сейчас хранившиеся в Америке. По-видимому, она не показала эти документы, но остается еще возможность, что Ламот-Лангон вывел свою идею визитов Сен-Жермена из подлинного предания о встречах между Марией-Антуанеттой и Сен-Жерменом, о которых знала настоящая графиня д'Адемар, хотя она и не писала «Воспоминаний», опубликованных после ее смерти. (Нам доподлинно известно, что мадам д'Адемар писала мемуары, обнаруженные на ее груди после ее кончины в Одессе. Другое дело, что Ламот-Лантн мог литературно обработать подлинные воспоминания, привнеся в них немалую долю своей буйной фантазии. Однако оценка этих мемуаров в письмах Е.И. Рерих не подвергает сомнению саму суть: возможность предупреждения королевы Сен-Жерменом.)

Впрочем, к Марии-Антуанетте и мадам д’Адемар мы еще вернемся позже. А пока переберемся вслед за графом Сен-Жерменом в Шлезвиг, в Гот-Готторпи Эккернфёрде.

Глава 18

В Шлезвиге

Принц Гессенский жил в старом феодальном замке, называвшемся Готторп, недалеко от города Шлезвига, у западного окончания бухты Шлея, на восточном побережье реки Шлезвиг.

Граф Сен-Жермен приехал в замок Готторп в августе 1779 года. С первых же своих встреч с принцем Гессенским граф сообщил ему о вещах, которые он намеревался осуществить на благо человечества. Принц не имел особой охоты участвовать в этих задумках: «Мне этого совсем не хотелось, но стаю совестно отклонить такие знания, значительные во всех отношениях, из-за ложного представления о мудрости, или из-за скупости, и я сделался его учеником».[410]

Спустя некоторое время к принцу Гессенскому приехал знатный гость — герцог Фердинанд Брауншвейгский.[411] Позже он напишет принцу Фридриху-Августу Брауншвейгскому:

> «Мой многоуважаемый и дорогой племянник,
>
> …Я не думаю, что увижу Брата Герасо во время его посещения Шлезвига, но с другой стороны, я встретил графа Сен-Жермена. Я был этим крайне удовлетворен. Я посетил его трижды. Он приобрел великие знания в изучении природы…Теперь я направляюсь в Копенгаген… Я провел 18 очень приятных дней с моим дорогим Братом Карлом Гессенским и его любезным семейством. Сожалею, что покинул их. Знания Сен-Жермена чрезвычайно обширны. Его беседа содержит много указаний.
>
> Искренне к вам привязанный:
>
> Фердинанд фон Б.».[412]

---

410 Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 133.

411 Фердинанд, принц Брауншвейгский-Люнебургский (нем. Prinz Ferdinand von Braunschweig; 12 января 1721, Вольфенбюттель — 3 июля 1792, Брауншвейг) — прусский генерал-фельдмаршал, командующий объединенной армией союзников Пруссии в Семилетней войне, шурин прусского короля Фридриха II. Славно послужив, прославившись в победе при Миндене, он получил отставку и посвятил себя искусствам и масонству. Фердинанда Брауншвейгского посвятили в 1740 году в масонскую ложу его брата, Фридриха II. Для княжества Брауншвейгского с 1770 года он становится английским Провинциальным Великим Мастером, и через год встает во главе устава «Строгого Послушания». На Конвенте в Кохло, в 1772 году, он становится Великим Мастером всех шотландских лож. Он созвал Вильгельмсбадский масонский конвент, который проходил с 16 июля по 1 сентября 1782 года, где по уставу «Строгого Послушания» было принято решение о продолжении развития этого устава.

Он также стал в 1783 году, как Карл Гессен-Кассельский, членом Общества иллюминатов, а в 1786 году и получил звание — генерал-обермейстера азиатских братьев.

Примечательно, что у Фердинанда было 17 братьев и сестер, его сестрами были супруга Фридриха Великого королева Пруссии Елизавета Кристина, супруга его брата, Августа Вильгельма, мать наследовавшего Фридриху Великому Фридриха Вильгельма II, Луиза Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская, и вторая жена короля Дании Фридерика V королева Дании Юлиана-Мария, а старшим братом — Антон Ульрих (нем. Anton Ulrich Herzog von Braunschweig-Wolfenbüttel, 17 (28) августа 1714, Беверн — 4(15) мая 1774, Холмогоры), герцог Брауншвейг-Беверн-Люнебургский — отец российского императора Ивана VI Антоновича, генералиссимус русских войск 11 ноября 1740–1741 при императрице Анне Иоанновне, сосланный Елизаветой Петровной и умерший в ссылке при Екатерине II.

412 Письмо написано в городе Мидделфорт, Дания, датировано 2 ноября 1779 года. См.: Вольц Г.В. Цитир. произв. С. 360. Согласно М. ле Форестье герцог Брауншвейгский общался с Сен-Жерменом на следующие темы: как войти

Так же, как и герцог Брауншвейгский, принц Гессенский «уважал графа и ценил его от всего сердца, каждый день занимался с ним по три часа».[413] Граф много говорил об улучшении красок, очень дешевых, об облагораживании металлов и при этом добавлял, что «совершенно не нужно изготовлять золото, даже если вы умеете», и оставался верным этому принципу.[414] Принц пишет: «Драгоценные камни стоят дорого при покупке, но если вы разбираетесь в деле их облагораживания, их ценность растет во много раз. Почти ничего не было в природе такого, чего он не умел бы использовать. Он доверил мне почти все свои знания о природе,[415] но только начальные знания: он добивался того, чтобы я сам находил на опыте успешные способы экспериментирования над металлами и камнями и радовался моим успехам. Что касается красителей, он действительно мне их дал, вместе с другими, более важными знаниями».[416]

Граф утверждал, что эти знания получил собственным трудом и исследованиями. Травы он знал в совершенстве и изобрел лекарства, которыми пользовался постоянно, они продлевали ему жизнь, укрепляя его здоровье.[417]

Так как принц Карл уже давно понимал, что отсутствие фабрик делало Данию бедной страной, его привлекло предложение Сен-Жермена организовать производство. После того как граф выразил желание устроить в Шлезвиге мануфактуру по изготовлению красителей, принц Гессенский приобрел для него подходящее здание красильной мастерской и устроил графа там. Принц слышал о пустовавшей полуразрушенной фабрике, принадлежавшей скончавшемуся господину Отте[418] в Эккернфёрде,[419] примерно в тридцати милях от Готторпа. Фабрика была расположена неподалеку от маленького рыбного порта и от церкви святого Николая, крыша ее была очень крутой, двускатной, со световыми люками, и подобно крышам церкви и большинства домов в Эккернфёрде, покрыта красной черепицей. Принц Карл купил ее, отремонтировал для Сен-Жермена, а потом сделал заказ на окраску нескольких рулонов тканей. Это было в начале 1781 года: «Я купил шелка, шерсть и т. п. Понадобились и необходимые инструменты для подобного рода фабрики. Там я увидел, как окрашивались, тем же способом, что я практиковал в чашечке, пятнадцать фунтов шелка в большом котле. Все получалось отлично. Нельзя говорить, что крупномасштабные опыты не удавались».[420]

Сен-Жермен использовал верхний этаж фабрики для организации цеха, а ел и спал на нижнем этаже.

---

413 Письмо графа Варнштедта от 24 ноября 1779 года. См.: Вольц Г.В. Цитир. произв. С. 361.

414 Поль Шакорнак предлагает сравнить эти утверждения с тем, что говорил граф Сен-Жермен у госпожи дю Труссель в Берлине. Ответ соответствует духу герметизма.

415 По поводу отношений между графом Сен-Жерменом и принцем Гессенским М. Ле Форестье говорит: «Хитрому шарлатану не составило труда полностью запутать человека, отсутствие научных знаний и стремление к мистицизму которого превращали его в легкую добычу проискам самозванцев». См.: цитир. произв. С. 358. Утверждение непроверяемое, смелое и основанное, скорее всего, на предрассудке.

416 Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 133.

417 Там же. С. 134.

418 П.В. Отте — бывший советник канцелярии, умер в 1766 году. С тех пор здание красильни пустовало.

419 Эккернфёрде — маленький порт на берегу Балтийского моря, находится примерно в 20 км от Шлезвига.

420 Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 134. Тем не менее Гляйхен утверждал: «Граф Сен-Жермен вовлек принца Гессенского в неудачные манипуляции». Цитир. произв. С. 133–134.

Каждый раз, когда принц приезжал к графу в красильную мастерскую, он задавал ему много вопросов и никогда не возвращался в замок Готторп без новых интересных знаний.

Принц Гессенский проявлял ко всем одинаковое благодушие. Будучи масоном, через братьев он познакомился по переписке с торговцем шелками из Лиона, масоном Жаном-Батистом Виллермозом,[421] которому затем часто и много писал на духовно-религиозные темы. Когда принц Карл узнал, что финансовые дела лионского торговца не блестящи, то написал ему, предложив уехать из Франции и приехать в Эккернфёрде, чтобы основать фабрику шелковых, хлопчатых и льняных тканей при фабрике красителей графа Сен-Жермена, отличное качество изделий которого он хвалил:

> «20 мая 1781 г.
>
> Хочу сообщить Вам, что знаменитый граф Сен-Жермен, известный, с тех пор как он оставил Францию, как граф Уэлдон, оставался у меня более года. Он тщательно инструктировал меня и утверждал, что я единственный ученик, который у него когда-либо был. Одна из самых замечательных вещей, которые он изобрел, — это новый способ крашения; он может красить в самые красивые тона, во все мыслимые оттенки столь тонко, как только можно вообразить, с отливом розового, желтоватого, светло-серого, зеленого и голубого. Все эти оттенки очень красивые и стойкие, и вещества, которые обычно портят краски, как, например, кислоты, спирт, солнце, дождливая погода, — нисколько на них не влияют. При всем этом цены более низкие или по крайней мере такие же, как у наилучших имеющихся сейчас красителей, которые, однако, не столь красивы, великолепны и стойки, как красители, сделанные на фабрике в Эккернфёрде, где граф Сен-Жермен недавно обосновался.
>
> Не хочу скрывать от Вас мою идею убедить Вас приехать сюда, так как мне пришло в голову, что я мог бы организовать фабрику для производства одежды, шелков, хлопка и льна и предложить Вам пост управляющего директора, со всеми выгодами, которые я могу обеспечить Вам…».[422]

Принц Карл не сомневался, что сотрудничество этих двух людей в области ткацкого и красильного дела окажется плодотворным. Однако Виллермоз отказался эмигрировать, даже для того чтобы поправить свое материальное положение. Зато он принял предложение эксклюзивного права на красители графа Сен-Жермена и запросил образцы:

> «Лион, 15 июня 1781 г.
>
> Монсеньор,
>
> Наисветлейший досточтимый Брат,
>
> …Мне знакома репутация Сен-Жермена, известная всей Европе. Я часто слышал разговоры о его необыкновенно большом возрасте, некоторых необыкновенных случаях, его редких знаниях в химии, естественных науках и даже в искусстве адептов, владеющих секретом универсальной медицины, но мне кажется, что на основании таких простым и туманных утверждений, без доказательств, лучше было бы воздержаться от суждения о нем, как и обо всех других, о ком делались такие заявления, до тех пор пока некоторые счастливые обстоятельства (если таковые возникнут) не позволят мне самому дать им оценку и прийти к более определенному заключению. Сообщение Вашей Светлости о том, что Вы были тщательно проинструктированы, наполняет меня радостью: значит, Вы сможете, без сомнения, сами вынести суждение об этом необыкновенном человеке, о природе и обширности его знаний, и помочь составить мнение тем,

---

421 Жоли А. Лионский Мистик. Протат, 1938. С. 159. Жан-Батист Виллермоз

422 Письмо Карла Гессенского Виллермозу 20 мая 1781 г. См.: Жоли А. Цитир. произв. С. 159.

кого сочтете достойным Вашего доверия…

Искусство окрашивания шелков таким способом, который обеспечивает закрепление неизменного цвета без повышения цены, несомненно, является секретом, ценным для коммерции, и еще более ценным для самого изобретателя и пропорционально для тех, кто непосредственно допущен к преимуществам, которые это создаст для них, если число этих последних ограничено.

Следовательно, предложение, которое Вашей Светлости было угодно сделать мне — дать мне эксклюзивное право на распространение этих окрашенных материалов во Франции, является реальной выгодой, однако успех этого может быть оценен исключительно по неоспоримому успеху в подтверждении устойчивости красок с помощью соответствующих испытаний…»[423].

Хотя Виллермоз и принц Карл Гессенский оба принадлежали к масонам, их общественное положение и род занятий, а главное, убеждения, духовный и психический склад были слишком различны. Как партнеры по коммерции они не состоялись, несмотря на неоднократные усилия принца Гессенского убедить Виллермоза в выгоде сотрудничества; последнее найденное исследователями в архивах письмо принца Карла, где он упоминает о крашении, относится к февралю 1782 года:

«7 февраля 1782 г.

Господин Сен-Жермен этой зимой был очень занят, но не крашением, а другими делами, другими предприятиями и выдачей инструкций. Это и задержало высылку Вам образцов, которые я отправлю сегодня, на адрес братьев Зальцман в Страсбург. Образцов всего несколько штук, но больше всего я прошу Вас обратить внимание на белый».[424]

Помимо вопросов веры и масонских ритуалов, в переписке принца Карла и Жана Батиста Виллермоза говорилось и о личных повседневных новостях. Так, в июне 1781 года Виллермоз написал принцу Карлу, что его брат, Пьер Жак Виллермоз, страдал от камней в мочевом пузыре, и попросил посоветоваться по поводу возможной помощи с графом Сен-Жерменом, который пользовался славой целителя. Помощь не замедлила, о чем Виллермоз с благодарностью сообщил в письме Карлу:

«Лион, 30 июля 1781 г.

Мой Господин,

Светлейший досточтимый Брат,

Я надеялся, что Ваша Светлость, осыпав меня столькими благодеяниями, соблаговолит привлечь внимание графа Уэлдона к моему бедному больному брату и обеспечит что-нибудь для лечения или облегчения его страданий; однако я не мог ожидать такого невероятно скорого получения доказательства этого, и я с трудом поверил своим глазам, когда в вашем письме от 4-го сего месяца я нашел соответствующий рецепт.

Ах, монсеньор, вы умеете давать уроки величия и доброты и завоевывать власть над сердцами людей.

Соответственно указаниям Вашей Светлости я передал моему брату приложенные вами рецепты. Его дух, столь же чувствительный, как и мой, был очень сильно взволнован тем живым интересом, который Ваша Светлость проявляет к его печальному состоянию, и преисполнен нежными чувствами, которые он просил меня выразить за него Вашей Светлости. Не будучи в состоянии засвидетельствовать свою благодарность Вашей Светлости самолично, он просил

---

423 Письмо Виллермоза Карлу Гессенскому, 15 июня 1781 г. См.: Жоли А. Цитир. произв. С. 159.

424 Письмо Виллермоза Карлу Гессенскому, 15 июня 1781 г. См.: Жоли А. Цитир. произв. С. 159.

меня сделать это за него.

Но могу ли я за него и за себя выразить то, что превосходит любое выражение?

По поводу рецептов: особое обстоятельство, которое пока я не могу назвать ни счастливым, ни несчастным, так как понадобится еще несколько недель, чтобы узнать, какое слово подходит для его обозначения, к моему и его сожалению, не позволяет ему применить их…»

Особое обстоятельство, упоминаемое Виллермозом — это то, что его брагу был «с необыкновенной таинственностью» передан другой рецепт на два различных снадобья, способствующие растворению камней, которые надлежало принимать в течение нескольких недель, чтобы подготовить организм к операции, а в лучшем случае — и вовсе избежать ее; а затем была сделана хирургическая операция по удалению камней и предложенные графом средства не понадобились.

К сожалению, письмо к Виллермозу с рецептом Сен-Жермена не сохранилось. Единственный рецепт графа для лечения конкретного заболевания, причем глазного, имеется в переписке принца Карла и его друга-масона — барона Курта фон Гаугвица, прусского посла в Вене:[425]

«Луизенланд, 9 октября 1781 г.

Граф Сен-Жермен дал мне следующий рецепт, вместе с комплиментами и заверениями в своей дружбе к «дорогому доктору», и просил вас, дорогой Брат, держать это в строгом секрете, сейчас и в дальнейшем:

20 частей негашеной извести бросить в 60 частей кипящей воды, которая после этого должна кипеть еще час; затем дать остыть и бросить в это 2 части корок белого хлеба. Хорошо перемешать и оставить на 24 часа. Слить кристально чистую жидкость, удачлив образовавшуюся на поверхности пленку. Великолепное средство для многих стойких заболеваний, которые ничем другим вылечить не удается. Обычно рекомендуется омывать больной орган этой жидкостью несколько раз в день. В частности, для лечения глаз к чашке такой жидкости надо добавить по нескольку капель фенхеля и «Воды королевы Венгрии»[426] и затем все перемешать.

Присоединяю к этому мои горячие пожелания, чтобы этот рецепт помог излечению ваших больных глаз».

Принц Гессенский предоставил графу Сен-Жермену врача, бывшего аптекаря по фамилии Лоссау — тоже масона. Он готовил лекарства по рецептам, которые граф ему давал. Лекарство для больных глаз фон Гаугвица по поручению Карла Гессенского составлял он, так же как и средство от гриппа или острого катара, как эта болезнь названа в письме принца Карла фон Гаугвицу:[427]

«18 мая 1782 г.

Ваши комплименты дорогому старому Папе Сен-Жермену были переданы мною вчера письменно. Он полностью доверил изготовление всех этих лекарств [буквально, рвотных] мне, а я перепоручил доброму Брату Лоссау. То, что Вы просили, должно прибыть сегодня. Вам достаточно будет написать мне пару строк, и всегда для Вас будет приготовлено столько, сколько Вам нужно…

---

[425] Цит. по книге Дж. О. Фуллер, которая, в свою очередь, дает сноску на источник: Krakow, Universytet Jagellonski, Biblioteka Jagellonska, Vamhagen MSS.

[426] «Вода королевы Венгрии» — старинная разновидность одеколона. Основным ингредиентом, как считают, было, как и в современной разновидности, масло розмарина.

[427] Krakow, Universytet Jagellonski, Biblioteka Jagellonska, Sammlung Vamhagen.

За последние несколько дней у меня несколько раз была возможность наблюдать силу действия этих лекарств; последний случай произошел вчера, с моей женой, которая была очень больна, у нее был острый катар, подобный тому, очень заразному, который свирепствовал в Петербурге, Копенгагене и теперь пришел в наши края. В течение только одного часа в самом начале я наблюдал у нее сильнейшие страдания и жар, а потом увидел ее совершенно здоровой».

Еще одно из известных снадобий Сен-Жермена — состав на основе чайного листа, который доставался богатым людям Шлезвига за деньги, а бедным бесплатно,[428] так же как и лечение самого врача Лоссау. Согласно принцу Гессенскому «большое число людей были излечены, и — насколько я знаю — никто не умер».[429]

В течение этого времени граф Сен-Жермен не жалел ни времени, ни здоровья, так что в августе 1782 года он сам заболел острым ревматизмом вследствие длительного пребывания во влажном помещении на первом этаже красильной мастерской и несмотря на все свои снадобья никогда окончательно не поправился.

Если в первое время после устройства красильни принц Карл часто бывал у графа, то в 1782 году и позже, когда здоровье графа стало хуже, эти посещения становились все реже, хотя принц Гессенский по-прежнему в своих письмах фон Гаугвицу неустанно подчеркивает глубокое благоговение перед своим духовным наставником:[430]

«Готторп, 17 ноября 1782 г.

Несколько дней назад я опять видел в Эккернфёрде нашего старого Папу Сен-Жермена. Когда мы обнялись, он заплакал, как ребенок. Я был очень рад, что повидал его и что мы поговорили. Я опять должен повторить, что все преисполнены к нему почтения, даже преклонения, за его познания».

«Когда я заехал к графу Сен-Жермен с визитом десять дней назад, он уже опять был на ногах. Он утверждает, что выздоровление наступило быстро. Но оно должно проявиться на двух уровнях — тела и души; самая трудная часть работы — над душой — еще впереди, главная часть, и этого он не отрицает…»

«8 июня 1783 г.

Граф Сен-Жермен уже выздоравливает, но медленно. Необычайный человек и с каждым днем кажется мне все более необычайным».

Если в самом начале принц Карл и проявлял недоверие к своему гостю, то потом переменил мнение и сделал вывод, что ошибался, пытаясь оттолкнуть от себя человека такой доброты и глубоких знаний:[431]

«Он был одним из величайших философов, когда-либо живших на земле.

---

[428] Надо полагать, что в этом объяснение слов Мирабо «он изобрел чай, перед которым отступали все болезни». См.: О прусской монархии. С. 69. Барон Книгге думает иначе: «чай был таким сильным слабительным, что можно было отправиться на тот свет». См.: Доклады о новейшей истории масонов в девяти вопросах (на нем. яз.). Берлин, 1786. С. 135.

[429] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 134.

[430] Копии этого и всех последующих писем были получены Джин Овертон Фуллер по специальному запросу из библиотеки Krakow, Universytet Jagellonski, Biblioteka Jagellonska, Sammlung Vamhagen.

[431] Memoires de mon temps, le Landgrave Charles Prince de Hesse (Копенгаген, 1861). С. 136.

Друг человечества, равнодушный к деньгам во всех случаях, кроме раздачи их бедным; друг животных; его сердце тревожила единственно забота о благе других людей. Он надеялся сделать мир счастливым, давая людям больше того, что их радует, — материи более тонкие и более красивых расцветок, — и все это по более низкой цене, так как его великолепные краски почти ничего не стоили. Никогда я не видел человека с более ясным умом».

Как казалось Карлу Гессенскому, философские воззрения графа в отношении религии сводились к чистому материализму, «но он умел так тонко его представить, что было чрезвычайно трудно возразить ему. Он был что угодно, но не поклонник Иисуса Христа и позволял себе в его отношении слова, которые не могли быть мне приятными:

«— Милый граф», — сказал я ему, — думайте об Иисусе Христе, что хотите, но уверяю Вас, те слова, какие Вы говорите о нем, которому я так предан, меня очень печалят.

Он ненадолго задумался и ответил:

— Иисус Христос — ничто, но печалить Вас — это уже что-то, и поэтому я обещаю Вам больше никогда с Вами о нем не говорить».[432]

Принц Карл пишет в далее своих воспоминаниях: «Однажды, в начале 1783 года, я нашел его совсем больного, он думал, что умирает. Он гас на глазах. Поужинав в спальне, он усадил меня одного у своей кровати, говорил о многих вещах, предсказал многое и попросил меня приехать снова как можно раньше. Я так и сделал и нашел его в лучшем состоянии, однако очень молчаливым[433]».

К сожалению, именно в этот момент, зимой 1783 года, дела, в основном личного порядка, призвали принца в Ханау и Кассель.

Вследствие этого он не мог надеяться быть рядом с умирающим Сен-Жерменом, если он не проживет до весны.

Перед своим отъездом в Кассель в декабре 1783 года принц Карл еще дважды виделся с графом. Во время первой встречи граф сказал, что «если он умрет во время отсутствия принца, тот найдет запечатанную записку, написанную его рукой, которой будет достаточно»[434], чтобы руководить им в будущем, по поводу которого Сен-Жермен сделал некоторые пророчества. Во время второй беседы, за два дня до отъезда, принц Карл, возможно, обеспокоенный тем, будет ли записка содержать достаточно информации и сможет ли он понять ее, и не собьется ли он с пути, попросил Сен-Жермена дать ему эти последние наставления сейчас, пока он еще был жив, на что граф Сен-Жермен воскликнул, как бы в испуге: «Ah, serais-je malheureux, mon cher Prince, si j’osais parler!»[435] Буквально это означает: «Ах, я был бы несчастен, мой дорогой принц, если бы посмел заговорить!». Но слово «maleureux» имеет более сильное значение во французском языке, чем просто «несчастный», оно может означать также «проклятый», «злосчастный». В данном контексте оно, вероятно, означало, что в результате графа могло ожидать какое-то бедствие.

Существуют эзотерические традиции относительно тайн, которые посвященный может передать только своему духовному сыну или воспреемнику, и только в момент своей смерти. Поняв слова графа именно так, принц не стал настаивать, простился с графом и больше его не видел.

---

[432] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 136.

[433] Там же. С. 135.

[434] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 135.

[435] Там же. С. 135.

Хотя не сохранилось никакой переписки между Сен-Жерменом и принцем Карлом, Сен-Жермен мог писать ему или по его просьбе новости о графе мог сообщать кто-то еще. Принц Карл, очевидно, получивший подобное письмо, написал из дома своего брата фон Гаугвицу:[436]

> «Ханау; 27 декабря 1783 г.
>
> Граф Сен-Жермен чувствует себя то лучше, то хуже. Если, к нашему счастью, погода не станет более сырой, он сможет пережить зиму и продержаться до моего возвращения, чтобы дать последние наставления мне лично, а потом (если будет на то воля Божья) блаженно заснуть».

Немецкое слово «Auftrage» означает несколько больше, чем указания в обычном смысле, это именно последние наставления, передающие сокровенные тайны.

---

[436] В книге La Franc-Maçonnerie en France des Origines à 1815, G. Bord. (Paris, 1908). С. 316, напечатано письмо, которое, как утверждается, написано принцем Карлом Виллермозу 28 мая 1784 года, где он сообщает, что Сен-Жермен умер в полном сознании, как заверил его Лоссау, и рассказывает об одном из своих последних с ним разговоров. «Он всегда действовал так, будто ничего не знал о масонстве или высшем знании, хотя за последний год множество деталей убедили меня в противоположном. Он признался, что встретил в Варшаве некоего Маршалла фон Биберштайна, считаемого предтечей Хунда, и на вопрос «Не обманул ли нас Хунд?» ответил: «Нет, он был хорошим человеком». Также, несмотря на то, что он никогда не признавал, что был масоном, он произнес нечто странное: «Le plus ancien des Maoris» — «Самый старый из масонов». (Это письмо будет приведено в следующей главе.) Если это подлинно, то имеет очень глубокое значение. К сожалению, Борд не сообщает, из какого источника взяты эти цитаты, и хотя, возможно, делает это по небрежности, нельзя быть уверенным, что он не придумал ее сам или некритично взял из источника, который проверить не мог. Джин Овертон Фуллер написала в Den Danske Frimurerorden, где хранится вся известная переписка между принцем Карлом и Виллермозом, но они не смогли найти никаких писем с указанной датой. Более того, этого письма там не обнаружил и современный голландский исследователь Г. ван Рейнберк, масон и автор книги Saint-Germain in de Brieven van zijn tijdgenoot den Prins Karel van Hessen Cassel, G. van Rijnberk (Den Haag, около 1944).

Глава 19

Масон, тамплиер или розенкрейцер?

Какие же сокровенные тайны должен был передать граф Сен-Жермен в час своей кончины принцу Карлу как своему духовному сыну, ученику и воспреемнику? Были ли это тайны мистического ордена, главой которого был Сен-Жермен, и если да, то какого именно? Первый ответ напрашивается сам собой — масонского! Но не все так просто. В XVIII веке существовало множество самых разнообразных духовно-эзотерических обществ. Да и масонство восемнадцатого столетия было весьма неоднородным.

Первым упоминанием франкмасонства во Франции считается полицейский рапорт от 16 февраля 1737 года, относящийся к «ordre de Frimasons». Во Францию масонство пришло из Англии, и его появление в Париже связывалось с приездом смещенного с трона короля Англии Якова II. Предполагали, что в Сен-Жермен-ан-Лэ, где он обосновался, некоторые сопровождавшие его придворные, в основном шотландцы, практиковали франкмасонство и посвящали в него симпатизирующих французов.

Однако вскоре в Лионе возникло течение противоположного направления. В этом городе парижское масонство, которое, благодаря поддержке католиков, стало деистским, а некоторые его течения и вовсе атеистическими, рассматривалось как поверхностное, многословное и политическое. Лионские франкмасоны занимались духовными материями.

Вдохновителем их был некто Мартинес Паскуалис, считавшийся испанцем или португальцем по происхождению, однако родившийся в Гренобле, вероятно, в 1727 году. Впервые о нем услышали в масонских ложах Монпелье, Тулузы и Фуа — там, где когда-то была страна катар, и где даже сегодня сохраняется память о мучениках — альбигойцах, казненных в 1208 году. Возможно, он использовал некоторые подлинные остатки древнего учения, объединив их в представленном им толковании с традициями гностиков и каббалистов. Он стал известен в ложах как учитель, провозглашающий водительство «Неведомых Высших», термин, напоминающий «Невидимую Коллегию», о своей принадлежности к которой веком ранее заявляли розенкрейцеры в своих манифестах. Он привлек к себе Луи-Клода де Сен-Мартена, молодого офицера, которому влияние Шуазёля помогло получить патент в полку в Фуа, и Жана-Батиста Виллермоза, торговца шелком из Лиона, города, в котором эти мистики основали свою ложу — общину «Elus Cohens». Не выходя полностью за пределы обычного масонства, они учили, что вначале был только Бог, а от него произошли духи. Некоторые из них вошли в материальные тела, так произошло, в свою очередь, и с человеком; человек должен был с помощью аскетической дисциплины и молитв воссоединиться с духом или Богом. Они считали, что все великие мировые религии содержали некоторые общие элементы божественной истины (тем самым предвосхищая современную теософию и суфизм), некоторые религии больше, чем другие, и что в официальном догматическом христианстве ключи были утеряны, поэтому для того, чтобы заполнить пробелы и верно интерпретировать христианское Писание, нужно было обращаться к другим традициям. Был разработан и принят некий ритуал, в конце которого кандидат, очистив свою моральную природу, после медитаций и молитв должен был пройти через «Великое Делание». Возможно, это было похоже на нисхождение Святого Духа, божественного наития, как ответ на человеческие устремления.

Жан-Батист Виллермоз родился 10 июля 1730 года в Лионе. Он был старшим из 12 детей и провел свою жизнь преимущественно в Лионе. Он был братом Пьера-Жака Виллермоза, физика и химика, который работал над Энциклопедией Дидро и Д'Аламбера.

Он был производителем шелка и серебра на рю де Катр-Шапо и как глава благотворительных организаций сыграл важную роль в европейском франкмасонстве своего времени. Он получил посвящение в возрасте 20 лет и стал Досточтимым Мастером своей ложи в 22 года.

Будучи мистиком и горячо интересуясь тайной природой инициации, Виллермоз внес вклад в создание Великой Ложи Регулярных Мастеров в Лионе, которая в то время практиковала 7 высших степеней. Он стал ее Великим Магистром в 1762 году и сразу после этого добавил восьмую степень: «Шотландский Великий Мастер, Рыцарь меча и Розы-Креста». Виллермоз основал в 1763 году вместе со своим братом Пьером-Жаком ложу, названную «Суверенный капитул Рыцарей Черного Орла Розы-Креста», предназначенную для алхимических исследований. Виллермоз был принят в первую степень Ордена Избранных Коэнов в Версале в 1767 году. Позже, в 1780 году он сообщал в письме принцу Гессенскому, что в 1768 году был инициирован в Высшую степень Рыцаря золотого и розового креста (Reaux-Croix) в Ордене Мартинеса де Паскуалиса.

После смерти Мартинеса де Паскуалиса в сентябре 1774 года Луи Клод де Сен-Мартен, друг и брат-Коэн Виллермоза, по его просьбе некоторое время продолжал жить в доме Виллермоза в Лионе и именно там он работал с 7 января 1774 по 23 октября 1776 года над своей книгой «Лекции Лиона», представляющей собой всеобъемлющий обзор учения Избранных Коэнов в форме лекций, которую Сен-Мартен приписал «Неведомому философу».

Несколькими годами ранее Виллермоз узнал, что тайное учение Рыцарей Храма — тамплиеров, которое всегда считалось утерянным со времени роспуска ордена в 1307 году, в Германии до сих пор еще существовало, и возглавлял его барон фон Хунд. В 1770 году Виллермоз вошел в контакт с бароном фон Хундом и немецким Орденом «Строгого (тамплиерского) наблюдения». Виллермоз присоединился к этому ордену с рыцарским именем Eques ab Eremo и стал Канцлером Капитула в Лионе. Братья «Строгого наблюдения» носили на груди красный крест Рыцарей Храма. Мартинизм в некотором роде был продолжением розенкрейцерства, с его вниманием к розе как символу мудрости и молчания. Можно сказать, что два разных течения, хотя и отдельно друг от друга, восстановили Братство розы и креста.

Родившийся 1 сентября 1722 года Карл Готгельф барон фон Хунд и Альтен Гроткау юношей посетил Париж, и кто-то из приближенных Стюарта примерно в 1742 году рассказал ему необычайную историю. Некоторые из первоначальных Рыцарей Храма, избежав судьбы своего Великого Магистра, которого сожгли заживо как еретика, уехали в Шотландию, где вступили в ряды франкмасонов и продолжали совершать свои ритуалы под прикрытием франкмасонских. Обычно английские франкмасоны считали это вымыслом, но Хунд этому верил. Ему сказали, что наследие Великих Магистров было сохранено в целости, а личность Великого Магистра, для его безопасности, держалась в секрете для всех, кроме его ближайших соратников. Все они, Великий Магистр и его соратники, были известны как Неведомые Высшие. Эти намеки, услышанные Хундом, заставили его поверить в то, что теперь Великим Магистром был Карл Эдуард Стюарт, молодой претендент, внук смещенного с трона короля Англии Якова II. Хунд был посвящен неведомым Братом в присутствии лорда Килмарнока (обезглавленного англичанами за измену в 1745 году) и лорда Клиффорда, и ему было сказано, что за дальнейшими инструкциями он должен был обратиться к одному из своих товарищей и соотечественников, Маршаллу,[437] принявшему посвящение ранее.

---

[437] Ф.В. Маршалл фон Биберштейн был Великим Магистром Седьмой провинции Шотландского ритуала (в Германии, с Эльбы до Одера). Полагают, что он основал ложу в Дрездене в 1738 году и другую в Наумбурге в 1749 году, названную «Три Молота». Умер в 1750 году. См.: Гулд РФ. История Масонства (на анг. яз.). Лондон, 1886. Т. III. С. 100. Единственный прижизненный портрет Маршалла фон Биберштейна (Ph. W. Marschall von Biberstein) выполнил тот же самый художник, что с 1707 по 1712 год был придворным художником князя Ференца II Ракоци и оставил потомкам его лучший, классический портрет — венгр Адам Маньоки, который с 1733 года и до самой своей смерти 6 августа 1757 года был придворным художником саксонского курфюрста Августа III в Дрездене. Портрет был закончен после смерти фон Биберштейна в 1751 году и хранится в Museum Schloß Mosigkau. К сожалению, нам не удалось отыскать репродукцию с этого портрета.

Хунд отыскал Маршалла в Германии, но успел узнать от него немногое, так как Маршалл умер в 1750 году,[438] поэтому Хунду пришлось действовать самостоятельно. Он понимал свою ответственность в качестве проповедника духовной доктрины, возможно, более глубокой, чем учение обычного масонства, и, следуя своему высокому предназначению, приступил к реформам: ввел в Германии новый Шотландский устав, который он переименовал в «Исправленное масонство», а после 1764 года в «Строгое наблюдение», ссылаясь на английскую систему масонства, как на «Позднее соблюдение». Скоро система «Строгого наблюдения» стала наиболее влиятельной в Европе в это время. Она признавала масонов наследниками средневекового рыцарства — ордена тамплиеров. Для нее была характерна многоступенчатость рыцарских степеней. Масоны «Строгого наблюдения» признавали безусловное повиновение «Неведомым Высшим», управляющим орденом (или «Вознесенным мастерам», которые, как позже утверждалось, были духовными направителями храмовников-тамплиеров), обязывались хранить глубочайшую тайну, избегать контактов с ложами, принадлежавшими к другим масонским системам.

«Строгое наблюдение» Хунда было посвящено реформе масонства, и с особым упором на ликвидацию оккультных наук, которые в то время широко практиковались во многих ложах. Это делалось для создания сплоченности и однородности в масонстве через соблюдение строгой дисциплины, регуляции функций и т. д. Однако эти идеи Хунда были не близки католикам-мистикам Виллермозу и Сен-Мартену.

По предложению графа Сен-Мартена и Виллермоза основанное в Лионе общество изменило свое название на «Благодетельные Рыцари Святого Града».

Именно под руководством Виллермоза Конвент Галлии, что проходил в Лионе в 1778 году, заявил, что признает степени «Благодетельных Рыцарей Святого Града».

Виллермоз, теперь Великий Приор (Настоятель) провинции Овернь (которая в «Строгом наблюдении» простиралась на север до Нормандии и Пикардии, а на юге — в Италию), охотно переписывался с другими Братьями «Строгого наблюдения», которых он никогда не встречал, например, с принцем Карлом Гессенским, с Рудольфом фон Зальцманом в Страсбурге и с другом принца Карла, фон Гаугвицем, по поводу связи души и духа.

Однако в германском «Строгом наблюдении» возникли трудности. Несмотря на начальную популярность среди братьев «Строгого наблюдения» росло недовольство и желание исправить ритуалы. Многие масоны различных масонских систем обратили внимание на «Устав строгого соблюдения», как на устав, не соответствующий заявленным масонским принципам и целям. Форма управления орденом была весьма иллюзорна и непрозрачна, а инструкции от «Неведомых Высших» оказались плодом фантазий самого Карла фон Хунда. Своим ближайшим соратникам фон Хунд признался, что от Стюартов перестали поступать руководящие указания. 28 октября 1776 года фон Хунд умер, и в следующем, 1777 году, в Италию был послан фон Вихтер на поиски Карла Эдуарда Стюарта (проживавшего там в это время как герцог Олбани), чтобы попросить его разъяснить положение и дать инструкции. Карл Эдуард Стюарт сказал, что ему ничего не было известно. Он не был Неведомым Высшим. Он не был Рыцарем Храма. Он даже не был масоном.

---

438 Карл Готгельф, барон Хунд (1722–1776) сменил Маршалла фон Биберштейна. После того как он сжег все важные документы, которыми владел, Маршалл передал Хунду лишь список Великих Магистров и красную книгу, матрикулу, ордена. На основе этих документов барон Хунд и основал чин «Строгого наблюдения». См.: Гулд. Цитир. произв. С. 101.

Эта информация погрузила «Строгое наблюдение» в смятение. Была образована временная Дирекция, во главе которой встал являвшийся главой масонов «Строгого наблюдения» с 1772 года герцог Брауншвейгский-Люнебургский Фердинанд. Принц Карл действительно считал его Великим Магистром, и именно так упоминает его в своих мемуарах.[439]

Виллермоз стал главным теоретиком и разработчиком «Исправленного шотландского устава». В новом уставе были задействованы элементы Устава рыцарей-масонов, избранных коэнов Вселенной, и были убраны любые упоминания о тамплиерах.

В 1782 году Виллермоз написал, что существуют три типа масонов-алхимиков:

— те, кто считает, что целью масонства является создание философского камня;

— те, кто ищет Панацею;

— те, кто ищет искусства Великого Делания, благодаря которому человек может обрести мудрость и навыки раннего христианства (к которым относил и себя).

Главные надежды по «очищению», то есть исправлению и реформированию, и объединению масонства возлагались на всеобщий масонский конвент, который было решено созвать в Вильгельмсбаде в июле 1782 года. После этого конвента «Устав строгого наблюдения» прекратил свое существование, а «Исправленный шотландский устав» Виллермоза оформился окончательно.

В одном из последних разговоров между Карлом Гессенским и графом Уэлдоном последний признал, что он старейший из масонов, что сильно удивило принца Карла, поскольку граф всегда делал вид, что ничего в масонстве не смыслит. Когда принц стал расспрашивать его более детально, граф отвечал на удивление точно и быстро.

— Знали ли Вы Маршалла фон Биберштейна?

— Да, очень хорошо.

— Где познакомились с ним?

— В Варшаве.

— Были ли у него какие-нибудь познания?

— Relata refero,[440] понимаете ли?

— Конечно, дорогой граф. Видимо, это значит, что у него были бумаги и он мог передать эти инструкции другим.

Граф согласился с этим ответом, и князь продолжил:

— Покойный Хунд ведь не хотел нас обманывать?

— Нет, это был добрый человек.

Вдруг принц Гессенский спросил:

— Кто был предшественником Маршалла фон Биберштейна?

— Барон фон Род из Кенигсберга.

Последний ответ убедил принца в том, что граф действительно был масоном шотландского ритуала, и позже он написал Жану-Батисту Виллермозу, рассказав ему все обстоятельства разговора: «В этом я усматриваю самое хорошее доказательство нашей исторической связи, но не более того».[441]

Эти слова принца Карла понимаются совершенно ошибочно.

---

439 Memoires de mon temps, Charles, Prince de Hesse-Cassel (Карл, ландграф Гессен-Кассельский. «Воспоминания о моем времени. Копенгаген, 1861). С. 136.

440 Повторяю то, что мне рассказывали.

441 Письмо Карла Гессенского Виллермозу, Ханау, 28 мая 1784 г. См.: Борд Ж. Цитир. произв. С. 316.

Почему-то думают, что они относятся к исторической связи между принцем и графом Сен-Жерменом, но зная изложенные выше обстоятельства учреждения «Строгого наблюдения» и роль Виллермоза и Карла Гессенского в его реформировании, следует понимать это замечание так, что между уставом «Строгого наблюдения» барона Хунда, сменившего во главе Седьмой провинции (Германии) шотландского ритуала Маршалла фон Биберштейна, предшественником которого (великим магистром провинции) в свою очередь был барон фон Род, и пришедшим на смену «Строгому наблюдению» Хунда «Исправленным шотландским ритуалом», который создал Виллермоз и утвердил общемасонский конвент в Вильгельмсбаде, есть принципиальные духовные и структурно-организационные различия, хотя налицо и историческая преемственность, поскольку они оба берут свое начало от шотландского ритуала и рыцарей Храма.

…19 сентября 1781 года великокняжеская чета— наследник российского престола Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна, в девичестве принцесса София Доротея Вюртембергская, дочь Фридриха II Евгения, герцога Вюртембергского, под именем графа и графини Северных отправляется в большое путешествие по Европе, длившееся целый год. Во время этой поездки Павел не только осматривал достопримечательности и приобретал произведения искусства для своего строящегося дворца. Путешествие имело и большое политическое значение. Впервые вырвавшись из-под опеки Екатерины II, великий князь получил возможность лично познакомиться с европейскими монархами, нанес визит папе римскому Пию VI. В Италии Павел, следуя по стопам своего прадеда императора Петра Великого, серьезно интересуется достижениями европейского кораблестроения и знакомится с постановкой военно-морского дела за границей. В результате усвоения новых веяний в европейской культуре и искусстве, науке и технике, стиле и образе жизни Павел во многом изменил и свое собственное мировоззрение и восприятие российской действительности.

В то время Европа представляла собой яркий пример того, как коронованные особы или их ближайшие родственники становились во главе масонских орденов. Стремление масонов посвятить монархов в масонские таинства вполне естественно. Оно вытекало из самой сущности учения масонов: раз уж они хотели осчастливить человечество путем нравственного усовершенствования, то вполне естественно было бы желать поставить во главе такого дела, по крайней мере привлечь к нему того, кто имел больше всего возможностей для этого.

Масоном был король Швеции Густав III, а его родной брат герцог Карл Зюдерманландский являлся шведским гроссмейстером системы «Строгого наблюдения». Король Пруссии Фридрих II был масоном, кронпринц же Фридрих-Вильгельм, будущий прусский монарх, играл важнейшую роль в масонском движении в немецких государствах. Почти все владетельные князья немецких государств были масонами.

Устремления российских масонов шли в том же направлении. Во главе ордена они хотели видеть коронованное лицо. И определенные шаги для того, чтобы во главе российского масонства оказался наследник престола, были сделаны как за границей, так и в самой России.

После посещения Павлом Берлина в 1776 году, когда цесаревич ездил, чтобы познакомиться со своей невестой Софией-Доротеей, из печати вышла брошюра о приготовлении Павла к посвящению в масоны в замке Фердинанда Брауншвейгского в Фридрихсфельде.[442] Летом 1777 года Густав III посетил Петербург. Король-масон был восторженно принят масонскими братьями. Во время пребывания в русской столице Густав высказывал мысль привлечь Павла в орден. Летом 1780 года масон — наследник прусский Фридрих-Вильгельм встречался с Павлом в Петербурге.

19 сентября 1781 года началось заграничное путешествие Павла.

---

[442] Le Bauld de Nans: «Prologue pour la Ricéption de Son Altesse Mr. le Grand Duc de Russie a Friedrichsfelde le 1 Aout 1776».

В то время как Павел вояжировал по Европе, велся подробный дневник этого путешествия. Когда великий князь закончил свой вояж в ноябре 1782 года, в дневнике появилась следующая запись: «…путешествие длилось 428 дней. Проехали 13 115 верст». Однако один из важнейших итогов этого вояжа не нашел в дневнике никакого отражения. Павел покинул Россию профаном, а вернулся в нее вольным каменщиком. Этому посвящению предшествовала острейшая борьба между Фердинандом Брауншвейгским и Карлом Зюдерманландским за право возглавить масонство северных стран и за лидерство в масонском мире, и эта борьба не могла не отразиться на личной судьбе Павла Петровича, которому предстояло сделать нелегкий выбор между масонскими системами. 16 июля 1782 года (если учесть разницу в календарях, то 27 июля по новому стилю), в период проведения Вильгельмсбадского конвента Павел прибыл во Франкфурт-на-Майне и остановился в отеле «Мезон руж» (Франкфурт-на-Майне отделяет от Вильгельмсбада около 5 километров).

Наследник провел здесь два дня и имел несколько интересных встреч.

Четыре дня спустя после окончания Вильгельмсбадского конвента Павел прибыл в Штутгарт. Здесь, в замке Людвигсбург, в присутствии Карла Вюртембергского и Карла Гессен-Кассельского и состоялась ресепция Павла.[443]

Добавим несколько слов о значении этого поистине судьбоносного конгресса в истории европейского масонства. На великом конвенте в Вильгельмсбаде присутствовали 33 избранных делегата, представлявших наиболее авторитетные масонские ложи Европы. Конвент должен был дать ответы на самые злободневные вопросы масонского движения: что представляет собой масонство как таковое, являются ли масоны непосредственными преемниками ордена тамплиеров, разгромленного еще в XIV веке (эту точку зрения особенно отстаивали шведские масоны), должно ли признавать «Неведомых Высших», какова должна быть роль ордена в жизни государства, как должны строиться масонский обряд и масонская иерархия. На все эти вопросы конвент дал ответы, и его решения не потеряли своего значения до сегодняшнего дня. Был утвержден «Исправленный шотландский ритуал» Виллермоза, хотя согласия между различными течениями масонства достичь не удалось. Великого герцога Брауншвейгского избрали верховным Великим Мастером (гроссмейстером) всех провинций масонского ордена, но иллюминаты, назвав себя розенкрейцерами, по сути, поглотили орден «Строгого наблюдения». Иллюминаты — пусть на время — смогли подчинить себе таких столпов масонства, как герцог Фердинанд Брауншвейгский и принц Карл Гессенский. Россию признали независимой Восьмой провинцией ордена «Златорозового креста».[444]

Накануне Вильгельмсбадского конвента Карл Гессенский пишет фон Гаугвицу:

«Гэтторп, 12 декабря 1782 г.[445]

---

443 Следовательно, это посвящение должно было иметь место после 5 сентября 1782 года. Материал взят с сайта: http://www.ruskline.ru/monitoring_ smi/2002/04/10/masonskietajnyrossii/

444 Алхимик Самюель Рихтер, который в 1710 году во Вроцлаве под псевдонимом Синцериус Ренатус (Искренне Обращенный) издал труд «Истинное и полное приготовление Камня Философов братьев из ордена Золотого и Розового Креста» («Die warhhaffie und vollkommene Bereitung des Philosophischen Steins der Brüderschaft aus dem Orden des Gülden-und Rosen-Creutzes»), основал в начале XVIII века в Праге орден Золотого и Розового Креста как иерархическое тайное общество, имеющее внутренний круг, опознавательные знаки и секретные алхимические исследования, материалы по которым выдавались только тем, кто достиг высоких степеней, то есть попал в тот самый внутренний круг. В 1767 и 1777 годах под предводительством Германа Фиктульда общество значительно реформировалось из-за политического давления. Его члены заявляли, что лидеры Розенкрейцерского ордена изобрели франкмасонство, и что только им известны тайные значение масонских символов.

445 Письмо цитируется по книге Дж. О. Фуллер, где эта дата явно ошибочна, что очевидно из текста самого письма, в котором сказано, что конгресс в Вильгельмсбаде (16 июля — 1 сентября 1782 года) только предстоит, а также упомянуто, что великий князь Павел не масон (пока); к сожалению, и сама изданная в Гааге в 1988 году

Не могу Вам передать, мой дорогой Брат, с каким огромным удовольствием несколько дней назад я получил от моего дорогого Брата письмо, датированное 20-м числом. Я особенно рад тому, что смог лучше узнать Вас благодаря вашему путешествию. Но Вы упрекаете себя в слабости и лености; что я должен на это сказать! Я, который во всех добродетелях, — в понимании ли, в действиях ли, — отстал так далеко от Вас. Все, что я могу и хочу сделать — это в смирении перед Господом все более отдавать ему себя, и верить и понимать, что он пожелает в нужное время все сделать хорошо. Не могу скрыть от Вас: я тешу себя надеждой, что буду иметь радость видеть Вас здесь этой зимой; это доставит мне несомненно невыразимое удовольствие. Итак, я ожидаю Вас спокойно и терпеливо, хотя должен сказать, страстно жажду этого.

С нетерпением ожидаю новых ритуалов, которые есть у нашего дорогого Брата Виллермоза. Он вышлет их, как только они будут приведены в порядок, и прежде чем кто-либо другой увидит эти ритуалы, я хотел бы, чтобы Вы просмотрели их и поправили; потом, в Вильгельмсбаде, мы сможем просмотреть их вместе с Вами и герцогом Фердинандом.

Все стремление Конвента должно быть, во-первых, направлено на то, чтобы дать всей системе, или ордену объединенных [квадратов] подходящую и приемлемую форму, которой смогут воспользоваться все Братья. Во-вторых, путь через орден к истинной мудрости должен быть определен таким образом, чтобы оставаться изолированным и секретным для тех, кто не желает иметь с ним ничего общего, откуда следует, в-третьих, что новый ритуал должен быть составлен таким образом, чтобы само расположение ступеней направляло Братьев по этому пути. В-четвертых, направление душ к нашему Господу и Спасителю, которое не было сделано правильно ни в малейшей степени. В-пятых, собранные Вами, дорогой друг, секретные инструкции, — первые две ступени нашего нового ритуала не только содержат их в скрытой форме, но в них внесено и высшее озарение для всей нашей Системы, и некоторые из наиболее значительных Братьев в каждой провинции будут посвящены в них.

Бог видит, я не знаю, что еще можно сделать, и что мое самое горячее желание для Вас и для всех Братьев — чтобы к ним присоединились [не поддается прочтению], чтобы принять Мудрость Востока; что я ищу Бога и ничего другого, нет! Конечно, нет! По слабости, а также честности сердца, я верю, вместе со Св. Павлом, («Послание к Римлянам», VII, 38–39), что ничто не может отлучить нас от любви Божией во Христе[446].

Я уже сообщал Вам, дорогой друг, что беседовал с великим князем[447] и нашел в нем благочестивого, понимающего знатока своей религии,[448] которого там считают обладающим глубокими знаниями в масонстве, хотя он и не франкмасон. Он замечательный человек, я уверен, он станет истинным учителем мудрости своей эпохи. Я люблю его беспредельно.

Лекарства [буквально, рвотные], высланные вчерашней почтой, уже на пути к Вам; я буду высылать их Вам так часто, как Вам будет нужно.

книга, и ее перевод на русский язык изобилуют подобными ошибками.

446 По-видимому, принц Карл цитирует немецкое издание Библии, в котором нумерация стихов и текст несколько отличается от официально принятого в Великобритании и от синодального издания, где это место находится в главе 8, стихи 38–39.

447 Титул наследника российского престола, сына Екатерины, будущего царя Павла I, с которым принц Карл несколько раз встречался.

448 Духовником и наставником царевича был один из лучших русских проповедников и богословов, архимандрит, а впоследствии — митрополит Московский Платон (Левшин). Благодаря его пастырскому труду и наставлениям в Законе Божием Павел Петрович на всю оставшуюся короткую жизнь сделался глубоко верующим, истинно православным человеком.

Мое почтение Вашей супруге. Моя жена передает Вам обоим привет. Я всегда с нетерпением жду Ваших писем, поэтому пишите мне. Обнимаю Вас, дорогой друг, и остаюсь навсегда связанный с Вами священными узами Брат Карл».

Это единственное письмо, по поводу которого можно быть уверенными, что это оригинал, причем написанный собственной рукой принца Карла. На основании этого самого письма Джин Овертон Фуллер делает вывод о том, что Сен-Жермен не мог быть масоном «Строгого наблюдения» и вообще не мог играть главенствующей роли в масонстве. Она пишет: «Если бы Сен-Жермен был, как его многие себе представляли, высокопоставленным франкмасоном, теперь, более чем когда-либо, был случай продемонстрировать исполнение той роли, которую ему приписывала госпожа Купер-Оукли, — он должен был бы переезжать отложи к ложе для установления связей и, в частности, помогая перестроить «Строгое наблюдение». Из этого письма совершенно очевидно, кто же на самом деле занимался этой перестройкой: герцог Фердинанд и фон Гаугвиц, помощь им оказывал Виллермоз. Хотя Сен-Жермен и был в контакте со всеми четырьмя, новые ритуалы ему не показали, с ним не консультировались и его не приглашали на конвент в Вильгельмсбаде, и это несмотря на его близкую дружбу с принцем Карлом, именно потому что о нем не думали как о масоне. Принц Карл был его учеником, но это было совсем другое дело». Эти выводы слишком поверхностны и спорны, но анализ их ошибочности заведет нас слишком далеко в историю тайных обществ.

Лучше дадим слово той самой Изабель Купер-Оукли, которую Фуллер опровергает в этой цитате, но которая, однако, очень глубоко изучала этот предмет и опубликовала по истории масонства не менее восьми работ, и автору приводимого ей свидетельства австрийскому писателю А. де Майи:

«Нет никаких сомнений в том, что граф Сен-Жермен, помимо всего прочего, был также и розенкрейцером. Масонская и мистическая литература прошлого столетия изобилует всевозможными доказательствами его тесных контактов с выдающимися розенкрейцерами Австрии и Венгрии. Это мистическое движение возникло, главным образом, в государствах Центральной Европы. На всем протяжении истории под покровом различных религиозно-мистических течений этот орден стремился к распространению Священной Науки и Знания, в которые были посвящены некоторые из его Высших Наставников, выполняя тем самым завет единой Великой Ложи, призванной к управлению духовной эволюцией человечества. Доказательств существования Учения, которое оставил нам Сен-Жермен, — великое множество, и некоторые из них цитируются госпожой Блаватской с упоминанием о некоем «Зашифрованном Розенкрейцеровском манускрипте»,[449] принадлежавшим нашему мистику. Она отмечает также совершенно восточный характер взглядов, которых придерживался Сен-Жермен. Тот факт, что Сен-Жермен обладал этой очень редкой рукописью, доказывает занимаемое им положение.

Вернемся к «Тайной доктрине».[450] Мы обнаруживаем, что он обучал «Числам» и их значениям, и это важное обстоятельство связывает его с Пифагорейской школой, учение которой было чисто восточным. Эти эпизоды представляют глубочайший интерес для исследователя, ибо они подтверждают наличие единства в, казалось бы, невообразимо далеких друг от друга духовных обществах, внешне и по названиям различных, однако по сути благих устремлений имеющих между собой очень много общего. Вполне очевидно, что Сен-Жермен посещал многие из них, неустанно проповедуя и наставляя.

---

[449] Тайная доктрина, II. С. 212, 3.

[450] Там же, II. С. 616, 617.

О его постоянных контактах с масонскими кругами в нашем распоряжении имеется достаточное количество свидетельств. Согласно Каде де Гассикуру[451] наш мистик являлся странствующим тамплиером, путешествовавшим от ложи к ложе с целью установления и укрепления между ними духовных связей. Эту работу, как известно, Сен-Жермен проводил для парижского отделения «Рыцарей Храма»[452]. Результаты дальнейших исследований подтверждают тесные его связи с «Asiatische Brüder» или «Рыцарями Святого Иоанна-Евангелиста» из восточной Европы, с «Ritter des Lichts» («Рыцарями Света») и многими другими розенкрейцеровскими обществами Австрии и Венгрии, а также с парижскими «мартинистами».

Все эти многочисленные организации необходимо рассматривать отдельно и поподробнее. Однако в настоящее время они упомянуты нами с единственной лишь целью — показать круг организаций, сложившийся усилиями Сен-Жермена в деле объединения этих независимых обществ в единое целое, способное, по его мнению, добиться наилучших результатов в достижении духовных целей. Один австрийский автор[453] в недавней своей статье пишет:

«В масонской и розенкрейцеровской литературе часто обнаруживаются намеки на существование тесных связей Сен-Жермена с тайными обществами Австрии. Одним из приверженцев Сен-Жермена в Вене был граф Й. Ф. фон Куфштайн. В ложе, которой он руководил, постоянно проводились магические собрания (в доме принца Ауэрсбергского), длившиеся по обыкновению с одиннадцати часов утра до шести вечера. Сен-Жермен присутствовал на одном из таких собраний и выразил свое удовлетворение проделываемой обществом духовной работой.

…Многими мистическими братствами он рассматривался как «Obermohr» и благоговейно считался существом высшего порядка, причем каждый верил в его «внезапное» появление и, равным образом же, в его «внезапное» исчезновение. Он прекрасно вписывается в картину «старой Вены» со всей ее мистической атмосферой, переполненной разного рода розенкрейцерами, азиатиками, иллюминатами, алхимиками, магнитопатами, тавматургами, тамплиерами, которые имели, к тому же, еще и многочисленных вольных приверженцев.

…В Вене Сен-Жермену удалось наладить связи со многими мистагогами. Он посетил знаменитую лабораторию розенкрейцеров на Ландштрассе, где наставлял какое-то время своих собратьев в науках Соломона. Ландштрассе, находящаяся в пригороде Вены, на протяжении многих столетий считалась прибежищем привидений. Ниже Эрдберга тамплиеры и родственные им Ордена обосновались здесь и вокруг города, в окрестностях Зиммеринга, еще со времен Рудольфа II. Они образовали собой весьма эксцентричное братство, называемое «Золотой Кухней», целью которого была, как предполагается, добыча золота. Мы располагаем точными сведениями о том, что граф Сен-Жермен посещал Вену в 1735 году, а также и позднее этой даты. Приезд графа (пользовавшегося к тому времени немалым авторитетом) сразу же вызвал великий восторг в кругах посвященных».

Далее Изабель Купер-Оукли приводит список обществ, в той или иной степени связанных с масонством, которые возглавлялись так называемыми «Неведомыми Высшими»:

• Каноники Святого Гроба Господня.

---

451 Cadet de Gassicourt, Le Tombeau de Jacques Molai, p. 34 (Paris, 1793).

452 Поль Шакорнак опроверг это утверждение: во-первых, приведя точную цитату, показал, что Изабель Купер-Оукли неправильно поняла слова автора и на самом деле речь шла о странствующем члене капитула иллюминатов (которым в 1785 году при аресте руководителя баварских иллюминатов Адама Вейсгаупта приписали роль зловещей секты ниспровергателей тронов и разжигателей революции); во-вторых, Каде де Гассикур, согласно Шакорнаку, впоследствии отрекся от своих писаний.

453 См.: Mailly A. de, Der Zirkel, March 1st. 1908.

• Каноники Святого Храма Иерусалимского
• Благодетельные Рыцари Святого Града
• Никозианский Клир на Острове Кипр
• Овернский Клир
• Рыцари Провидения
• Азиатские Братья; они же Рыцари Святого Иоанна Евангелиста
• Рыцари Света Африканские Братья

— и делает вывод: «Кроме перечисленных существовали и иные розенкрейцеровские общества, широко распространенные в Венгрии и Богемии. Во всех перечисленных обществах нетрудно обнаружить прямое или опосредованное, через друзей и последователей, влияние этого «посланника» восемнадцатого столетия, кроме того, в их основе тайно или явно лежат одни и те же фундаментальные принципы, которые проводят в жизнь истинные посланники Великой Ложи: такие, например, как эволюция духовной природы человека, реинкарнация, скрытые силы природы, чистота жизни, благородство идеала, Божественная Вездесущая Сила».

Так же аккуратно предлагает подходить нам, непосвященным, к пониманию принадлежности графа Сен-Жемреан к оккультным ложам и учениям Европы другой знаток оккультизма Поль Шакорнак, углубленно изучавший историю розенкрейцеров и написавший авторитетную работу об одном из них — Михаэеле Майере.[454] Шакорнак утверждает:

«Например, если рассматривать уровень духовного развития, напоминающий то, что приписывают графу Сен-Жермену, а именно розенкрейцерство,[455] ясно, что историку невозможно знать, было ли это состояние достигнуто тем или иным персонажем или нет. Рене Генон пишет: «Знать, какими были настоящие розенкрейцеры, и определить, был ли тот или иной персонаж им — абсолютно невозможно, ибо речь идет о состоянии духовном, чисто внутреннем, о котором неосторожно судить по каким-либо внешним признакам. К тому же именно в силу своей роли розенкрейцеры не могли оставлять следов в мирской жизни, так что, даже если бы их имена стали бы известными, они бы ничего никому не говорили. К тому же ценность этих имен относительна, ибо известно, что они меняли имена свои в зависимости от стран, в которых находились, что является лишним доказательством того, что они были выше ограничений обычной жизни… Если и было, что какой-нибудь настоящий розенкрейцер случайно сыграл роль во внешних событиях, историк никогда не догадается об особенном качестве этого человека, поскольку эти вещи принадлежат совершенно различным мирам».[456]

Поэтому совершенно бесполезно искать в исторических документах доказательство того, что граф Сен-Жермен достиг того или иного уровня духовного развития или был посланцем духовного центра. Самое лучшее доказательство этому — легенда, однако можно поискать среди текстов, фактов и приписанных ему действий те, что сочетаются с подобными качествами».

---

[454] См.: Шакорнак Поль. Михаэль Майер, медик, философ, герметист, Ученик Розенкрейцеров // Ле Вуаль д'Изис (Покрывало Изиды). 1932. С. 388.

[455] Среди особенностей розенкрейцеров следует отметить «дар к языкам», которым, как кажется, обладал граф Сен-Жермен.

[456] Генон Рене. Роза и Крест, розенкрейцеры // Ле Вуаль д'Изис (Покрывало Изиды). 1931, апрель — май. С. 278–279.

Современный исследователь Сергей Ключников в своем очерке «Сен-Жермен и священная династия»[457] высказывает перекликающееся с этими авторами собственное мнение о миссии Сен-Жермена по сплочению и одухотворению тайных обществ Европы второй половины XVIII века:

«Многое из того, что связано с масонско-розенкрейцерской стороной деятельности Сен-Жермена, видимо, никогда не станет достоянием общественности… Однако из-за многочисленности лож, съездов, инициатив и начинаний, в которых участвовал Сен-Жермен, исследователи так и не пришли к единому мнению по поводу того, к какой же оккультно-посвятительной традиции принадлежал граф. В результате получилась весьма странная картина — Сен-Жермена причисляли к совершенно противоположным секретным обществам: тамплиерам, розенкрейцерам, масонам, иллюминатам, правоверным католикам, восточным секретным орденам. Последний пункт, на наш взгляд, ближе всего к истине, однако сейчас речь идет о другом — о том, что это участие было чисто внешним и на самом деле преследовало совершенно иные цели. Сен-Жермен блестяще опроверг подобную логику, заставив многочисленные и разнородные конспирологические структуры XVIII столетия работать на себя, точнее говоря, на высокие идеи, которые он действительно нес «городу и миру». Его колоссальные знания, необыкновенные способности, духовно-энергетическая мощь, умение вести дела во всех направлениях жизни снискали ему очень большой авторитет в масонской среде. Каждый его приезд в новую ложу вызывал восторг, ибо о нем знали и его ждали. Сам же он, судя по всему, воспринимал свою закулисную славу очень спокойно, даже равнодушно, зная цену громкости и шумихе. Похоже, что он совершенно не нуждался в масонской среде и взаимодействовал с ней, выполняя долг просвещения, как некий приглашенный независимый эксперт, консультант, в своей основной деятельности работающий на совершенно иную программу. Многочисленные контакты Сен-Жермена с тайными обществами не оказали на него ровно никакого влияния, в то время как он очень серьезно повлиял на них.

Сен-Жермен проводил в отношении лож очень активную и сложную работу. Он входил в готовые орденские структуры, при необходимости создавал новые ложи, распускал старые, а иногда и уходил из них сам, как это было с католическим орденом Святого Иоахима,[458] где неожиданно начали расти революционные настроения и чрезмерная тяга к политике. Прежде всего Сен-Жермен стремился сохранить действующими те ложи, которые он считал перспективными и нужными. В условиях католической и государственной цензуры, возросшей в предреволюционные годы, крупным многочисленным ложам было очень сложно выжить, ибо их деятельность была на виду. Потому граф предпочитал работать с множеством небольших лож, ведущих друг по отношению к другу согласованную политику, построенную по принципу: «Единство в многообразии».

Многие ложи забыли про те нравственно-духовные цели, которые сами провозглашали в уставах при своем основании, предпочтя политическую суету или погрязнув в формализованных ритуалах. Сен-Жермен встречался с их руководителями и рядовыми членами и терпеливо проводил работу, пытаясь заставить их вспомнить о своем высоком назначении. Моральные стандарты приема в такие обновленные ложи были весьма высоки. Граф старался остудить разгоряченные политические страсти, постепенно закипающие во французском масонстве, а может быть, даже изменить идеологическое и гражданское мировоззрение членов лож в сторону умеренного роялизма и традиционных ценностей.

---

457 Два Адепта. Сен-Жермен и Калиостро. Сакральная история Европы: сборник. М.: Беловодье, 2005. С. 347–433.

458 И. Купер-Оукли, ссылаясь на Элифаса Леви, указывает, что Сен-Жермен основал этот орден, но оговаривается, что это заявление не подтвердилось какими-либо другими историческими свидетельствами (см. цитир. произв. С. 130).

В то же время он стремился обновить картину мира своих собратьев, повернуть их сознание к изучению природы и научному знанию… наряду с нравственным направлением уделял большое внимание натурфилософскому постижению природы и применению оккультных знаний в области техники, приборов, промышленного внедрения новых открытий…

Был ли Сен-Жермен тамплиером? Был, если под тамплиерством понимать сакральную традицию рыцарства, если говорить о его глубоком знании тайных орденских обрядов, если, наконец, обратиться к глубинному смыслу самого понятия рыцарства, суть которого в благородной и бескорыстной защите идей добра и света.

Мемуары Калиостро говорят о том, что к его инициации в орден рыцарей тамплиеров был причастен Сен-Жермен. Орден «Строгого наблюдения» использовал древние рыцарские обряды, знания и даже отчасти внутреннюю структуру…

Был ли Сен-Жермен розенкрейцером? Скорее да (Мэнли Холл даже предполагает, что граф возглавлял данный орден), хотя розенкрейцеры — это одно из самых закрытых обществ, о котором такой знаток христианского эзотеризма как Р. Генон говорил скорее как о некоем символическом образовании. Если принять достаточно обоснованную в науке версию о том, что большинство масонских лож представляли собой вторичные дочерние структуры по отношению к первичным розенкрейцерским, создавшим масонство как некий внешний передовой отряд для реализации своих более глубоких и далеких целей, то сюжет о сотрудничестве Сен-Жермена с обществами Креста и Розы получит дополнительные аргументы «за». Не мог же такой опытнейший эзотерик и геополитический стратег мирового уровня довольствоваться контактами с второстепенными обществами и фигурами и миновать первостепенные центры, принимающие главные решения».

Ссылаясь на работу английских ученых М. Байджента, Р. Лея и Г. Линкольна «Священная загадка» (1982), С. Ключников далее развивает мысль о том, что Сен-Жермен был эмиссаром секретнейшего сакрального ордена — «Сионского Приората», возглавлявшегося Великим Магистром Максимилианом Лотарингским, братом французской королевы Марии-Антуанетты, и ставившего своей целью утверждение на тронах Европы династии Меровингов. Так ли это, нам знать не дано.

В заключение приведем слова французского исследователя оккультизма Патрика Ривьера, который так объяснял стратегию и конкретную политику Сен-Жермена по отношению к ложам:

«Его отношение с обществами «Азиатских братьев»,[459] «Рыцарей Света», так же как и с немецкими «Розенкрейцерами», Elus Cohens (Орденом Избранных Коэнов Мартинеса Паскуалиса), «Мартинистами» преследовали лишь одну цель: создать обширную федерацию де-факто организаций подлинно «инициирующих и братских», чтобы утвердить, при помощи некоторой унификации идеалов, но при уважении собственной структуры каждой группировки, длительный мир между нациями, несмотря на политиканские расслоения.

Вот каким был настоящий смысл его миссии: с одной стороны, одухотворить «Священным Учением», содержащимся в его обширных знаниях, с другой стороны, укрепить братский дух, в противовес всякому догматизму и «сектантским дрязгам», и все это с одной целью — служить Божественному Плану Человечества, чтобы установить мир и братство между всеми своими современниками, игнорируя границы и предвзятые настроения».[460]

---

459 Розенкрейцерский орден Азиатских братьев (другие названия — «Братья Света», «Рыцари Святого Иоанна Евангелиста»), учрежденный «семью мудрыми отцами, представителями Семи церквей в Азии», о существовании которого объявляет в Вене в 1781 году барон Ханс Карл фон Эккер и Экхоффен. Чуть выше упоминается в приведенном И. Купер-Оукли перечне оккультных обществ, где заметно влияние Сен-Жермена.

460 Святейшая Триософия. Сборник. М.: Беловодье, Дельфис, 1998. С. 440.

Наконец, нельзя не привести еще одно — хотя и считающееся совершенно недостоверным в силу своего курьезного характера — свидетельство о связи Сен-Жермена с оккультистами Вены. Это две выдержки из «Маленьких венских мемуаров» Франца Грёффера:[461]

«Сен-Жермен и Месмер. Никому не известный человек прибыл с кратким визитом в Вену. Однако его пребывание в этом городе мало-помалу затянулось. Дела, которые привели его сюда, как предполагается, имели отношение, к далекому будущему, а именно, к двадцатому столетию. Подлинной целью его визита в Вену была встреча с одной-единственной персоной. Этой персоной был Месмер, довольно молодой в то время человек. Месмер был поражен появлением этого чужеземца.

«— Вы, должно быть, тот самый джентльмен», — сказал он, — чье анонимное письмо я получил вчера из Гааги?

— Да, тот самый.

— Вы, вероятно, хотели бы побеседовать со мной по поводу моих идей о магнетизме?

— Вы угадали.

— Эти идеи мне подал человек, который только что был у меня. Это известный астроном Хелл[462].

— Я знаю об этом.

— Мои фундаментальные идеи, как бы то ни было, все еще разрозненны и довольно хаотичны. Если бы нашелся кто-то, способный помочь мне.

— Я помогу Вам.

— Вы не представляете, сэр, какую услугу мне окажете.

— Я должен это сделать.

Чужеземец показал жестом Месмеру, чтобы тот закрыл дверь. Они сели.

Суть их разговора сводилась к теории получения элементов, необходимых для эликсира жизни посредством магнетизма в эмпирическом порядке.

Разговор продолжался три часа…

Они договорились о следующей встрече в Париже и расстались».[463]

Поместившая этот отрывок в своей книге Изаебль Купер-Оукли пишет, что о сотрудничестве Сен-Жермена с Месмером в изучении мистицизма ей стало известно и из иных источников.[464] А их встреча и совместная работа в Париже засвидетельствована в летописях ложи, о собраниях которой уже упоминалось. Судя по контексту, эта встреча в Вене состоялась до того, как Месмер начал свои исследования в Париже. Курьезный характер зарисовок Франца Грёффера[465] весьма примечателен.

---

[461] Вена, 1846., Том II. С. 136–162. Перевод с немецкого. Текст мемуаров сверен по английскому переводу из книги И. Купер-Оукли и французским переводам в книгах П. Шакорнака, М.-Р. Делорм и П. Ривьера и представляет собой отредактированный сводный вариант. Мы снабдили его сносками из работы П. Шакорнака.

[462] Максимиллиан Хелл (придворный астроном). Этот известный ученый дал толчок для научного и практического изучения магнетизма. См.: Oesterr. National Encyclopädie, art. «Mesmer».

[463] Kleine Wiener Memoiren, I, 81 (Wien, 1846).

[464] Е.П. Блаватская. Теософский словарь. С. 214 (Лондон, 1892).

[465] Остается сожалеть, что напыщенные выводы Грёффера дают повод для пренебрежительных подозрений в шарлатанстве в умах современных исследователей оккультизма. Во всяком случае, его способ видения ошибочен. Более опытный исследователь, вполне возможно, по-иному описал бы эту встречу, не искажая сути происшедшего. — Примеч. И. Купер-Оукли.

Из других источников нами получены сведения, что оба Грёффера были не только личными друзьями Сен-Жермена, но и розенкрейцерами. И хотя точная дата состоявшейся беседы отсутствует, мы все же в состоянии приблизительно установить ее из контекста другой статьи из того же тома, где сказано следующее:

> «Сен-Жермен посетил Вену в 88, 89 или же 90 году этого столетия, одарив нас поистине незабываемой встречей и вполне благожелательной беседой»[466].

Если предположить, что автор мемуаров мог неправильно указать дату, в которой он не уверен, и описанная им встреча на самом деле состоялась несколькими годами раньше, то почему бы не допустить, что она имела место осенью 1781, 1782 или 1783 года и Сен-Жермен в период краткого улучшения своего физического самочувствия приезжал в Вену из Шлезвига? Далее — рассказ об этой встрече:

«Однажды по Вене поползли слухи, что в городе объявился граф Сен-Жермен, самая непостижимая из всех загадочных личностей. Словно удар током было это известие для тех, кто хоть что-нибудь знал о нем. Мы, кружок его последователей, волновались все сильнее: «Сен-Жермен — в Вене!..»

Едва оправившись от неожиданных новостей, Рудольф Грёффер буквально полетел в Хиниберг, свою загородную резиденцию, где хранил все деловые бумаги Среди этих документов было рекомендательное письмо Казановы, гениального авантюриста, знакомого ему по Амстердаму,[467] адресованное Сен-Жермену.

Он немедленно возвратился в свою контору, где получил от клерка известие: «Час назад здесь побывал джентльмен, чье появление несказанно всех нас удивило. Этот джентльмен был ни низок, ни высок, однако, сложения был весьма пропорционального. Все в его осанке было отмечено печатью благородства и величия… Он сказал по-французски, словно для себя, не обращая никакого внимания на наше присутствие, такие вот слова: «Я живу в Федальхофе, в комнате, которую в 1713 году занимал Лейбниц». Мы собирались ответить ему; но он исчез. И с тех пор мы, как видите, словно окаменели и никак не можем придти в себя…»

Через пять минут он был уже в Федальхофе. Комната Лейбница была пуста. И никто не мог сказать, когда соизволит вернуться «американский джентльмен Что же касается багажа, то, кроме маленького железного сундучка, ничего не было. Приближалось время обеда. Но кто мог думать об обеде в такой ситуации! У Грёффера возникла мысль разыскать барона Линдена. Он нашел барона в «Энте». Вдвоем они отправились на Ландштрассе, подгоняемые предчувствием какого-то важного события.

Лаборатория оказалась незапертой. Возглас удивления одновременно вырвался у обоих. За столом сидел Сен-Жермен и спокойно читал том сочинений Парацельса. Они замерли на пороге. Таинственный посетитель медленно закрыл книгу и так же медленно встал. Ошеломленные друзья сразу же поняли, что перед ними — не кто иной, как чудо-человек, равного которому во всем свете не найти. Описание клерка оказалось всего лишь бледной тенью того величия, которое предстало перед их взорами. Сияющий ореол величия окружал всю его фигуру. Он излучал царственное достоинство. Друзья не могли вымолвить и слова. Граф шагнул им навстречу. Они вошли. Размеренно, без лишних формальностей, приятным тенором, пленяющим своим очарованием душу собеседника, он сказал Грёфферу по-французски:

---

466 Е.П. Блаватская. Цитир. произв., III. С. 89.

467 Зная, что Казанова был в Голландии лишь в 1758 и в 1760 годах, сколько же было Р. Грёфферу в то время, если этот рассказ написан в 1843 году его братом с его слов. См.: Грёффер Ф. Маленькие венские мемуары. Вена, 1846. Т. III. С. 89.

— У Вас есть рекомендательное письмо ко мне от господина де Сейнгала.[468] Однако в нем нет никакой необходимости. А этот господин — барон Линден. Я знал о том, что вы оба появитесь здесь в эту минуту. У Вас есть еще одно письмо для меня из Брюля. Однако художника уже не спасти. Его легкие в плачевном состоянии, он умрет 8 июля 1805 года.[469] Человек — ныне совсем еще дитя — по фамилии Бонапарт послужит косвенной причиной его смерти. Итак, господа, я в курсе всех ваших дел. Могу я быть чем-то полезен вам? Прошу, высказывайтесь.

Однако друзья лишились дара речи. Линден выдвинул маленький столик, достал из стенного шкафчика вазочку со всевозможными сладостями и, поставив перед гостем, спустился в винный погреб.

Граф жестом пригласил Грёффера присесть, сел рядом и сказал:

— Дело в том, что Ваш друг удалился не по собственной воле. Я хотел бы быть полезным только Вам одному. Я знаю о Вас от Анджело Солимана, которому мною оказывались некоторые услуги в Африке. Если Линден вернется, мне придется отправить его назад.

Грёффер немного оправился от охватившего его волнения. Однако потрясение было настолько сильным, что ему удалось лишь вымолвить несколько слов:

— Я понимаю Вас. Я предчувствую…

Тем временем Линден вернулся и поставил на стол две бутылки вина. Сен-Жермен улыбнулся с необычайным достоинством. Линден предложил ему отведать этих вин. Тогда граф не смог уже сдержать веселого смеха.

— Скажите на милость, — сказал он, — есть ли на этой Земле хоть одна душа, которая видела бы, как я пью или ем?

Затем он указал на бутылки и заметил:

— Это токайское не из Венгрии. Оно — от моего друга, российской императрицы Екатерины. Она была так очарована картинами этого слабого здоровьем человека, изобразившего памятную сцену в Мёдлинге, что решила послать ему бочонок вина.

Грёффер и Линден остолбенели. Это вино было куплено у Казановы.[470]

Граф попросил подать принадлежности для письма. Линден принес их. «Человек-чудо» разрезал лист бумаги на две равные части и, расположив половинки рядом, взял по перу в обе руки. Он одновременно написал на листках примерно по полстраницы, подписал и сказал:

— Вы собираете автографы, господа? Выбирайте любую из этих половинок. Текст — один и тот же.

— Это волшебство?! — воскликнули оба друга. Оба почерка были идентичны, без малейшей разницы.

Кудесник улыбнулся, сложил обе половинки и приложил их к окну. Казалось, что только один текст была на бумаге — эти записи соответствовали друг другу настолько, как будто они были оттисками одной гравюры. Очевидцы потрясенно молчали.[471]

---

[468] Из имеющихся у нас данных немыслимо предположить какую-либо фамильярность между графом Сен-Жерменом и Казановой.

[469] Речь идет о брате Казановы, художнике Жаке-Франсуа, умершем в Брюле в 1805 году.

[470] Франсуа Казанова действительно был связан с Екатериной II, рисовал для нее батальные сцены. «Философ» же Казанова находился в 1790 году в городе Дюкс, в Богемии, где действительно дружил с бароном Максимилианом-Жозефом де Линденом. См.: Ж Ле Гра и Р. Вез. Старость Казановы // См.: Де Евр Либр, 1929, № 102, дек. С. 262.

[471] Несомненно, рассказ взят из книги графа Ламберга «Воспоминания светского человека».

Немного помедлив, граф сказал:

— Я попрошу вас, чтобы одна из этих половинок как можно быстрее была доставлена Анджело. Через четверть часа он выйдет вместе с принцем Лихтенштейнским; подателю письма будет вручена маленькая шкатулка…

Сен-Жермен умолк и постепенно принял торжественный вид. Через несколько мгновений он сделался неподвижным, подобно статуе, а глаза его — всегда неописуемо выразительные — стали вдруг тусклыми и бесцветными. Вскоре, однако, он ожил, сделал прощальный жест рукой и сказал:

— Я ухожу (ich scheide — прим. автора). Не ищите встреч со мною. Когда-нибудь мы еще увидимся. Уже сегодня ночью меня здесь не будет. Я очень нужен сейчас в Константинополе. Затем отправлюсь в Англию, где мне предстоит подготовить два изобретения, которыми будут пользоваться в следующем столетии. Речь идет о поездах и пароходах. Они понадобятся Германии. Затем произойдут последовательные сдвиги во временах года, изменения ожидают сначала весну, а потом и лето. Все это — признаки приближения конца времен, завершения цикла. Я все это вижу. Поверьте, мне, астрологам и метеорологам ничего не известно. Для того, чтобы обладать истинным Знанием, необходимо учиться у Пирамид. К контру этого столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи. Мне необходимо отдохнуть. И я должен обрести покой. Ровно через 85 лет я вновь предстану перед людьми. Прощайте. Да пребудет с вами любовь моя.

После этих торжественно произнесенных слов граф вновь махнул рукой. Оба адепта, подчиняясь неведомой силе, покинули комнату, охваченные неописуемым смятением. В этот момент неожиданно хлынул сильный ливень, раздался оглушительный раскат грома. Инстинктивно, спасаясь от дождя, они вернулись в лабораторию, открыли дверь. Сен-Жермена там больше не было, он бесследно исчез…

На этом и завершается моя история. Вот все, что я запомнил. Странное непреодолимое чувство побудило меня взяться еще раз за перо и записать все происшедшее именно сегодня, 15 июня 1843 года»[472].

Добавим к этому рассказу всего два маленьких замечания. Во-первых, в одном из своих процитированных выше писем — за февраль 1782 года — принц пишет, что зимой 1781–1782 года граф был очень занят «другими предприятиями и выдачей инструкций». Может быть, в том числе и выдачей инструкций различным оккультным ложам прилегающих стран, предполагающих недолгие поездки, в том числе и в Вену? Будучи масоном, принц даже брату-масону Виллермозу не мог сказать яснее о деятельности своего духовного учителя. Во-вторых, в этом рассказе — пусть даже и с добавленным для красочности эпизодом написания двумя руками одновременно идентичного текста на двух листах бумаги, почерпнутым, как справедливо указал Поль Шакорнак, из воспоминаний фантазера Ламберга и целиком им придуманном — есть и совершенно непреложные факты, а значит, не все здесь неправда. В частности, способность Сен-Жермена давать пророчества о будущем отмечены и в мемуарах принца Гессенского. В том числе и пророчества о надвигающихся грозных событиях во Франции…

---

472 Ф. Грёффер. Цитир. произв. Т. II. С. 136–162. Что касается «невидимости» графа, она явно взята из книги Ламот-Лангона «Воспоминания о Марии-Антуанетте».

Глава 20

Грозные предупреждения

Следуя теософской традиции, госпожа Изабель Купер-Оукли считала весьма ценным источником, запечатлевшим пророческую миссию графа Сен-Жермена, редкую и очень ценную книгу графини д'Адемар «Воспоминания о Марии-Антуанетте, эрцгерцогине Австрийской, королеве Франции, и о дворе в Версале»,[473] изданную бароном Этьеном-Леоном де Ламот-Лангон в Париже в 1836 году, которая имелась в Одессе в библиотеке госпожи Фадеевой, тети и друга госпожи Е.П. Блаватской. Графиня умерла в Одессе в 1822 году. В заметке, датированной 12 мая 1821 года, начертанной собственной рукой графини и заботливо подкрепленной булавкой к рукописи, содержится упоминание о пророчестве, сделанном Сен-Жерменом, когда он предупредил ее о приближающейся печальной кончине королевы и последующих пяти встречах:

«Я виделась с Сен-Жерменом еще не раз, и каждая встреча сопровождалась обстоятельствами, которые повергали меня в крайнее удивление: в день убийства королевы; накануне 18 Брюмера; день спустя после кончины герцога Энгиенского (1804 г.); в январе месяце 1813 года; и в канун убийства герцога Беррийского (1820 г.). Жду с нетерпением шестой встречи, если на то будет Воля Божия».

На страницах 74–97 этого издания приведен рассказ о предупреждении Сен-Жерменом королевы Франции Марии-Антуанетты, который мы поместим здесь с небольшими сокращениями. Многие считают эти воспоминания поддельными, а Поль Шакорнак утверждает, что они целиком сочинены бароном Ламот-Лангоном на основе мемуаров госпожи дю Оссет, Казановы и «Хроник слухового окна». Как опровержение того, что рассказанные в воспоминаниях графини события не могли иметь места, приводится тот факт, что хотя в окружении королевы действительно имелись граф и графиня д'Адемар, дама, носившая это имя, вышла замуж в 1782 году в возрасте 22 лет, а следовательно, не могла встречаться с графом Сен-Жерменом в его предыдущие приезды в Париж. Но почему бы не предположить, что события, которые запечатлело перо графини, имели место как раз осенью 1782 года, когда принц Карл Гессенский вернулся в Шлезвиг с конгресса масонов в Вильгельмсбаде или годом позже, осенью 1783 года, когда принц Карл отправился к своему старшему брату в Ханау или был у своего отца в Касселе, встретился в этом городе с масоном братом Бодом и получил от него документы, содержавшие сведения о деятельности баварского ордена иллюминатов Адама Вайсхаупта? Ведь пребывание графа в Париже, по свидетельству графини, продлилось не более недели, значит, вся поездка могла занять не более нескольких — трех-пяти — недель.

«В то время со мной произошел один весьма странный случай. В Париже я была одна, ибо господин д'Адемар отправился в Лангедок навестить проживавших там своих родственников. Дело было в 8 часов воскресного утра…Я живо вскочила с кровати и едва успела облачиться в утренний халат, как в опочивальню вошла мадемуазель Ростан, моя фрейлина, которой я абсолютно доверяю, доложить, что некий господин желает поговорить со мной.

Нанести визит даме в 8 часов утра было против всяких приличий…

— Я думаю, — ответила служанка, — при всем уважении к вашей светлости, что сам дьявол явился к Вам под мантией этого человека.

Я перебрала в памяти всех своих знакомых, вполне заслуживающих подобного внимания со стороны Сатаны, и их набралось столь много, что я терялась в догадках, кто именно.

---

473 D'Adhemar (La Comtesse), Souvenirs sur Marie Antoinette, Archduchesse d'Autriche, Reine de France, et sur la Cour de Versaille. Paris, 1836.

— Вы по-прежнему далеки от истины, мадам, — продолжила мадемуазель Ростан, — но я не буду Вас больше мучить и скажу, что это граф Сен-Жермен!

— Граф Сен-Жермен?! — воскликнула я. — Человек-чудо?!

— Собственной персоной.

Я была крайне удивлена, узнав о том, что он снова в Париже и, более того, в моем доме. Прошло вот уже восемь лет с тех пор, как он покинул Францию, и никто не знал, что с ним сталось. Сгорая от нетерпения, я велела впустить его.

— Он представился своим именем?

— На этот раз он назвался господином Сен-Ноёлем. Но я узнала бы его из тысячи.

Она вышла, и мгновение спустя появился граф. Он выглядел свежо и бодро, даже немного помолодевшим…

— Вы потеряли друга и покровителя в лице покойного короля,[474] — сказала я.

— Я вдвойне сожалею и скорблю об этой потере — и за себя, и за Францию.

— Нация, однако, не разделяет Вашей скорби. Похоже, она смотрит с восторгом на новую власть.

— Она заблуждается. Эта власть будет роковой для нее.

— Что Вы сказали? — переспросила я, понизив голос и озираясь по сторонам.

— Правду… Готовится гигантский заговор, пока еще стихийный, смутный и без явного лидера, который, однако, скоро не замедлит появиться. Цель его, ни много ни мало, — свергнуть существующий порядок и построить все заново на иных основаниях. В воздухе уже витает угроза жизни монарших особ, духовенства, знати и представителей судебной власти. Остается совсем немного времени, чтобы пресечь этот заговор. Позднее сделать это будет уже невозможно.

— Где Вы все это увидели? Наяву или во сне?

— Мадам, тому, кто имеет уши и способность получать откровения, ведомо все. Я повторяю — королю Франции следует поторопиться, времени терять нельзя.

— В таком случае Вам следует добиваться аудиенции графа Морепа, доверенного лица короля, и поделиться с ним своими опасениями, ибо только ему под силу что-либо предпринять. Король полагается на него во всем.

— Я знаю, что он может сделать многое, за исключением одного — спасти Францию. А вернее, именно он и ускорит ее падение. Этот человек погубит и Вас, мадам…

Графиня, я предлагаю Вам эту миссию. Расскажите королеве обо мне, об услугах, которые я оказал правительству, выполняя возложенные на меня поручения при различных дворах Европы. Если Ее Величество согласится выслушать меня, я открою ей все, что мне известно. И тогда она сможет оценить, достоин ли я внимания со стороны Его Величества короля Франции. Весьма желательно к тому же, чтобы в это предприятие никоим образом не вмешивался господин Морепа — это мое «sine qua non.

Я внимательно слушала графа Сен-Жермена и достаточно ясно осознавала грозящую мне опасность, пожелай я вмешаться в это весьма щекотливое дело. С другой стороны, я знала, что граф прекрасно разбирается во всех тонкостях европейской политики, и боялась упустить счастливую возможность оказаться полезной государству и монархии. Граф Сен-Жермен, угадав, видимо, мое замешательство, сказал мне:

— Подумайте над моим предложением. Я в Париже инкогнито, и прошу Вас оставить мой визит в тайне. Если Вы почувствуете в себе готовность поддержать мой план, то приходите завтра в якобинскую церковь на Ру-Сен-Оноре. Я буду ждать там ровно в 11 часов.

— Я бы предпочла увидеться с Вами в моем доме.

— С радостью. Итак, до завтра, мадам.

---

[474] Имеется в виду Людовик XV, который скончался в 1774 году.

И он удалился. Я же весь день размышляла над появлением и грозными словами графа Сен-Жермена. Подумать только! Мы, оказывается, стоим на грани социальных потрясений. Коронация последнего монарха, восшествие на престол которого приветствовалось всеобщим ликованием и обещало процветание, на самом деле, чревато страшнейшей грозой! После долгих раздумий я решила представить Сен-Жермена королеве в том случае, если она соизволит, конечно, его принять.

На следующий день он был пунктуален и с удовольствием выслушал о моем согласии. Я спросила его, не собирается ли он обосноваться в Париже? Он ответил отрицательно и добавил, что в его планы не входит длительная остановка во Франции.

«— Столетие пройдет», — сказал он, — прежде чем я вновь появлюсь в этих краях.

Я рассмеялась, и он тоже не удержался от улыбки.

В этот же день я отправилась в Версаль. Пройдя через малые апартаменты, я разыскала госпожу Мизери и упросила ее сообщить королеве о том, что я добиваюсь аудиенции по делу, не терпящему отлагательства. Первая статс-дама вскоре вернулась, приглашая войти. Я последовала за ней. Королева сидела за очаровательным фарфоровым столиком, подаренным ей королем. Она что-то увлеченно писала, затем, повернувшись ко мне, спросила со свойственной только ей грациозной улыбкой:

— Что Вам угодно?

— Сущий пустяк, мадам. Мне не терпится спасти монархию.

Ее Величество посмотрела на меня недоуменно.

— Объяснитесь.

Тогда я рассказывала все, что знала о графе де Сен-Жермене, о его близости к прежнему королю, маркизе де Помпадур, герцогу Шуазельскому, о тех реальных услугах, которые он оказал государству, благодаря своим дипломатическим способностям. Я также добавила, что после смерти маркизы он исчез со двора и никто не знает настоящего места его пребывания. Когда же мне наконец удалось разбудить любопытство королевы, я закончила пересказом того, что открыл мне граф днем раньше и подтвердил сегодня утром.

Королева, подумав, сказала:

— Странно, вчера я получила письмо от моего таинственного корреспондента. Он предупредил меня о важном сообщении, подробности которого мне предстояло узнать в ближайшее время, и просил меня о том, чтобы я отнеслась к этим известиям с величайшей серьезностью, в противном случаемое небрежение может привести к каким-то непредсказуемым гибельным последствиям. Совпадение этих двух событий удивительно, если, конечно же, они не устроены один и тем же лицом. Что Вы думаете по этому поводу?

— Я затрудняюсь сказать что-либо определенное. Однако, насколько я могу судить, Ваше Величество получает эти таинственные послания вот уже несколько лет, а граф Сен-Жермен вновь появился здесь только вчера.

— Возможно, он действует так, чтобы укрыться от постороннего взора.

— Это не исключено. Однако что-то говорит мне, что следует доверять его словам.

— В конце концов, нет ничего страшного в мимолетной беседе с ним. Хорошо, завтра же приведите его переодетым в ливрею Вашего слуги в Версаль. Ждите моего сигнала в Ваших апартаментах. Я выслушаю его, но только в Вашем присутствии. Таково, в свою очередь, мое «sine qua non».

Я склонилась в глубоком реверансе, и королева обычным своим жестом дала знать, что аудиенция окончена. Признаюсь, мое доверие к графу в заметной степени поубавилось по причине странного совпадения его прибытия в Париж с предупреждением, полученным накануне Марией-Антуанеттой. Мне показалось, что я разглядела в этом хитро составленный план, и спросила себя, стоит ли мне сказать ему об этом напрямик. Но, поразмыслив, решила смолчать, ибо была уверена в том, что у него наверняка готов подходящий ответ.

Сен-Жермен ждал меня на улице. Он подсел ко мне в экипаж, и мы вернулись домой. Я пригласила его отужинать, но он, по своему обыкновению, ничего не ел. После трапезы граф засобирался обратно в Версаль.

Он хотел, по его словам, переночевать в гостинице и предложил встретиться на следующий день. На что я с удовольствием согласилась, ибо решила ничем не пренебрегать ради успеха задуманного дела.

* * *

Мы ожидали приглашения в моих покоях, в малых апартаментах, которые в Версале называют «апартаменты свиты». Наконец один из пажей королевы пожаловал с просьбой Ее Величества принести второй том книги, которую я обещала привезти королеве. Это был условный знак. Я вручила пажу том какого-то новомодного романа, не знаю даже, какого именно, и как только он ушел, осторожно последовала за ним в сопровождении своего «лакея».

Мы вошли на половину королевы. Госпожа Мизери провела нас в личные покои Ее Величества, где королева ожидала нас. Она поднялась нам навстречу, преисполненная вежливым достоинством.

— Господин граф, — обратилась она к нему, — насколько мне известно, Версаль хорошо знаком Вам, не так ли?

— Мадам, более двадцати лет я поддерживал доверительные отношения с покойным королем. Он был столь добр, что удостаивал меня своим благосклонным вниманием, используя мои скромные возможности в некоторых ситуациях, и я думаю, он не сожалел об оказанном мне доверии.

— Вы выразили желание, чтобы мадам д'Адемар привела Вас ко мне. Я питаю к ней глубокую привязанность и не сомневаюсь в том, что то, о чем Вы хотите рассказать мне, достойно нашего внимания.

— Полагаясь на свою мудрость, — сказал граф торжественным голосом, — королева поймет важность слов, которые я собираюсь сказать. Партия энциклопедистов жаждет власти и получит ее, только если полностью уничтожит духовенство, а для этого нужно опрокинуть монархию. Эта партия в поисках лидера среди членов королевской семьи остановила свой выбор на герцоге Шартрском. Сей принц станет марионеткой в руках людей, которые без всякого сожаления пожертвуют им в тот момент, когда он перестанет быть для них полезным. Ему будет предложена корона Франции, однако он взойдет не на трон, а на эшафот. Но сколько зверств, сколько преступлений совершится до этого судного дня! Законы более не будут защитой для людей добропорядочных, не станут страшить преступников. Эти последние захватят власть руками, обагренными кровью. Они уничтожат католическую церковь, дворянство и магистрат.

— В таком случае не останется ничего, кроме королевской власти, — нетерпеливо перебила королева.

— Не останется и королевства!.. А лишь кровожадная и жадная республика с топором палача вместо скипетра.

При этих словах я уже не могла себя сдерживать и решилась в присутствии королевы прервать графа:

— Монсеньор! — вскричала я. — Отдаете ли Вы себе отчет в том, о чем и кому Вы говорите все это?

— Воистину, — прибавила Мария-Антуанетта, заметно волнуясь, — я не привыкла к подобным речам.

— Я взял на себя смелость рассказать об этом в силу чрезвычайной серьезности обстоятельств, — холодно заметил граф Сен-Жермен, — и пришел сюда вовсе не с намерением высказывать королеве почтение, от которого она, должно быть, уже устала, но той лишь целью, чтобы указать ей на опасности, угрожающие короне, если, конечно же, ничего не будет предпринято для предотвращения катастрофы.

«— Вы самоуверенны, монсеньор», — сказала Мария-Антуанетта раздраженно.

— Я в отчаянии от того, что расстроил Ваше Величество, однако я способен говорить только правду.

— Монсеньор, — с напускной веселостью заметила королева, — не откажитесь признать, что и правда иной раз выглядит неправдоподобной.

— Согласен, мадам, именно так. Однако Ваше Величество позволит мне напомнить о Кассандре, предсказавшей некогда падение Трои, и о том, как ей не поверили. Так вот, я — Кассандра, а Франция — царство Приама. Пройдет еще несколько лет обманчивой тишины. Но затем во всем королевстве проснутся силы, жаждущие мести, власти, денег, которые будут рушить все на своем пути. Их с радостью поддержит мятежная чернь, а некоторые высокопоставленные государственные мужи свяжут с ними свои честолюбивые намерения. Дух безумия овладеет гражданами, разразится гражданская война со всеми ее ужасными последствиями. Францию ожидает бойня, грабежи и повальные изгнания. Возможно, потом кое-кто пожалеет о том, что не послушал меня. Возможно, меня призовут вновь. Однако время будет уже бесповоротно упущено… и гроза унесет все.

— Признаюсь, монсеньор, Ваша речь поражает меня все больше и больше. И если бы я не знала о дружеских чувствах, которые испытывал к Вам предыдущий король, и о том, что Вы искренне оказывали ему кое-какие услуги, то я… Так Вы действительно хотите говорить с королем?

— Да, мадам.

— И непременно без посредничества господина Морепа?

— Он мой враг. А кроме того, я ставлю его в ряд тех, кто позднее погубит королевство, но не по умыслу, а по немощи.

— Вы слишком строго судите человека, который заслужил доверие света.

— Он — больше, чем премьер-министр, мадам, и благодаря своему положению несомненно окружен льстецами.

— Если Вы настаиваете на исключении участия этого человека в Вашей беседе с королем, то я боюсь, что Вам вообще не удастся добиться аудиенции, ибо Его Величество и шагу не ступит без своего главного советника.

— Я всегда готов услужить королю, искренне желающему использовать мои способности. Однако я не являюсь подданным Его Величества, и поэтому всякое повиновение с моей стороны — акт сугубо добровольный.

— Монсеньор, — сказала королева, не способная вести долгих серьезных разговоров, — где Вы родились?

— В Иерусалиме, мадам.

— И… когда?

— Королева наверняка простит мне мою суеверность. Я не люблю говорить о своем возрасте, потому что это несет мне одни несчастья.

— Что же касается меня, то Королевский Альманах не дает мне возможность иметь такую слабость. До свидания, монсеньор. Теперь все будет зависеть от воли короля.

На этом аудиенция закончилась. Мы вышли, и по дороге домой Сен-Жермен сказал мне:

— Я, вероятнее всего, покину Вас, мадам, на долгое время. Через четыре дня я уеду из Франции.

— Что вынуждает Вас к столь спешному отъезду?

— Королева передаст супругу все, что я ей рассказа!. Людовик XVI, в свою очередь, повторит все слово в слово господину Морепа. Этот министр выпишет ордер на мой арест, а начальнику полиции будет велено привести его в исполнение. Я прекрасно знаю, как быстро это делается, и не имею ни малейшего желания оказаться в Бастилии.

— Разве может это Вас напугать? Вы улизнете из нее через замочную скважину:

— Я предпочитаю не прибегать без необходимости к чудесам. Прощайте, мадам.

— А если король все же пожелает принять Вас?

— В таком случае я вернусь.

— Но как Вы об этом узнаете?

— У меня для этого достаточно средств. Не беспокойтесь об этом.

— А тем временем я буду скомпрометирована?

— Успокойтесь, Вашей репутации ничто не грозит. Прощайте.

Он снял ливрею, переоделся и уехал. Я же осталась в глубоком волнении. Королева велела мне не покидать замка и дожидаться ее дальнейших распоряжений. Два часа спустя пришла госпожа Мизери от Ее Величества с просьбой явиться. Что можно было ожидать хорошего от предстоящей аудиенции? Сам король был у Марии-Антуанетты. Она показалась мне смущенной. Людовик XVI, напротив, в игривой манере подошел ко мне, взял мою руку и грациозно поцеловал (при желании он был невероятно мил).

«— Госпожа д'Адемар», — сказал он мне, — что же Вы со своим магом наделали?

— Вы имеете в виду графа Сен-Жермена? Он отправился в Париж.

— Ваш граф весьма серьезно встревожил королеву. Скажите, а наедине с Вами он говорил в том же тоне?

— Нет-нет. Пожалуй, без подробностей.

— Я Вас не обвиняю в происшедшем. Но впредь поберегите покой королевы, чтобы не давать повода усомниться в Вашей верности. Я виню чужеземца за то, что он имел дерзость предсказать наши поражения, о которых нечего думать по крайней мере до конца этого столетия. Более того, он несправедлив в своих претензиях к графу Морепа, который способен пренебречь личной враждой в интересах монархии. Я переговорю с ним об этом деле, и если он посоветует мне встретиться с Сен-Жерменом, то я, конечно же, не откажусь. Ему приписывают ум и талант. Мой дед любил его общество. Прежде чем удостоить его аудиенции, мне бы хотелось уверить Вас в том, что каковы бы ни были последствия недавнего появления этого таинственного человека, Вы вне подозрений.

Мои глаза наполнились слезами при этом проявлении великодушия Их Величеств. И король, и королева говорили со мной весьма проникновенно. Возвращалась я, немного успокоившись, однако с чувством досады на тот оборот, который неожиданно для меня приняло это дело. Тем не менее, внутренне я поздравила себя с тем, что Сен-Жермен оказался прав в своих предвидениях.

Через два часа я была в своей комнате, погруженная в размышления о происшедшем, когда в дверь постучали. Я услышала необычный шум в соседних комнатах. Тотчас же дверь распахнулась, и доложили о прибытии графа Морепа. Я встала встретить его с таким волнением, которое не охватывало меня даже при встрече с королем. Он вошел вальяжно, с улыбкой на лице:

«— Прошу Вас извинить, мадам», — сказал он, — за бесцеремонность моего визита. Но мне необходимо задать Вам несколько вопросов, и этикет заставил меня проделать этот путь с целью поговорить с Вами.

Царедворцы того времени демонстрировали удивительную учтивость в обращении к дамам, которую, увы, в наши дни уже не найти, особенно после того, как ужасный шторм потряс все основы милой старины.

Я с подобающим достоинством ответила господину Морепа, и тот от любезностей перешел к делу:

— Итак, — начал он, — наш старый друг граф Сен-Жермен снова в Париже?.. Он опять, значит, принялся за свои старые фокусы, в реальности которых он хочет всех нас уверить.

Я попыталась было возразить, но он остановил меня нетерпеливым жестом руки.

«— Поверьте мне, мадам», — сказал он, — я знаю этого жулика лучше, чем Вы. Меня удивляет только одно. Видите ли, прошедшие годы не пощадили меня, а королева утверждает, что граф Сен-Жермен предстал перед ней сорокалетним. Ну да Бог с ним. Нам очень важно знать, откуда у него эти сведения, столь обстоятельные и столь ужасные… Не оставил ли он Вам своего адреса? — осмелюсь спросить.

— Нет, монсеньор граф.

— Это нам не помешало бы… Но наши полицейские ищейки идут по следу… Далее… Король благодарит Вас за проявленное Вами усердие в этом деле. Впрочем, ничего страшного с Сен-Жерменом не произойдет, просто мы посадим его в Бастилию, где его будут хорошо кормить и согревать до тех пор, пока он не удосужится рассказать нам, откуда ему известно столько интересных подробностей.

В этот момент наше внимание привлек звук открывающихся дверей… Это вошел граф Сен-Жермен! Невольный возглас вырвался у меня, а Морепа вскочил от неожиданности, и я должна сказать, что самообладания у него в это мгновение поубавилось. Чудотворец, приблизившись к нему, сказал:

— Граф Морепа, король изволил испросить у Вас совета, а Вы печетесь лишь о сохранении своего собственного авторитета. В Вашей борьбе против моей встречи с королем Вы теряете монархию, так как остаюсь совсем немного времени, чтобы спасти ее. По истечении же этого срока я не появлюсь в этих краях, пока не сменят друг друга три следующих поколения. Я рассказал королеве все, что мне позволено было сказать. Мои откровения королю могли бы быть более подробными. Но, к сожалению, Вы встали между мной и Его Величеством. Мне не в чем будет себя упрекнуть, когда ужасная анархия опустошит Францию. Что же касается ожидаемых бедствий, то Вам не суждено их увидеть, но запомнится то, что Вы их подготовили — и этого довольно… Не ждите благодарности от потомков, пустой и беспомощный министр! Вы встанете в ряд тех, кто послужит причиной гибели империи.

Проговорив все это на одном дыхании, граф Сен-Жермен повернулся, вышел, затворив за собой дверь, и исчез.

*** * ***

Все попытки найти графа успехом не увенчались».

Графиня д'Адемар писала свои воспоминания в эмиграции в Одессе, будучи уже глубокой старухой. Даты в ее дневнике отсутствуют, и можно только приблизительно предполагать, к какому времени относятся описываемые ею события. Изданные бароном Ламот-Лангоном воспоминания носят явные следы беллетризации, и в них действительно чувствуются позднейшие «вставки», присочиненные бароном для красоты. И все же они могут свидетельствовать о непреложном факте, который имел место — предупреждении королю и королеве Франции о последующих революционных событиях, казнях и кровавом терроре.

Глава 21

Граф Уэлдон умер. Умерли Сен-Жермен?

Граф Сен-Жермен умер в Эккернфёрде 27 февраля 1784 года от приступа паралича. Он попросил доктора Лоссау, который присутствовал при его последних мгновениях, передать Карлу Гессенскому, «что Бог позволил ему еще до смерти переменить свое мнение, и принц Гессенский многое сделает для его счастья в ином мире».[475] К этим словам доктор добавит, что «граф умер при полном сознании».[476]

Похоронили его в Эккернфёрде утром 2 марта.[477] Согласно регистру церкви Св. Николая, обряд включил простое отпевание без песнопения, после которого тело было возложено в церковный склеп. В регистре смертей есть запись:

«Скончавшийся 27 февраля 1784 г., похороненный 2 марта 1784 г., так называемый граф Сен-Жермен и Уэлдон — дальнейшие сведения неизвестны — частным образом погребен в этой церкви».

В церковных счетах записано:

«1 марта для скончавшегося здесь графа Сен-Жермена могила в церкви Св. Николая здесь на погребальном месте суб-М. Время аренды 30 лет. 10 рейхсталеров».[478]

3 апреля бургомистр и городской совет Эккернфёрде опубликовали официальное объявление:

«Мы, бургомистр и советник…. доводим до сведения всех, кого это интересует, что человек, известный здесь и за границей также под именем графа Сен-Жермена и Уэлдона, в течение последних четырех лет проживал в нашей местности и недавно скончался здесь, в Эккернфёрде, его вещи были, в соответствии с законом, опечатаны, что сочтено необходимым для возможных его наследников без завещания, поскольку до настоящего времени ничего по поводу завещания не установлено…

Вследствие этого всем кредиторам предлагается изложить свои претензии до 14 октября».[479]

---

[475] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 136. Согласно принцу Гессенскому графу Сен-Жермену было 88 лет, когда он приехал в Шлезвиг в 1779 году. Затем он добавляет: «Ему было 92 или 93, когда он умер в 1784 году». См.: цитир. произв. С. 133. Таким образом, граф родился либо в 1691, либо в 1692 году.

[476] Письмо принца Гессенского Христиану Гессен-Дармштадскому, 18 апреля 1825 г. См.: Вольц Г.В. Цитир. произв. С. 160. Согласно госпоже де Жанлис. Цитир. произв. Т. I. С. 29, «при смерти граф Сен-Жермен проявил великий страх, его рассудок помутился. Он совсем сошел с ума месяца за два до самой смерти: все в нем указывало на ужасный беспорядок взволнованного рассудка». Однако госпожа де Жанлис не была свидетельницей последних дней жизни графа, и ее свидетельству верить нельзя. Равно как и барону Гляйхену, который так же голословно утверждал (цитир. произв. С. 134.): «На последнем году жизни графа обслуживали только женщины, ухаживали за ним как за новым Соломоном, и, почти полностью обессилев, он угас на их руках».

В своих «Объяснениях» Геммингген-Гуттенберг, тоже встречавшийся с графом задолго до его кончины, пишет, что граф Сен-Жермен умер в 1780 году (!) «от сердечных приступов, от которых у него отнялась речь». См.: Вольц Г.В. Цитир. произв. С. 360.

[477] Похороны стоили 12 рейхталеров и 12 марок.

[478] Место было оплачено на тридцать лет. Говорят, что принц Гессенский велел перезахоронить тело на кладбище Фридрихсберг в Шлезвиге.

[479] См.: Вольц Г.В. Цитир. произв. С. 364–365.

Джин Овертон Фуллер, не довольствуясь документам о смерти и погребении графа Уэлдона из немецких, английских и французских книг, где они цитировались, написала запрос в ратушу города Эккернфёрде и получила ответ от городского архивариуса Иессена, куда был вложен принадлежащий ему оттиск статьи его отца, Виллерса Йессена, которая была опубликована в книге Schleswig-Holsteinische Geschichte, BA 5656 (Kiel, 1927). С. 449–457. В этой статье автор рассказал, как им случайно, при поиске каких-то совершенно других сведений был обнаружен официальный документ о том, что сталось с имуществом усопшего:

«В 1925 году мною был найден акт об имуществе умершего Сен-Жермена. При нем я обнаружил также официальный протокол о действиях, произведенных в соответствии с законом над этим имуществом. Этот акт, до настоящего времени неизвестный, приведен ниже для сведения.

Граф был столь беден, что его имущество не покрыло затрат на его похороны. Ему было организовано бесплатное погребение, из уважения к его покровителю; авантюрист обрел покой в самом храме. Действительно, во время своего проживания в Шлезвиге он был крайне беден, так как был найден только один сундук, ему принадлежавший, и вещей в нем было мало…

Ландграф принц Карл Гессенский взял все свои письма и лично привел в порядок все бумаги, оставленные покойным. Таким образом, у него была возможность найти любое неизвестное письмо, написанное Сен-Жерменом или адресованное Сен-Жермену. Часть бумаг ландграфа теперь находится в разделе Karlsburger Archives в Государственном архиве города Киль; для установления, существуют ли другие, до сих пор не найденные документы в этом архиве или где-либо еще, требуется проведение дополнительных исследований.

Опись вещей, оставшихся после смерти графа Сен-Жермена, сделанная статс-секретарем Эккернфёрде Клауссеном.

В комнате, где он жил, под маленьким столиком были найдены сундук и коробка из-под обуви. Они были опечатаны.

Комната, в которой были найдены эти и другие вещи, была опечатана.

Комната, в которой у него была лаборатория и хранились различные вещи, также была опечатана.

Все шелковые и льняные материи были помещены в надежное место дежурным офицером Нильсом Хауссеном.

Были найдены деньги в сумме 41 датского дуката или рейхсталера, монетами, которые были взяты агентом Брунном для оплаты похоронных расходов.

Клауссен.

Далее:

2 марта 1784 г. в присутствии мэра фон Мотца и господина Брунна все письма были собраны и вместе уложены в коробку, которая затем была опечатана и отнесена в дом господина Брунна.

Шкаф, в котором хранились шелка, был опечатан.

Следующие грязные вещи были отданы в стирку:

Две нижние сорочки.

Два шелковых и один льняной носовой платок.

Две пары фланелевых чулок.

Одна фланелевая ночная сорочка.

Одно фланелевое покрывало.

Офицер Нильс поместил вышеупомянутое серебро в надежное место, а затем оно было отнесено в дом господина Брунна.

Опись вещей скончавшегося графа Сен-Жермена, согласно заявлению ландграфа 15 октября 1784 г. в присутствии советника Крузе и статс-секретаря Клауссена Эккернфёрде, 15 октября 1784 года.

После смерти графа Сен-Жермена и Уэлдона [sic], здесь, 27 февраля 1784 года, его имущество было в соответствии с законом опечатано и впоследствии 22 марта 1784 г. в Верховном суде было сделано объявление, которое также было опубликовано в газетах; после этого его вещи, все еще опечатанные, были принесены обратно к губернатору, Его Светлости принцу Карлу Гессенскому, который по приезде графа в Шлезвиг с имуществом, состоявшим только из небольшого сундука с немногими вещами, обеспечил его мебелью из собственного дома, и он выразил свое нежелание, чтобы письма Его Светлости графу стали известны публике, и поэтому вся собранная масса бумаг была опечатана до возвращения Его Светлости из Ханау. Его Светлость вернулся в Готторп в начале октября 1784 года и прибыл собственной персоной в Эккернфёрде 9-го числа того же месяца. Его Светлость посетил дом делопроизводителя городской управы господина Брунна, где находилась на хранении опечатанная коробка с бумагами, и в присутствии полковника фон Кёпперна, государственного советника господина Георга Брунна, делопроизводителя городской управы господина (Кристиана) Брунна, мэра Мотца и моем, наблюдал своими собственными королевскими глазами, как коробка была вскрыта и все бумаги из нее вынуты, одна за другой. Он отделил то, что не относилось к общей массе, и оставил все остальное, состоявшее только из оплаченных и полученных счетов, и не содержало каких-либо документов, мне, секретарю Клауссену. После того как бумаги были рассортированы, Его Светлость прошел в жилище скончавшегося господина, которое оставалось опечатанным. Там Его Светлость опознал те вещи, которые принадлежали Его Светлости, большей частью мебель и серебро, отмеченное гербом Его Светлости, также запасы шелка и других материалов, принадлежащих фабрике, и отделил эти вещи от имущества покойного, и вещи покойного были перенесены в другую комнату, где было произведено снятие печатей и вещи одна за другой были зарегистрированы.

После того как это было сделано, в тот же день они были отнесены подписавшим этот документ на фабрику, где была открыта опечатанная комната, и туда были положены собранные вещи умершего, а затем сделана следующая опись:

Опись имущества скончавшегося здесь графа Сен-Жермена и Уэлдона.

Составлена в Эккернфёрде 15 октября 1784 г.

I. Бумаги.

1) Пачка оплаченных и полученных счетов и квитанций.

II. Деньги.

1) 41 датский дукат, в монетах по 2 рт каждая 82 рейхсталера.

2) В мелкой наличности 13 шиллингов.

III. Одежда.

Зеленый пиджак с красными обшлагами и манжетами, вместе с красным жилетом с золотой отделкой.

Летняя нательная фуфайка беловатая, цвета перца с солью, вместе с белым шагреневым жилетом.

Одна такая же коричневая, старая.

Старое желтое пальто.

Красная полосатая фланелевая ночная сорочка с таким же передником.

Маленькая полосатая хлопковая ночная сорочка.

Белая фланелевая ночная сорочка до колен.

Такая же домашняя сорочка на льняной подкладке.

То же.

То же, на льняной подкладке, из миткаля мраморной расцветки, Пара панталон из манчестерского сукна.

То же, из льна.

То же, две пары, из старой фланели.
То же, из старой кожи.
Пара синих тканевых ботинок, отделанных бараньей кожей.
Два черных полосатых носка.
Белая фланелевая ночная сорочка.
Пара таких же панталон.
Пять пар белых шелковых чулок.
То же, пять пар белых и одна пара черных, шерстяных.
То же, четыре пары белых хлопковых и четыре пары из крученой пряжи.
Один пакет старых чулочных подвязок.
Пара черных матерчатых гетр.
Шляпа с золотой отделкой.
То же, с одним белым старым пером.
Две шляпы, отделанные черной лентой.
Пара ботинок.
Пара штанов из оленьей кожи и войлочные комнатные туфли.
Ржавая стальная шпага в ножнах.
Три пары кожаных перчаток.

IV. Льняные изделия.
Четырнадцать сорочек.
То же, три штуки, с манжетами в оборку.
Шесть синих карманных носовых платков.
То же, четыре белых льняных.
То же, два старых шелковых.
Шесть полухлопковых колпаков.
Один комплект Antoiloge с манжетами в оборку и воротником.
То же, с цветным батистовым платком.
Узел со всякой мелочью.

V Разное:
Комплект серебряных пряжек.
Оловянный клистир.
Коробка с шестью бритвенными лезвиями.
То же, три, без коробки.
Три пары ножниц.
Один карманный перочинный нож.
Три гребня.
Пара солнечных очков.
Металлическая пуговица от панталон.
Две зубные щетки.
Скарификатор.
Брусок для заточки бритвенных лезвий.
Две старых кожаных табакерки.
Коробка из папье-маше с зубочистками.
Два малоценных старых зеркала.
Синяя тканевая муфта для ног, отделанная бараньей кожей.
То же, фиолетовая Bergen op zoom, без отделки.
Табакерка.
Два пистолета.
Новый кусок кожи.
Два куска ветхой фланели.

Эккернфёрде, 15 октября 1784 г.
Крузе Клауссен.

IV. Ликвидация имущества графа Сен-Жермена.
Суд в Эккернфёрде 14 и 21 октября 1784 г.
Эккернфёрде, Protocollum judiciale de anno 1784 et 85.
Присутствовали:
Классен.
Крузе.
Клауссен.
Цеттвах.

Сегодня terminus justifications (окончательный срок для предъявления прав на имущество), оставленного скончавшимся 27 февраля 1784 г. графом Сен-Жерменом и Уэлдоном, proclamate, vigore для заявлений, принадлежащих к вышесказанному, были установлены, и никаких других объявлений или заявлений государственным советником и мэром господином Брунн в Шлезвиге, mandatorio nomine (именным повелением) Его Светлости принца Карла Гессенского, сделано не будет; и государственный советник, при своих полномочиях ликвидатора Justificationis, постановляет, что:

Касательно имущества скончавшегося графа Сен-Жермена, terminus justifications (окончательный срок для предъявления прав на имущество) был установлен и объявлен публично 14-го числа этого месяца. Никакой другой декларации мною сделано не будет, следовательно не требуется justificatio (официального подтверждения полномочий и прав), чтобы оплатить соответствующие расходы, которые возникли loco privilegiato (на месте, имеющем преимущественные права), и никаких contradiction (возражений) внесено быть не может. Так как для покрытия расходов и оплаты долгов наличного имущества недостаточно, я и другие официальные лица, здесь присутствующие, собрались для рассмотрения этого дела, и мы полагаем, что устройство аукциона для того небольшого числа вещей нецелесообразно, поэтому я имею мандат на отдачу распоряжения, чтобы вещи были проданы за столько, сколько можно за них выручить, и, какова бы сумма ни была, она должна быть принесена мне in natura (в натуральном выражении) для оплаты расходов. Таким образом, ликвидация имущества высокородного и благородного дворянина будет отложена до тех пор, пока это не будет сделано.

in dorso (на обороте):
Государственный советник Георг Брунн в Шлезвиге, manda-torio nomine (именным повелением) Его Светлости принца Карла Гессенского, губернатора.
Шлезвиг, 11 октября 1784 г.

Сделанный подсчет показал, что при общей стоимости могилы и похорон в 246 рейхсталеров 6 шиллингов, которые уже были оплачены, имеющаяся сумма была недостаточной, и остальные кредиторы должны получить credita justificiret (заверенные долговые расписки). Следовательно, счет и praetendirte (предварительно истраченная) сумма в 246 рейхсталеров 6 шиллингов полагаются justificiret (заверенными) и вследствие упомянутой выше petiti (петиции), распорядитель городской управы Крузе и я, делопроизводитель городской управы Клауссен, законно committiret [sic] (уполномочены) продать малое количество вещей покойного дворянина по полной стоимости, которую они смогут выручить, заявляю, что это дело будет ликвидировано и закончено, terminus (окончательно), в октябре месяце 21-ого числа.
Октября месяца 21 числа, 1784 год.
Присутствовали:
Классен.

Крузе.
Клауссен.
Цеттвах.

14-го числа принято постановление о terminus liquidationus (окончательный срок для ликвидации) имущества графа Сен-Жермена и Уэлдона, скончавшегося 27 февраля, и secundum ordinem inventarii (повторная инвентаризационная опись) его вещей выполнена committirten [sic] membris judicii (уполномоченными на то членами Городского суда) по их полной стоимости, и деньги внесены, стоимость имущества определена надлежащим образом в соответствии с нижеследующим:

Суммарная стоимость имущества:
1) Vigore inventarii, выше упомянутые деньги, 41 датский дукат монетами, каждая равна 2 рейхсталерам 82 рейхсталера.
2) В мелкой наличности, монетами по 1К13 рт 1/2 шиллинга.
3) От продажи вещей, согласно реестру торгов от 15 октября 1784 г. 104 рт 38 шиллинга.
Всего 187 рт 3 1/2 шиллинга.
Эти 187 рт 3 1/2 ликвидированы как истраченные на оплату расходов.

Расходы:
1) Оплата объявления, свидетельствования, налогов и других законных действий 33 рт. 46 ш..
2) Расход по публикации объявления в газетах 10 рт. 40 ш..
3) Плата Городскому советнику и Мэру Брунну в Шлезвиге, mandatorio nomine (именным повелением) Его Светлости принца Гессенского, губернатора, за объявление и похороны скончавшегося дворянина 246 рт. 6 ш., которая, так как стоимость имущества недостаточна, была приравнена к оставшейся сумме 142 рт. 13 1/2 ш.
Что в итоге дает стоимость всего имущества 187 рт. 3 1/2 ш.
Посредством чего имущество скончавшегося дворянина было в конце концов систематизировано и приведено в порядок».

Джин Овертон Фуллер пересчитала примерную стоимость имущества покойного и выставленных в счете затрат на современные ей английские фунты в ценах конца 1980 годов: «Рейхсталер того времени равен примерно 0,12 фунта, или примерно 8 рт. на фунт. Тогда 187 талеров составят около 23 фунтов того времени. Стоимость имущества Сен-Жермена в современной английской валюте будет немногим более 690 фунтов».

Барон Гляйхен, цена свидетельствам которого известна, утверждал, будто принц Гессенский «получил в наследство все документы графа и получал письма, которые продолжали идти на адрес графа после его смерти».[480] Если первая часть этого утверждения не подлежит сомнению, так как подтверждена составленными с немецкой скрупулезностью актом и описью, то вторая часть недоказуема. Из всех бумаг покойного графа принца Карла интересовала одна-единственная вещь — пресловутая записка, которую граф должен был оставить для него, но ее не было и следа.[481]

---

[480] Барон Гляйхен. Цитир. произв. С. 134.

[481] Поль Шакорнак пишет, не указывая, правда, источник, откуда он это узнал, что королева Мария-Луиза Датская получила в наследство все документы своего дедушки, принца Гессенского, умершего в 1836 году, в том числе все то, что имело отношение к графу Сен-Жермену. Затем все эти бумаги, должно быть, перешли по завещанию от королевы к ее шурину, принцу Гансу, брату короля Христиана IX, который в свою очередь подарил их Великой Ложе Копенгагена. Среди этих документов якобы находилась записка, которую граф тогда

Принц Карл решил, что «бумага могла попасть в неверные руки».[482]

Джин Овертон Фуллер предположила, что «шифрованный манускрипт», которым обладал Сен-Жермен и который идентифицируется то как «Священная магия, открытая Моисею, обретенная в египетских источниках, сохраненная в Азии под знаком крылатого дракона…»,[483] то как «Святейшая Тринософия»[484], и есть та самая записка с указаниями, которую Сен-Жермен обещал оставить принцу Карлу и которую принц так и не смог найти среди его вещей. Она приводит такие аргументы в пользу этого предположения: «Не мог ли он найти ее уже после написания своих мемуаров — которые он начал 23 декабря 1816 года и закончил 5 апреля 1817 года — возможно, она просто лежала для него в Готторпе, чтобы он нашел ее только тогда, когда дорастет до этого? Он прожил до 1836 года, дожив до девяноста двух лет. Мемуары для публикации отдавал не он, это произошло уже после его смерти, и он мог оставить свою рукопись, не снабдив ее примечанием, что записку он нашел. В таком случае где она сейчас? В Готторпе теперь публичный музей, вряд ли она до сих пор там хранится. Принц Карл мог присоединить ее к своим масонским документам. Вероятно, она находится в Великой Ложе, в Копенгагене.

Если она лежит там незамеченная, среди тех его бумаг, которые, как известно, хранятся в беспорядке, то, вероятно, это абсолютно нормально. В таком месте ей не грозит ни опасность уничтожения, ни возможность преждевременного открытия миру, которому пока еще знакомиться с ней рано».

Но с завершением земной жизни таких, как граф Сен-Жермен, их жизнь не кончается. Поль Шакорнак пишет целую интереснейшую главу о том, как понимать бессмертие Сен-Жермена в свете традиционной (оккультно-эзотерической) доктрины. Она слишком длинна, чтобы приводить ее полностью, но некоторые наиболее значительные моменты мы все же процитируем.

«Достаточно беглого знакомства с традиционными доктринами, чтобы узнать, что они обычно выражены в символах, использующих реалии плотного мира для отображения аналогичных явлений тонкого и духовного мира. Нет сомнения, что долголетие физического тела прежде всего — символ непрерывности духовной функции и лишь потом — непрерывности некоторых психических элементов. Это не значит, что долголетие физического тела невозможно. Наоборот, оно обязательно должно быть возможным, иначе оно не могло бы стать приемлемым символом непрерывности духовной функции… Долголетие, символизируя непрерывность духовной функции, может означать:

Устойчивость индивидуальности в одной и той же телесной оболочке, вне пределов обычного человеческого существования.

Устойчивость набора психических элементов в нескольких последовательных телесных формах и даже, как мы увидим далее, в одновременных формах.

не показал Карлу Гессенскому. С другой стороны, некий корреспондент Шакорнака уверял его, будто перед смертью принц Ганс уничтожил все документы, которыми он владел (частная переписка).

[482] Принц Гессенский. Цитир. произв. С. 135.

[483] «Священная магия, открытая Моисею…» B.N. A 2840 (Эзотерическая библиотека), каталог Дорбон, современная копия на французском языке с оригинала, находящегося в каталоге Л. Хаузера (L. Hauser), Лондон, 1934, № 527. Манускрипт треугольной формы (237 мм x 237 мм x 235 мм), состоящий из 22 страниц, пергамент, переплет из телячьей кожи с золотым обрезом, текст на английском языке. Латинская подпись в треугольнике с нарисованным в его острие драконом на втором титульном листе гласит: «Дана премудрым графом Сен-Жерменом, который объездил весь мир».

[484] Русские переводы издавались неоднократно, впервые — в сборнике «Святейшая Тринософия»: Сборник. М.: Беловодье, 1998. С. 290–383. В своей работе «Тайны и мистерии оккультизма: Сен-Жермен и Калиостро», помещенной в этом же сборнике. С. 383–453, Патрик Ривьер убедительно доказывает, что автором этой книги является Калиостро, а не Сен-Жермен.

Устойчивость индивидуальности в тонком мире без смерти тела, в данном случае телесная форма «трансмутируется», резорбируется в своем тонком начале.

По нашему мнению, первый вариант представлен в случае Никола Фламеля, может быть, и святого Иоанна. Второй вариант — случай ламаистских тулку. А третьему варианту соответствуют Энох и Илия…

Различные указания, найденные в документах о графе Сен-Жермене, подводят нас к выводу, что его случай может быть отнесен к тому же варианту, что и тулку…Для того чтобы дать если не определение, то хотя бы приблизительное описание тулку без лишних метафизических рассуждений, обратимся к работе Александры Давид-Неэль:[485]

«Согласно народным верованиям тулку — это перевоплощение какого-нибудь святого или умершего ученого, либо воплощение существа нечеловеческой природы — божества, демона и т. д.

Первая категория тулку самая многочисленная. Вторая насчитывает несколько редких воплощений мифических персонажей, например, далай-ламы, траши-ламы, женщины-ламы Дорджи-Пхагмо и воплощений низкого ранга, тулку некоторых туземных божеств, например, Пекара. Тулку последнего выполняют функции официальных оракулов. Некоторые ламы верят, что тонкая энергия, остающаяся после смерти создавшего — или питавшего ее, если он был уже тулку ряда последовательных перевоплощений, притягивает и группирует созвучные ей элементы, превращаясь, таким образом, в ядро нового существа. *Другие придерживаются мнения, что пучок развоплощенных сил сливается с каким-нибудь живым существом, чьи физические и духовные наклонности, приобретенные в ряде предыдущих жизней, обеспечивают гармоническое соединение* [486]*…*

Случается, дух умершего переходит на несколько тулку, существующих параллельно и официально признаваемых. С другой стороны, некоторые ламы слывут за тулку нескольких личностей одновременно. Таким образом, траши-лама не только тулку Евпамеда, но и Субхути, ученика исторического Будды. Таким же образом, Далай-лама воплощает и мифического Ченрезигса, и Гедюндупа, ученика и последователя реформатора Цзон-Ка-Па… Довольно часто случается, что лама предсказывает на смертном одре место своего следующего рождения. Иногда он сообщает подробности о будущих родителях, их жилище и т. д… Напав на след более или менее подходящего мальчика, совещаются с ламой-прорицателем. Если тот одобряет предполагаемого кандидата, то последнего подвергают следующему испытанию: несколько личных предметов покойного ламы перемешивают с подобными предметами, и ребенок должен отобрать вещи ламы, как бы узнавая предметы, принадлежавшие ему в прошлой жизни»[487].

Цитаты достаточно хорошо освещают двойной аспект долголетия в случае тулку. Тулку божества соответствует постоянству духовной функции, тулку исторического персонажа есть случай передачи различным персонажам, выполняющим данную функцию, набора психических элементов, среди которых, как видно из приведенного примера, фигурирует память. Это духовное и психическое наследство.

Если рассматривать все это с точки зрения интересующего нас под именем графа Сен-Жермена персонажа, вполне возможно, что он, будучи «рожденным» в последние годы XVII века или в первые годы XVIII, мог «помнить» и вещи, случившиеся за несколько сотен лет до этого.

---

[485] См.: Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. М.: Дягилевъ Центр, ЦДЛ, 1991. С. 81.

[486] Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. С. 83–84. Последние, особо важные слова — подчеркнуты нами. «Предыдущие жизни», о которых идет здесь речь, не «воплощения», а до-человеческие состояния того существа, которое в данное время пребывает в человеческом виде.

[487] Там же. С. 85–86.

Если признать все вышеизложенное возможным, остается вопрос: исходя из чего можно приложить данную ситуацию к графу Сен-Жермену? Можно ответить, что легенды на пустом месте не появляются, и что, наверное, были особенные причины, чтобы приписать духовную роль и долголетие именно Сен-Жермену, а не какому-нибудь другому таинственному персонажу с претензиями на роль посвященного (что было как раз не характерно для Сен-Жермена). Такими были, например, Калиостро и Мартинес Паскуалис. Надо полагать, что современники знали вещи, которые нам не известны и которые как раз именно такой природы, что не оставляют следов, ощутимых для историка».

Глава 22

Ракоци или его сын?

Настало время открыть загадку, кто же скрывался под условным именем «граф Сен-Жермен». Но для этого придется сделать отступление в историю Венгрии.

Согласно самому раннему источнику — хронике XII века — венгры, или, как они сами себя называют, мадьяры, появились на своих нынешних землях в 896 году. Эта дата и является отправной точкой их европейской истории. Многое можно было бы рассказать о предыстории появления венгров в Карпатском бассейне, но это отдельная тема, которая увела бы нас далеко в сторону от предмета настоящего исследования. И если в первые десятилетия воинственные варвары-мадьяры наводили ужас на Европу своими разбойничьими набегами, то уже на рубеже нового тысячелетия, в 1000 году, европейские страны с удивлением обнаружили вместо орд кочевников, живущих в юртах и пасущих стада своих коров и овец экзотического вида на раздольных степях Среднедунайской низменности, — христианское государство во главе с королем Стефаном (по-венгерски Иштваном) Святым, получившим корону из рук самого папы римского. С этого времени Венгрия прочно занимает свое место среди наиболее влиятельных королевств Европы, вершивших ее исторические судьбы. Положение в самом сердце Европы, тем не менее, часто обязывало Венгерское королевство быть форпостом, противостоявшим иноземным завоевателям. В XIII веке о стены венгерских крепостей разбилась волна монголо-татарского нашествия. В XV веке Венгрия спасла страны Запада от турецкого ига. Но в 1526 году после поражения при Мохаче — трагическая дата в истории страны! — сама Венгрия пала жертвой: крупнейшее государство Европы XV века распалось на три части. Западная часть королевства, включая Южную Австрию, Штирию, Каринтию, Силезию, Богемию, а также Краину, Хорватию и Славонию — отошла к Габсбургам. Среднюю часть захватила Османская империя. И только восточная часть — Трансильвания, по-венгерски Эрдей, что означает «лесной край», — осталась независимой. Трансильванское княжество целых два столетия, XVI и XVII, сберегало традиции венгерского королевства: язык, культуру, обычаи, свободолюбивый и гордый нрав народа. Правящие князья Трансильвании, выбираемые государственным собранием, лавировали между Габсбургами и Османской Портой, попеременно то заключая союз с турками, то воюя против них вместе с австрийцами. Одним из героев этой славной борьбы стал комендант пограничной крепости Габсбургской империи Сигетвар Миклош Зрини, происходивший из знатной далматинской семьи и ставший позднее воеводой (баном) Хорватии. Осада небольшой крепости Сигетвар армией османов под командованием султана Сулеймана I продолжалась в период с 6 августа по 8 сентября 1566 года. Одним из самых выдающихся владетельных князей Трансильвании был Дьёрдь I Ракоци, правивший с 1630 года до самой своей смерти в 1648 году. Он успешно воевал против Габсбургов в союзе со шведским королем Густавом Адольфом, и согласно завершившему эту войну Линцкому мирному договору 16 сентября от 1645 года Трансильвания была признана независимым княжеством, а полученный князем как приданое его жены Токайский округ в Верхней Венгрии стал ее частью. Дьёрдь стал самым богатым вельможей страны, его владения охватили огромную территорию, которая ныне входит в четыре страны: Венгрию, Словакию, Украину и Румынию. Тогда же им был заключен в Мункаче союз с Людовиком XIV. Но ни турки, ни австрийцы не хотели уступить друг другу власть над Венгрией и Трансильванией. Война 1683–1699 гг. началась вторжением турецких войск в Австрию и осадой Вены (с 14 июля 1683 года). Турецкие войска были наголову разбиты 12 сентября 1683 года войском союзника Австрии Яна Собеского. Это поражение положило начало постепенному отступлению турок из Центральной Европы. После создания антитурецкой «Священной лиги» (1684) австрийские войска 2 сентября 1686 года заняли Буду, в 1687–1688 гг. овладели Восточной Венгрией, Славонией, Банатом, заняли Белград.

11 сентября 1697 года австрийские войска под командованием Евгения Савойского разбили турецкую армию у Зенты. В результате войны, согласно Карловицкому мирному конгрессу 1698–1699 гг., к Австрии отошли земли Венгрии, Трансильвания, Хорватия и почти вся Славония, то есть вся территория домохачской Венгрии. Габсбурги, грубо нарушив принцип утверждения монарха законодательным собранием, соблюдавшийся с XIII века, с «Золотой буллы» 1222 года венгерского короля Эндре, которую венгерское дворянство считало национальной конституцией, провозгласили себя отныне и навечно венгерскими королями. Этой же «Золотой буллой» предусматривалось и право народа оказывать вооруженное сопротивление правителю, если он попирал священные права народа.

На этом историческом фоне прошли детство, юность и молодые годы родившегося 27 марта 1676 года Ференца, единственного сына избранного князем Трансильвании, но так и не правившего Ференца I Ракоци и его жены — хорватки Елены Зринской (по-венгерски Илоны Зрини), дочери хорватского бана Петера Зрини и Катерины Франгепан. В 1670 году Ференц I Ракоци в своем родовом замке Шарошпатак участвовал в так называемом заговоре Вешшелени — заговоре венгерских магнатов против Габсбургов, известном впоследствии как заговор «sub rosa» («под розой»), так как тайные сходки заговорщиков в 1666–1671 годах происходили в зале, украшенном готическим изображением розы на потолке. Участники заговора Петер Зрини — тесть Ференца I Ракоци, и брат матери его жены Ференц Криштоф Франгепан были казнены, а сам он чудом избежал этой участи, и только потому что его семья заплатила австрийской казне неслыханный выкуп в 400 000 форинтов. После смерти 8 июля 1676 года Ференца I Ракоци его вдова Илона Зрини 15 июня 1682 года с позволения австрийского императора повторно вышла замуж за мятежного князя Имре Тёкёли, младше ее на 14 лет, с 1679 года воевавшего с Австрией. Из мелких дворян, воинов пограничных крепостей, беглых крепостных крестьян, именовавших себя «скитальцами», он создал повстанческую армию «куруцев» («крестоносцев»). Армия Тёкёли успешно боролась с войском Габсбургов, и ему даже удалось основать в 1682 году в северных комитатах Венгрии собственное независимое княжество. Оттуда в 1683 году куруцкая армия Тёкёли как союзная туркам совершила поход на Вену. В этот многомесячный, полный опасностей и сражений поход князь взял своего пасынка, семилетнего Ференца, которого мать отпустила только потому, что его сопровождал воспитатель мальчика, гофмейстер двора княгини Дьёрдь Кёрёши. Спешившие на выручку австрийскому императору польские войска под предводительством Яна Собеского разбили куруцев в Моравии 26 августа 1783 года, а затем 12 сентября вместе с войсками кронпринца Карла Лотарингского нанесли сокрушительное поражение туркам в битве при Каленберге. Поражением окончилась и борьба куруцев, и в 1685 году князь Тёкёли был вынужден бежать в земли османской Турции, оставив свою жену Илону Зрини, двух ее детей от первого брака и их общую дочь в осажденном врагами замке Мункач (современный город Мукачево, Украина). Почти 3 года, с 1685-го по 1688-й, эта цитадель выдерживала осаду австрийских наемников, а ее хозяйка, облачившись в шлем и панцирь и ведя за руку детей, ежедневно обходила крепостные стены, вызывая бессильную ярость осаждающих. Отчаявшись взять неприступную крепость силой, австрийцы пошли на хитрость и передали княгине фальшивое письмо якобы от Имре Тёкёли, по которому она должна была подписать капитуляцию. Обман открылся уже в Вене, когда ее разлучили с детьми, лишили опекунства над ними и над принадлежавшим им огромным наследным состоянием семьи Ракоци и поселили под домашним арестом в августинском монастыре.

15-летнюю дочь Юлианну насильно увезли в монастырь святой Урсулы, 11-летнего сына Ференца втайне отправили в иезуитский колледж в Нойхаус под Прагой. По желанию своего крестного отца императора Леопольда I Габсбурга и опекуна — кардинала Леопольда Коллонича мальчик должен был избрать духовную стезю.

И хотя святые отцы преуспели в том, чтобы молодой князь Ракоци, блестяще овладев латынью, немецким, французским, позабыл родной венгерский, они не смогли заставить его забыть, что он наследник венгерской свободы и знатнейшей аристократической фамилии Европы, в чьих жилах течет королевская кровь. Его бабушка Жофия Батори, полька по матери, по отцу была последней представительницей той самой ветви рода, откуда вышел Иштван Батори, трансильванский князь, избранный в 1576 году королем Польши и называемый в русской традиции князем семиградским Стефаном Баторием.

Окончив Пражский университет и достигнув совершеннолетия, князь Ферко вернулся в Вену и потребовал у кардинала-опекуна возврата всех своих владений. За это всемогущий министр Габсбурга добился, чтобы Ференца Ракоци удалили из империи и отправили на год в Италию, под предлогом обучения подобающим аристократу манерам. Ференц отправился в путь предположительно 5 апреля 1693 года. Много лет спустя князь расскажет об этом путешествии в своих написанных по-латыни мемуарах-исповеди «Confessions». Оттуда можно узнать, что после пересечения границы Австрии с Италией он направился в Венецию, затем через Феррару проехал во Флоренцию, куда прибыл в мае 1693 года и где прожил четыре месяца во дворце Сальвиаторе. Об этом периоде он напишет в письме своему наставнику из Нойхауса, что жил «один с моей собственной прислугой, желая избежать необходимости общаться с итальянцами». В мемуарах же, описывая это время, он добавляет, что со стороны его жизнь выглядела целомудренной, хотя он просто-напросто был лицемером, и пишет: «Только тебе, Господи, известна моя порочность». Как это понимать? В вызвавшей огромное возмущение в Венгрии книге 1913 года «Ссыльный Ракоци» историк Дюла Секфю[488] (1883–1955; между прочим, с 15 сентября 1945 года по апрель 1949 года был первым после восстановления дипломатических отношений между двумя странами послом Венгрии в Москве), с 1907 по 1912 годы являвшийся штатным сотрудником Венского императорского и королевского, придворного и государственного архива и работавший с закрытыми документами, на основании которых и была написана книга, пишет о многочисленных любовных увлечениях Ракоци. Собственно, одним из оснований для отправки 18-летнего юноши в путешествие для его шурина, графа Фердинанда-Гобера Аспремона Рекхайма фон Линдена из Лотарингии (который был к тому времени подполковником, героем антитурецкой войны и был старше своей жены Юлианны на 29 лет, будучи ровесником ее матери), стала его ветреность и любвеобильность, когда немедленно по приезде в Вену Ракоци стал волочиться сразу за многими девушками. Поэтому Аспремон решил женить своего юного родственника и устроил ему заочную помолвку с принцессой Магдалиной Гессен-Дармштадтской, родственницей австрийской императрицы Элеоноры.

Хотя в мемуарах Ракоци пишет, что во Флоренции не встречался с Великим герцогом Козимо III Медичи, известно, что он бывал при дворе правителей Флоренции и не раз виделся с его супругой Маргаритой Луизой Орлеанской (дочерью Людовика XIII, за свой язвительный характер получившей в Версале прозвище «белая гадюка») и ее сыновьями Фердинандо и Джованни. Старший Фердинандо был к тому времени уже пять лет как женат, его свадьба с баварской принцессой Виолантой Беатрисой, дочерью Фердинанда Марии Виттельсбаха и Аделаиды Генриетты Савойской, состоялась 19 января 1689 года, но брак был несчастным — Фердинандо, как и его младший брат, был любителем мальчиков, а потом подхватил сифилис и не мог иметь детей. Джин Овертон Фуллер предполагает, что Ракоци имел любовную связь с Виолантой, от которой у принцессы в конце 1693 года или в начале 1694 года родился сын.

Из Флоренции князь проследовал в Пизу, Ливорно, Массу, Каррару и далее в Рим, где был принят папой Римским, и оттуда поехал в Неаполь. Там его застигла весть о смерти невесты (подстроенная императрицей Элеонорой интрига — Магдалина Гессен-Дармштадтская получила такое же письмо о смерти жениха).

---

488 Szekfö Gyula: A szämüzött Räköczi 1715–35. Magyar Tudomänyos Akadömia 1913.

Вернувшись из путешествия, 6 марта 1694 года Ференц получил из рук императора Леопольда акт о своем совершеннолетии. Вскоре за этим последовала самовольная женитьба на «запасной» кандидатке, подобранной Аспремоном: 26 сентября 1694 года в Кёльне архиепископ (граф Йозеф Клеменс Баварский, старший брат Виоланты Беатрисы Баварской) обвенчал его в Кёльнском соборе с 15-летней дочерью герцога Карла Гессен-Райнфельского и Александры Юлианны Ляйнинген-Дагсбургской принцессой Шарлоттой Амалией. Тетка невесты принцесса Елизавета Шарлотта Пфальцская (для родственников просто Лизелотта) была женой герцога Филиппа Орлеанского, младшего брата Людовика XIV.

Молодые уехали в Венгрию, в комитат Шарош, где находились многие из родовых замков семьи Ракоци и Ференц Ракоци был наследственным ишпаном — правителем. Слово «ишпан» восходит к славянскому «жупан» и находится в употреблении примерно с XI века, служа для обозначения наместника принадлежащей к королевским владениям провинции. У них родилось несколько детей: в 1695 году — дочь Шарлотта (умерла во младенчестве), 28 мая 1696 года — сын Дёрдь-Липот (Леопольд Людовик Георг, умер около 1701 года), 17 августа 1700 года — сын Йожеф (Иосиф), а в апреле 1701 года, когда Шарлотта Амалия ждала четвертого ребенка, ее муж был арестован по обвинению в государственной измене и препровожден в Австрию. Он уже был однажды под подозрением, когда в июле 1697 года в его владениях — в токайском Подгорье — восстали крестьяне-куруцы Тёкёли, тогда князю с большим трудом удалось доказать свою непричастность к этому потопленному в крови мятежу. На этот раз все было серьезнее. Предатель перехватил письмо князя Ракоци к Людовику XIV с напоминанием о его союзническом долге, расцененное властями как свидетельство нового антиправительственного заговора. Князя намеренно заточили в ту самую темницу в местечке Винер-Нойштадт (по-венгерски — Бечуйхей), где 30 лет назад был обезглавлен его дед Петер Зрини. Молодая жена князя и его сестра Юлиана устроили Ференцу побег. Несколько месяцев князь скрывался в Польше, под Ченстоховом, у своего родственника гетмана Адама Сенявского. В Польше Ракоци заручился поддержкой шляхты и короля Августа II, курфюрста Саксонии.

В Венгрии давно было неспокойно. Надежды нации на освобождение от ненавистного гнета Габсбургов и возврат древних венгерских свобод были устремлены на Ференца II Ракоци. И когда разразилась общеевропейская война за испанское наследство, в которой главным противником Австрийской империи стал французский абсолютизм, в начале мая 1703 года Ференц Ракоци выпустил свой манифест из 24 пунктов, призывавший народ к восстанию. Он содержал гневные обвинения в адрес угнетателей и начинался словами: «Recrudescunt diutina inclytae gentis Hungariae vulnera…» Эти слова и сейчас можно прочитать на постаменте конного монумента Ференца II Ракоци, который установлен напротив Парламента на главной площади Будапешта.

Как только войска под знаменем «Pro patria et libertate!» перешли через перевал Верецкеи в Карпатах, как когда-то на пути обретения новой родины мадьярские племена под предводительством князя Арпада, и вступили на территорию Венгрии, пожар восстания быстро охватил ее северные области и перекинулся в Трансильванию. Это было истинное народно-освободительное движение, где вместе были родовитейшие дворянские фамилии и их крепостные.[489] Война длилась почти 8 лет.

---

[489] В Венгрии этот период национальной истории скрупулезно изучен чуть ли не по часам, о князе Ракоци написаны горы научной, научно-популярной и художественной литературы. Личность Ракоци и его эпоха много лет являются предметом моих исследований, но чтобы не утонуть в обилии материала, в этой книге пришлось ограничиться только важнейшими вехами или теми эпизодами, которые имеют непосредственное отношение к графу Сен-Жермену. В главе о Ракоци, написанной Джин Овертон Фуллер и целиком основанной на имевшейся в ее распоряжении переведенной на английский язык работе крупнейшего специалиста по Ракоци и его эпохе Агнеш Варкони, приведена подробная история жизни Ференца Ракоци и интереснейшие документы. К этой главе объемом почти сотню страниц из книги «Последний отпрыск из рода Ракоци», опубликованной в сокращении в книге «Два адепта. Сен-Жермен и Калиостро. Сакральная история Европы» под моей редакцией, отсылаю читателя.

В сентябре 1705 года в городке Сечень дворянское государственное собрание избрало Ракоци правящим князем Венгерской конфедерации, в апреле 1707 года в городе Марошвашархей (Тыргу-Муреш, Румыния) — князем Трансильвании, а в июне 1707 года в местечке Онод объявило о свержении Габсбургов с венгерского трона и провозгласило князя Ракоци королем Венгрии.

Но Ференцем Ракоци руководили не честолюбие и жажда власти, а высшие интересы родины. В свое время он отказался от заманчивого предложения нового императора Австрии Иосифа I стать правящим герцогом провинций Бургау и Лихтенберг в обмен на отказ от титула князя Трансильвании и обещание сложить оружие. Впоследствии он отверг и польский трон, который предлагался ему трижды!

Европа сочувствовала восставшим. Людовик XIV вначале расценил движение Ракоци как внутреннее дело Австрии и отказался вступать в союзнические отношения с подданными, поднявшими мятеж против законного государя. Однако затем король-Солнце признал Ференца Ракоци князем Трансильвании, оказывал ему финансовую, военную и дипломатическую поддержку. Англия и Голландия через своих послов при венском дворе также советовали дому Габсбургов заключить мирный договор с восставшими. Куруцы Ференца Ракоци отвоевали большинство венгерских крепостей и держали в страхе всю Австрию, совершая набеги даже на предместья Вены. Напрасно карательные войска императора выжигали и вырезали целые деревни. Даже победы регулярной армии над войском куруцев не могли поставить Венгрию на колени.

Тем временем, помимо дунайских княжеств Валахии и Молдовы, у Ракоци появился еще один могущественный союзник. Русский царь Петр I направил к Ференцу Ракоци своего специального посла с предложением стать польским королем взамен свергнутого в ходе войны со Швецией Августа II. 15 сентября 1707 года в Варшаве Петр I и Ференц Ракоци II подписали союзный договор, по которому русская сторона обещала военную, финансовую и дипломатическую помощь для достижения независимости Трансильвании и Венгрии.

Но военные неудачи Петра в войне с Карлом XII помешали ему выполнить условия Варшавского соглашения. Крупное поражение потерпели и войска Ракоци в августе 1708 года под городом Тренчень (Тренчин, Словакия). Европа, а за нею и военное счастье отвернулись от венгерских повстанцев. В феврале 1711 года их предводитель князь Ракоци отправился в Польшу искать помощи у своего русского союзника, но безуспешно. В это время Петр I был вынужден вести войну на два фронта: со Швецией и с Портой. В разгаре был Прутский поход, сам Петр и его командование попали в плен к туркам под деревней Станилешти и сумели освободиться только ценой огромных контрибуций. Да и Карл XII, разгромленный под Полтавой и искавший убежища в Турции, не оставлял своих надежд на победу в Северной войне.

Поэтому в апреле 1711 года в городе Сатмар (Сату-Маре, Румыния) главнокомандующий Ференца Ракоци граф Шандор Каройи в его отсутствие заключил мир с императорским генералом венгром Яношем Палфи (таких венгров-сторонников императора в отличие от венгров-повстанцев презрительно именовали лабанц). Ференц Ракоци не хотел принимать этот мир, но войска его сдавали крепости одну за другой. Последней 24 июня 1711 года сложила оружие крепость Мункач.

Ференц Ракоци отверг все предложения нового австрийского императора об амнистии и выбрал удел изгнанника, скрываясь около года в Гданьске в Польше, затем около четырех лет во Франции, наконец с 1717 года поселился в Турции, где спустя 17 с половиной лет окончил свой земной путь в выделенном для проживания венгерских поселенцев поселке Родосто 8 апреля 1735 года.

Он оставил мемуары о своей жизни и борьбе, по его распоряжению книги об истории движения куруцев были написаны и изданы на многих языках. А Венгрия осталась под пятой Габсбургов еще на полтора столетия.

Сыновья князя Ференца Ракоци и Шарлотты Амалии Гессен-Райнфельской жили в Вене заложниками правящего дома Габсбургов. Большая часть замков, принадлежавших фамилии Ракоци, была взорвана по приказу императора, в оставшихся разместили австрийские гарнизоны. Наследники мятежного князя не имели права носить родовое имя, которое должно было быть стерто из памяти народов империи. Поэтому они получили имена соответственно Санкт-Карл и Санкт-Элизабет.[490] Чуть позже мы расскажем об их дальнейшей судьбе.

Существует версия, будто смерть Ференца II Ракоци в Родосто (ныне Текирдаг) была инсценирована. Это было достаточно просто сделать — изгнанники жили весьма замкнуто, и паж князя Келемен Микеш, беззаветно преданный князю, исполнил все его распоряжения относительно устройства похорон. Факт смерти князя установлен только на основании свидетельств Микеша. Вот это свидетельство из его книги «Письма из Турции», написанной в форме писем (общим числом 207) в Европу к некоей даме — его тетушке: «Родосто, 8 апреля 1735 г. Чего мы опасались, тому мы уже стали причастны. Господь обрек нас на сиротство и сегодня отнял у нас нашего милого господина и отца, в третьем часу поутру. Нынче Страстная пятница, и должно нам оплакивать смерть и Отца нашего Небесного, и отца нашего земного. Господь отсрочил на сегодня кончину нашего господина, чтобы освятить его смертную жертву заслугою того, кто сегодня принял смерть свою за нас. Таково было житие его, и такова была кончина его, что полагаю, было ему сказано: сегодня будешь со мною в раю. Прольем слезы обильные, ибо воистину окутал нас мрак отчаяния. Но не нашего отца-благодетеля станем оплакивать, ибо его Господь после пре-многих страданий взял на пиршество небесное, где поит из кубка наслаждения и радости, но нас самих, кому выпала участь сиротства великого. Невозможно изъяснить, сколь велики стенание и кручина тут, среди нас, и меж самых малых холопьев. Далее в этой же записи Келемен Микеш описывает последние дни и часы, а также саму кончину князя. Под более поздней датой Микеш записал в «Письмах из Турции» еще одно многозначительное указание: «Тело нашего хозяина лежало в небольшом дворе в течение тех трех дней, когда проходили религиозные службы. Тело мог видеть каждый, в том числе, и пришедшие к нему тридцать турок, но, несмотря на это, они не поверили, что князь умер. Они говорили, что там в его одеждах лежал кто-то другой, а он уехал. Если бы это могло быть правдой!»[491]

По словам Мэнли Палмера Холла, «теософ Фрэнсис Адни полагает, что граф Сен-Жермен не был сыном князя Ракоци из Трансильвании, но, учитывая его возраст, он не мог быть никем иным, как самим князем Ракоци, который был известен как натура, склонная к философии и мистицизму. Этот писатель верит, что Сен-Жермен прошел через «философскую смерть» в 1784 году, как это сделал Фрэнсис Бэкон в 1626 году и Ференц Ракоци в 1735-м».[492] Имя Ракоци соседствует с именем Фрэнсиса Бэкона, и это отнюдь не случайно.

---

490 Последнее имя многое говорит венгерскому слуху. Святая Елизавета (Эржебет по-венгерски) — любимейшая святая в Венгрии и считается покровительницей страны. Славилась своим милосердием и помощью нищим и убогим. Это реальное историческое лицо, жившая в XIII веке принцесса, старшая дочь короля Эндре И, выданная в 1211 году замуж за Людвига, сына маркграфа Тюрингии Германа, которую вскоре после ее смерти папа Григорий IX буллой от 1 июля 1235 года провозгласил святой. Недалеко от города Шарошпатак сохранился красивейший храм XIII века, выстроенный в ее честь. Кроме того, Шарлотта Амалия, жена Ференца Ракоци, знала, что святая Эржебет была ее прабабкой в четырнадцатом колене. Первый же сын получил имя Санкт-Карл, вероятно, в честь правящего императора Карла, даровавшего ему титул.

491 Mikes Kelemen. Térékorszägi levelek http://mek.niif.hu/00800/00880/html/ index.htm

492 См.: Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. 3-е изд. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1997. С. 775.

Для сторонников одной из современных американских эзотерических традиций это одна индивидуальность: «Когда Сен-Жермен воплотился… как Френсис Бэкон (1561–1626), он был внебрачным ребенком королевы Елизаветы и лорда Лэйсестера, законным наследником английского престола. Он перевел Библию (в варианте короля Джеймса) и написал «Novum Organum» и шекспировские пьесы, в которых зашифрованы многие из святых тайн Братства, так же как и история его жизни. Завершив дело, для которого он был послан в этом воплощении, он совершил свой уход с присущим ему хорошим чувством юмора, присутствуя на собственных похоронах в 1626 году (тело в гробу не было телом Фрэнсиса Бэкона)»[493].

Во второй половине XVIII века Ракоци был враг, а борьба против его мятежа воспринималась как заслуга, за которую можно было просить монаршей награды в виде баронского или графского титула, важного поста в королевской и комитатской администрации или на худой конец милости в виде денежной компенсации или пенсиона за то, что предки «пострадали от Ракоци».[494] В Венгрии конца XIX века ситуация диаметрально изменилась: имя князя Ракоци было окружено ярчайшим героико-романтическим ореолом как борца за национальное освобождение и благоговейным пиететом. В результате усилий патриотов, премьер-министра Иштвана Тисы и особенно историка Кальмана Тали, заместителя председателя оппозиционной Партии независимости, посвятившего всю свою жизнь розыску документов о Ракоци и восстановлению его честного имени, останки князя Ференца II Ракоци были торжественно перенесены из храма иезуитской католической миссии в Галатии (впоследствии стал храмом Св. Бенедикта лазаристской общины в Константинополе), где они, согласно последней воле князя, упокоились рядом с останками его матери Илоны Зрини, умершей, как и ее супруг Имре Тёкёли, за которым она последовала в изгнание Турцию, в Никомедии (современный Измит) 18 февраля 1703 года, в Будапешт, в главный католический храм страны Базилику Св. Стефана. 23 октября 1906 года высший законодательный орган Венгрии — Государственное собрание отменило действовавший с 1715 года императорский закон Австрии, объявлявший Ракоци и его сподвижников преступниками и бунтовщиками, статьями 2 и 3 которого им запрещалось возвращаться на родину. Теперь, через без малого двести лет, историческая справедливость была восстановлена. Из Будапешта торжественная процессия, сопровождавшая катафалк, с подобающими воинскими почестями двинулась через всю страну на северо-восток, и 29 октября состоялась церемония погребения в подземном склепе собора Св. Елизаветы в городе Кашша (ныне Кошице, Словакия). Однако, согласно его воле, сердце князя в специальной урне покоится во Франции, в саду монастыря августинцев (камальдульцев) Буасси-Сен-Леже (Boissy-Saint-Leger) в лесу Гробуа (Grobois) на юго-восток от Парижа, где в 1715 году он жил изгнанником и гостем Людовика XIV. Если бы он мог остаться во Франции, князь избрал бы эту обитель для своего постоянного проживания.

---

493 Сен-Жермен. Курс по алхимии. Наука самотрансформации. М.: Золотой век, 1993. С. 59.

494 Хаванова О.В. Пострадать от Ракоци, или Из истории взаимоотношений венгерских подданных с верховной властью во второй половине XVIII века: Материалы конференции «Поражение Освободительной борьбы 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци и внешняя политика Петра Первого» (Москва, 27–28 октября 2011 года), рукопись получена от докладчика.

Изабель Купер-Оукли писала,[495] что в старинной немецкой хронике «Genealogishe Archivarius aus das Jahr 1734–1736» она обнаружила завещание Ференца II Ракоци (названного там на немецкий манер Франц-Леопольд Рагози). где упомянут также и третий его сын, по имени принц Карл Гесский, находящийся под покровительством последнего Медичи. По завещанию ему полагалась весьма внушительная доля наследства; за исполнением последней воли завещателя должны были следить душеприказчики герцог Бурбонский, герцог Менский и герцог Шарлеруа-Тулузский — внук и два внебрачных сына Людовика XIV. Однако в копии немецкого архивиста наблюдается путаница или неясность: имя последнего сына Ференца Ракоци, родившегося 8 августа 1701 года, то есть уже после того, как отец был арестован, — Дьёрдь (Георг) Ракоци. Он родился и жил в Вене. В июне 1727 года Георг Ракоци навестил своего опального отца, князя Ференца Ракоци, которого никогда до этого не видел, в его изгнанническом убежище в Родосто. Отец и сын говорили между собой по-французски, так как воспитанный при австрийском дворе Георг не знал венгерского. После этого 5 лет спустя, 27 октября 1732 года, Ференц Ракоци пишет завещание, в котором все свое наследное имущество и титул герцога Маковицкого оставляет Георгу. Йожеф (Иосиф), который после смерти первенца оставался старшим сыном князя Ракоци, в завещании упомянут всего один раз, причем не по имени: князем указано только, что у него два сына. Относительно имени «Карл Гесский» у И. Купер-Оукли рядом с упоминанием о покровительстве Медичи очевидно, что это не кто иной, как принц Карл Гессенский, который знал относительно того, что будущий Сен-Жермен воспитывался у Медичи. Возможно, он каким-то образом причастен к тому, что завещание Ференца Ракоци попало в немецкий генеалогический справочник, о котором неизвестно, в каком году он был составлен (или исправлен, дописан).

Устоялось мнение, что граф Сен-Жермен был сыном Ференца II Ракоци. Но каким именно из его трех сыновей? Тут мнения расходятся. Дадим слово самим авторам предположений о происхождении Сен-Жермена, из которых потом исходили все остальные. Итак, по порядку:

Ландграф Карл Гессенский, «Воспоминания о моем времени»:

> «История этого человека, несомненно, содержит в себе некоторые исключительно интересные детали, которые неизменно способны привлечь к себе внимание искренне любопытствующего. Я, пожалуй, попытаюсь вкратце рассказать о нем, стараясь ничего не упустить и передать то, что я слышал от самого Сен-Жермена, прибавляя кое-где для ясного понимания замечания. Он поведал мне о том, что в наши края прибыл, будучи уже восьмидесяти восьми лет отроду, и является, вне всякого сомнения, плодом брачного союза принца Рагози из Трансильвании с первой его женой по имени Текели. Совсем еще ребенком отдан он был на попечение в дом последнего герцога де Медичи (Джованни Гастоне),[496] который обожал младенца и укладывал его на ночь в своей опочивальне. Когда же подросший Сен-Жермен узнал о том, что два его брата, сыновья принцессы Гессен-Ванфридской (Райнфельской), оказались подданными императора Карла VI и получили по титулу; называясь отныне Санкт-Карлом и Санкт-Элизабетом, то решил наречь себя Sanctus Germanus, то есть Святым Братом. Д конечно же, не обладаю достаточными сведениями, чтобы доказать его высокое происхождение, однако о могущественном покровительстве герцога де Медичи, оказанном

---

[495] Хаванова О.В. Пострадать от Ракоци, или Из истории взаимоотношений венгерских подданных с верховной властью во второй половине XVIII века: Материалы конференции «Поражение Освободительной борьбы 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци и внешняя политика Петра Первого» (Москва, 27–28 октября 2011 года). С. 20.

[496] Герцог де Медичи (Джованни Гастоне) — Великий герцог Тосканский — последний представитель знаменитого флорентийского рода. Правил Тосканой с 1723 по 1737 год.

Сен-Жермену, я премного осведомлен из другого источника»[497].

Рассказывая о познаниях графа и намекая на образование, которое получил Сен-Жермен от герцога де Медичи, принц говорит:

«Этот дом (Медичи), как хорошо известно, славился своей приверженностью к наукам и искусствам, и поэтому неудивительны его ранние успехи во всех отраслях человеческого знания. Однако к постижению таинств Природы он приступил, руководствуясь исключительно своими стремлениями к ведомой только ему одному цели. Он прекрасно разбирается в травах и деревьях, из которых приготавливает чудесные снадобья, сохраняющие молодость и здоровье, и, возможно, продлевающие жизнь…»[498].

Чезаре Канту, библиотекарь главного Миланского книгохранилища, «История Италии»:[499]

«Маркиз Сан Жермано является, по всей видимости, сыном принца Рагоци (Ракоци) Трансильванского; он неоднократно бывал в Италии. Много рассказывалось о его путешествиях по Италии и Испании; великодушное покровительство ему оказывал последний Великий Герцог Тосканский[500], он же дал ему блестящее образование».

Историк Георг Хезекль:

«Мы, собственно, склонны считать графа Сен-Жермена младшим сыном принца Франца-Леопольда Рагози и принцессы Шарлотты Амалии Гессен-Ванфридской. Франц-Леопольд женился в 1694 году и от этого брака имел двух сыновей; их захватили в плен австрийцы и воспитали в католической вере; в дальнейшем их принудили отказаться от ненавистного императору имени Рагози. Старший сын, назвавшийся маркизом Сан-Карло, бежал из Вены в 1734 году. В этом году, после долгих лет бесплодной борьбы, умер в Родосто на территории Турции его отец и был похоронен в Смирне. Позднее старший сын получил от Турции причитающийся его отцу пенсион[501] и стал известен под именем принца Зибенбюргена (Трансильванского). Он пошел по стопам отца, стал бороться против угнетателей, но был разбит принцем Фердинандом Лобковицем[502] и умер, забытый всеми, в Турции. Младший брат не принимал участия в борьбе старшего и находился поэтому в хороших отношениях с австрийским правительством»[503].

Фрайхер Райнхард Геммингeн-Гуттенберг из Бонфельда, министр при дворе маркграфа Карла Александра фон Ансбах и Байрейт:

---

497 Hesse-Cassel (Karl, Prinz de), Memoires de mon temps, p. 133. Copenhague, 1861.

498 Hesse-Cassel. Там же.

499 Cesare Cantu, lllustri Italiani, 11, 18.

500 Великий Герцог Тосканский — это Джованни Гастоне Медичи.

501 Имеется в виду признание турецким султаном за старшим сыном права на престол Трансильвании.

502 Принц Фердинанд Лобковиц — австрийский государственный деятель, премьер-министр при императоре Франце I.

503 Hezekiel G. Там же. I. 45.

«По возвращении в Ансбах граф Цароги впервые предоставил маркграфу документ, скрепленный имперской печатью, который удостоверял, что он русский генерал. Впоследствии он признался маркграфу, что он вынужден пользоваться именем Цароги, а настоящим его именем следует считать Рагози, и что он является единственным представителем этого рода и прямым потомком принца-изгнанника, некогда управлявшего Зибенбюргеном времен императора Леопольда».[504]

Фридрих фон Оппельн-Брониковский:

«Мы знаем, что у князя было трое сыновей, но самый старший из них, за которого выдавал себя Сен-Жермен, умер за год до его рождения, в 1700 году. После этого мы можем видеть, что легенда о происхождении якобы из трансильванского княжеского дома имеет весьма слабую опору…»[505]

Подведем итоги и дополним эти предположения из прошлого сведениями о сыновьях Ракоци из современных венгерских, австрийских и французских источников.

Ференц I Ракоци (1645–1676) и Илона Зрини (1643–1703) поженились 1 марта 1666 года в Зборо (Маковице), у них было трое детей: Дьёрдь (1667–1667), Юлианна Борбала (сентябрь 1672 или 1673–26.05.1717) и Ференц II Ракоци (27.03.1676–08.04.1735). Мать Ференца II Ракоци и вдова Ференца I Ракоци Илона Зрини вышла замуж второй раз за графа Имре Тёкёли (1657 года рождения, моложе ее на 14 лет), их бракосочетание состоялось 15 июня 1682 года. От этого брака родилась дочь Эржебет (26.11.1683–03.04.1688). У Имре Тёкёли было три сестры, две старшие и одна младшая, все три были выданы замуж за венгерских вельмож: Каталин (1655–1701) — за Ференца Эстерхази, Мария (*1656) за Иштвана Надашди, Ева (1659–1716) за Пала Эстерхази, впоследствии надора (наместника, палатина) Венгрии, и затем, овдовев, вступали в брак повторно, но ни одна из них не выходила замуж за представителя династии Ракоци (этого не могло быть по той простой причине, что во времена их «брачного» возраста в этой семье не было подходящих по возрасту представителей мужского пола).

Итак, в свидетельстве ландграфа Гессенского о родителях Сен-Жермена явная путаница. Титул принца Зибенбюргена, то есть князя Трансильвании (выборного, а не наследственного князя!) носили оба Ференца Ракоци, отец и сын, которым Илона Зрини, ставшая во втором браке Тёкёли по мужу, приходилась соответственно женой и матерью. Граф Имре Тёкёли был официально избран князем Трансильвании в 1690 году. Единственным истолкованием слов ландграфа может быть такое: Сен-Жермен происходил из семьи того князя Трансильвании, вдова которого в другом браке стала Тёкёли. Тогда может иметься в виду сын Илоны от первого брака, отчимом которого стал Тёкёли — это сам Ференц II Ракоци. Если же выражение «плод брачного союза» отнести не к прямому потомку (сыну), а к следующему поколению (внуку), то следует рассмотреть детей Ференца II Ракоци. И, что для нас немаловажно, это осторожное выражение может подразумевать и не родившихся в законном браке детей. Во всяком случае, данное Сен-Жерменом маркграфу Ансбаха и Байрейта объяснение «прямой потомок принца-изгнанника, некогда управлявшего Зибенбюргеном времен императора Леопольда» вполне допускает такое толкование. Но вначале о законных сыновьях — прямых потомках Ференца II Ракоци.

Брак Ференца II Ракоци и Шарлотты-Амалии Гессен-Райнфельсской был заключен в Кёльне 25 (или 26) сентября 1694 года, у них было пятеро детей, из которых двое, девочка и мальчик, умерли (шестой ребенок, дочь Шарлотта (16.11.1706–11.1706), официально тоже считающаяся родившейся в этом браке, не была биологической дочерью Ракоци).

---

504 Curiositflten der Literarisch-historischen Vor- und Mitwelt, pp. 285, 286. Weimar, 1818.

505 Friedrich von Oppeln-Bronikowski: Der Graf von Saint-Germain, Drezden, 1923.

Старший из сыновей, родившийся 28 мая 1696 года первенец Леопольд Людовик Георг умер во младенчестве в начале 1700 г. (согласно источникам, в сентябре 1699 года) в Лёче (ныне город Левоча в Словакии), в Северной Венгрии, о чем свидетельствуют воспоминания князя Ференца II Ракоци:[506]

> «Чуден твой Суд, Господи, и ты один знаешь, почему пожелал, чтобы трехлетнее дитя скончалось от болезни, длившейся целый год, вызвавшей его страдания и постепенное бессознательное угасание, подобно свече, теряющей воск, и гибель его в Лёче, под наблюдением известного доктора Шпильбергера. Признаю, что горе мое от его смерти очень велико».

Есть предположения, что этот сын не умер, смерть его была инсценирована, а надежные люди тайно увезли его из империи и укрыли в безопасном месте. Спустя много лет, когда отзвуки ракоцианского восстания затихли, а его отец-изгнанник умер на чужбине, он, имея весьма веские причины скрывать свое имя и происхождение, объявился в Европе под именем графа Сен-Жермена. Но прежде необходимо убедиться, что ни Иосиф (17.07.1700–10.11.1738), ни Георг (08.08.1701–22.06.1756) не годятся на роль графа Сен-Жермена.

После того как отец мальчиков в 1701 году по обвинению в государственной измене был заключен в тюрьму, а после побега скрывался в Польше, Вена взяла их воспитание на себя. Шарлотту-Амалию заключили в монастырь и отобрали у нее сыновей. Их лишили родового имени, воспитывали в сугубо немецкой среде (тем более что их мать была по рождению немецкой принцессой) и старались привить беспрекословную верность императору и вытравить из их сознания малейшие ростки венгерского происхождения. Уже после достижения ими совершеннолетия, указом от 3 июля 1723 года император австрийский и Священной Римской империи Карл III пожаловал им титулы и владения на землях отошедшего к австрийской короне Неаполитанского королевства. Старший сын Йозеф получил титул маркиза ди Сан-Карло и поместья Романуччо (Romanuccio) и Мусчано (Musciano) в Абруцце. Младшему Георгу был пожалован титул маркиза делла Санта Элизабетта и были дарованы графства Дель Контрасто (Del Contrasto) и Валле де Джунки (Valle de Giunchi) на Сицилии, а также пенсион в 2500 скуди в год при условии проживания в пожалованных владениях. Под предлогом посещения своих сицилийских поместий Йозеф и Георг получили разрешение покинуть Вену, чем не преминули воспользоваться, отправившись в Италию в сопровождении герцога Лихтенштейна, но вскоре вернулись обратно к императорскому двору. Как писал один безвестный автор в редкой немецкой книге, посвященной истории жизни другого сына Ференца II Ракоци, старшего Йозефа, «от дурного дерева не соберешь доброго плода: заменив княжичу имя, из его груди не вырвали сердца Ракоци»[507]. Это же наверняка можно сказать и о Георге. 27 ноября 1725 года Георг поступил в Падуанский университет на факультет права. Весной следующего года из Падуи он отправился на масленичный карнавал в Венецию. А оттуда при помощи французского посла бежал в Париж, чтобы кружным путем через Францию добраться в Турцию к отцу-изгнаннику. 16 апреля 1727 года в секретной реляции к венскому двору посол Австрии в Константинополе Дирлинг доносил, что «орленок» уже на пути в Родосто. Георг прибыл к отцу 15 июня 1727 года. Венгерская колония встретила его с восторгом, чая обрести в нем продолжателя славного дела отца.

---

506 Эти строки опровергают тезис о том, что ребенок стал графом Сен-Жерменом, выдвинутый в книге A New & Authentic History of the Rosicrucians, Fr. Wittermans (Rider, 1938).

507 Merkwürdiges Leben und Thaten des Praetenden von Ungarn und Siebenbürgen Joseph Ragozzy und seiner Vorfairen, aus verlässigen Nachrichten und Urkunden; der curiösen Welt zu Gefallen und Plaisir sorgfältig gesammlet von H. E. S. Frankfurt und Leipzig 1739.

Но их ждало жестокое разочарование, которое Келемен Микеш выразил в своих «Письмах из Турции» так: «У нашего герцога не было никакого воспитания, те, кто его воспитывал, вовсю постарались, чтобы он ничему не выучился, и это им вполне удалось довести до конца, я удивляюсь, что он вообще умеет писать, хоть и плохо. Самый плачевный недостаток, что я в нем нахожу, это то, что он не знает венгерского. Но это не его грех. Его воспитали немцы, которые даже «Отче наш» не позволили ему выучить по-венгерски».[508] Скорее всего этот уничижительный и открыто враждебный отзыв вызван тем, что Георг не исполнил тех надежд, что на него возлагались. Отец принял его с любовью, подолгу беседовал с ним, вынашивал планы на будущее. В планах была и женитьба князя, вдовца с 1722 года после смерти Шарлотты-Амалии, на его возлюбленной с 1701 года — польке Эльжбете Гелене Сенявской, урожденной Любомирской, овдовевшей после смерти мужа, гетмана Адама Николая Сенявского, в 1726 году, этот брак Ракоци надеялся устроить с помощью сына. Но этим планам не суждено было сбыться: Порта не дала согласия на поездку в Польшу, возможно, чтобы не ссориться с Австрией, с которой тогда был мир. Георг провел с отцом, которого раньше никогда не видел, почти полгода, а затем уехал обратно в Европу и с лета 1728 года поселился под Парижем под именем графа Терислава. Французский король выплачивал сыну скрывавшегося в Турции изгнанника очень скромную ренту в 6000 ливров, которую «граф Терислав или Келислак» (так искажено это имя в донесении французской полиции) впервые получил 30 ноября 1729 года. Знаменитый венгерский писатель, автор исторических романов Мор Иокаи, в своем очерке о сыновьях Ракоци утверждает (вслед за венгерским историком, антикваром и библиофилом Кальманом Тали, который посвятил всю свою жизнь изучению всего, что имело отношение к Ракоци), что в 1732 году Георг под именем «граф Келислау» обменялся клятвами в любви и верности и сочетался брачными узами с маркизой де Бетюн, дочерью бывшего посла, однако эти сведения французскими архивными исследованиями не подверждены. Зато есть точное подтверждение тому, что 27 октября 1732 года Ференц Ракоци написал завещание, в котором пожаловал Георгу титул герцога Маковицкого и оставил ему в наследство свои владения в польском Ярославе, пожизненную ренту 6000 ливров и все прочее, что задолжал ему самому французский король, когда «Его Христианнейшее Величество» как союзник обещался оказать помощь Ракоци во времена его борьбы с Габсбургами.

В сентябре 1735 года старший сын Ракоци Йозеф из Вены, где он жил вплоть до 1734 года и откуда отправился в Рим, затем в Неаполь и оттуда в Мадрид, приехал в Париж с намерением оспорить завещание своего отца, в котором упоминался только младший сын. В 1734 году отец дал Йозефу титул герцога Мункачского, но ничего больше не оставил. Георг предложил разделить свое наследство со старшим братом, отдав ему все владения отца в Турции, и 2 июня 1736 года договор между ними был составлен в присутствии нотариуса мэтра Франсуа де ла Балль, в доме 2 по улице де Турнон, в Париже (где тогда проживал Георг и где в продолжение шести месяцев жил вместе с ним его брат Йозеф).[509] В течение этого времени у Йозефа была связь с девицей Мари де ла Контакьер (впоследствии ставшей в браке баронессой де Перраве), от которой 11 декабря 1736 года у него родилась дочь, Мария Луиза.[510] Но отец никогда ее не увидел.

---

[508] Mikes Kelemen. «Tцrцkorszdgi levelek» http: // mek.niif.hu/00800/00880/html/ index.htm

[509] Les Demiérs d’une Grande Familie, Joseph et Georges Räkéczi, Emile Pillias (Revue d’Histoire Сотрагие) XXC, Nouvelle Serie, vol. VI, 1947, pp. 214–225.

[510] В конце 1739 года мать Марии Луизы вышла замуж и препоручила свою малышку дочь заботам наследника французского престола — дофина Людовика и его супруги, инфанты испанской Марии Терезии. Королевская чета передала ребенка принцессе Кристине-Анриетте де Кариньян, которая была замужем за Виктором Амадеем Иосифом Савойским, поскольку принцесса приходилась ей дальней родственницей: обе они происходили от Эрнста Леопольда, ландграфа Гессен-Райнфельс-Роттенбургского. Когда девочке исполнилось семь лет, она была помещена в монастырь салезианок (иначе — визитандинок) в Аннеси (ныне это главный

Перед самым ее рождением Йозеф уехал в Турцию. Дело в том, что в Мадриде Йозеф познакомился с неким Бонневалем, французом по рождению и бывшим подполковником австрийской армии, который принял ислам, жил в Константинополе и служил Порте, получив от султана титул Ахмед-паша. Узнав, кем был Йозеф, Бонневаль задумал использовать его в интересах Турции и убедил в этом великого везиря. Султан Махмуд I вынашивал планы взять реванш у победительницы Австрии, которая после войны 1716–1718 гг. по Пожаревацкому (Пассаровицкому) миру (1718) отдала Османской империи Морею, но отобрала у нее Белград со значительной частью Сербии, Банат и часть Валахии. Сын героя антигабсбургской войны Ференца II Ракоци как нельзя лучше подходил для осуществления задумки: ударить Австрии в спину, захватить Балканы и Трансильванию. Эта идея, видимо, вскружила голову и Йозефу, и он из Парижа отправился в Константинополь, а затем в Родосто, куда прибыл 3 декабря 1736 года. Здесь эмигранты из Венгрии приветствовали его как наследника покойного Ракоци, и в этом же качестве он был принят султаном Махмудом I. В пожалованной Йозефу грамоте — атнаме (когда-то от предшествующего султана такую грамоту за выдающиеся заслуги в борьбе с австрийцами получила его бабушка Илона Зрини) султан именовал его князем Трансильвании и герцогом Венгрии, обещал всемерную помощь в отвоевании этих титулов, но в обмен Йозеф как претендент на княжеский трон Трансильвании должен был поднять на восстание венгров — подданных австрийского императора. Великий везирь надеялся, что услышав имя «Ракоци», венгры будут массово дезертировать из императорской армии, чтобы обратить оружие против австрийцев в начавшемся русско-турецком и австрийско-турецком конфликте. Но расчеты не оправдались: жители Трансильвании предпочитали хранить верность императору — теперь это было выгоднее и безопаснее. Йозефу удалось зажечь своей идеей лишь немногочисленных патриотов-эмигрантов, числом 330 человек, которые составили личную охрану претендента, и они отправились в нижнее течение Дуная, где разбили военный лагерь возле болгарской деревни Черна Вода (также Чернава Вода или Червона Вода), куда Йозеф прибыл лично 18 февраля 1738 года и выступил в Видин. Оттуда венгры-эмигранты из Турции 30 января 1738 года разослали воззвание, адресованное прежде всего гусарам из гарнизонов пограничных крепостей, призывавшее Трансильванию к восстанию против Габсбургов и обещавшее по 40 талеров каждому конному воину, что встанет под знамена Ракоци. Но успеха листовки не имели. Воины Йозефа Ракоци приняли участие только в нескольких незначительных стычках, нападениях на караул и т. д. Единственное, чего добился Йозеф, это того, что Вена объявила его бунтовщиком и назначила за его голову награду 10 тысяч форинтов — если будет взят живьем и 6 тысяч — мертвым, а также по наущению австрийского императора папа Климент XII своей буллой проклял и отлучил его от церкви.

город французской провинции Верхняя Савойя). Там Мария Луиза провела девять лет и воспитывалась сестрами ордена визитации (Посещения Св. Девой Марией Елизаветы), основанного в 1610 году Св. Франциском Сальским и Св. Жанной Франсуазой Шанталь. Принцесса Кариньян лишь тогда открыла девочке тайну ее происхождения, поведав то, что ее дед и отец были князьями Трансильвании, и то, что о ее будущем заботятся два королевских дома — Франции и Савойи, которые подыщут ей достойную ее происхождения партию. Однако отличавшаяся большой набожностью девушка приняла окончательное решение стать монахиней, и в 1754 году сестры отправили ее в парижскую обитель ордена. Она дала обет 11 июня 1755 года и приняла имя «сестра Жозефа Шарлотта». Вскоре проявившая педагогический талант юная монахиня стала помощницей классной наставницы в монастырской школе, посвятила всю жизнь обучению послушниц, благоговейно любивших ее, а к концу жизни в монастыре стала директрисой школы. Сестра Жозефа Шарлотта умерла 30 июля 1780 года от чахотки. Согласно принятому в ордене порядку ее погребли в монастырском склепе без гроба в безымянной могиле, без надгробной плиты с именем, а в 1909 году парижская историческая комиссии распорядилась перезахоронить все останки из склепа монастыря в одной общей могиле. История ее жизни изложена по статьям: Josepha-Charlotte, la Demiere des Räkéczi, 1736–1780, Emile Pillias, (Revue d'Histoire Comparee, XXV, Nouvelle Serie, vol. V, 1947, pp. 208–218, а также Kuklay Antal. Räkéczi Jozefa Sarolta, a csalädfa utolsé aranyägacskäja (Üj Ember, 2004.05.16).

Да и великий везирь охладел к своим не выдержавшим испытания действительностью планам и совершенно позабыл о Ракоци, которому должен был дать 20 тысяч воинов и обещанное им содержание в 10 тысяч кошелей денег. Все это и дало повод разочарованному Келемену Микешу отозваться о Йозефе и его походе: «Как ныне нам не вздыхать и глубоко сокрушаться о нашем опочившем господине, потому что с грустью должны мы взирать на разницу меж отцом и сыном. Да, далеко упало яблоко от яблони». В августе 1738 года почти маскарадное «воинство» Йозефа численностью около 150 человек вернулось из Видина по Дунаю до Русе и оттуда обратно в Чернаву Воду, чтобы перезимовать. Они планировали весной подняться с турками на обещанных султаном 53 галерах вверх по Дунаю. Но в лагере вспыхнула чума. Ее жертвой пал и Йозеф, который и вообще не отличался крепким здоровьем и недомогал с самой своего поездки в Турцию. 7 ноября 1738 года он составил завещание, по которому оставлял своей внебрачной дочери Марии Луизе значительное наследство, а через три дня, 10 декабря 1738 года, в Чернаводе (ныне Болгария), где было составлено завещание, он скончался и там же был похоронен. В завещании он просил похоронить себя в Константинополе, где покоились останки отца, но султан не позволил, и спустя полгода из подвала, где пребывал гроб с телом Йозефа Ракоци, он был перенесен в православный храм болгарской деревни Чернавода, фасад которой украсила мраморная плита с гербом Ракоци, знаками власти князей Трансильвании и цепью испанского ордена Золотого Руна, что видна там и поныне. А в октябре 1906 года останки Йозефа были помещены в один саркофаг с бренными останками его отца Ференца II Ракоци и бабушки Илоны Зрини, перенесенными из Турции в склеп собора Св. Елизаветы в Кошицах.

Единственная дочь Йозефа, незаконнорожденная Мария Луиза (по-венгерски Мария Эржебет), последняя из рода Ракоци, 11 июня 1755 года постриглась в монахини под именем Жозефа Шарлотта и умерла 30 июля 1780 года в парижском монастыре ордена «Посещения Св. Девой Марией Елизаветы».

А что же Георг? О нем известно немного фактов. 14 марта 1741 года[511] он написал господину Молидару письмо с инструкциями обратиться за получением необходимого ему для этой поездки в Испанию паспорта, на имя графа Шароша.[512] Это было то же самое инкогнито, которым иногда пользовался его отец, Ференц II Ракоци; Эмиль Пилье, несомненно, был прав, предположив, что Молидар на самом деле был Молитар, рано осиротевший молодой француз, которого Ракоци упомянул в своем завещании в надежде, что один из его душеприказчиков возьмет его к себе на службу. Это и было выполнено Георгом.

Наверное, оттуда он по приглашению султана Ахмеда III в 1742 году направился в Константинополь. Война с Австрией окончилась Белградским миром (1739), по которому турки получили Сербию с Белградом и Орсовой. Но османам это показалось мало. Поэтому в ход вновь пошла трансильванская карта и имя Ракоци. Теперь в приложении к Георгу. Но на предложение заявить свои права на княжеский трон Трансильвании и выступить против Австрии вместо своего столь неудачно попытавшегося старшего брата благоразумный Георг ответил отказом и вернулся в Париж.

После этого, по-видимому, всю оставшуюся жизнь Георг прожил во Франции. Первой его женой, возможно, была маркиза де Бетюн, впоследствии он жил с Маргаритой Сюзанной Пентеро де Буа л'Иль, из нормандской семьи, и, возможно, даже был на ней женат.

---

511 Paris, Ministere des Affaires Etrangeres, Hongrie et Transylvanie I, f. 444.

512 Это может объяснить путаницу в «Архивариусе», которая, в свою очередь, ввела в заблуждение госпожу Купер-Оукли.

В полицейском донесении, неизвестно почему составленном на Георга, когда ему было пятьдесят два года, говорится, что он жил с ней в доме с садом и с тремя коровами, на дороге Сен-Дени, в деревне ла Шапель Сен-Дени, на расстоянии примерно одного лье к северу от Парижа. Она описана в донесении как женщина около пятидесяти лет, высокая, крупная и смуглокожая, ей принадлежала ферма, снабжавшая их цыплятами, индейками, утками, голубями и прочей пищей. О нем в донесении говорится следующее (перевод с французского):[513]

> «Это человек чудовищных размеров, с трудом носящий свой живот. Он поддерживает его с помощью особого пояса, который пропущен сзади вокруг шеи и проходит под низом живота. Обычно он выпивает за день от десяти до двенадцати бутылок вина. Могло бы быть и хуже, но девица Буалиль, с которой он проживает совместно в течение двенадцати лет, ограничивает его в этом. Он живет полностью за счет щедрот короля… Принц Ракоци никогда не выходит из дома, не посещает даже церковную службу Но зато стол у него всегда очень хорош… Некоторые люди говорят, что они официально состоят в браке. Во всяком случае, у них был сын, который, однако, умер».

В полицейском рапорте высказано предположение, что этот ребенок — Жорж Рюмель, похороненный в трехлетнем возрасте 28 марта 1743 года вблизи деревни Гири, где он жил со своей кормилицей, причем имя его матери в свидетельстве о смерти указано не было, а отцовство приписывалось одному из слуг принца Георга Ракоци.

Георг Ракоци, граф Маковицкий, скоропостижно скончался в ла Шапель Сен-Дени в четверг 17 июня 1756 года от апоплексического удара. Эти детали и дали основания Джин Овертон Фуллер обоснованно предположить, что вряд ли Георг годится на роль этого загадочного графа.

Так может быть, Сен-Жерменом стал третий сын — незаконный, но происходивший от очень высокородной матери? Такую гипотезу высказывает Джин Овертон Фуллер, и вот вкратце ее аргументы, которые мы немного дополнили:

«Из рассказов Сен-Жермена о своих поездках принцу Карлу запомнилось среди прочего вот что: «Он часто бывал в Константинополе и Турции».

Нужно помнить, что принц Карл писал свои мемуары почти тридцатью годами позже, а текущих записей своих бесед не делал, так что его изложение могло содержать сокращения и неправильное понимание. Его впечатление о крепких связях с Турцией можно рассматривать так: семнадцать с половиной лет в Турции провел князь Ракоци, из них первые десять месяцев в Адрианополе, следующие восемь месяцев в Еникее, на окраине Константинополя, а остальные пятнадцать лет в Родосто.

Впечатление такое, что Сен-Жермен рассказывал принцу о своем отце — можно вспомнить, как он говорил Каудербаху, что он хорошо знал отца его монарха, короля Польши Августа II, которого, конечно, хорошо знал Ракоци, однако это не противоречит гипотезе, что Сен-Жермен мог встречаться с ним в течение «потерянных» лет. Возможно, что принц Карл, записывая свои мемуары много лет спустя, совместил в своей памяти рассказы Сен-Жермена о местах, в которых побывал он сам, и о местах, где был его отец.

Ясно, что Сен-Жермен дал принцу Карлу очень полную информацию о своем происхождении и предках, и так как принц Карл записал ее только через тридцать лет, то его воспоминания полны неточностей.

---

[513] Париж, Библиотека Арсенала, Архивы Бастилии, 10, 244. Этот рапорт датирован 31 декабря 1753 года и составлен для господина Менье, королевского советника, инспектора полиции.

Здесь надо рассмотреть несколько моментов. Первый касается дат. Чтобы Сен-Жермену в 1779 году, когда он приехал в Шлезвиг-Гольштейн, было восемьдесят восемь лет, он должен был бы родиться, когда князю Ракоци было только пятнадцать лет, так как сам Ракоци родился в 1676 году. С другой стороны, если этот разговор произошел в Эккернфёрде, Сен-Жермен, возможно, имел в виду, что ему было восемьдесят восемь, когда принц Карл организовал его работу в Эккернфёрде, что должно было произойти где-то между 24 ноября 1779 года, когда он, согласно письму фон Варнштедта, должен был быть еще в Готторпе, и июнем 1781 года. Если в 1781 году он сказал принцу Карлу, что ему немногим более восьмидесяти восьми, то это дало бы нам заслуживающую доверия дату его рождения — в конце 1693 года или в начале 1694 года, когда Ракоци было семнадцать лет, и более того, он находился в Италии, что хорошо связывается и с упоминанием Медичи, которое иначе было бы непонятным. Принц Карл заблуждался, считая, что Ракоци был дважды женат (это его мать Илона Зрини во втором браке стала Тёкёли), но нужно сказать, что он считал, что у Сен-Жермена и двух братьев — Иосифа и Георга, которых привезли к императорскому двору, — были разные матери. Может быть, именно потому, что объяснения были даны в деликатной форме, принц Карл и не уловил, что его друг был незаконным сыном князя Ракоци.

Ответ Сен-Жермена свояченице Фридриха, принцессе Амалии, что страна, где он родился, никогда не знала иностранного правления, был понят так, что он должен был принадлежать к роду Витгельсбах, так как Бавария была почти единственной европейской страной, о которой это можно было сказать, не считая Франции[514].

---

514 Мы считаем несомненным заблуждением версию Поля Шакорнака об испанско-немецком происхождении графа Сен-Жермена. Здесь, по нашему мнению, типичный случай того, как на основании верных посылок выстраивается совершенно неверная теория. Отправных моментов у П. Шакорнака было 5:

1) В ответ на вопрос княгини Амалии, свояченицы Фридриха II Прусского, граф Сен-Жермен выразился так: «Я из страны, где никогда не правили мужчины иностранного происхождения».

2) Воспоминания госпожи дю Оссет: «Король [Людовик XV] иногда говорит о нем, как о человеке высочайшего происхождения».

3) Воспоминания барона Гляйхена: «Он [граф Сен-Жермен] любил рассказывать о своем детстве и изображал себя окруженным многочисленной свитой, гуляющим на прекраснейших террасах, при замечательном климате, как будто он был наследным принцем гренадского короля при маврах».

4) Цитата из воспоминаний мадам Жанлис, где Сен-Жермен рассказывает о детских годах: «О своем детстве я могу сказать только, что в семь лет я бродил в лесах со своим гувернером… и за мою голову было назначено вознаграждение. Накануне бегства мать, которую я больше никогда не видел, привязала к моей руке свой портрет». И этот портрет-миниатюру в технике эмали граф демонстрирует участникам вечера, закатав рукав своей одежды.

5) Воспоминания Харденброка: «По внешности он похож на испанца благородного происхождения. С искренним чувством говорит он о своей покойной матери».

На основании этих пяти главных посылок, анализа всех псевдонимов, имен и титулов, под которыми появлялся Сен-Жермен, и глубочайшего изучения и сопоставления различных исторических источников П. Шакорнак приходит к выводу, что граф де Сен-Жермен — незаконнорожденный сын вдовы испанского короля Карла II Анны-Марии Нейбургской (28 октября 1667 — август 1740) и графа Мелгара, называемого просто Кастильским Амиранте (21 декабря 1646–21 июня 1705) и родился около 1698 г. В этой гипотезе — сплошь знаки вопроса. Несомненна как исторический факт только любовь королевы и Амиранте — истинно романтическая история, давшая пищу для нескольких романов.

Напротив, все факты, которые отражают приводимые Шакорнаком высказывания Сен-Жермена о его детстве, проливающие свет на его происхождение, можно найти в биографии Ференца II Ракоци, князя Трансильвании:

1) Княжество Трансильвания было самостоятельным государством начиная с поражения королевства Венгрии при Мохаче в 1526 году и вплоть до изгнания турок с венгерских территорий, которые отошли к Габсбургам с 1686 года. Затем был заключен ряд соглашений с венским двором, где регулировались взаимоотношения княжества с Империей, и хотя княжество Зибенбюрген (Трансильвания, Эрдей) рассматривалось как одна из провинций, в которой военная власть осуществлялась австрийским губернатором, формальная независимость княжества еще сохранялась до 1711 года, когда, после разгрома освободительной войны венгров под предводительством трансильванского князя Ференца II Ракоци, но Сатмарскому миру от 29 апреля 1711 года. Трансильвания окончательно утратила свою независимость.

Правителями Трансильванского княжества были князья, избираемые дворянским государственным

А история, рассказанная неназванным автором и переданная Кауницем Кобенцлю, о том, что Сен-Жермен за столом Людовика XV заявил, что только род Бурбонов мог соперничать с его родом, хотя и показалась Кауницу шокирующей, но могла бы соответствовать действительности, в случае, и только в одном этом случае, если он был из рода Виггельсбах.[515] Шакорнак предположил, что Сен-Жермен подразумевал то, что он был незаконным сыном Марии-Анны, королевы Испании, так как она была урожденная Витгельсбах (из младшей ветви пфальцграфов). Однако существовала еще одна дама Витгельсбах, из старшей родовой ветви, — баварская принцесса Виоланта, жена принца Фердинандо Медичи, жившая во Флоренции, куда Ракоци приехал в мае 1693 года и где пробыл четыре месяца. Не существует документального подтверждения того, что они встречались, но если посмотреть на портреты Ракоци, Виоланты и Сен-Жермена, то можно заметить, что лицо Сен-Жермена объединяет черты двух других.

Если он только не был сразу и отцом, и сыном (что, согласно некоторым теософским идеям, не является невозможным), я предполагаю, что он был сыном князя Трансильвании Ференца Ракоци I и принцессы Виоланты.

Это могло бы дать основания семье Медичи взять его на воспитание, так как иначе — зачем бы им было воспитывать незаконного сына Ференца Ракоци, если его мать не имела отношения к роду Медичи? Джованни Гастоне, последний из рода Медичи, всегда симпатизировал своей невестке, всеми покинутой, и мог поэтому пользоваться ее доверием. Возможно, Джованни Гастоне убедил своего отца, герцога Козимо III, бывшего и отцом Фердинандо, поместить ребенка в свой дом, среди многих других мальчиков-пажей из хороших семей, в чьем воспитании он принимал участие, фактически организовав во дворце Питти нечто вроде школы для мальчиков.

собранием. Это были представители знатнейших венгерских родов. Единственной женщиной, исполнявшей функции выборного князя, была вдова князя Габора Бетлена Екатерина Бранденбургская, которая правила с 15.11.1629 по 28.09.1630 г.

2) Владетельными князьями (принцами) Трансильвании избирались последовательно, сын после отца, 5 представителей фамилии Ракоци:

1. Жигмонд Ракоци (правил с 09.02.1607 по 07.03.1608 гг., отказался от трона в пользу Габора Батори).
2. Дьёрдь I Ракоци (правил с 01.12.1630 г. до своей смерти 11.10.1648 г.).
3. Дёрдь II Ракоци (правил с конца 1648 года до своей смерти 07.06.1660 г.).
4. Ференц I Ракоци (избран в 1662 г., умер 01.07.1676 г., австрийцы не допустили его на трон, посадив своего ставленника Михая Апафи).
5. Ференц II Ракоци (правил с 05.04.1705 по 29.04.1711 гг.).

Князем Трансильвании избирался в 1690 году и отчим последнего, Имре Тёкёли.

3) Род Ракоци владел многочисленными замками и крепостями в Верхней Венгрии (сейчас эти земли частично входят в Венгрию, частично — в Словакию, частично — в Украину). Ференц II Ракоци родился 27 марта 1676 года в замке-крепости Борши (сейчас это деревня на территории Словакии), его детские годы (до 8 лет) прошли главным образом в замках Шарошпатак и Регец, затем он три года провел в осажденном замке Мункач. Все они — настоящие феодальные замки, заложенные еще в раннем Средневековье (например, Шарошпатакский замок построен в XIII веке), где есть и террасы, и башни, и крепостные стены, и внутренние дворы, и сады, и здания с надворными постройками, где жила многочисленная челядь и княжеская свита.

4) В 1673 году, когда маленькому Ферко было 7 лет, отчим брал его с собою в военный поход против австрийцев. Единственный наследник мужского пола владетельной фамилии Ракоци — будущий потенциальный претендент на трансильванский престол представлял опасность для Империи, и к нему не раз подсылали наемных убийц, поскольку за его голову была обещана награда. (В 1701 году внушительная награда назначалась Габсбургами и за взрослого Ракоци — государственного изменника, после его побега из тюрьмы в Винер-Нойштадте: 15 тысяч талеров.) В лесных лагерях повстанческой армии Тёкёли с маленьким Ракоци был его бессменный наставник Кёрёши, который воспитывал мальчика до 10 лет. Илона Зрини была разлучена с сыном, когда ему исполнилось 12 лет, и больше не видела его до самой своей смерти.

5) Наконец, относительно внешности «испанца благородного происхождения»: достаточно взглянуть на портреты Ференца II Ракоци.

[515] И это совсем не так категорично: род князей Ракоци (Раколци) являлся одним из самых древних аристократических родов Европы, генеалогия которого прослеживается до X века.

Это не противоречило бы тому, что, как говорит нам принц Карл, он узнал из других источников, — что Сен-Жермену оказывал «удивительное покровительство» Джованни Гастоне, последний Великий герцог Медичи. Джованни умер 12 января 1737 года. Виоланта умерла в мае 1731 года, окруженная большим почетом благодаря ее милосердному характеру, благочестию и добрым делам. В 1725 году папа римский Бенедикт XIII отметил ее редкие достоинства, даровав ей в знак своего благоволения право именоваться Дамой Золотой Розы.

Ее репутация благочестивой и святой женщины, а также благородство ее исключительно древнего рода, возможно, были причиной особого опасения Сен-Жермена случайно скомпрометировать ее имя. Такая деликатность могла объяснить его ответ герцогу Ньюкаслу, Государственному секретарю, что он мог бы сказать о своем происхождении только одному королю…

С другой стороны, неудивительно, что Сен-Жермен обладал полотном Рафаэля и другими сокровищами в виде картин или редкостных древних книг, если он вырос среди книг библиотеки семейства Медичи и картин из величайшей в мире коллекции древних мастеров. Династия Медичи угасла на двух любителях мальчиков, неудачно женившихся, бездетных братьях: Фердинандо, который скончался раньше отца, и Джованни Гастоне, последнем из рода Медичи. Стоит только представить себе Джованни Гастоне, прикованного к постели за восемь лет до смерти, который знал о скором конце великой и знаменитой династии, правившей Флоренцией в течение четырех веков, скопившей сокровища, не имевшие себе равных. Куда пойдет вся эта громадная коллекция после его смерти? Все должно было перейти к его сестре, Анне-Марии, которая была замужем за курфюстом Пфальца. Он не мог знать, что Анна-Мария завещает все сокровища его преемнику — иностранцу, родом из Лотарингии, который стал Великим герцогом Тосканским, мужем Марии-Терезии и императором Священной Римской империи Франциском I — но завещает на условии, что сокровища эти будут вечно и все вместе храниться во Флоренции. Джованни Гастоне был полон мрачных мыслей о том, что станется с его наследием, и можно понять его решение — несколько картин отдать тому, кто, как он, возможно, желал этого, был ему почти сыном».

В главе о музыкальных произведениях Сен-Жермена Фуллер пишет еще и о том, что, по мнению музыковедов, его музыка испытала влияние Скарлатти и Генделя, произведения которых исполнялись при дворе Медичи, в театре герцога Фердинандо, мужа Виоланты Беатрисы, в 1707–1709 гг. (когда предположительно жившему там будущему Сен-Жермену было 14–16 лет). Есть и еще одна деталь, ускользнувшая от внимания исследовательницы, но укладывающаяся в ее гипотезу: граф Сен-Жермен, по утверждению мадам де Жанлис, учился в Сиенском университете, а Виоланта Беатриса с 12 апреля 1717 года стала правительницей Сиены и оставалась ею до самой своей смерти 30 мая 1731 года.

Все еще сложнее, и мы еще раз вернемся к этому в последней главе.

Глава 23

«Хвалу и клевету приемли равнодушно…»

Необходимо оговориться, что под именем Сен-Жермен в XVIII веке известно несколько различных деятелей, о которых достаточно кратко упомянуть во избежание путаницы. Сен-Жермен, который в апреле следующего, 1785 года, участвовал во второй конференции Фила-летов в Париже, должно быть, был Робертом-Франсуа Кенэ де Сен-Жерменом, внуком врача мадам де Помпадур Франсуа Кенэ. Кенэ де Сен-Жермен, депутат от Марны и Луары в Законодательном собрании, был посвящен в масоны в ложе «Чистосердечие» 5 декабря 1775 года, после этого перешел в ложу «Общественный договор» французского «Великого Востока», был связан с мистико-научным обществом в Эрменонвиле, а также со «Строгим наблюдением», ив 1781 году (когда наш Сен-Жермен был в Эккернфёрде) основал клуб Иллюминатов в доме 37 по улице Сурдьер, в Париже, по адресу, где находилась ложа «Объединенные друзья», из которой вышла ложа «Ритуал Филалетов — Искателей истины». Этих двух Сен-Жерменов часто путают, что привело к искажению образа нашего Сен-Жермена. Его путают также с графом Клодом-Луи де Сен-Жерменом, датским фельдмаршалом и военным министром при Людовике XVI, и даже с Пьером-Рено де Сен-Жерменом, который в 1755 году был французским губернатором Калькутты. Нужно учитывать и те разыгранные Гауэром и Казановой пародии, которые породили легенды о фантастической способности графа Сен-Жермена одновременно физически присутствовать в различных местах и путешествовать по свету, после своих официальных похорон, даже участвовать в конференциях.

Как у любого неординарного человека, у графа Сен-Жермена и среди современников, и среди последующих поколений в изобилии имелись как восторженные почитатели, так и злобные гонители. Начнем с последних, и в объективном изложении их позиции нет равных Полю Шакорнаку, скрупулезно собравшему подборку их «опусов».

Первые сатирические сочинения, посвященные графу Сен-Жермену, появились из-под пера памфлетиста Жан-Пьера-Луи де Люше. Поль Шакорнак разыскал подробные сведения об этом человеке, которому потомки обязаны немалым количеством лживых утверждений о графе Сен-Жермене; он сделал, пожалуй, больше всех для распространения репутации графа как «авантюриста и шарлатана». Де Люше был сыном шталмейстера, пехотного лейтенанта полка Перш и родился в городе Сент 13 января 1739 года. После того как он выучился в родном городе, он, так же как и старшие братья, поступил в монахи и стал иезуитом. После роспуска ордена иезуитов в 1763 году он вернулся к мирской жизни и стал военным. Как кавалерийский офицер он был известен под звучным именем «маркиз де ла Рош-дю-Мэн». После отставки он женился на девице Делон — дочери небогатого женевского купца и присвоил себе титул «маркиз де Люше». В 1766 году он опубликовал «Историю города Орлеан», которая должна была состоять из двух томов. Однако, после публикации первого тома поднялся большой шум, из-за нападок против провиденциальной миссии Жанны д'Арк, и продолжение книги никогда так и не вышло.

Затем де Люше занялся поисками золота. Он объявил в Париже о плане извлечения из некой реки провинции Лангедок предположительного золотого песка и собрал под свой прожект много денег, в том числе 80 000 ливров у герцогини Виллеруа.[516]

Со своей стороны, у «маркизы» де Люше были неприятности: она не сумела как хозяйка дома удерживать своих гостей в тех рамках, за которыми шутка становится оскорблением.[517]

---

[516] Де Корберон. Дневник, опубликованный Л Г. Лабанд. Париж: изд-во Плон, 1901. Т. II. С. 151.

[517] В доме де Люше был обычай выкупать анекдот у того, кто его придумывал… «Сколько Вы за него потребуете?.. Столько-то». См.: Шамфор. Сочинения. Париж, 1857. С. 89.

Оскорбленная маркиза де Крюссоль подала жалобу, хозяйку вызвали в полицию, где ей объявили выговор. От такого позора невозможно было оправиться, и она покинула Париж.[518]

Затем чета де Люше отправилась в Шамбери, где бывший офицер безуспешно попробовал свои силы на горнодобывающем производстве, а также основал газету, которая никаким успехом не пользовалась. Тогда, разоренный, он переехал вместе с женой к Вольтеру в г. Фернэ. Госпожа де Люше платила за гостеприимство «мелкими услугами, за которые благодарят, даже если они утомляют».[519]

В 1777 году Фридрих II, ландграф Гессен-Кассельский (отец принца Карла Гессенского), которому Вольтер рекомендовал де Люше, пригласил последнего в Кассель в качестве камергера, библиотекаря и устроителя представлений. Де Люше остался в Касселе до 1785 года. После смерти Фридриха II он перешел на службу к князю Генриху Прусскому и вернулся в Париж лишь в конце 1786 года, где и умер 6 апреля 1792 года.

Сначала, в анонимном труде, «маркиз» де Люше решил изобразить встречу графа Сен-Жермена и Калиостро, имя которого было тогда у всех на устах в связи с делом об «ожерелье де Рогана». Позже де Люше признает, что «о такой встрече нет никаких рекордов, и такое приключение имело место лишь в романе, но, надо полагать, роман основан на реальных фактах».[520] Насколько нам известно, ни в одном тексте за или против Калиостро не упоминается о его пребывании в Гольштейне, ни до, ни после его первой или второй поездки в Лондон. По версии де Люше Калиостро с женой возвращались из Италии и направлялись через Вену и Гольштейн в Россию, в Санкт-Петербург.[521] Это неточно, поскольку, как утверждает д-р Марк Хавен, путешествие Калиостро в Россию пролегло через Амстердам, Брюссель, Франкфурт, Лейпциг, Берлин, Кенигсберг и Миттау.[522]

Рассказ этот довольно длинный, из-за недостатка места мы не имеем возможности его опубликовать, а интересующихся отсылаем к книге Поля Шакорнака о графе Сен-Жермене.

Именно после публикации этой предположительной встречи распространились слухи о том, что Калиостро был камердинером, а также учеником Сен-Жермена.[523] Де Люше не только ввел публику в заблуждение, рассказав о несостоявшейся встрече, но он захотел убедить читателей в том, что знает о действиях графа Сен-Жермена гораздо больше, и написал: «Это настоящий сумасшедший, он — небольшого ума.

---

[518] См. Денуарестер Ж. Цитир. произв. С. 218.

[519] См. Денуарестер Ж. Цитир. произв. С. 218 в сноске.

[520] Правдивые мемуары о жизни графа Калиостро. Берлин, 1785. Серьезные исследователи это опровергают: «Данный визит Калиостро к Сен-Жермену — лишь легенда и клевета». См.: Луи Беральди. Цитир. произв. С. 58.

[521] Преп. Леканю в цитированном выше произведении на стр. 393 утверждает, что Калиостро уехал из Миттау, направляясь в Россию через Гольштейн! А Ле Куте ле Кантеле (цитир. произв. С. 171) пишет: «Граф Сен-Жермен обосновался в Гамбурге, где имел несколько встреч с Калиостро в начале его карьеры».

[522] Возможным источником версии об обучении Калиостро графом Сен-Жерменом в Германии была встреча Калиостро со Скиффортом в Лейпциге и его посещение собраний братства «Строгого наблюдения» во Франкфурте-на-Майне. См.: Д-р Марк Хавен. Калиостро. Париж: изд-во Дорбон, дата издания не указана. С. 30–31.

[523] Гримм. Литературная газета. Париж: изд-во Дидье, 1854. С. 302.

У него небольшие познания в химии, однако для шарлатана он недостаточно нагл, для фанатика — недостаточно красноречив, а для полу-ученого — недостаточно обаятелен».[524] Для пущей убедительности своих слов он привел следующий эпизод: «Будучи в Шамбери, граф предложил свою химию маркизу Беллгарду.[525] Они стали дуть, в тигле появилась материя, которая имела цвет и вес золота, но не его ковкость. Все это происходило в местности, где в течение семи месяцев три раза рождались дети от графа. Стали исчезать предметы из серебряного сервиза. Граф занимал деньги налево и направо, ему посоветовали уйти».[526] На самом деле, графу приписана авантюра, которая случилась с самим де Люше, когда он был в Шамбери и пытался обогатиться на раскопках в поисках золота. Обанкротившись, он был вынужден бежать от кредиторов в Лозанну[527].

Другой анекдот, распространенный де Люше, относится к графу Сен-Жермену постольку, поскольку он повествует о его современнике, известном мистификаторе: «Граф был связан с одним известным мошенником — бывшим шпионом маршала Бель-Иль, впоследствии поселившимся в Берси, где он носил крест крестоносцев, нашитый на свои обноски, и следы строительного раствора на спине. Они стали изготовлять купорос. Под этим предлогом они намеревались производить золото. Они поссорились, граф проиграл в ссоре и покинул город, где все мошенники земли находят убежище (Париж)».[528] Человек, о котором идет речь — известный шутник Гов, он же милорд Гор или Гауэр, о нем шла речь выше.[529]

Наконец, де Люше издал еще один анонимный рассказ,[530] где описывается встреча графа Сен-Жермена и его друга и покровителя — ландграфа Карла Гессенского и то, что из этой встречи воспоследовало: «Этот Сен-Жермен, после того как оскандалил тридцать городов и обманул двухсот учеников химиков, встретил настоящего вельможу, либерального и чувствительного от рождения. Вот что он ему сказал: «Вот уже почти восемьдесят лет [было тогда ему шестьдесят семь], как я ищу человека, из которого я мог бы слепить чудесный сосуд и заполнять его небесной росой, собранной мною в обетованной земле. Он не должен ничего знать, но быть способен ко всему. Другие знания заняли бы в его голове место тех, которые я должен в него вложить; ибо свет и тьма, чистое и нечистое, Бог и человек вместе не уживаются. Сам я с Вами мало знаком, но узнал о Вас от тех, которых Вы не знаете, но узнаете когда-нибудь. Небо вложило в Вашу душу зародыш всех качеств. Станьте небесным вместилищем, в которое стекутся все сверхъестественные истины. Вам предлагается, или предложат, управлять королевствами. Отдайте Ваши заботы и Ваш гений людям, но отдайте Ваше время и Ваше стремление к знанию Высшему Учителю. В возрасте двадцати семи лет, через несколько месяцев, Вы окажетесь девяностолетним. Через Вас я буду возбуждать, работать, осуществлять.

---

[524] Правдивые мемуары… С. 86.

[525] Маркиз Марши Беллгард был Великим Магистром савойской ложи «Три Творила» и Великим Магистром всех лож Сардинии.

[526] Правдивые мемуары… С. 86–87.

[527] Вольтер. Сочинения. Т. 69. С. 273–274, письмо от 1 мая 1775 г.

[528] Правдивые мемуары… С. 87.

[529] «Этот шутник был на службе у двора во время Семилетней войны в качестве шпиона в английской армии» — утверждает барон Гляйхен. Цитир. произв. С.125.

[530] «Эссе о секте Иллюминатов», 1789 г. Несмотря на то что де Люше был

Для остального человечества Вы станете чудом, но в глазах Бога Вы будете никем, если будете только светить планете. Вы станете хранилищем самых удивительных секретов, сможете остановить ход светил, в Ваших руках будет судьба империй. Но наука — сокровище лишь до тех пор, пока тот, кто ее дает, управляет ее использованием».

Тот факт, что он гений, удивил вельможу; то, что он станет чудом, восхитило его, а при мысли о том, что он будет управлять всей Европой, он был вне себя и, низко поклонившись, стал заботиться лишь о том, чтобы подготовить замок, достойный чудотворца. Когда все было готово, начались приготовления, и великий день был назначен. И какие же чудеса были явлены? Искусство придавать меди больше блеска и ковкости, способ очистить жемчужины, то есть два чуда, которые три немецких ученых уже раскрыли на своих лекциях. Что же еще? Касторку, которую любой фармацевт готовит и продает; множество ликеров, секреты которых давно куплены у виноделов Франции и Италии В остальном звезды двигались как обычно, в Европе не случались революции, ни одна, даже самая малая часть ее, не приняла политических рецептов, которые для нее изготовили. В течение нескольких лет жили обещанным, ничего не случалось. Иной раз заставали самого Бога, занятого сугубо земными делами. Ни разу глаза не раскрывались, и даже когда хоронили Пророка, верили в его чудесное воскрешение»[531].

В другом месте проявилась вся ненависть де Люше: «…зачем предоставлять подобие существования людям, которые скорее достойны враждебности законов, нежели доверия: безродные авантюристы, без образования, без врожденного ума, без нажитых талантов. Они вышли из грязи, бродят под вымышленными именами; лишь дураки им покровительствуют, лишь обманутые оказывают им поддержку, лишь фанатики становятся их учениками».[532]

Гипотеза де Люше о том, что Сен-Жермен был эмиссаром Иллюминатов, была развита Каде де Гассикуром. «Каждый капитул [Иллюминатов], — сообщает он нам, — имеет странствующего члена, который посещает другие капитулы и устанавливает между ними связь. Знаменитый граф Сен-Жермен был таковым для Парижа».[533] К тому же, «будучи одним из трех знаменитых и аккредитованных вождей современных Иллюминатов, в Париже он знаменит своими видениями и предсказаниями».[534]

Другой писатель, Арто де Монтор, развил эту гипотезу так: «В наше время стали известны некоторые из главных сторонников секты Иллюминатов: граф Сен-Жермен, Калиостро, Лафатер и т. п. привлекли к себе внимание во всех странах Европы. Талант графа Сен-Жермена и Калиостро состоял в том, чтобы завладеть слабыми умами, вскармливать их безумными мечтами о богатстве и могуществе, затем, после того как щедрость приютивших их людей была исчерпана и срок осуществления смехотворных, ими же придуманных мечтаний[535], подходил, уехать из страны».

Однако ничто не может сравниться с фантастической историей, придуманной преподобным Баррюэлем.[536]

---

[531] Эссе о секте Иллюминатов. С. 144–145.

[532] Там же. С. 141–142.

[533] Каде де Гассикур. Могила Жака де Моле. Париж: изд-во Десенн, 1797. С. 45–46.

[534] Там же. С. 90. Впоследствии де Гассикур отказался от написанного, стал масоном, «оратором», а затем «венераблем» Ложи «Пчелы» в Париже в 1805 году.

[535] Арто де Монтор. История убийства Густава III. Париж: изд-во Форжет, 1797. С. 103–104.

[536] Преп. Аугустин де Баррюэль (1741–1820) был рядовым членом ордена иезуитов в тот момент, когда его упразднили (1763 г.). Он переехал в Англию и вернулся во Францию только после подписания Конкордата (1801 г.). Когда в 1796 году были опубликованы два первых тома его «Воспоминаний о якобинстве» Ж.А. Старк

Из газетной вырезки, взятой из «Шотландского курьера» от 9 мая 1785 года, он узнал, что таинственное общество собирается в городе Эрменонвиль «в поисках философского камня. Они находятся под предводительством кавалера де Плен, и их нравы ужасны; среди них находится некий португалец, которого ученики прозвали вечным отцом, настоящим новым графом Сен-Жерменом»[537]. Заметка представляла собой удобный случай для клеветнического комментария, который аббат не преминул добавить: «Известно, что замок Эрменонвиль, принадлежащий господину Жирардену, в десяти лье от Парижа, был логовом Иллюминатов. Известно также, что здесь, рядом с могилой Жан-Жака [Руссо], царило самое страшное распутство, под предлогом возвращения к природному состоянию. Знаменитый шарлатан граф Сен-Жермен руководил этим мистериями, он был их богом… Ничто не может сравниться с бесстыдством нравов, которые царили среди этой публики. Любая женщина, допущенная до мистерии, становилась общей. Ту, которую Сен-Жермен себе выбирал, называли девой. Она одна пользовалась преимуществом не быть пущенной по рукам этих истинных адамитов, пока Сен-Жермену не было угодно выбрать себе другую деву. Этот презренный шарлатан, более хитрый, чем Калиостро, сумел действительно убедить своих адептов в том, что он владел эликсиром бессмертия, что, тем не менее, претерпел несколько превращений в ходе своих перерождений, умирал до трех раз, но больше не умрет, и что со времен своего последнего перерождения прожил полторы тысячи лет».[538]

Утверждается, что среди присутствующих на этих собраниях были: «Кенэ де Сен-Жермен — внук экономиста Кенэ, сторонник Месмера: «все, кто его знали, могут утверждать, что никогда он не давал ни примеров, ни уроков распутства»,[539] и кавалер де Буффлер, который рассказывал, что «цель этих собраний была в том, чтобы научить участников разным качествам, на них главным образом участники, освещенные разумом, проявляли добродетель и чувствительность».[540]

Жюль Дуанель — хотя и анонимно — «раскрыл» оригинальным способом «масонскую» роль, приписанную Сен-Жермену:[541] «Есть самые веские основания полагать, что граф Сен-Жермен был одним из самых могущественных эмиссаров Сатаны. Он исчезал так же легко, как и появлялся, мог сделаться невидимым. Его видели одновременно в разных местах. Несмотря на предпринятые расследования, никто не смог узнать ни его возраст, ни его родину, ни место его смерти. Дальше — больше: его видели в Египте во время экспедиции Бонапарта, и пули его не достигали».

«Когда однажды спросили его, сколько ему лет, он сказал, что был знаком с Иисусом Христом. Можно к этому относиться как к хвастовству, шарлатанству. Однако, когда он сказал, что знавал Юлия Цезаря, он привел такие детали, что историки оказались в тупике. Он привел эти детали так, что лишь исследования последних лет смогли это проверить. Он описал внутренние помещения катакомб с большой точностью.

и его друзья из клерикальной ветви чина «Строгого наблюдения» собрали всевозможные свидетельства, рукописные или печатные материалы и отправили их английской королевской почтой Баррюэлю в Лондон: из этих источников он черпал информацию для наилучших фрагментов остальных томов (гг. Ill — V). См.: Блюм Ж. Ж.А. Старк. Париж: изд-во Алкан, 1921. С. 162–163.

[537] Андре-Мартэн-Декан. Маркиз Рене де Жирарден. Париж: изд-во Перрэн, 1912. С. 179.

[538] Преп. Баррюэль. Цитир. произв. Т. V. С. 36–37 и сноска.

[539] Абрахам. Зеркало правды. Париж: изд-во Коллэн, 1806. С. 17.

[540] Там же.

[541] «Черные лохмотья», автор ***, Париж, дата издания не указана (1889 г.). Под тремя звездочками прячется Жюль-Станислас Дуанель, он же Жан Коцка, основатель церкви гностиков.

Об Индии, тогда совершенно неизвестной, он привел яркие и неожиданные данные, которые были затем подтверждены прекрасными открытиями ученых Анкетиль-Дюперрона и Бюрнуфа. Все это могло быть объяснено либо тем, что он видел все то, о чем говорил с такой непоколебимой уверенностью, либо тем, что он был хранителем непрерываемой и математически точной традиции, во что труднее поверить, чем в возможность делаться невидимым».

Далее тот же автор утверждает (и это будет неоднократно цитироваться злопыхателями впоследствии):

> «Фигура графа Сен-Жермена выделяется в мире оккультизма умирающего XVIII века. Когда он появился, все, что было враждебно церкви и монархии ополчилось вокруг него. Ложи стали размножаться, Иллюминаты кишеть. Месмер, Сен-Мартен, Пюисегюр, Калиостро, Вейсгаупт, Казотт — вот какие черные звезды крутятся вокруг этого инфернального солнца. Он распространял пароль среди масонов, устраивал ритуалы, обряды посвящения, организовал женские ложи, закабалил аристократов в цехах Хирама. Самое главное — он готовит революцию, посещает стареющего Вольтера, помогает Жан-Жаку Руссо, руководит Нежоном и Дидро, просачивается в салоны, запускает в них дух поиска вожделений и негативизма, просачивается и во двор, где он пробует свои чары над всеми, добирается до королевы, подсказывает ей ту бездумную легкомысленность, которая станет для нее гибельной. Появляющийся то тут, то там, граф Сен-Жермен остается неразрешимой загадкой для тех, кто его видел и слышал, но не для нас. Это человек, которым водит Сатана, а может быть даже — это сатанинский дух, посланный им в Европу с заданием. С момента его появления оккультизм стал расширяться. Когда он исчез, прогремела Революция.
>
> По всей видимости, лишь один человек в Германии знал его подлинное лицо: это был Вейсгаупт. Он говорил с ним с религиозным подобострастием. Он писал ему, как божеству.[542]
>
> По всей видимости, лишь один человек во Франции знал его подлинное лицо: это был Калиостро. Известно, как он простирался перед ним. Он слушал его, как оракула».[543]

Спустя несколько лет легенда о Сен-Жермене, готовящем Французскую революцию, была снова раздута эрудитом, автором «Эссе о проклятых науках», Станисласом Гаита. Он заявил без каких-либо доказательств, что «Сен-Жермен тихо организовал то, что станет шумными клубами, нескончаемым золотым потоком питал будущий бунт, который силой свергнет королевскую власть»[544].

Вот, собственно, на каких бездоказательных клеветнических измышлениях публицистов XIX века базируются укоренившиеся представления о том, что Сен-Жермен был авантюристом и экстремистом, подготавливавшим революцию и террор, и того хуже — посланцем сатанинских сил.

---

[542] Дуанель Ж. Цитир, произв. С. 77–80.

[543] Поль Шакорнак тщетно искал среди написанного Вейсгауптом и того, что касается баварских Иллюминатов нечто, подтверждающее данное утверждение. Скорее всего, Дуанель воспользовался рассказом о встрече Сен-Жермена и Калиостро, написанным де Люше.

[544] Де Гаита Ст. Храм Сатаны. Париж: изд-во Шамюэль, 1891. С. 302. Со своей стороны, в «Методическом трактате оккультной науки» (Париж: изд-во Дорбон. Дата издания не указана. Т. II. С. 994), Папюс утверждает, тоже не затрудняя себя доказательствами: «В 1740 г. движение Тамплиеров, с центром в Германии, послало таинственного человека, известного под именем графа Сен-Жермена, для того чтобы подготовить Францию к великой победе Гнозиса над Королевской и Папской властями».

Вслед за П. Шакорнаком и Ж.Б. Мийэ-Сен-Пьером здесь следует рассказать историю таинственного «учителя» — гадателя на картах Этейя, «последнего колдуна», как его назвал Ж.Б. Мийэ-Сен-Пьер.[545]

Этейя (Etteilla) является видоизмененной фамилией француза Альет (Alliette), рожденного в Париже: Сам он сообщает о себе следующие сведения: «Я родился первого марта (между утренней зарей и восходом Солнца) в тысяча семьсот тридцать восьмом году».[546] Еще в начале учебы он обнаружил удивительные способности к математическим играм, к перестановкам цифр. После морального кризиса, который он объясняет следующим образом: «Я едва вышел из золотого возраста, как произнес нескромные обеты. Но истина покинула меня в ложной добродетели, и, в довершение всего, я ушел от экзальтированных и пришел к поклонникам демона», он предался магии, «применял даже заклинания».[547]

В 1753 году пятнадцатилетний Альет давал уроки арифметики, алгебры и геометрии. Считая, что прибыль от преподавания была невысокой, он решил подыскать себе другой источник доходов, предсказывая будущее на картах. Мысль об этом пришла к нему после того, как он сам обратился к гадалке, и некоторое время спустя он опубликовал первую работу — брошюру на восьми страницах под названием «Краткое изложение гадания на картах»,[548] которое имело некоторый успех. После этой публикации «всячески искал возможность встретиться и познакомиться с людьми, лично обладающими волшебным даром предвидения, чтобы самому стать предсказателем».[549] Начиная с этого времени «истина призвала меня вновь, и наука, которую я узрел, привела меня к ней».[550]

Не встретив в Париже тех светил, которых искал, он решил путешествовать для того, чтобы их найти. В этих целях Альет побывал в Руане, затем в Лориане и в Ламбале. Здесь он «познакомился с неким Алексеем, который дал ему письменные заметки об игре Таро, которую он называл «египетской игрой»[551]. Для него это была настоящая революция, которую, однако, он утаил от публики.

Любознательность и жажда знаний повели его в 1759 года в Дюнкерк, Берг и Лилль.

---

[545] Мийэ-Сен-Пьер Ж.Б. Исследования о последнем колдуне и о последней школе магии. Гавр, 1859.

[546] Таинственный Зодиак, или предсказания Этейя, после «Небольшого Предисловия». Париж, 1772. С. II, правила.

[547] Де Гаита Ст. Храм Сатаны. Париж: изд-во Шамюэль, 1891. С. 302. Со своей стороны, в «Методическом трактате оккультной науки» (Париж: изд-во Дорбон. Дата издания не указана. Т. II. С. 994), Папюс утверждает, тоже не затрудняя себя доказательствами: «В 1740 г. движение Тамплиеров, с центром в Германии, послало таинственного человека, известного под именем графа Сен-Жермена, для того чтобы подготовить Францию к великой победе Гнозиса над Королевской и Папской властями».

[548] Данное «Краткое изложение…» было впоследствии переименовано в «Маленький Этейя», место и даты издания не указаны, 8 с. формата in-16.

[549] Этейя. Маленькое предисловие. С. IX.

[550] Этейя. Отрывки… С. 116.

[551] Этейя. О том, как воссоздавать себя с помощью карт, названных Таро. Вторая тетрадь. Париж, 1783. С. 137. Этейя утверждает, что этот Алексей, пьемонтский мудрец, называл себя внуком Алексея Пьемонтского. Однако человек, известный под этим именем, Жироламо Русчелли, жил с 1520 по 1566 год.

В дороге Альет читал все книги о гадательных науках, которые смог приобрести[552], и тем самым растратил все, что оставалось от его состояния. «У себя в стране я нашел только сумасшедших и невежд и отправился искать Мудрецов в далекие страны».[553] В течение восьми лет, с 1759 по 1767 годы, он посетил «Данию, Россию, Турцию, Германию, Венгрию, Испанию, Италию, Сардинию, Пьемонт».[554] Длинная и тяжелая дорога ничего ему не принесла: «Будучи путешественником бедным, днем, в любое время года, я страдал от непогоды, а ночью у меня не было даже приюта, где бы я мог отдохнуть. Бродя таким образом, я все растратил и ничего не приобрел».[555]

Альет вернулся во Францию через Марсель в 1768 году,[556] а в 1771 году он живет в Страсбурге и называет себя «астрофиластром».[557] Вернувшись в Париж, он снова дает уроки алгебры и консультации по гаданию на картах. Именно в это время он меняет свою фамилию на Этейя и публикует друг за другом «Этейя, или единственный верный способ гадать на картах»[558] и странную работу «Таинственный Зодиак».[559] В 1778 году он предпринял последнее путешествие, на этот раз во Франкфурт-на-Майне.[560]

Он окончательно обосновался в Париже и с 1783 по 1785 гг. публикует свою главную работу «О том, как воссоздавать себя с помощью карт, названных Таро», в девяти тетрадях, настоящее, подвергшееся цензуре, название которой было «Египетское гадание на картах или Таро».[561]

Когда в 1784 году газеты объявляют о смерти Сен-Жермена, Этейя открыто заявляет, что это ложное сообщение, и объясняет, что под одним именем жили два человека: «тот, которого он называет своим дорогим учителем, настоящим живым графом, и граф Уэлдон, которого звали также и де Сен-Жерменом и который умер, пользуясь славой отличного химика, но не алхимика».

---

[552] Как многие коллекционеры, Этейя подписывал титульный лист книг, составляющих его библиотеку. В изданном в Париже в 1866 году каталоге библиотеки П. Деска, из Лиона, под номером 229bis, мы нашли экземпляр книги Понтуса де Триара «Мантика или речь об истинном гадании с помощью Астрологии», Лион, изд. де Турн, 1558 г., in-4, в кожаном переплете с золотым обрезом, с такой особенностью.

[553] Этейя. Маленькое предисловие. С. IX.

[554] Там же. С. XI.

[555] Там же. С. XIII–XIV.

[556] Этейя. О том, как воссоздавать себя… Вторая тетрадь. С. 86.

[557] Этейя. Философия высших наук. Париж, 1785. С. 105.

[558] Этейя. Этейя, или единственный верный способ гадать на картах. Амстердам, 1770, где автор предлагает работать с перевернутыми картами.

[559] Данная работа — вариант таро с использованием 365 дней года, с тремя ответами на каждый день (прошедшее, настоящее, будущее) и позволяющее просчитать будущее.

[560] Этейя. О том, как воссоздавать себя… Третья тетрадь. С. 7.

[561] Примечательное совпадение: именно в 1783 году Курт де Гебелен опубликовал VII том своей работы — «Первозданный мир», где он утверждает, что Таро — египетская книга.

К сожалению, Этейя ничего не сообщает о другом Сен-Жермене, кроме того, что тот является «его прямым учителем вот уже более двадцати лет» и что, «если он не намного больше сообщает в письменном виде, нежели при непосредственном общении, он все равно объясняет все гораздо яснее любого другого».[562] Согласно Этейя второй «господин де Сен-Жермен, будучи магом-герметистом, стал каббалистом», то есть «он сочетал в себе превосходное знание духа трех гуманитарных наук»[563] и был настоящим и единственным автором «Филалета» — Introitus Apertus ad occlusum Regis Palatium («Открытый вход в закрытый дворец короля»).[564] Последнее утверждение Этейя удивительно, учитывая, что эта работа была написана в 1645 году.

В следующем обращении Этейя выражает свое почтение учителю: «О друг Креста и Розы, ученый и мудрый Сен-Жермен, которому скоро 65 пятилетий, Вы, кто поручал мне начальное образование одной Вашей родственницы, внемлите моей просьбе и помогите просвещать моих достопочтенных современников Вашими мудрыми советами!»[565]

Когда усомнились в его утверждении о том, что граф Сен-Жермен, учеником которого он себя считал, жив, Этейя ехидно заметил следующее: «Когда я сказал, первого января 1784 года в письме господину Курту де Гебелену, что мой учитель будет в Париже 20 и 21 июля, то говорили: «Он же умер когда журналист сообщил, что он только что умер, поговаривали: «Значит, тогда он был жив!». Да, он был жив, он и сейчас жив, и будет в Париже в 1787 или 1788 году — самое позднее».[566] В подтверждение сказанного, он говорит, что «22 июля 1784 года лично обедал с господином Сен-Жерменом — настоящим адептом, а не с химиком, который может быть и умер. Живой же Сен-Жермен в настоящее время [то есть в 1785 г.] находится в Америке».[567]

Этейя больше не видел своего учителя, однако в 1790 году он сообщал, что «алхимик, настоящий граф Сен-Жермен, ныне жив и здравствует».[568]

---

[562] Этейя. О том, как воссоздавать себя… Вторая тетрадь. С. 186. «У Лорана и Козимо [Руджиери] учился знаменитый граф Сен-Жермен… последний алхимик, который лучше всех других объяснил эту науку. Но он ничего не написал». Де Бальзак О. О Екатерине Медичи. Париж: изд-во Кальман-Леви, дата издания не указана. Посвящено столетию писателя.

[563] Этейя. Фрагменты… С. 190.

[564] Этейя. Семь нюансов философско-герметического творения. Дата и место издания не указаны (1786 г.). С. 17.

[565] Этейя. Письмо г-ну Курту де Гебелену, привет, Этейя, в первый день общегражданского года 1784 г., с Перечнем личных и беглых предметов, затронутых в открытом письме господину де Гебелену. Место издания не указано, 1784 г. В сноске Этейя объясняет, что не следует путать эту родственницу графа Сен-Жермена с девицею с такой же фамилией, которую он обучал гаданию на картах в 1759 году и которая стала впоследствии искусной гадалкой. См.: Мийе-Сен-Пьер Ж.Б. Цитир. произв. С. 19.

[566] Этейя. Семь нюансов… С. 17.

[567] Этейя. Философия… С. 157. Шакорнак считает, что поскольку во втором томе «Истории современной философии герметизма» (Гаага, 1742) аббата Ленглета-Дюфренуа, Этейя нашел упоминание о том, что Филалета называли «американским философом», и он отождествлял своего учителя с тем алхимиком, Этейя решил, что Сен-Жермен стал жителем Америки. Но здесь можно усмотреть еще и намек на рассказанную теософами легенду о том, что Сен-Жермен стоял у истоков провозглашения независимости Америки и внес вклад в символику ее флага. О «культе» Сен-Жермена в Америке будет рассказано и позже.

[568] Этейя. Теоретический и Практический курс Книги Тота. Без места издания, 1790.

Что касается нашего гадателя на картах, он побывал в Лионе в самом начале 1789 года и открыл 1 июля 1790 года в Париже публичную бесплатную школу магии.[569] Стены французской столицы были покрыты огромными плакатами с объявлением этих курсов,[570] и у него было достаточно последователей, чтобы жить безбедно. Он умер 12 декабря 1791 года[571].

В кажущихся абсурдными заявлениях Этейя Поль Шакорнак разглядел их потаенный смысл, становящийся более ясным в свете традиционной доктрины: «Нам известно, что граф официально признал, что носит не свое имя. Его имя, а также имя Космополита или Филалета[572] не фамилии, а имя посвящения, имя должности. Его графский титул, так же как и титул Калиостро, относится, наверное, не к его рождению, а к его оккультным способностям. В самом деле, имя, под которым он главным образом был известен, означает всего лишь «Товарищ (лат. comes) Священного Братства». О каком же братстве идет речь?[573]

Среди современников графа Этейя приводит самое большое количество странных сообщений о Сен-Жермене, даже если он не всегда ясно понимал, о чем писал. Этейя говорит о двух известных под этим именем людях, и похоже, что тот, кого он знает — не тот, о котором мы рассказываем. Например, для Этейя только лишь «его» Сен-Жермен — настоящий «алхимик» и «каббалист». Похоже, ему невдомек, что раз имя Сен-Жермена — название функции, она могла быть выполнена последовательно или даже одновременно несколькими людьми.[574]

---

[569] Этейя. О новой школе магии. Без места издания, 1790.

[570] Тори. История Великого Востока. Париж, 1812. С. 28.

[571] Мийе-Сен-Пьер Ж.Б. Цитир. произв. С. 45.

[572] Так же, как и Космополита, и Филалета, графа Сен-Жермена можно рассматривать как «благородного путешественника», который, так же как и исламские Са'ихун, «путешествует по разным странам с внешней целью встретить людей (Аллаха). Внутренняя ценность этих путешествий состоит в том, что они постигают высшие «макамат» (уровни посвящения) и состояния вдохновения, исходящие из благородного источника всякого знания». См.: Мохиддин ибн Араби. Категории посвящения. Перевод на франц. Абдула Хади // Этюд Традисьонель. 1936, февраль.

[573] Поль Шакорнак предлагает также задать себе вопрос о том (и это никак не будет идти вразрез с предыдущей гипотезой), в каком соотношении находятся имя Сен-Жермена и символическая Германия розенкрейцеров. По мнению Михаэля Майера, это не «известная под этим названием географическая страна, а символическая земля, в которой содержатся зародыши роз и лилий, место, где эти цветы растут непрерывно, философский сад, куда чужим вход заказан» («Themis Aurea», глава III, цитир. в работе Поля Шакорнака «Михаэль Майер, медик, философ, герметист, ученик Розенкрейцеров», изданной в журнале «Ле Вуаль д'Изис» (Покрывало Изиды), 1932. С. 388). Возможно также сближение имени графа Сен-Жермена с названием Священной Римской империи германской нации, которая являла собой в течение нескольких веков прообраз христианского мира и теоретический анализ которой дал Данте в кн. «О монархии». В таком контексте следует вспомнить, что глава некоторых розенкрейцерских организаций носит титул императора.

[574] Как бы странно ни показалось то, что графом Сен-Жерменом могли оказаться несколько человек последовательно или даже одновременно, они тем не менее могли иметь одно и то же лицо. Самое лучшее, что остается — это процитировать здесь то, что писал об этом вот уже тридцать лет назад авторитетный человек: «…Существует в Индии целая категория странных людей, у которых на руке опознавательный знак в виде рога антилопы, и которые к тому же внешне выглядят абсолютно одинаково. Никто не знает, как зовут этих людей, и никому не придет в голову спросить об этом, ибо все знают, что они освободились от внешних ограничений имени и формы — этих двух элементов обычной индивидуальности. Их общая внешность запечатлена на скульптурах древнейших памятников Индии, и, что самое странное, мы встречали этот тип людей даже в Европе, среди довольно значительных представителей одной оккультной власти».

Поскольку здесь нас интересует больше функция, нежели индивидуальность, запомним, что Этейя утверждал, будто Сен-Жермен является «единственным настоящим автором Филалета».[575] Филалет — один из тех персонажей, о которых утверждают, что они Землю не покинули. Поэтому кажется, что герметическая функция, которая одно время проявилась под названием «Филалета» («друга правды»), проявилась затем под названием графа Сен-Жермена.[576]

В другом месте Этейя называет своего учителя «принятым в розенкрейцеры» и приводит существенное уточнение о том, что ему скоро 325 лет. За 325 лет до того 1784 года, в котором пишет Этейя, в 1459 году, произошла «химическая свадьба» Христиана Розенкрейца, легендарного основателя розенкрейцеров.[577] В том же 1459 году была издана первая оперативная конституция масонского ордена.[578] Возможно, поэтому Сен-Жермен называл себя «старейшим из всех масонов».

Интересно, что уже в наше время нашлись писатели, приписавшие Сен-Жермену еще более сверхъестественные и дьявольские качества. Им несть числа. Ограничимся всего двумя-тремя яркими примерами.

В романах некоей современной писательницы Челси Куинн Ярбро, напечатанных крупнейшим московским издательством «Эксмо», имя Сен-Жермен носит вечно живущий вампир, вступивший в борьбу против темных сил. Вот, например, аннотация к ее книге «Отель «Трансильвания», Костры Тосканы» из серии «Vampires. Легенды о бессмертных»: «Его знают под многими именами. Он желанный гость на всех светских балах и приемах, им восторгаются женщины, ему завидуют мужчины… Он чувствует себя как дома в любой стране и на любом континенте, хотя его образ жизни многим кажется странным и подозрительным. Во Франции его с удовольствием принимают в домах самых знатных аристократов. В Италии он становится другом великого Лоренцо Медичи и после смерти правителя прекрасной Флоренции противостоит фанатичному монаху-доминиканцу Савонароле, ввергающему город в пучину мракобесия и страха. Он интересует всех, но о нем ничего не известно. Так кто же он — этот таинственный человек? И человек ли он? В данную книгу вошли первые два романа о знаменитом графе Сен-Жермене, ставшие мировыми бестселлерами».

Существует еще около двух дюжин романов того же автора, продолжающих эту серию. Без комментариев…

Еще одна писательница, наша соотечественница Виолетта Баша, создала опус «Первый масон мира — граф Сен Жермен из Ордена Вечных» с интригующим подзаголовком «Главный масон всех времен и сейчас наблюдает за человечеством», опубликованный в популярном еженедельнике «Моя семья» и перекочевавший оттуда, как водится, без ведома автора, в Интернет. Вот только несколько самых любопытных выдержек из сего произведения:

«Кто не помнит, что графиня из знаменитой драмы Пушкина «Пиковая дама» узнала секрет трех карт во время своего пребывания в Париже от графа Сен-Жермена. Но кто этот человек, один из самых таинственных людей мира? Говорят, что его возраст — более полутора тысяч лет. Он появлялся то там, то здесь под разными именами в разные эпохи.

---

[575] Для краткости называют «Филалетом» работу, приписанную этому автору, носящую название Introitus Apertus ad occlusum Regis Palatium и датированную 1645 годом. Это одна из наиболее замечательных работ по герметизму.

[576] Заметим, что слово germanus также означает «настоящий», «правдивый».

[577] См.: Валентин Андреа Иоганн. Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 году. Париж, 1616.

[578] См.: Генон Рене. Кельн или Страсбург? // Ле Вуаль д'Изис (Покрывало Изиды). 1927, январь.

Его блестящие ораторские способности и таинственный образ жизни интриговали общество. В чем только ни обвиняли графа Сен-Жермена: в шарлатанстве, колдовстве, мошенничестве, шпионаже! Между тем его предсказаниями пользовался Людовик XV, его советам следовала мадам Помпадур. Григорий Орлов, любовник Екатерины II, выплачивал графу колоссальные суммы за предсказания военных побед России. Масоны считают его хранителем всех тайн мира…

Многие знали графа Сен-Жермена в свое время, но и тогда никто не знал о нем ничего. Самые достоверные сведения о нем относятся к XVIII веку. Поговаривали, что он сын то ли португальского короля, то ли португальского бедного еврея, то ли румынский принц. Вот как описывают его современники: «Ранние годы своей жизни окружил непроницаемою тайной. Возраст его и происхождение неизвестны» …

Так зачем он пришел в наш мир, с какой целью? Этот Бессмертный хранитель тайн. Откуда взялся этот человек? Является ли он воплощением дьявола? Почему его всегда можно видеть вблизи властей и трона? Первое упоминание о графе как верховном иерофанте Древнего Египта говорит о многом. Как и служение Богу Тоту, Богу, хранящему, согласно верованиям египтян, тайну смерти. Именно владея этой тайной, можно играть со смертью, как с колодой карт, то рождаясь, то умирая, чтобы родиться вновь. Или не умирая вовсе, а исчезая из одного века и страны, появляться в другой стране в другое время. Согласно верованиям буддистов, люди живут не одну жизнь, и могут реинкарнировать, то есть рождаться вновь в других телах. Но при чем тут буддизм? Среди тех, у кого учился граф Сен-Жермен, были и древние буддийские монахи Тибета, хранившие тайные знания иных, очень древних цивилизаций.

Легендарная страна Шамбала — не миф, она существовала и была одной из частей разветвленной цивилизации атлантов около 12–15 тысяч лет назад. Но главные учителя Сен-Жермена — не оттуда. Другая ветвь атлантов перед гибелью контактировала с менее развитыми народами, населявшими север Африки, в частности, с предками тех, кто позднее построил пирамиды. От них и попали египетским мистерикам утерянные знания человечества. Но в полной мере они были только у одного человека — главного масона земли. Известно, что атланты жили по несколько тысяч лет. Как и Сен-Жермен. Обладали способностью делать из самых разных вещей или просто из воздуха другие вещи, например, золото. Этим же владел и Сен-Жермен. Современная наука уже не отрицает, как раньше, такой возможности, при помощи нанотехнологий уже можно из самых разных молекул как в детском конструкторе собирать любую вещь. Скорее всего, граф Сен-Жермен даже не порождение цивилизации Древнего Египта. Он — один из немногих выживших атлантов.

С какой целью они здесь? Зачем было создано масонство? Известно, что масоны своей целью считает контроль за происходящим в мире, подчинение себе властей и влияние на них. Для этого и появился Сен- Жермен в мире, для этого и отвлекал публику разного рода чудесами, чтобы втихаря осуществлять контроль. Поэтому сам лично и отбирает масонов в высшие посвященные. Не раз масоны вмешивались в руководство, дворцовые интриги и политику. Одним из примеров стала Французская революция, когда отрубили голову несчастной королеве Марии-Антуанетте. Именно один из подражателей графу Сен-Жермену, более авантюрный, но менее образованный и более простонародный граф Джузеппе Калиостро разыграл блестящую драму с 700 бриллиантами и тайными любовниками, якобы принимаемыми королевой во дворце по ночам. Роль королевы исполняла помощница Калиотро. Но подозрение пало на королеву, хотя ее вина не была доказана. Однако народ отвернулся от нее, стал считать ее воровкой и развратницей, и спустя три года сверг монархию. Сам Сен-Жермен интриговал при русском дворе. Россию Сен-Жермен также посещал неоднократно и присутствовал при обоих дворцовых переворотах, когда на престол всходили императрицы Елизавета и Екатерина II. Именно от Екатерины граф получил чин русского генерала и новое имя — граф Салтыков (по слухам, он и стал отцом будущего императора Павла I). Потом он жил в Голландии и Англии, а прибыв в Париж, сумел добиться расположения Людовика XV и мадам Помпадур.

С этого времени его имя упоминается в связи с различными политическими интригами, без которых, казалось, невозможна была жизнь королевских дворов. Только он мог каким-то непостижимым образом улаживать королевские дела и не допускать напрасных жертв и войн.

А вот король Пруссии Фридрих II называл графа Сен-Жермена просто шпионом. Разумеется! Но шпионил Сен-Жермен не в пользу какого-то государства, а в интересах своей тайной миссии.

И не случайно граф общался с Иисусом Христом, и Клеопатрой. Ведь эти люди вершили историю, влияя на человечество. То, что мы можем считать воплощением дьявола — просто одна из ипостасей графа. Ведь дьявол — носитель абсолютного зла. А граф — исполнитель миссии. Он может прибегать и ко злу, если это надо для истории, и к благу. Он — Странник времен. Его сила больше силы дьявола. Он — контролер и вершитель истории.

Сен-Жермен и сейчас находится вблизи власти.

Но как же быть со сведениями о смерти графа? Верить ли в реинкарнацию или в его бессмертие? Князь Карл, который, похоже, искренне сожалел о его смерти, наступившей в 1783 году, рассказывает, что во время проведения экспериментов с красителями в Экернфорде граф заболел и вскорости умер (!), несмотря на обилие лекарств, приготовленных его личным аптекарем.

Итак, бессмертный граф, по свидетельствам современников, все-таки умер в 1783 году Другие утверждают, что он скончался 27 февраля 1784 года, и об этом якобы есть запись в церковной книге немецкого города Экернферда. Более того, в хрониках можно найти заметки, что его видели несколько лет после 1784 года. Говорят, что он имел весьма важную приватную беседу с российской императрицей в 1785 или 1786 году и что он являлся принцессе де Ламбаль, когда та стояла перед трибуналом, за несколько минут до того, как палач отрубил ей голову, а также Жанне Дюбарри, фаворитке Людовика XV, ожидавшей удара гильотины на эшафоте в дни Террора 1793 года в Париже.[579] В 1901 году Блаватская, по ее словам, находившаяся в это время в одном из предыдущих своих воплощений, видела его в Риме.

Следует отметить и такой факт. Приведенные в предыдущей главе свидетельства конца его жизни не содержит описаний о последних часах его жизни и его похоронах. Странно, однако, что столь известного и уважаемого правителями разных стран человека, графа, между прочим, похоронили без торжеств, пышной церемонии, без регистрации смерти в полицейском участке? Где же все эти сведения? Их нет ни в одном из мемуаров, ни в одной их хроник, ни в одном из описаний или даже легенд про него? Что это значит? Человек, о котором говорила вся Европа, от которого сходили сума дамы, расположения которого добивались даже короли, и вдруг исчезает бесследно, словно бомж в России в конце XX века? Исчезает, не оставив ни строчки записи, ни документа о смерти, ни единого следа!

Граф бессмертен, но не в нашем понимании. Он может исчезнуть и родиться вновь младенцем, как это бывает при реинкарнации. А может просто исчезнуть в одном месте и эпохе, и материализоваться другое время и в другом месте сразу взрослым человеком, как это могли атланты. Просто переносясь во времени и пространстве…

Не мог покинуть Землю этот Странник и в наше переломное время. Кем он мог быть в двадцатом веке и сейчас?

Вот его приметы: он дьявольски красив, у него живые черные глаза, эрудирован, имеет невероятное обаяние, подчиняет своей воле, женщины сходят по нему с ума, всегда выглядит на сорок пять лет, находится там, где вершится история, вблизи власти. В двадцатом веке это мог быть отец атомного проекта Роберт Оппенгеймер. Описание его внешности — необыкновенно красив, американский еврей, образован, в его подчинении тысячи гениев человечества. Его обожали женщины.

---

[579] Приведена дословная цитата из статьи Е.П. Блаватской «Граф Сен-Жермен», но без ссылки на источник.

Ему было около сорока, когда американцы создавали первую атомную бомбу. Его любовница покончила с собой, его жена из-за него попала под суд. Можно, конечно, вспомнить и Копперфильда, красавца с внешностью дьявола. Но думаю, графу Сен-Жермену такое сравнение бы доставило массу удовольствия от долгого смеха: ну не фокусами же был занят вершитель истории! А вот персонаж Бориса Березовского у графа Сен-Жермена смеха бы не вызвал. Впрочем, возможно, граф носит и другое обличие. Поищите его сами. Думаю, это будет более в стиле Сен-Жермена, предложить вам загадку, а не давать готовый ответ».

И в завершение главы нельзя не упомянуть о романе Умберто Эко «Маятник Фуко»,[580] одним из главных персонажей которого является опять-таки загадочный граф. Правда, он появляется под именем владеющего родовым замком в Пьемонте графа Аглиэ или Алье (Aglie) (которое подозрительно напоминает имя «последнего из колдунов» Альета-Этейя, мы именно поэтому подробно рассказали о нем с помощью господина Шакорнака в данной главе), но в самый драматический момент сатанинского человеческого жертвоприношения в парижском Музее искусств и ремесел, расположенном в церкви аббатства Сен-Мартен-де-Шан, где выставлена действующая модель давшего роману название маятника, отнюдь не скрывает своих имен (здесь без труда узнается работа Шакорнака, которую Умберто Эко углубленно изучал и на которую ссылается): «И Вселегчайший из Вселегчайших Архонтов, Служитель Служителей, Всепокорнейший Секретарь Эдипа Египетского, Нижайший Вестник Властелинов Мира и Привратник Агартхи, Последний Турифферарий Маятника, Клод-Луи, граф де Сен-Жермен, князь Ракоци, граф де Сен-Мартен и маркиз д'Алье, господин де Сюрмон, маркиз Уэлдон, маркиз де Монферрат, Эймар и Бельмар, граф Солтыков, рыцарь Шёнинг, граф Цароги!»

Этот роман, вышедший впервые на языке оригинала — итальянском — в 1988 году, представляет собой очень сложное чтение, забаву «для высоколобых интеллектуалов», которые хорошо начитаны в той эзотерической литературе, что в изобилии явно и неявно цитируется в этом огромном романе. Роман не ставил целью высмеять или очернить Сен-Жермена, как полагают некоторые. Отвечая на вопрос интервьюера, читал ли он Дэна Брауна, Умберто Эко недвусмысленно пояснил, ради чего написан его собственный роман. Отрывок из интервью: «Я был вынужден прочитать этот роман, поскольку все спрашивали меня о нем. Мой ответ: Дэн Браун — это всего лишь один из персонажей моего романа «Маятник Фуко», романа о людях, которые начинают верить во всякую оккультную чепуху. — Но вы ведь сами выглядите как минимум интересующимся каббалой, алхимией и прочими оккультными изысканиями, присутствующими в романе. — Нет. В «Маятнике Фуко» я описал гротескное изображение людей подобного рода».

Зато роман блестяще выполняет свое предназначение — понуждает самому мыслить и искать оккультные истины, но при этом не забывать, с какими опасностями и ответственностью сопряжено легкомысленное отношение к сокровенным тайнам и поискам духовного озарения.

---

580 Хотелось бы оговориться, что Умберто Эко — мой любимый автор, в домашней библиотеке у меня собраны все его романы, переводившиеся на русский язык, поскольку итальянским я не владею. «Маятник Фуко» я прочитала впервые в переводе «русской мовою» киевского издательства «Фита», изданном — задолго до выхода классического перевода Е. А. Костюкович — в 1995 году (в украинской книге имя переводчика не указано, как нет и имен редакторов, хотя такую книгу должна была бы редактировать целая группа специалистов — лингвистов, историков, конспирологов и проч.). За неимением под рукой другого перевода цитата приведена по нему.

Глава 24

Великий Учитель

Обе английские исследовательницы жизни Сен-Жермена, Изабель Купер-Оукли и Джин Овертон Фуллер, были теософами. Для них не подлежала сомнению роль Сен-Жермена в судьбах человечества. Изабель Купер-Оукли заканчивает одну из глав своей книги так: «В свете всего сказанного перед нашим взором отчетливо предстает характер того, кого некоторые называют «Вестником Духовной Иерархии», управляющей развитием нашего мира». Джин Овертон Фуллер дадим слово чуть позже.

Поль Шакорнак весьма скептически относился к оккультистам и особенно теософам, поэтому в своей работе дал очень критический отзыв о теософской доктрине и основателях теософского общества: «Читатель помнит отрывок из «Маленьких венских мемуаров» Ф. Грёффера, опубликованных в 1846 году, где указывалось, что граф Сен-Жермен уехал отдыхать «куда-то в Гималаи». Уже в 1877 году мы находим несколько строк, принадлежащих перу Е.П. Блаватской — основательницы теософического общества, которые могли бы иметь отношение к нашей истории: «Кто в Индии не слыхал о… Хутухту столицы Верхнего Тибета? Его братство Хе-Лан прославилось на всю страну, и одним из наиболее знаменитых «братьев» был пелинг (англичанин), который однажды в первой половине этого века прибыл с Запада; он был убежденный буддист и после месячной подготовки был принят в хеланы. Он говорил на всех языках, включая тибетский, знал все науки — гласит традиция. Его святость и творимые им феномены послужили причиной тому, что он был провозглашен шабероном по истечении лишь нескольких лет. Память о нем живет среди тибетцев и по сей день, но настоящее его имя знают лишь только шабероны»[581].

Вторая цитата Е.П. Блаватской из работы 1889 года гораздо более эксплицитна: «Только что умер здесь [в Лондоне] пожилой «брат», великий каббалист, дедушка которого был известным масоном и близким другом графа Сен-Жермена в тот период, когда тот был откомандирован в Англию в 1760 года, как утверждают, Людовиком XV для разработки мирного договора между двумя странами.[582]

---

[581] Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М.: изд-во Российского теософского общества, 1992. С. 516.

Поль Шакорнак думал, что здесь сказано о Сен-Жермене, но он ошибался. Без сомнения, речь идет о венгерском ученом-полиглоте Шандоре Чоме Кёрёши (27 февраля 1784–11 апреля 1842), который в поисках венгерской прародины (область его первоначальных научных интересов) пришел в Тибет пешком (!) из Трансильвании и был направлен в ламаистские монастыри Тибета английскими колониальными властями. Начиная с 1823 года провел 1,5 года в монастырях Занскара и Занглы (провинция Ладак), изучив рукописную религиозную литературу Танджур и Канджур (около 320 томов!) и овладел тибетским языком настолько, чтобы составить тибетскую грамматику, краткую историю Тибета, описать его географию и литературу. Затем, проведя еще 3 года в монастыре Канам в провинции Базехр, в 1834 году издал, по возвращении в Калькутту, тибетско-английский словарь и грамматику тибетского языка, не утратившие своей научной ценности и по сей день. Он автор труда «Будда и его ученики» и многочисленных научных статей о буддизме и Шамбале, написанных на английском языке. Его авторитет в буддизме настолько непререкаем, что есть даже его скульптурное изображение в виде боддхисаттвы — человека, достигшего просветления уровня Будды.

На момент написания «Разоблаченной Изиды» Блаватская еще не знала, что Александр Ксомо де Керес (так она называет его в своих трудах) был «венгерец родом», об этом она напишет позже, после своего путешествия в Индию. Я опубликовала несколько статей и читала лекции об этом удивительном человеке.

Кстати, Блаватская признавалась, что в «Разоблаченной Изиде» ею не все было изложено правильно, поэтому позже, в 1880-е годы, она и выпустила «Тайную доктрину», исправляя ошибки и неточности своего предыдущего труда.

[582] Если граф Сен-Жермен и оправился в Англию в 1760 году, так это для того, чтобы избежать преследования герцога Шуазёля после того, как по просьбе маршала Бель-Иль он участвовал в мирных переговорах.

Граф Сен-Жермен оставил этому масону несколько документов об истории масонства, в которых содержится ключ ко многим нераскрытым загадкам.[583] Он это сделал при условии, что документы будут тайным наследством тех его наследников, которые станут масонами. Документы, на самом деле, оказались полезными лишь двум масонам — отцу и сыну, тому, кто только что умер, и больше никому в Европе. Перед смертью владельца ценные документы были переданы восточному человеку (индусу), которому было поручено передать их определенному человеку, приехавшему за ними в Амритсу — город бессмертия».[584]

Приведем, наконец, последнее высказывание Е.П. Блаватской о графе Сен-Жермене, которое перекликается с предыдущей цитатой: «Граф Сен-Жермен, безусловно, был величайшим восточным адептом, которого Европа видела за последние столетия. Но Европа не узнала его».[585]

Шакорнак с язвительными замечаниями цитирует высказывания и других членов Теософического общества конца XIX — начала XX века, скрупулезно отмечая в них ошибки и несуразности. Особенно высмеивает он «свидетельства» о встречах с «бессмертным» Сен-Жерменом спустя много лет после его документально зафиксированной физической смерти. Но не следует забывать, что к теософскому движению (как это всегда бывает) примкнуло множество наивных восторженных дилетантов, которые, не имея глубоких специальных знаний, упрощенно понимали теософскую доктрину и совершенно некритично, как откровение, воспринимали любые слова своих руководителей, поэтому не стоит относиться к их заявлениям так уж серьезно. По этой причине мы не приводим их здесь.

Джин Овертон Фуллер при своих теософских убеждениях отличалась завидным скептицизмом и здоровым английским юмором, не принимала на веру слишком уж смелые фантазии и, как истинный ученый, проверяла и перепроверяла все факты. Она весьма сдержанно и точно изложила основные «постулаты» теософов. А поскольку я разделяю ее эзотерические взгляды, но отношу себя к приверженцам не только теософии, но и учения Рерихов, я позволю себе дополнить изложение госпожи Фуллер:

Для теософов и членов других многочисленных эзотерических обществ граф Сен-Жермен — это учитель Ракоци, или «Учитель Р.», как его называли сокращенно, по-видимому, из предосторожности, а иногда его упоминают даже просто как «Графа». Почему? Это часть откровения, сообщенного Еленой Петровной Блаватской, ее учителями и ее учениками. В 1873 году при встрече с полковником Олкоттом, в США, она рассказала ему, что путешествовала во многих странах, включая Египет, Индию и Тибет, и что ей была дана привилегия встретиться с адептами, или Учителями Мудрости, которые дали ей учение.

---

583 Кстати, Блаватская признавалась, что в «Разоблаченной Изиде» ею не все было изложено правильно, поэтому позже, в 1880-е годы, она и выпустила «Тайную доктрину», исправляя ошибки и неточности своего предыдущего труда.

584 Теософикл Ревью. 1889,21 апр., № 2. С. 6–7. Город Амритса, в Пенджабе, в Индостане — город сикхских воинов. Храм расположен посередине священного озера Amritsa saras — Фонтан бессмертия. Е.П. Блаватская посетила этот город в 1880 году вместе с Г. С. Олкоттом. См.: Олькотт Г.С. Правдивая история теософического общества. Париж: изд-во Адьяр, 1906. Т. II. С. 211. Согласно Е. П. Блаватской именно в Амритсе имело место первое собрание членов Т.О. с представителями тысячи и одной секты Индии, которые «все более или менее сочувствовали идеям братства, провозглашенным нашим теософическим обществом». См.: Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана. М.: Сфера РТО, 1994. Кстати, как говорилось выше, сподвижница Блаватской Изабель Купер-Оукли уроженка этого города.

585 Блаватская Е.П. Теософский словарь. М.: Сфера РТО, 1994.

Когда она писала некоторые части своей книги «Разоблаченная Изида» (1875–1877), то Олькотту, смотревшему на нее через стол, казалось, что, хотя она никогда не впадала в состояние транса, но ее манеры и вид изменялись; она объяснила, что то, что должно быть сказано, ей говорили не бесплотные духи, а адепты, или Учителя Мудрости, которые жили где-то в физических телах, отделенные от них только географически. Сначала он предполагал, что все они были с Востока, но вскоре был выведен из заблуждения. Один, отвечая на вопрос Олкотта, кто он, просто сказал, что он уроженец Венгрии.[586] Среди них были также венецианец и грек. Олкотт узнал от госпожи Блаватской, что всего этих адептов было семеро, и все, кто стремился к мудрости, становились духовными учениками (знали они об этом или нет) того или иного из них, соответственно тому, по какому из семи лучей происходило их развитие.

Пока ему не было открыто, кем были эти семеро или что это были за семь лучей.

Если речь идет об откровении, то, так как оно не основано на эмпирических доказательствах, можно попытаться судить о его подлинности только по восприятию, по его связности, проверяя те его детали, которые поддаются проверке. Письма, написанные в 1881–1884 гг. двумя учителями госпожи Блаватской — Морией и Кут Хуми, индийцами, жившими в Тибете, — А.П. Синнетту, ставшие впоследствии известными как «Письма Махатм»,[587] содержат не только глубокие философские мысли, но и предсказание конкретной научной методики, которое, как мы увидели во второй половине XX века, было воплощено в жизнь. Эта методика, включающая использование механизмов и принципов, которые в те времена даже представить себе было невозможно, далеко выходила за пределы способности к предвидению любого ученого-физика в 1882 году, в тот год, когда оно было передано ей в Симле, не говоря уж о том, что госпожа Блаватская была женщиной, абсолютно далекой от науки…

То, что было открыто госпожой Блаватской для публики, — непосредственно ею самой или через учеников, — количественно всегда было меньше того, что она получила и должна была хранить для себя или для очень малого числа людей. Позднее она создала Эзотерическую школу, однако вступившие в нее были связаны обещанием не раскрывать ничего из того, что им говорилось, даже если впоследствии они должны будут покинуть эту школу. Позже ее ученица, доктор Анни Безант, в своем эссе «Учителя», (Адьяр, 1912) на странице 50 упоминает «Учителя Ракоци…. Последний из королевского рода Ракоци, известный как граф Сен-Жермен в истории XVIII века, как Бэкон в XVII, как Роберт Монах в XVI, как Янош Хуняди в XV, как Христиан Розенкрейц в XIV — если брать только некоторые их его воплощений — во всех этих различных жизнях был учеником, и наконец, достиг ступени Учителя, стал «Венгерским Адептом» «Оккультного Мира». Здесь ошибка, так как в книге Синнетта «Оккультный Мир» о нем ничего нет. Ссылка, которую намеревалась сделать Анни Безант, по-видимому, относится к книге Олкотта «Листы старого дневника» и к уже цитированному отрывку. Анни Безант не была историком, и действительно, ее мысль так сильно концентрировалась на Индии и Учителях Тибета, что создается впечатление, что европейская история едва ли вообще присутствует в ее сознании, и можно даже усомниться, узнала бы она когда-нибудь о Ракоци, не говоря уж о менее известном венгерском герое более ранней эпохи — Хуняди, 1395–1456, если бы не получила всю цепочку имен от госпожи Блаватской, или непосредственно от тибетских Учителей Блаватской.

---

586 Old Diary Leaves («Листы старого дневника»), Henry Steel Olcott (Putnam, 1895), I.C. 275.

587 Очень широко использованы Синнеттом в его книгах The Occult World (Trubner, 1881) и Esoteric Buddhism (Chapmann and Hall, 1883), напечатанных целиком как Mahatma Letters to A.P.Sinnett from the Mahatmas M. & K.H., Transcribed, Compiled, and with an Introduction by A.T.Barker (Rider, 1923). Отдельные письма изданы на русском языке в Самаре в 1993 году.

Господин и госпожа Купер оба были учениками Блаватской. Господин Э. Дж. Купер входил в состав маленькой группы теософов, включавшей Ч.У. Ледбитера; эта группа собиралась на плоской крыше их центра в Адьяре (вблизи Мадраса) около 1884 года, и тогда же Джуал Кул, тибетский ученик Кут Хуми, по их просьбе дал им таблицу Семи Лучей и основные их характеристики. Имена Семи Учителей могли быть сообщены им в то же время, хотя и тайно. В любом случае, когда жена Купера, Изабель Купер-Оукли, начала поиски материала для своей книги «Граф Сен-Жермен» (Милан, 1912), опубликованной в том же году, что и книга Анни Безант «Учителя», с предисловием Анни Безант, то это, без сомнения, было потому, что она верила, что Сен-Жермен был одним из этих Учителей, европейским Братом тибетских Братьев.

Существовали различные отколовшиеся от теософского общества движения, и принадлежавшая к такому движению Алиса Бейли написала в своей книге «Посвящение — человеческое и солнечное» (Lucifer, New York, 1922), с. 58–59: «Учитель, который главным образом имеет отношение к состоянию и развитию расовых вопросов в Европе — это Учитель Ракоци. Он — венгр, и его обитель в Карпатских горах…. В частности, он являлся глазам публики под именем графа Сен-Жермена… Учитель Р. — на седьмом луче… В Ложе его зовут обычно «Графом».

Ледбитер в книге «Учителя и путь» (Адьяр, 1925) печатает на с. 413 таблицу лучей Джуала Кула, открытую сорок лет назад там, на крыше, и на с. 430–431 заявляет: «Глава Седьмого Луча — это Учитель граф Сен-Жермен…. которого мы иногда называем Учитель Ракоци, так как он последний живой потомок этого королевского рода». Три года спустя в своей книге «Скрытая сторона франкмасонства» Ледбитер упоминает его как «Главу всех истинных франкмасонов», и на с. 14–15 пишет: «… он родился под именем Иосифа Ракоци, князя Трансильвании. Мы нашли упоминания о нем в энциклопедиях, однако информации очень мало. По-видимому, он объехал всю Европу, и он время от времени возвращается, но у нас о нем мало определенного. Он был графом Сен-Жерменом во времена Великой Французской революции и много работал с госпожой Блаватской, которая в то время была воплощена под именем Отца Иосифа». Ледбитер не был историком, и здесь он несколько заблуждается. Сен-Жермен, в том теле, в котором он жил при дворе Людовика XV, был похоронен перед Революцией. То же произошло и с отцом Иосифом, более чем за сто пятьдесят лет до этого. Отец Иосиф, родившийся 4 ноября 1577 года и умерший 18 декабря 1638 года, был «Серым Кардиналом» при кардинале Ришелье. Олдос Хаксли[588] написал о нем книгу. Я предполагаю, что Ледбитер имеет в виду Жозефа Бальзамо, более известного как Калиостро, который жил во времена революции и имя которого с именем Сен-Жермена связывали и Кут Хуми, и сама Блаватская, и чье лицо на единственном известном его портрете чрезвычайно напоминает лицо Блаватской. Однако отец Иосиф тоже был похож на нее, поэтому, может быть, она была ими обоими? Иосиф Ракоци, нога которого ни разу за всю жизнь не ступала в Трансильванию, и который вообще не достиг ничего в жизни, не упоминается в энциклопедиях вообще. Я полагаю, что Ледбитер имеет в виду Ференца Ракоци — великого Ракоци. Уже прошло около сорока лет с тех пор, как Ледбитер искал в энциклопедиях сведения об Учителе, который, как ему было сказано, носил это имя, и принявшись уже в пожилом возрасте за написание этого небрежного отрывка, он не потрудился освежить свою память. Это могло бы объяснить и то, что в представлении автора он имеет вид военного…

---

588 Английский писатель XX века, известный русским читателям прежде всего своим романом-антиутопией «О дивный новый мир!», переведенным в России в 1989 году.

Существует теософская доктрина, гласящая, что если для обычных людей реинкарнация происходит при зачатии, то для случая очень высокого Адепта можно избежать траты времени на вынашивание и детство нового тела путем реинкарнации в зрелое тело, покинутое либо в результате несчастного случая, оставившего его неповрежденным (как в случае, описанном в «Идиллии Белого Лотоса» Мэйбл Коллинз, Адьяр, 1884, с. 135–137[589]), или даже в тело, добровольно покинутое учеником, который сохранял его для Адепта. Неудобство такого варианта (не считая начального дискомфорта попадания в тело, выращенное кем-то другим, как в чью-то чужую обувь) имеет, как говорят, главным образом социальный характер. Его память — это не память того человека, который жил в этом теле. Опыт этого человека в этом теле — его собственное предполагаемое прошлое — он может узнать, только или спрашивая других людей, или психометрическим путем, и людям, которые знали другого человека в этом теле, будет казаться, что он страдает амнезией. Его память будет содержать опыт его жизни в теле, которое он имел до этого, и так как в его случае сна, разделяющего нормальные инкарнации, не было, то его память непрерывна. Он до сих пор еще — для него самого — предыдущий человек. Если таков был случай Сен-Жермена, то это придало бы особое значение его удивительному сонету, «Тайна». Представьте себе, что он умер в Родосто, в Турции, после принятия последнего причастия, как добрый католик, и обнаружил себя не на небесах — в чистилище или даже в аду, — а в Италии, в другом, еще здоровом теле. Его религиозные знания не могли подготовить его к такому развитию событий. В Европе того времени не существовало никакой литературы по вопросу реинкарнации, и он должен был ощущать себя неожиданно оказавшимся в уникальной ситуации, которой абсолютно невозможно было бы с кем-нибудь поделиться. Все его предыдущие представления обо всем должны были быть разбиты вдребезги. Это могло бы объяснить странные строки в его сонете: «Я умер… Мой труп упал. Я больше ничего не знал».

Это объяснило бы его видимое отсутствие корней и предков, его столь долгое уклонение от любого вопроса касательно его личности. Это могло бы объяснить его слова Каудербаху о том, что он встречал его отца — короля Польши Августа II, его упоминание в Берлине о переписке с императором Леопольдом I, и все эти двусмысленные намеки, которые заставляют нас мучиться догадками, кем он себя при этом подразумевал — отцом или сыном, — «последний отпрыск дома Ракоци» для Геммингена-Гуттенберга, а для Альфенслебена— князь, при всех своих полномочиях, который поэтому не может принять пост на службе у короля Фридриха. Это объяснило бы легкость, с которой он принял место при дворе Людовика XV, без предварительного инструктажа по этикету, подобного тому, который граф Тулузский делал Ракоци перед тем, как взять его на встречу с Людовиком XIV и его семьей — где Ракоци попросил показать ему драгоценности сестры короля, — несомненно, просьба несколько необычная, если, конечно, это не был просто интерес художника или геммолога. Когда в свете этого перечитываешь ту часть мемуаров мадам де Жанлис — опубликованных, когда ей было семьдесят девять лет, — где говорится о том, что Сен-Жермен сказал ей, когда ей было всего тринадцать лет, то можно заметить присутствие элементов ранней жизни Ракоци, хотя они и перемешаны в беспорядке. Это был момент, когда он скрывался, и за его голову была объявлена награда, хотя это произошло, когда ему было двадцать пять лет, а не семь. Когда ему было семь, это был 1683 год. Но 1683 год — это год, когда его повезли в длительный поход — путь в триста миль через лесистые горы — на осаду Вены, где ему грозила опасность не только быть убитым врагами, но и быть отравленным собственным отчимом.

---

589 Эта вещь впервые переведена на русский язык издательством «Голон» и перепечатана репринтным способом. Впоследствии была переиздана с учетом современных правил русского языка издательством «Сфера» в 1995 году в сборнике «Кармические видения» с комментариями Т. Субба-Роу, и, наконец, в отредактированном виде с комментариями и приложениями выпущена издательством «Беловодье» в 1998 году.

Когда он рассказал этой маленькой французской девочке, которая позднее стала мадам де Жанлис, что его защищал только гувернер, не говорил ли он о Кёрёши?

Она не была знакома ни с этим временем, ни с театром военных действий, и, по-видимому, не имела поэтому ключевой информации для правильного понимания эпизода. В любом случае то, что маленького мальчика взяли с собой в такой поход, в книгах по истории найти было невозможно.

То, что человек раскрывает о себе, ограничено пониманием его слушателей. Никто не говорит о глубоких материях с неподготовленным. Репутация умершего человека отдается на милость тех современников, которые пишут о нем, а авторы многих писем, упоминающих Сен-Жермена, были людьми ограниченными, завистливыми и обидчивыми. Следовательно, большая часть дошедших до нас документов — всего только шелуха на поверхности истории, никогда не проникающая вглубь.

Одно из сообщений, переданных госпоже Блаватской ее тибетскими Учителями, заключалось в том, что в Средние века Будда вернулся как тибетский адепт Цзон-Ка-Па (ок. 1357 или 1358–1419). Он пришел, чтобы исправить злоупотребления, которые проникли в созданную им два тысячелетия назад религию, и для этого он основал братство Гелугпа (Добродетельные), или Желтых Шапок, к которому принадлежали далай-лама и панчен-лама (иначе траши-лама), а также учредил недалеко от Шигадзе потаенный ашрам (Мория и Кут Хуми жили вблизи Шигадзе и иногда носили желтые шапки) и, прежде чем вознестись обратно, воспользовался случаем сделать что-нибудь для пелингов (белых варваров).[590] Он инициировал движение за просвещение, идейность, развитие духовных знаний, пробуждение и открытость новым концепциям в стране пелингов — Пелингпа (Европе), в последней четверти каждого века, и его школа должна была уделять особое внимание этому движению именно в этот период. И по крайней мере часть этих совершаемых раз в сто лет усилий, по-видимому, была осуществлена во многом благодаря Адепту, обладающему глубочайшими знаниями о культуре и делах Европы, тому, кто при своем последнем публичном появлении был известен как граф Сен-Жермен. Вероятно, госпоже Блаватской недвусмысленно сообщили, что жестокость и террор, который принесла французская революция, во многом были следствием того, что он был отвергнут. Дело не в том, что Учителя Мудрости проклинают, наказывают или мстят за себя, а в том, что отбросить хорошее — значит усилить плохое…Старый режим во Франции не мог больше оставаться прежним… Но при разумном использовании каналов потоки либерализма и энергетики могли сделать свою работу без кровопролития или террора».

Здесь мы ненадолго прервем стройное изложение госпожи Фуллер, дополнив его своими соображениями на ту же тему.

К концу XVIII века все оккультно-эзотерические движения были разрозненны, оторваны друг от друга, а их поиски Высокой Истины выродились в настойчивые попытки получить золото и увлечение алхимией. Мистерии посвящения потеряли свой глубокий смысл, перестали быть таинством, сделавшись поверхностной стилизацией. Более того, членство в масонских обществах стало разменной монетой в политической карьере — ведь их членами были сплошь именитые сановники. Необходимы были глубокие преобразования, обновление традиций и очищение источников Знания. Нужно было, чтобы мистические общества вернулись к тем идеалам, ради которых всходили когда-то на костер их предшественники — адепты тайных школ: беспредельность совершенствования духовной природы человека, реинкарнация и выполнение духовной миссии как задача каждой из инкарнаций, познание скрытых сил природы и естества человека, Божественность всего сущего и поиск Божественного идеала в жизни, тайна Сотворения мира и человека.

---

590 Пелингами тибетцы называли европейцев. См.: The Secret Doctrine, H.P. Blavatsky (1888, Adyar 1938), том 5, стр. 391, 393 и 396; и The Master and the Path, C. W. Leadbeater (Adyar, 1925). С. 394–395. (Соответствующие русские переводы этих книг: Е.П. Блаватская «Тайная доктрина» и Ч. У. Ледбитер «Учителя и путь».)

Философские системы ранних эзотерических школ Европы основывались на мудрости Востока. Энергичному человечеству Запада свойственно излишнее погружение в дела чисто материальные, созерцательной философской восточной цивилизации присуща другая крайность — излишняя инертность. Известно, что великий реформатор буддизма Цзон-Ка-Па, живший в XIV веке, оставил завет, согласно которому духовные цивилизации Востока и Запада должны развиваться в слиянии. Для того чтобы поддерживать гармонию двух цивилизаций и помогать духовному просвещению человечества Запада, Махатмы Востока в каждом веке посылают к нему своих вестников. Посланники Света несут зерна новых знаний, указывают пути дальнейшего развития, предупреждают о бедах и опасностях, поджидающих тех, кто свернул с пути. Вот как излагал это Морис Магр в книге «Маги и иллюминаты»:[591] «Этот закон устанавливал необходимость соизмеримости двух противоположных, но одинаково верных принципов: Истина должна быть сохранена в тайне — Истина должна быть возвещена. Ибо для невежественного человека преждевременное знание столь же фатально, сколь губителен свет для того, кто долго находился в темноте. И вот Цзон-Ка-Па напомнил, что в конце каждого столетия должна быть сделана попытка просветить людей Запада, заботящихся исключительно о власти и материальном благополучии…»

Мы можем утверждать, что Сен-Жермен был из таких Вестников. Одной из его задач было духовное просвещение. Потому он ведет обширную деятельность по укреплению связей масонских, розенкрейцеровских и других мистико-философских обществ.

Фуллер продолжает:

«Наверное, некоторые разочарованы тем, что, по-видимому, не существует страниц духовного учения, написанных его пером. Я подозреваю, что это потому, что самую неотложную необходимость он видел именно в экономической революции, которая позволила бы избежать кровавой революции; именно поэтому он разговаривал с разными встреченными им людьми о средствах, которые, как он знал, должны были привести к этому — расширение производства, обеспечение работы для разоренных крестьян, дешевые товары, которые каждый сможет купить — если начать, например, с производства одежды, то оно вскоре принесло бы деньги, которые можно было бы вложить в землю, чтобы получить больше хлеба — и по его мнению, не стоило говорить об эзотерических материях. Как есть учителя, которые представляются в обществе пророками или гуру, так есть и такие, которые, живя в мире, предпочитают выступать, насколько это возможно, в виде обычных людей. Такие учителя воздерживаются от демонстрации любых паранормальных сил и, если они и рассказывают кому-то в частной беседе об оккультных материях, то при этом приказывают получателю учения держать его в тайне. Если Сен-Жермен знал о том, что в более ранней реинкарнации он создал и основал масонство, что он был первым масоном и отцом-наставником всех масонов,[592] то ему, вероятно, казалось ненужным снова входить в созданную им систему снизу, чтобы потом опять трудолюбиво подниматься по всем ступеням. Хотя в духовном плане он всегда должен бы был чувствовать себя ответственным за эту систему, ему могло казаться, что в мирском плане лучше избегать необходимости иметь с ней дело, разве только косвенно, например, через принца Карла. Принц Карл заверяет нас, что он был один из величайших учителей, когда-либо живших на земле, хотя и ничего не говорит нам о его учении. Почему же? Будучи масоном, он привык хранить тайны. После смерти Сен-Жермена он стал Великим Магистром всех лож в Дании.

---

591 Maurice Magre. «Magicient et Illumines». Paris, 1930.

592 Отцом C.R.C. — так называют его розенкрейцеры. Подробнее см.: Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск: КСП, 1997.

У него была также небольшая группа людей, с которыми он делился секретной информацией, поступавшей к нему, как он говорил, от Неведомого Высшего, которого он встречал во плоти и хорошо знал.

В одном из «Писем Махатм» Кут Хуми пишет:[593] «Розенкрауц [sic] передавал свое учение устно. Сен-Жермен записал свою доктрину цифрами, его единственный шифрованный манускрипт остался у его верного друга и хозяина, великодушного немецкого принца, из чьего дома…. он ушел в последний раз — ДОМОЙ. Неудача, полная неудача!» Последнее восклицание, вместе с некоторыми другими указаниями в письмах, показывает, что карьера Сен-Жермена в Европе рассматривалась на крыше мира как трагикомедия: так мало то, что он пытался делать, было понято теми, кому он представился, — фарс, хорошо объясняющий обычное предпочтение Учителей не выходить из своей цитадели».

Джин Овертон Фуллер не была знакома с учением Рерихов. Елена Ивановна Рерих перевела на русский язык «Тайную доктрину» Блаватской, а ее учение Живая Этика — Агни Йога стало продолжением теософии в XX веке. Прислушаемся к словам Елены Ивановны Рерих (письмо от 18.06.1936 года): «Во все эпохи можно найти пустые гробницы или замененных покойников. Так, существует могила Сен-Жермена, а на самом деле там похоронен заместитель».

А вот что пишет Е.И. Рерих в письме от 2 сентября 1937 года: «В книге «Агни-Йоги» параграф, в котором говорится о пустых гробницах, нужно понимать дословно. Именно, имеются пустые гробницы. Ибо при окончании миссии и наступлении срока ухода для Адепта, находящегося среди людей, ухода, чтобы присоединиться к Твердыне в физическом теле, часто происходило мнимое погребение его. Иногда тело уносилось после погребения, ибо оно находилось в состоянии как бы летаргии. Бывали случаи погребения заместителя, как, например, при отъезде Великого Учителя Ракоци».

«Мать Агни-Йоги» Елена Рерих верила в теософскую традицию, согласно которой Сен-Жермен и один из Семи Величайших Учителей человечества, Членов Белого Братства Шамбалы — одна и та же индивидуальность. Письмо Елены Ивановны Рерих от 18 ноября 1935 года возвещает эту истину: «В древнейшие времена среди Посвященных оккультных школ можно было встретить великие воплощения Семи Кумар, или Сынов Разума, или Сынов Света. Так, Орфей, Зороастр, Кришна (Великий Учитель Мория); Иисус; Гаутама Будда; Платон, он же Конфуций (предыдущий владыка Шамбалы); Пифагор (Учитель Кут Хуми); Ямбликус, он же Яков Бёме (Учитель Илларион); Лао-Цзы, или Сен-Жермен (Учитель Ракоци) и другие были этими Воплощениями».

Каждому Учителю соответствует свой луч определенного цвета. Согласно таблице Джуала Кула и по свидетельству Елены Рерих, которой Луч Учителя Ракоци был неблизок по вибрациям, этот луч — желтого цвета.

Учение Живой Этики свидетельствует, что Сен-Жермен напутствовал великого русского полководца М.И. Кутузова, имевшего масонскую степень «Зеленеющего Лавра»: «Зеленеющий Лавр», о котором вы часто беседовали, умел соединять водительство с чуткостью к советам Братства. Наставление Сен-Жермена он принял с полным доверием, в этом заключалась удача его. Может быть, Сен-Жермен и приезжал, чтобы приготовить будущего вождя».[594] В книге «У порога Нового Мира», где Еленой Ивановной Рерих рассказано об опыте раскрытия энергетических центров, который она пережила, есть такая запись:

---

593 The Mahatma Letters… С. 280 (письмо получено 5 августа 1881 года). (Ср. перевод этого места в русскоя издании «Писем Махатм», вышедшем в Самаре в 1993 году: «Розенкрейц учил устно. Сен-Жермен записал благое учение в цифрах, и эта зашифрованная рукопись осталась у его верного друга и покровителя, доброжелательного немецкого принца, из дома которого и в чьем присутствии Сен-Жермен совершил свой последний выход — домой. Провал, полный провал!»).

594 «Надземное», п. 25.

«Так называемый Сен-Жермен руководил революцией, чтобы посредством ее обновить умы, но и создать единение Европы. Вы знаете, какое направление приняла революция. Тогда создался план символизировать единение в одном человеке. Наполеон всецело найден Сен-Жерменом. Звезда, о которой он любил говорить, принесла ему неожиданные возможности. Правда, многие из Братства не верили, как можно войною вносить объединение, но Мы все должны были признать, что сама личность Наполеона, усиленная Камнем, символизировала в себе поглощение всех деталей». Так что появления Сен-Жермена в узловые моменты становления империи Наполеона, засвидетельствованные записями мадам д'Адемар, связаны с его задачей объединения Европы, возложенной им на Наполеона Бонапарта. Это позже, когда Наполеон нарушил завет не идти на Россию, он лишился помощи и советов Братства. Агрессивные захватнические устремления Наполеона, направленные на Россию, вошли в противоречие с законами эволюции. И тотчас же стрелка Высшей поддержки неумолимо сместилась в противоположную сторону: советы и наставления, как одержать победу теперь уже над Наполеоном, стал получать его русский противник — фельдмаршал Кутузов.

В связи с розенкрейцерством Сен-Жермена вернемся к одному яркому персонажу. Это Фрэнсис Бэкон, герцог Веруламский, виконт Сент-Олбани (1561–1626). Этот выдающийся философ, который считается родоначальником английского материализма, впервые выдвинул принцип проверки умственных построений эмпирическим опытом и последующей обработкой этого опыта посредством индукции, провозгласил овладение тайнами природы и увеличение власти человека над ее явлениями главной задачей науки. Однако, признавая примат материи и движения как основного атрибута ее существования, Бэкон утверждал как несомненность и присутствие Божественного Начала.

Однако не только влиянием на формирование мировоззрения европейских мыслителей XVII века привлекает внимание эта фигура. В № 1(3) за 1995 год в разделе «Словарь имен» независимого рериховского журнала «Дельфис», издающегося в Москве с 1994 года, помещена статья и о Ф. Бэконе, где сказано: «Имя Фрэнсиса Бэкона часто упоминается в эзотерической литературе. Есть свидетельства, что его похороны были ложными и что, оставив Англию, он под другим именем поселился в Германии, посвятив свою жизнь служению секретному обществу розенкрейцеров и распространению его доктрин. У сторонников этой версии нет сомнений, что он был незаконнорожденным сыном королевы Елизаветы и графа Лейсестера.

Однако на этом тайны, связанные с ним, не кончаются. Существуют предположения, что сэр Фрэнсис Бэкон был истинным автором шекспировских пьес, как и одного из главных трактатов розенкрейцеров «Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейца»[595].

Если Бэкон действительно позаимствовал имя Уильяма Шекспира, он мог после ложных похорон и переселения в Германию взять себе и новое имя — Иоганна Валентина Андреа. Считается, что Андреа родился в 1586 году в Вюртемберге, однако в его биографии есть много неясностей. Непонятно и то, как мог написать он в 15–16 лет Алхимическую свадьбу» — произведение, столь богатое символической и философской мыслью. Наличие в немецком тексте некоторых английских слов говорит о том, что автору был знаком этот язык.

Есть портрет Андреа, который имеет большое сходство с портретом Бэкона. Более того, четыре буквы на раме, если их перевести в числовой эквивалент, дают 33, как и имя Бэкона…. Удивительно сходство портрета Бэкона в издании 1960 года его труда «О достоинстве и преумножении наук» и портрета У. Шекспира кисти Дроушаута на первых четырех титульных листах его пьес. И у этого портрета есть надписи, числовой эквивалент которых соответствует числовому эквиваленту имени Бэкона (то есть 33)».

---

595 См. также: Холл М.П. Энциклопедическое изложение… разделы «Братство Розы и Креста», «Химическая женитьба», «Бэкон, Шекспир и розенкрейцеры».

Это еще одно достаточно убедительное подтверждение известной гипотезы о том, что Ф. Бэкон был истинным автором пьес У. Шекспира. Интереснее связь Ф. Бэкона и И.В. Андреа — знаменитого розенкрейцера и автора одного из главных зашифрованных трактатов их ордена.

Братство розенкрейцеров самым прямым образом связано с алхимическими устремлениями Адепта. В № 8 журнала «Наука и религия» за 1995 год Феликс Эльдемуров, автор статьи «Великий квадрат Сатор», писал в примечании: «Андреа опубликовал в начале XVII века манифесты розенкрейцеров. Под этим именем, как полагают некоторые, скрывался не кто иной, как лорд Фрэнсис Бэкон, увлекавшийся поисками эликсира бессмертия и издавший в 1590 году в Лондоне книгу, где указывал на препараты из золота, жемчуга и драгоценных камней как на средство продлить человеческую жизнь».

И как характерная деталь опять всплывает «ложная смерть». Теософ Мэнли П. Холл в «Энциклопедическом изложении…» пишет в связи с Ф. Бэконом: «Высший Совет Братства Розенкрейцеров состоял из лиц, которые умерли так называемой «философской смертью». Когда приходило время для инициации человека в члены Ордена и время потрудиться во славу его, он «умирал» при непонятных обстоятельствах. На самом деле он менял дом, имя, и вместо него в могилу клали мешок камней или песка…» Как это перекликается со свидетельством Е.И. Рерих о замененных покойниках и пустых гробницах!

А вот еще одна интересная выдержка из «Энциклопедического изложения…», как нельзя лучше иллюстрирующая связь Сен-Жермена и Христиана Розенкрейца: «[Мистик] верит, что истинное Братство Розенкрейцеров, состоящее из «Сверхлюдей» (весьма похожих на знаменитых Махатм в Индии), — это институт, существующий не в видимом мире, но в его духовном двойнике, который можно назвать «внутренними плоскостями Природы». То есть Братства могут достичь только те, кто способен преодолеть ограничения материального мира. Для подкрепления этой точки зрения мистики цитируют следующие слова из «Confessio Fraternitatis»:[596] «Тысячу раз недостойные могут издавать крики, тысячу раз они могут представать перед нами, а все равно Бог говорит нашим ушам не слушать их, и окутает он нас своим облаком, чтобы не было причинено нам, его слугам, вреда, дабы не потерпеть насилия от недостойных, так что не будем мы видимы человеческому глазу, если он не достигнет орлиной зоркости». В мистицизме орел является символом инициации (Духовный Огонь в спине), и этим объясняется неспособность невозрожденного мира понять секретный орден Розы и Креста. Сторонники такой теории считают графа Сен-Жермена высшим адептом и утверждают, что он и Христиан Розенкрейц были одним и тем же человеком».[597]

По утверждению ныне покойного руководителя Венгерского теософского общества Ласло Рейхера, с которым мне удалось встретиться в Будапеште, последний раз — в 2000 году за полтора месяца до его кончины, Учитель Ракоци пользовался физическим телом выдающегося венгерского полководца Яноша Хуняди, который 22 июля 1456 года под стенами крепости Нандорфехервар (Белград, Сербия) разбил огромное турецкое войско султана Мех-меда II и тем самым спас Западную Европу от турецкого нашествия. В России мало кому это известно. Масштаб и историческое значение этой победы для судеб Запада сравнимы разве что с Куликовской битвой и ее значением для судеб Руси. Именно потому в память о Белградском триумфе благодарная Европа ежедневно в полдень звонит в колокола.

И еще раз вернемся к вопросу об Ашраме Учителя Ракоци. Тайные Знания сообщают, что Святая Обитель охраняла и охраняет европейские народы.

---

596 Имеется в виду программный манифест «Братства Розы и Креста».

597 См. также: приводимое П. Шакорнаком и П. Ривьером высказывание гадателя Этейя о том, что «его» Сен-Жермен был истинным автором «Филалета» и живет уже 325 пятилетий.

По мнению венгерских теософов, Ашрам Учителя Ракоци в Карпатах находится на тонких планах над родовым замком семьи Хуняди в Трансильвании, что в Вайдахунядваре (ныне город Хунедоара, Румыния). Жители Будапешта могут видеть фрагмент этого замка в городской роще Варошлигет, где он был воспроизведен ровно век назад, к юбилею тысячелетия Венгрии.

Я позволю себе привести строки из поэмы уже цитировавшегося мною автора — поэта Леонида Володарского, убежденного теософа и рериховца. Она посвящена Елене Рерих, а эти строки целиком связаны с интересующей нас темой:

Когда любимый Вагнер твой звучал,
Ты видела слияние начал
Всего, что мир разъял на элементы.
И превращались траурные ленты

В невянущие листья Иггдрасиля.
И, расстояние легко осиля,
Ты мыслями на Запад улетала.
Но не было в Европе пьедестала
Учителя, который вел Европу.
Так некогда и Хуняди и Добо,
Мадьярских львов, не замечали там.
Учитель Ракоци, сияет Твой Ашрам
И, Вечный Свет Майтрейи отражая,
Нам говорит, что Азия чужая —
Родная наша старшая сестра.

Учитель Ракоци, близка Твоя пора,
Когда сквозь толщу всех могильных плит
Твой Желтый Луч Европу исцелит.

Все это вспоминала ты, Елена,
Когда Европа глупо и надменно
Смотрела на презренных «азиатцев»
И не хотела о Восток «мараться»,
Предпочитая сваливаться в хаос.
И все сильней, все явственней смеркалось.
Но, разрывая общий глум и тлен,
Высвечивалось Имя «СЕН-ЖЕРМЕН».
И вспоминала ты тогда, Елена,
Про похороны графа Сен-Жермена.
Акашные раскручивались свитки.
И словно бы из домика улитки,
Вся правда о забытом вылезала:
«По ком сегодня колокол звонит?
Парик монарха празднично завит —
Нет дела королю до похорон.
Ему бы пить вино, считать ворон
И нового хотеть деликатеса.
Зато жене монарха в сердце месса
Бросает, как подкидыша, тоску.
Ей кажется, что больше нет песку
В часах песочных, что зовутся миром.

Она не верит никаким порфирам.
И шепчет, шепчет: «Умер странный граф,
Страстей людских незваный костоправ.
А вдруг он зван? И, может, избран даже?
Его из гроба не прикажешь страже
Поднять и быстро во дворец вернуть».
А колокол звонит. И долог путь
Того, кто гроб в который раз пустым
Оставил маловерным и простым.
Увы, он больше им не даст совета.
И графский титул брошен в снег Тибета.

Все это вспоминаешь ты, Елена,
Когда Европа, как и встарь, надменно
На Азию глядит, сходя с ума.
Но видишь ты, как умирает тьма,
Как воины Учителя крылаты.
И Желтый Луч, ударясь о Карпаты,
Становится Лучистым Океаном.
И Новый Мир по европейским странам
Вслед за Учителем уже идет.
И на поверхности лучистых вод
Ты, Урусвати, видишь отраженье
Небесной аллегории одной:

«Над глыбами венгерских крепостей
Бог семена просыпал из горстей.
И сделались те семена цветами.
И вспыхнули в единой панораме
Огни неповторимого пожара,
От Пожонило Нандорфехервара
Ловили свет мадьярские сердца.
И около безмолвного Творца
Учитель Ракоци стоял безмолвно тоже.
И было все реальнее и строже,
Чем в летописях, созданных людьми».

И ты, Елена, молвила: «Прими,
О, Господи, моления мадьяр
За всю Европу.
Чуден этот дар!»

И желтый блеск на озере Христовом
Блеснул своим сиянием суровым,
И Лотос Желтый лепестки раскрыл.
И древний бык по озеру поплыл,
И на спине его была Европа,
И вся тянулась к лотосу она.

Пусть не удивляет читателей, что здесь шла речь и о Ференце II Ракоци, и о его сыне как о Сен-Жермене. Венгерские теософы знают, что Сен-Жермен — это Ференц II Ракоци, который не умирал. Есть и слова самого Сен-Жермена о том, что он сын князя Ракоци.

Правда, неясно, которого из князей Ракоци?

Да и само сочетание «граф Сен-Жермен»: не странно ли, что никто, нигде и никогда не упоминал, как звали по имени этого человека (ведь «Сен-Жермен» — это название поместья или родовая фамилия)? Странности не будет, если допустить, что наименование «граф Сен-Жермен» не просто один из псевдонимов, а условное обозначение миссии, выполняемой его носителем. Подобные условные обозначения, составленные из латинских или греческих корней, типа Филалет, Филотом, Космополит и т. д., приняты среди авторов оккультных трактатов. В переводе с латыни comes Sanctus Germanus может означать «товарищ Святой Брат». Это толкование подсказала нам работа П. Шакорнака, который также приводит дополнительное значение «правдивый» для слова germanus, и чтобы проверить латинское написание имени «граф Сен-Жермен», мы воспользовались не известным латинско-русским словарем Дворецкого, а латинско-венгерским словарем (Gyérkésy Alajos. Latin-magyar szétar. — Akademiai Kiadé, Budapest, 1982). И тут нас ждало несколько любопытных открытий: оказывается, во-первых, что слово germanus в качестве имени прилагательного имеет второе значение «истинный, настоящий, подлинный», а вовсе не «правдивый»; во-вторых, слово comes имеет 5 значений, а именно:

1) компаньон, сопровождающий, участник, спутник, (дорожный) товарищ;

2) вождь, ведущий, воспитатель, наставник, руководитель, учитель;

3) мн. ч. свита, кортеж, сопровождающие лица;

4) Hung, ишпан (правитель, властитель)… (далее перечисляются наиболее часто употреблявшиеся прилагательные, которые в сочетании с данным словом образовывали латинские эквиваленты сугубо венгерских должностей и титулов);

5) граф.

Как видно, именно во всей совокупности своих значений многозначное (и многозначительное!) наименование comes Sanctus Germanus (которое мы привычно переводим «граф Сен-Жермен») самым недвусмысленным образом раскрывает природу носящего его: ведь оно указывает, что тот, кому принадлежит это имя, а лучше сказать, звание, может быть иначе назван истинным Учителем и наставником, ведущим и руководящим на пути Святой Истины, сопровождающим в поисках Священного Знания — то есть налицо все то многообразие смысловых оттенков, которое вкладывается в понятие «Великий Учитель».

Хотя мнение, что Сен-Жермен — сын Ференца II Ракоци, прочно устоялось среди теософов, это традиция, которая тоже может иметь право на существование. Тогда получается, что и сын, и отец — одно лицо?

Если же принять теософскую точку зрения, то нет ничего удивительного в том, что Махатма, или Сущность, достигшая высочайшей ступени в духовной Иерархии, может свободно менять — сбрасывать или принимать — тело (плотную физическую оболочку), то есть его бессмертная «часть» (Высшие Принципы) переходит из одного тела в другое. Для внешнего наблюдателя создается эффект «смерти». «Рождение» же возможно, но необязательно, прежде всего потому, что воплощение в тело по такой схеме, как это обычно происходит: зачатие, рождение младенца, постепенное взросление ребенка — непременно сопровождается, даже для самых Высоких Духов, периодом «адаптации», во время чего постепенно восстанавливается память о прежних знаниях и самоосознание, неизбежно «помутняющееся» при нисхождении в плоть. В подтверждение наших соображений приведем цитату из письма Махатмы: «Чан-чуп (адепт, который силою своего знания и озарения души освобождается от проклятия БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО перевоплощения), вместо того чтобы воплотиться после телесной смерти, может по своей воле и желанию совершить это, и неоднократно, в течение своей жизни, если сочтет это нужным».[598]

---

[598] Чаша Востока. Письма Махатм. Избранные письма 1880–1885 гг. Рига — Москва, Угунс — Лигатма, 1992. С. 49. Письмо VIII.

Так что в случае с двумя Ракоци возможны два варианта: либо Учитель перенес Высшие Жизненные Принципы в тело своего физического сына, либо же продолжал существовать в той же физической оболочке, но принял имя другого человека — своего сына. Собственно, разница тут чисто внешняя: в любом случае это одна и та же Индивидуальность.

Эзотерическое единство Отца и Сына соблюдается не только на высших планах космического бытия, но и на земном плане. Законы Космоса универсальны. Вспомним слова Иисуса Христа: «Я и Отец — одно», «Отец во Мне и Я в Нем» (Евангелие от Иоанна, X: 30–38).

О Миссии Сен-Жермена Матерь «Агни-Йоги» сказала: «Можете указать истинно ищущим душам, что Твердыня Великого Знания существует с незапамятных времен и стоит на бессменном дозоре эволюции человечества, наблюдая и направляя в спасительное русло течение мировых событий. Все Великие Учителя связаны с этой Обителью. Все Они Члены Ее. Многообразна деятельность этой Твердыни Знания и Света. История всех времен, всех народов хранит свидетельства этой помощи, сокрытой от гласности и обычно приходящей в поворотные пункты истории стран. Принятие или уклонение от нее неизменно сопровождались соответственным расцветом или падением страны.

Помощь эта в виде предупреждений или советов и целых Учений появлялась под самыми неожиданными и разнообразными аспектами. По истории красной нитью проходят эти предупреждения. За малыми исключениями, все подобные предупреждения оставались без внимания. Так, можно вспомнить, как шведский король Карл XII получил сильное предупреждение не начинать рокового похода против России, положившего конец развитию его государства. Со времени опубликования дневника графини д'Адемар, придворной дамы, состоявшей при злосчастной Марии-Антуанетте, стал широко известен факт предупреждения королевы путем писем и личного свидания, через посредство той же графини, о грозящей опасности стране, всему королевскому дому и многим друзьям их. И неизменно, все эти предупреждения шли из одного источника, от графа Сен-Жермена, Члена Гималайской Общины. Но все спасительные предупреждения и советы его принимались за оскорбления и обман. Он подвергался преследованиям, и ему не раз грозила Бастилия. Трагические последствия этих отрицаний всем хорошо известны»[599].

Очень скептически, по нашему мнению, следует относиться к многочисленным «свидетельствам» о встречах с Сен-Жерменом в XIX и XX веках. Что касается века двадцатого и многочисленных появлений графа Сен-Жермена в физическом теле, о чем пишут, например, Ч.У. Ледбитер (кстати, не забудем, что Махатмы давали ему характеристику «свихнувшегося адепта») и некоторые из современных исследователей, то можно обратиться к источнику, абсолютная истинность которого не вызывает сомнений — к письмам Елены Рерих. А она говорит вот что: «Очень велики воплощения Н.К (Николая Константиновича Рериха), но Сен-Жермен, или Учитель Ракоци, находится сейчас в Твердыне». Это написано в 1937 году.

Относительно многочисленных встреч с «живым» или «воскресшим» Сен-Жерменом, о которых рассказывают, нам кажется уместным процитировать также отрывок из письма Махатмы, где говорится о Планетных Духах, подобных Будде: «…его божественное Я настолько совершенно освободилось от материи, что оно могло по желанию создавать себе внутреннего заместителя и оставлять его в человеческой оболочке днями, неделями, иногда годами, никоим образом не повреждая такой заменой ни жизненный принцип, ни физический ум своего тела. Кстати сказать, это высочайшая ступень адепта, которую может надеяться достичь человек на нашей планете».[600]

---

[599] Письмо от 25 марта 1935 г. // Письма Е.И. Рерих. Т. 1. Минск, 1992. С. 368.

[600] Чаша Востока // Письма Махатм. Избранные письма 1880–1885 гг. Рига — Москва, Угунс — Лигатма, 1992. С. 35. Письмо VII.

Далее мы помещаем некоторые избранные выдержки об «американском культе» Сен-Жермена. Сначала из работы Шакорнака:

«В 1935 году в некоторых американских журналах было упомянуто о существовании центра в Калифорнии под названием «Братья горы Шаста» (The Brotherhood of Mont Shasta). Затем появилась в небольшом вашингтонском журнале статья за подписью д-ра Стока о деятельности графа Сен-Жермена в Америке, в связи с недавно опубликованной книгой. Книга называлась «Разоблаченные Тайны» (Unveiled mysteries), автор ее — Годфри Рэй Кинг, он же писатель С.У. Баллар.[601] В предисловии автор рассказывает, что книга дана под руководством графа Сен-Жермена — Великого Учителя, одного из Братьев Великой Белой Ложи, находящегося в Америке с 1930 года. В книге утверждается, что речь идет о реальных опытах, проведенных в течение трех месяцев, с августа по сентябрь 1930 года, на горе Шаста. О разговорах автора и графа Сен-Жермена упоминается как о реальных событиях, Баллар утверждает, что видел графа в материальном теле и что он посетил вместе с ним несколько храмов в Сахаре. Во время одного из таких посещений граф представил автору книги свою жену и сына, призванного продолжать дело отца. На самом деле, никогда никакого Братства не существовало, ни на горе Шаста, ни где-нибудь еще в окрестности, о чем свидетельствует расследование, проведенное на месте американским журналистом, Гео Л. Смитом. Вся эта история лишь вымысел и обман.[602]

Поговорим немного о предполагаемой деятельности Сен-Жермена в XIX и XX веках. Вспомним, что Сен-Жермен обещал Францу Грёфферу вернуться вновь в Европу через 85 лет. Э. Томас считает, что эта беседа состоялась в 1790 году. Графине д'Адемар в 1788 (?) году он говорил, что его не увидят во Франции, пока не сменят друг друга три последующих поколения. Сопоставив эти сроки, получим 1875 год. Именно тогда, в году Адептов, 17 ноября 1875 года в Нью-Йорке Елена Петровна Блаватская и полковник Олкотт основали Международное Теософическое Общество.

Развивать дальше эту мысль нам представляется преждевременным, потому что иначе легко скатиться к домыслам и всевозможным «интригующим» и «будоражащим» версиям — их предостаточно в литературе о Сен-Жермене… Хотя теософская традиция, возможно, знает, что Сен-Жермен стоял у колыбели Международного теософического общества наряду с двумя другими Великими Учителями, о роли которых в основании общества и помощи его дальнейшей деятельности свидетельствуют непреложные факты — мы имеем в виду прежде всего письма Махатм к Синнетту, где их непосредственное участие в становлении теософского движения доказано документально. Однако весьма любопытным свидетельством «причастности» Учителя Ракоци, более известного как Сен-Жермен, к деятельности Блаватской — помимо того, что об этом упоминал в «Листах старого дневника» полковник Олкотт, — может служить картина американского художника Поля Кагана (Paul Kagan), созданная, правда, гораздо позже — предположительно в 1920–1930 гг. — где все три Учителя в характерных одеждах изображены вместе с Е.П. Блаватской, сидящей на переднем плане. Фотография с этой картины была предоставлена обществом «Храм Человечества» для сборника «New World Utopies. The photographic history of the Search for Comunity», представляющего американские религиозные общины и общества конца XIX — начала XX века.

---

[601] Изд. Сен-Жермен Пресс, Чикаго, США.

[602] Комментарии: по-моему, суждения Шакорнака слишком резкие и выражают скорее его негативное отношение, нежели реальное положение вещей. Литературное произведение с его художественным вымыслом свободно от обязательств писать правду и только правду, оно призвано заставить читателя мыслить и разбудить в нем тягу к знаниям, может быть, подвигнуть к духовной работе.

Книга была передана директором Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке Дэниэлом Энтиным в дар Российскому Теософскому Обществу.[603]

Картина П. Кагана являет собой, по выражению председателя Российского Теософского общества, «свидетельство традиционного отношения к Е.П. Блаватской и Великим Учителям», которые представлены на ней в своих привычных образах, то есть так, как их принято изображать в теософской традиции. При первом же взгляде на картину бросается в глаза, что Сен-Жермен изображен на ней в том же костюме и той же позе, что и князь Трансильвании Ференц II Ракоци на известном портрете кисти венгерского художника Дюлы Штеттка. Таким образом, это, на наш взгляд, самое красноречивое подтверждение того факта, что Ференц II Ракоци и граф Сен-Жермен являются для теософов одной Индивидуальностью.

Необходимо сказать несколько слов о том, что такое «Храм Человечества», по-английски «The Temple of the People». Воспользуемся цитатой из журнала «Дельфис», на который мы уже ссылались ранее, на этот раз из № 2 за 1994 год: «8 мая 1891 года ушла с земного плана Елена Петровна Блаватская. С этого момента прервалась передача дальнейших Учений и Наставлений Внутренней Группе Эзотерической Школы, «Внешним Главой» которой она была. С уходом в 1896 году Уильяма К. Джаджа эзотерическая работа Белой Ложи с Теософским обществом практически прекратилась; руководство в Адьяре и Нью-Йорке не следовало больше линии Е.П.Б.

Однако Великое Белое Братство продолжало начатую работу; в 1898 году из Нью-Йорка учениками У. Джаджа Франчией Ла-Дью и Уильямом Доуэром под руководством Великого Учителя Ил. (Иллариона) была основана новая организация, продолжившая дело Е.П.Б. — «Храм Человечества». Через его Эзотерическую Школу Великими Учителями М. (Морией), К.Х. (Кут Хуми) и Ил. (Илларионом), а также другими Высокими Сущностями давалось «Учение Храма» и подлинное продолжение «Тайной Доктрины» — «Теогенез», комментарии к дальнейшим Станцам Книги Дзиан.[604]

В 1903 году «Храм Человечества» перенес свой центр в Алсион (Halcyon), (Калифорния), где он находится поныне. Франчиа Ла Дью (1851–1922) была первым Главным Хранителем Храма; на этом посту ее сменил У. Доуэр (1866–1937). Нынешний Главный Хранитель Храма — Элинор Шаме эй».

Это длинное пояснение дает тем не менее лишь самые скупые сведения о «Храме Человечества».

---

603 По поводу портрета Ракоци, помещаемого Мэнли Палмером Холлом, который лег в основу хранящейся в Алсионе картины Поля Кагана, мне совсем недавно удалось найти источник — это картина венгерского художника Дюлы Штеттка (29 августа 1855 —?), репродукция которой помещена в «Альбоме Ракоци», изданного в виде приложения к газете «Пешти Напло» в 1906 году с примечанием «собственность области Хайдувар» (там есть уникальный иллюстративный материал, который использован в этой книге, и я пользовалась этим источником при написании главы о Ракоци: http://www.rfmlib.hu/digitkonyvtar/ dok/rakoczi album/rakoczi album.pdf; у меня есть скан-копия этой книги, причем полученная при примечательных обстоятельствах: ее ксерокопию мне передал в августе 2009 года Имре Дюрчиш, венгр, экскурсовод на общественных началах в храме Св. Елизаветы в Кошицах, который провел меня в усыпальницу Ференца II Ракоци в этом храме, где останки князя были торжественно захоронены 29 октября 1906 года). Эта область просуществовала в Венгрии 74 года, с 1876 года по 15 июня 1950 года; согласно современному административному делению входит в область Хайду-Бихар с административным центром Дебрецен. Нет никакого сомнения, что картина создана Штетткой в момент расцвета национального самосознания венгров и после появления в Венгрии обнаруженного в 1892 году искусствоведом Шандором Няри в собрании саксонских курфюрстов в Дрездене портрета Ференца II Ракоци работы Адама Маньоки (написанного в 1712 году и законченного художником в 1724 году по памяти).

604 Это продолжение было издано в 1995 году под названием «Теогенезис» издательством «Рефл-бук». Правда, недостатки перевода были настолько очевидны, что у многих изучающих Древнюю Мудрость книга вызвала справедливые нарекания и сомнения в ее подлинности. Посему использование ее как первоисточника весьма затруднительно, и читателю остается лишь ждать лучшего перевода.

Журнал «Дельфис» опубликовал — впервые на русском языке — отрывки из «Учения Храма»; к этим публикациям отсылаем интересующихся.

Мы знаем также, что в эпоху Армагеддона, или последней битвы Сил Света с воинством тьмы, все Воины Света сосредоточились в Главной Твердыне как в основной точке, с которой мир начал новый отсчет своей истории. Конечно, Великие Учителя проявляли и будут проявлять самое пристальное внимание к тому, что происходит на планете. Но насколько целесообразно бывать Им, а особенно в физических телах, среди людей, судить мы не можем. Во всяком случае, говоря о Втором Пришествии Христа, Елена Ивановна Рерих вслед за Махатмами делала особые пояснения по поводу того, что ходить от селения к селению в наше время Мессия уже не будет. Речь идет о действии на тонких планах, которые постепенно все больше и больше становятся Реальностью нашего физического плана. Мне кажется, что эти слова в полной мере можно отнести и к Сен-Жермену, вернее, к Учителю Ракоци. Но безусловно одно: Его место в Грядущей Европе не просто важное, а главное. Он как бы «наместник» по Западному Миру Того, Кого на Востоке называют Будда Майтрейя — Будда Будущего.

В заключение — несколько выдержек из другой эзотерической традиции, представленной Марком и Элизабет Профет и имеющей множество последователей в США. Я не имею к ней отношения, но считаю своим долгом сказать о ней.

«Сен-Жермен является Чоханом Седьмого луча. Вознесенная Владычица Порция — Богиня Справедливости и Возможности, его близнецовое пламя. Сен-Жермен и Порция, вместе занимают пост Иерарха эпохи Водолея. Сен-Жермен — великий покровитель пламени свободы, тогда как Порция покровительствует пламени справедливости. Каждый двухтысячелетний цикл проходит под одним из семи лучей. Иисус, будучи Чоханом Шестого луча, занимал пост иерарха века последние 2000 лет. 1 мая 1954 года Сен-Жермен и Порция были коронованы как иерархи наступающего цикла Седьмого луча. Свобода и справедливость — это инь и ян Седьмого луча Водолея: вкупе с милосердием они обеспечивают основание для проявления всех других качеств Бога в этой седьмой диспенсации.

Сен-Жермен и Порция передают народу Божьему диспенсацию Седьмого луча для седьмого века. Это — фиолетовый луч свободы, справедливости, милосердия, алхимии и священного ритуала для [прихода] новой жизне-волны, новой цивилизации, новой энергии…

Будучи Чоханом, или Господом Седьмого луча, Сен-Жермен дает посвящение нашим душам в науке и ритуале трансмутации с помощью фиолетового пламени. Он и есть тот седьмой ангел, появление которого предсказано в «Откровении»…

Более пятидесяти тысяч лет назад Сен-Жермен правил цивилизацией золотого века, расцветшей на плодородных землях, превратившихся ныне в пустыню Сахара…

13 тысяч лет тому назад Сен-Жермен, будучи верховным жрецом Храма Фиолетового Пламени на Атлантиде, поддерживал с помощью призывов и собственного Каузального Тела столб огня — фонтан поющего фиолетового пламени, которое, как магнит, притягивало к себе жителей ближних и дальних окрестностей, стремившихся освободиться от всего, что сковывало тело, ум и душу…

До затопления Атлантиды, когда Ной еще строил ковчег и предупреждал людей о надвигающемся великом потопе, Великий Божественный Направитель призвал Сен-Жермена и нескольких преданных жрецов перенести пламя свободы из Храма Очищения в безопасное место у подножия Карпат, в Трансильвании. Здесь они продолжили священный ритуал распространения огней свободы, даже когда по божественному повелению нисходила карма человечества…

В последующих воплощениях Сен-Жермен и его приверженцы, следуя указаниям Великого Божественного Направителя, вновь открыли это пламя, а позднее под руководством того же Гуру в месте, где хранилось пламя, была основана священнообитель и построен Дворец Ракоци, венгерский королевский дом…

В одиннадцатом столетии до нашей эры Сен-Жермен воплощался пророком Самуилом…

Сен-Жермен воплощался также святым Иосифом, отцом Иисуса и мужем Марии…

В конце третьего столетия Сен-Жермен воплощался святым Альбаном, первым христианским мучеником. Работая на внутренних планах в качестве Владыки учителя неоплатоников, Сен-Жермен стал вдохновителем греческого философа Прокла (около 410–480), возглавлявшего Академию Платона в Афинах и пользовавшегося всеобщим уважением. Прокл сознавал, что просвещенность и философия даны ему свыше, и причислял себя к тем, через кого человечеству передается Божественное откровение.

В пятом столетии Сен-Жермен воплощался Мерлином — алхимиком, пророком и советником при дворе короля Артура. Под руководством Мерлина и Артура Камелот стал школой мистерий, в которой рыцари и дамы искали внутреннего раскрытия таинств Святого Грааля и шли по стезе личного Христобытия.

Сен-Жермен воплощался Роджером Бэконом (1220–1292) — философом, францисканским монахом, реформатором в сфере образования и ученым-экспериментатором…

Позже Сен-Жермен воплотился Христофором Колумбом (1451–1506), первооткрывателем Америки. Еще за два столетия до путешествия Колумба Роджер Бэкон заложил предпосылки для открытия Нового Света, написав в своем произведении «Opus Majus» («Большой труд»), что «при попутном ветре море между западной оконечностью Испании и берегами Индии можно преодолеть всего за несколько дней».

Колумб пребывал в твердой уверенности, что избран Богом для исполнения этой миссии. Изучая библейские пророчества, он выписывал все, что касалось его миссии. В результате получилась отдельная книга, которую он озаглавил «Las Proficias» («Пророчества»), а полностью ее заголовок выглядел следующим образом: «Книга пророчеств, указывающих на открытие Индии и возвращение Иерусалима». Факт этот, хотя о нем вспоминают не часто, тем не менее считается среди историков настолько несомненным, что даже «Британская энциклопедия» прямо утверждает, что «Колумб открыл Америку скорее с помощью пророчеств, чем астрономии».

В воплощении Фрэнсисом Бэконом (1561–1626) Сен-Жермен был философом, государственным деятелем, эссеистом, выдающимся литератором. В 1890-х годах в оригинальном издании шекспировских пьес и трудах Бэкона и других авторов эпохи королевы Елизаветы были найдены шифрограммы, раскрывающие, что пьесы Шекспира написал Бэкон, и что он был сыном Королевы Елизаветы и Лорда Лейчестера. К концу жизни Фрэнсис Бэкон, несмотря на гонения, на то, что его многочисленные таланты остались непризнанными, вышел победителем из обстоятельств, которые могли бы одолеть обычного человека. Говорят, он умер в 1626 году, однако некоторые утверждали, что Бэкон еще какое то время тайно проживал в Европе. 1 мая 1684 года его душа вознеслась из Дворца Ракоци — священнообители Великого Божественного Направителя.

Более всего желал Сен-Жермен освободить Божий народ и потому добивался у Владык Кармы разрешения возвратиться на Землю в физическом теле. Такая милость была ему дарована, и вот он появляется в образе графа де Сен-Жермена, удивительного аристократа, блиставшего при дворах Европы восемнадцатого и девятнадцатого веков и прославившегося как «чудо-человек».

Оставаясь неузнанным, Граф Сен-Жермен пытался смягчить переход от монархического строя к представительной форме правления и предотвратить кровопролитие Французской революции. Но его советами пренебрегли. В последней попытке объединить Европу Граф Сен-Жермен оказал поддержку Наполеону, который, однако, злоупотребил силой Владыки и обрек себя на гибель.

Но даже прежде, чем это произошло, Сен-Жермен обратился к Новому Свету. Он стал Владыкой покровителем Соединенных Штатов Америки и ее первого президента, вдохновляя на создание Декларации Независимости и Конституции.

Именно он стоял за многими облегчающими труд изобретениями двадцатого века, осуществляя свою цель освобождения человечества от тяжелой работы, чтобы люди могли посвятить себя делу Бого-реализации.

В начале 1930-х гг. Сен-Жермен вступил в контакт со своим «полевым генералом», перевоплощенным Джорджем Вашингтоном, которого подготовил на должность Посланника. Тот опубликовал под литературным псевдонимом Годфри Рэй Кинг основные положения учений Сен-Жермена для Нового Века в книгах «Раскрытые Таинства», «Магическое присутствие» и «Я ЕСМЬ беседы». В конце 1930-х гг. Богиня Справедливости и другие Космические Существа вышли из Великого Безмолвия, чтобы помочь Сен-Жермену донести до человечества Учения священного огня и подготовить приход золотого века. В 1961 году Сен-Жермен вступил в контакт со своим воплощенным представителем — Посланником Марком Л. Профетом и в память о его двух выдающихся учениках — Гаутаме Будде и Господе Майтрейе — основал Братство Хранителей Пламени.

1 мая 1954 года Сен-Жермен получил от Саната Кумары скипетр силы, а от Владыки Иисуса — венец власти, чтобы направлять сознание человечества в следующем двухтысячелетнем периоде. Эта диспенсация означает, что мы вступаем сейчас в двухтысячелетний период, когда, призывая фиолетовое трансмутирующее пламя в свои существа и мир, можно очистить энергию Бога, которую человеческая раса искажала в течение тысячелетий, и освободить человечество от страха, нужды, греха, болезни и смерти, дабы каждый мог жить в свете как Богосвободное существо.

Сен-Жермен обучает науке алхимии в своей книге «Курс по Алхимии».[605] Сен-Жермен использует аметист — камень алхимиков, камень века Водолея и фиолетового пламени. Сен-Жермен говорил нам, что «Марш Ракоци» Ференца Листа содержит формулу фиолетового пламени и созвучен с пламенем его сердца. Вальсы Штрауса несут вибрацию фиолетового пламени и помогут вам сонастроиться с ним. Ключевой нотой Иерархов эпохи Водолея является «Марш Крестоносцев» Феликса Мендельсона.

Сен-Жермен имеет фокус в золотом эфирном городе над пустыней Сахара. Он проводит занятия в обители Ройял Тетон, а также в своей собственной эфирно-физической обители — Пещера Символов в Столовой Горе, штат Вайоминг, США. В дополнение к этому Сен-Жермен служит в обителях фокусах Великого Божественного Направителя — Пещера Света (Индия) и Дворец Ракоци (Трансильвания) — обители, иерархом которой является. Сен-Жермен имеет электронный образец — Мальтийский крест, а аромат Сен-Жермена — запах фиалок».

И в заключение приведу мою любимую цитату из романа Умберто Эко «Имя розы», чтобы проиллюстрировать отношение к материалам, собранным в этом томе. По традициям, идущим еще от Платона, она представляет собой по форме отрывок из философского диалога между учителем и учеником, к тому же ведущегося в библиотеке средневекового аббатства при разборке рукописей отцов церкви:

«Книги пишутся не для того, чтоб в них верили, а для того, чтобы их обдумывали. Имея перед собой книгу, каждый должен стараться понять не что она высказывает, а что она хочет высказать. Что-что, а это старые толкователи священных текстов понимали очень правильно. [Конкретные предметы или явления] в том виде, в каком они показаны на страницах этих книг, несут в себе моральное содержание, или аллегорическое, или апагогическое, и это содержание правдиво, как правдива та мысль, что целомудрие — препочтенная добродетель. Но что касается буквального правдоподобия, на которое опираются три высших прочтения, — надо еще проверить, на каких показаниях первоначального опыта основано это буквальное описание.

---

605 Перевод на русский язык: Сен-Жермен. Курс по алхимии. Наука самотрансформации. М.: Изд-во Ассоциации духовного Единения «Золотой Век», 1993.

Буквальный смысл всегда может быть оспорен, даже когда переносный неоспорим.

— Это значит, что можно передавать высокие истины, в буквальном отношении изрекая ложь».

Хочется надеяться, что даже если в этой книге и хватает подобной «лжи», тем не менее даже она в глубине своей сохраняет Свет Высокой Истины.